

Текст взят с психологического сайта <http://psylib.myword.ru>

На данный момент в библиотеке MyWord.ru опубликовано более 2500 книг по психологии.

Библиотека постоянно пополняется. Учитесь учиться.

Удачи! Да и пребудет с Вами.... :)

Сайт psylib.MyWord.ru является помещением библиотеки и, на основании Федерального закона Российской Федерации "Об авторском и смежных правах" (в ред. Федеральных законов от 19.07.1995 N 110-ФЗ, от 20.07.2004 N 72-ФЗ), копирование, сохранение на жестком диске или иной способ сохранения произведений размещенных в данной библиотеке, в архивированном виде, категорически запрещен.

Данный файл взят из открытых источников. Вы обязаны были получить разрешение на скачивание данного файла у правообладателей данного файла или их представителей. И, если вы не сделали этого, Вы несете всю ответственность, согласно действующему законодательству РФ. Администрация сайта не несет никакой ответственности за Ваши действия.

58
156

ВЛАДИМИР АРТАМОНОВ

ПСИХОЛОГИЯ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

14
бесед с
российскими
учеными

В. И. АРТАМОНОВ

**ПСИХОЛОГИЯ
ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА**

14 бесед

с российскими учеными

*Б. В. Раушенбах
М.Г. Ярошевский
К.К. Платонов
КМ. Гуревич
А.В. Петровский
ЯЛ. Пономарев
Н.С. Лейтес*

*В. И. Селиванов
В.В. Чебышева
Л.И. Анциферова
Е.В. Шорохова
А.М. Матюшкин
В.П. Морозов
Л.П. Гримак*

Москва
2003

УДК 159.9
ББК88.3
П 86

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 62-06-1603?)*

Артамонов В.И. ПСИХОЛОГИЯ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА. 14 бесед с российскими учеными. М.: Academia, 2003. — 408 с, ил.

Книга составлена из интервью, взятых автором у ряда исследователей, широко известных в научной среде, а подчас и за ее пределами. На вопросы журналиста отвечают академик Б.В. Раушенбах, психофизиолог Л.П. Гримак, биоакустик В.П. Морозов, врач и психолог К.К. Платонов (многие до сих пор помнят написанный им бестселлер «Занимательная психология»), а также «чистые психологи» — К.М. Гуревич, М.Г. Ярошевский, Я.А. Пономарев, В.В. Чебышева, Н.С. Лейтес, В.И. Селиванов, А.В. Петровский, Е.В. Шорохова, Л.И. Анцыферова, А.М. Матюшкин. Почти все из этих интервью были в свое время опубликованы в академическом «Психологическом журнале». При подготовке к печати данной книги тексты бесед тщательно выверены, в некоторых случаях исправлены и дополнены.

Для психологов, педагогов, социологов и других специалистов, студентов и аспирантов, школьников старших классов.

ISBN 5-87444-176-X

ББК 88.3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея собрать когда-нибудь в одну книгу воспоминания старейших психологов возникла у меня еще в восьмидесятые годы, вскоре же после моего прихода в редакцию «Психологического журнала». Отправной точкой для такой идеи послужил наш визит к соратнику С.П. Королева академику-математику Борису Викторовичу Раушенбаху, занимавшемуся также и психологическими изысканиями. Был Б.В. Раушенбах тогда в некотором смысле «закрытым» ученым и перед широкой общественностью редко выступал. После публикации этого интервью в «Психологическом журнале», в № 1 за 1986 год, вскоре же изъявили желание продублировать наше интервью сразу несколько изданий — одно отечественное и два иностранных. В дальнейшем Б.В. Раушенбах довольно часто можно было видеть в телепередачах, в документальных фильмах на тему о космических достижениях и т.п. И мы гордились, что «открыли» его для широкой публики. Возможно, мы преувеличивали это свое впечатление, но по крайней мере нам так казалось.

Вспоминаю: при записи той беседы на магнитную ленту возникло одно затрудняющее обстоятельство. Борис Викторович очень быстро говорил, скороговоркой, мысли опережали одна другую, и магнитофон словно «не поспевал» за всем этим. Прислушав у себя в редакции полученную запись, мы даже расстроились, усомнившись в успешной ее расшифровке. С большими трудностями всё же удалось перевести ее на бумагу, а чтобы придать еще большую весомость материалу, я использовал отдельные выдержки из книги академика об изобразительном искусстве.

Подобную форму (но несколько по иному) я применил и в беседах с психофизиологом, психотерапевтом и гипнологом, доктором медицинских наук Леонидом Павловичем Гримаком, которые также публикуются в этой книге. Форма эта не новая, но каждый автор (в том числе и интервьюер) в зависимости от поставленной задачи применяет уже известные или изобретает свои собственные формы, постоянно находясь в поиске, с тем чтобы как можно доходчивее сделать материал для читателя, увлечь его, заинтересовать биографией героя своей публикации, отдельным фактом из его жизни и т.п.

Еще будучи студентом редакционного факультета (1964—1970) по специальности «Журналистика» я избрал темой своих курсовых работ, а затем и дипломной работы, проблему поиска наилучших изобразительных средств. Например, диплом мой назывался — «Принципы отбора и формы использования биографического материала в публикациях (очерках, интервью...)». Накопленный опыт я старался применять и как автор, и как редактор.

В самом начале 90-х годов я предложил открыть в «Психологическом журнале» рубрику: «Воспоминания, размышления, беседы». Хотелось услышать старейших известных психологов в разговорном жанре. Мне казалось, что они устали от «засушенных», монотонных научных статей, и хотелось, чтобы они заговорили живым, «человеческим» языком. И, как мне кажется, они таким языком заговорили.

Надо сказать, что идея об интервью была сразу же поддержана редколлегией журнала и в первую очередь ее главным редактором А.В. Брушлинским, под патронажем которого (и при участии заместителя главного редактора И.И. Чесноковой) все эти интервью и увидели свет.

Говоря о формах подачи материала, я старался разнообразить их в этих интервью, неизменно учитывая пожелания интервьюированных, прислушиваясь к ним, не перебивая, давая им высказаться, даже «поощряя» их душевные наклонности. Кто-то был более лиричным и с удовольствием вспоминал (и больше уделял этому внимания) о своих истоках — родителях, детстве и т.п. Кто-то был склонен к «чистой» истории и более академичен и строг в изложении, считая необходимым иллюстрировать свой рассказ официальным документом — и сопро-

тивления с моей стороны не было. Кто-то оказывался вездичивым, щепетильным, проверяя и перепроверяя каждое свое высказывание — и эта его склонность неизменно удовлетворялась. Как форма подачи применялось и такое: добавлялись к интервью короткие воспоминания других людей (см., например, интервью с К.К. Платоновым).

Но самое главное, конечно же, — это содержательная сторона, то есть психология — в рассказах, психология — в лицах.

И в чем еще сходились все интервьюированные и были едины, так это **в радости** (по крайней мере, мне так казалось), что могут побыть в «свободном полете» — раскрыться, высказаться, сделать прогноз, дать совет, напутствовать новое поколение людей, и в частности психологов, педагогов, всех тех, кто поставил перед собой высокую цель. И я увидел, что всем моим интервьюированным близка судьба науки, они переживают за нее, хотят видеть ее более содержательной и полезной для общества.

Эти интервью тем более оказались своевременными, так как немалое количество из моих давних или сравнительно недавних интервьюированных покинули этот мир. Нет уже К.К. Платонова, В.И. Селиванова, Я.А. Пономарева, В.В. Чебышевой, М.Г. Ярошевского, Б.В. Раушенбаха. Несколько успокаивает то, что они поделились отдельными своими впечатлениями и опытом жизни.

Своим опытом дерзнул поделиться и я в завершающем эту книгу интервью с самим собой.

Беседы с учеными располагаются по очередности публикации в «Психологическом журнале». Две последние беседы — с Л.П. Гримаком и В.П. Морозовым — в нашем журнале не публиковались вовсе. Беседа с В.П. Морозовым вообще впервые увидит свет. И интервью с самим собой я отдаю на суд читателей только сейчас.

Все публиковавшиеся ранее интервью в «Психологическом журнале», которые вошли в эту книгу, в настоящем варианте несколько изменены, а некоторые и дополнены, переработаны. Кроме того, соединенные между собой в единое целое с добавлением ряда материалов они представляют собой оригинальное издание, ранее не публиковавшееся.

Б. В. РАУШЕЙБАХ
(1915-2001)

Борис Викторович Раушенбах — академик РАН (ранее - АН СССР), лауреат Ленинской премии, действительный член Международной академии астронавтики, профессор Московского физико-технического института, заведовал кафедрой теоретической механики.

Закончил Институт инженеров гражданского воздушного флота в Ленинграде, после чего, еще до войны, стал работать под руководством С.П. Королева. Затем работа у М.В. Келдыша, а с 1954 г. вновь с С.П. Королевым. Принимал участие в разработке систем управления на космических аппаратах «Луна-3», «Восток», «Союз», «Молния», «Венера». Автор книг: «Вибрационное горение» (1961), «Управление ориентацией космических аппаратов (в соавторстве с Е.Н. Токарем; 1974).

Сформулировал оригинальную теорию пространственных построений в изобразительном искусстве, по-новому оценил «правильности» и «неправильности» в нем, расширил область применения математики, состыковав сразу три науки — искусствоведение, математику и психологию — и обогатив их новыми научными данными. На эту тему опубликовал книги: «Пространственные построения в древнерусской жи-

Впервые опубликовано в «Психологическом журнале» (1986, т. 7, № 1, с. 77—82).

Фото В. Артамонова

вописи» (1975), «Пространственные построения в живописи» (1980) и др.

НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОСМОНАВТИКИ И ЭСТЕТИКИ

Читателю, вероятно, будет интересно познакомиться с многогранной деятельностью ученого и в частности с фактом его обращения к опыту психологической науки, в которую он внес личный вклад.

Слово академику Б.В. Раушенбаху:

— Когда мы занимались вопросами пилотирования первых космических аппаратов, невольно потребовалась помощь психологии. Нас подтолкнули к ней некоторые проблемы ручного управления космического аппарата. Возникло несколько психологических проблем... На самолете пилот управляет не более, чем тремя координатами, т.е. он может поворачивать нос самолета налево—направо, поднимать вверх (опускать вниз) и давать крен. Эти повороты изменяют и траекторию движения самолета. Больше ничего. А в космическом аппарате необходимо управлять шестью координатами. Нужно и повороты делать, и перемещать центр масс поступательно, как это делает кран в цехе. И вот задумались: может ли человек, привыкший управлять тремя координатами, перейти на управление шестью? Этот вопрос был поставлен в теоретическом и экспериментальном плане, и он привел меня на факультет психологии МГУ к декану А.Н. Леонтьеву, с которым мы вместе затем и ставили опыты в связи с возникшими вопросами. На пульте были два оператора, у каждого из них по три координаты; вдвоем, как казалось, они при соответствующей согласованности могли бы справиться с этими шестью координатами, но в дальнейшем оказалось, что применительно к космическому аппарату шестью координатами может управлять один человек. Это стало возможно благодаря медленности процесса сближения и стыковки, а ведь именно такие режимы мы и рассматривали. Сейчас это

выполняет один космонавт. Правда, у него две ручки, и каждую он «крутит» как бы в трех направлениях. Таким образом, оказалось, что человек в условиях управления космическим аппаратом, в результате крайней медленности процесса движения, когда есть время «подумать», спокойно сделать движение, может один управлять шестью координатами. Острота этой проблемы была снята.

Другая психологическая проблема... В силу конструктивных особенностей кораблей «Союз» там нет переднего остекления, как у летчика, следовательно, нет видимости в направлении пространства впереди. Космонавт имеет возможность видеть в этом направлении только через перископы или телекамеры. На экране он визуально наблюдает за обстановкой. При этом возник вопрос: может ли человек по плоскому изображению на экране восстановить объемность естественной космической панорамы? Оказалось, что не может. Это все равно, что пытаться въехать на автомобиле в гараж с помощью телевизионного экрана: ничего из этого не получится, потому что отсутствует объемность зрения. А ведь мы объемно воспринимаем окружающую среду и только при этом условии можем решить подобные задачи. А по плоскому изображению на экране телевизора это невозможно. Потому-то на кораблях «Союз» пришлось поставить — и сейчас они устанавливаются на кораблях — разного рода мишени, метки, которые нужно совмещать и *т.д.*, т.е. пришлось внести дополнительные признаки, которые позволили бы по плоскому изображению пилотировать.

Как видите, мы занимались психологией в двух аспектах — в плане возможности работы человека по управлению шестью координатами одновременно и в плане зрительного восприятия пространства, точнее, возможности управления, имея только плоское изображение. В первом случае оказалось, что задача решается довольно легко за счет медленности процессов, во втором — надо было ввести мероприятия, которые позволили бы по плоскому изображению, не имея адекватного зрительного образа пространства, все же правильно пилотировать...

— *И этот опыт привел вас затем к искусствоведению?*

— Да. Я подумал: поскольку невозможно отобразить пространство на плоскости экрана, то «невозможно» и то, что делают художники: они ведь тоже изображают объемное простран-

ство. Каким образом и в какой степени возможна протокольно-точная передача видимой человеком геометрии внешнего пространства на плоскости картины?..

...Небольшое пояснение Б.В. Раушенбаха, которое мы приводим из его книги «Пространственные построения в живописи» (в дальнейшем все цитаты приводятся из этой книги):

«... автор всюду подходил к произведениям живописи как к примерам, иллюстрирующим те или иные геометрические свойства изображений, и никоим образом не берется судить об их художественных особенностях, достоинствах или недостатках. Если автор и дает оценку, и говорит о прогрессе или регрессе исторического развития искусства, то это лишь с точки зрения соблюдения или нарушения геометрической логики, чего, конечно, совершенно недостаточно для анализа художественного образа» (с. 4).

— Что неправильного в картине и на фотографии? — продолжал Борис Викторович. — А там **должно быть** неправильно, иначе мы легко управляли бы по телевизионному изображению. Вот такой возник мыслительный ход. Интуитивно возник. Я сделал естественное предположение, что картина, образуемая в нашем сознании при восприятии, скажем условно, очень грубо говоря, в системе «глаз + мозг» (психологи понимают, что я имею в виду), должна быть полной. В этой единой системе надо знать мозговое изображение, а не глазное, не сетчаточное, знать, какими оно обладает свойствами и т.д. Для этого мне пришлось написать «уравнения работы мозга» при зрительном восприятии. Я основывался на опытах по психологии зрительного восприятия, начатых еще в прошлом веке. Это опыты по константности величины и константности формы...

Вновь цитата из книги:

«Оптические процессы, связанные с работой глаза, дают на сетчатке явно искаженную картину внешнего мира — близкие предметы получаются большими, а далекие маленькими, даже если в объективном внешнем пространстве они совершенно одинаковы. С подобного рода искажением можно мириться для далеких областей пространства, однако для близких, имеющих первостепенную биологическую важность, всякого рода искажения крайне нежелательны, так как они могут привести к ошибкам поведения. Поэтому одной из задач системы зрительного вос-

приятия является переработка в процессе второй ступени восприятия геометрических соотношений сетчаточного образа, причем эта переработка тем сильнее, чем ближе созерцаемая область пространства. Эти процессы «исправления» геометрии сетчаточного образа в настоящее время достаточно хорошо изучены и получили в психологии зрительного восприятия наименование механизмов константности» (с. 46).

— Обнаружились, — продолжал Борис Викторович, — следующие недостатки существующих психологических теорий. Первый недостаток заключался в том, что они основывались на лабораторных опытах. То есть расстояния, метры — все это в комнатах. А человек, скажем, гуляющий по полю, видит на сотни метров. И вот я допустил, что в поле, на открытой местности, могут быть какие-то особенности. Далее. Опыты лабораторные ставятся в сильно идеализированных условиях. Так, взор наблюдателя, оператора перпендикулярен выставленному образцу, и экспериментатор изменяет расстояние до него. Но в академических опытах не бывает, например, таких вещей, как наблюдение в ракурсе горизонтальных поверхностей. Никто не задумывался над этим. А в этом оказалось все дело. И тогда мне пришлось разработать методику получения всех этих обычных результатов, но в поле, а не в лаборатории. Я разработал такой метод. Он описан в моей книге «Пространственные построения в живописи». Кроме того, один и тот же опыт я ставил сначала в поле, а затем в закрытом помещении. И оказалось, что люди в поле и в закрытом помещении видят по-разному. Численно по-разному. В закрытых помещениях механизмы константности действуют сильнее, чем в поле. У меня есть соображения, по которым это происходит, но я не буду сейчас говорить. Так что, если я захочу судить о пейзаже и об интерьере, я должен применять разные законы зрительного восприятия. Они не сильно отличаются, но все-таки разные. Численно разные. Общая закономерность та же самая, а численно они отличаются.

Дальше. Мною было обращено внимание на то, что в психологии зрительного восприятия существуют методы, изучающие константность восприятия, «ширины» при удалении предмета. Есть и другие опыты, которые ставились другими исследователями, — это оценка расстояний. Они часто велись в поле. Скажем, становится человек, а напарник идет от него, первый предлагает ставить колышки через каждые десять метров «на глаз».

«Вот теперь ставь», — говорит он. Потом измеряют, что же получается на самом деле... Это механизмы константности, действующие в направлении от нас в глубину.

Если предположить, что мозг работает в простейшей схеме, если «растяжение» около какой-то точки сетчаточной как бы происходит одинаково во всех направлениях, то можно написать соответствующие формулы и связать оба упомянутых эффекта. Уравнения такие я написал, и это позволило решить задачу математического построения геометрических свойств объемного восприятия человека. Поскольку удалось создать из этих уравнений метрику визуального пространства, постольку можно было поставить и следующий вопрос: «А что изображает художник?»...

Выдержка из книги:

«Подлежащая изучению задача ставится следующим образом: каковы должны быть, исходя из 1) законов восприятия и 2) геометрии, применяемые художником пространственные построения, чтобы изобразить на плоскости реально воспринимаемое пространство по возможности неискаженным. Такая постановка проблемы позволяет применить строго математические методы исследования. Конечно, художник вовсе не обязан рабски следовать за натурой, его задачи много шире, однако понимание того, как надо было бы изобразить пространство по правилам геометрии, позволит искусствоведам более четко осознать методы и приемы художника, дать более тонкий анализ творчества отдельных мастеров и более глубокую характеристику особенностей целых эпох» (с. 3).

— Пришел к выводу, что передать всю метрику видимого пространства без ошибок невозможно. Не существует никакой геометрической системы — возьмите перспективную, какую угодно,— которая передала бы зрительное восприятие неискаженным. Всякое изображение несет искажение. Потому что если я буду изображать все части видимого без искажений, то их изображения налезут друг на друга или образуются разрывы... Вот такая штука получилась — математическая. И предполагая, что художник никогда не пишет картины в виде разрозненных фрагментов, а дает непрерывную картину, я вывел условие, которое гласит: «Художник должен,— ну пусть интуитивно, это его дело,— вносить в картину искажения против зрительно-

го восприятия». А иначе он не может ничего изобразить.

Ну а тогда возник другой вопрос: а какие искажения вносить? И вот тут оказалось самое удивительное. Можно выбирать, в зависимости от решаемых художником задач, типы искажений. Например, для меня важна горизонтальная поверхность, я пишу, скажем, пейзаж, в котором нет ярко выраженных вертикалей, луга, например... Мне важно передать хорошо горизонталь. У меня нет в картине вертикалей. Тогда все ошибки я «пустил» на вертикали, а их нет. Все. Я очень доволен. И получается хорошее реалистическое изображение, не похожее на фотографию, которая очень сильно искажает.

Оказалось, что художник может действовать таким образом; более того, как показал анализ, он очень часто так и действует. Художники так поступали интуитивно, сами не знали почему, и обычно это объясняли так, что вот, мол, художник — скажем, художник XIX в., реалист (я говорю о реалистах, которые пытаются написать так, как они видят)— в данном случае отходит от правил перспективы, от фотографических правил. Но это художественно оправдано, он хочет что-то сказать и для этого отклоняется от единственно правильного (как считали искусствоведы) изображения — фотографического. Между тем картина художника может оказаться много «правильнее» фотографии, т.е. точнее следующей естественному зрительному восприятию. Главный недостаток фотографии — она сильнее всего искажает соотношение масштабов переднего и глубоких планов. Ну вы знаете, в фотографии специально делают иногда человека с вытянутой рукой — огромная ладонь и маленькое лицо.

Из формул видно, что фотоаппарат искажает соотношение масштабов. И тут фотографы прибегают ко всяким уловкам, снимают «телевиками» и т.д. Но ведь можно писать без оглядки на фотографию — портретисты же пишут так. Они не обращают внимание на перспективу и фотографию...

Выдержка из книги:

«...точная передача видимой геометрии на плоскости рисунка... принципиально возможна... Изображение видимого облика близких областей пространства возможно лишь с „ошибками“ — явными отклонениями от видимых форм предметов (и это совершенно независимо от

выбранного типа перспективных построений). Рисунок, как и чертеж, есть лишь условный способ изображения пространства и находящихся в нем предметов» (с. 10).

«...хотя по мере увеличения расстояния до объекта его величина на сетчатке уменьшается пропорционально расстоянию, воспринимаемая величина остается почти неизменной, константной... Указанный факт хорошо известен художникам-портретистам. Создавая групповой портрет, художник пишет головы всех изображаемых приблизительно одинаковой величины, хотя на сетчатке глаза художника голова расположенного в глубине группы. Механизм константности величины не только увеличивает размеры удаленных предметов, но и уменьшает размеры слишком близких, например ладони, поднесенной к глазу» (с. 47).

— Таким образом, удалось создать систему анализа живописи, которая исходит из теории зрительного восприятия и объясняет многие «странности», наблюдающиеся в искусстве. Странности Сезанна, скажем, его пейзажи. Он обычно точно передает горизонтальные поверхности, а искусствоведы говорят, что он нарушает перспективу. Один исследователь утверждал даже, что у Сезанна больная сетчатка. Сезаннолюбы сделали фотографии его пейзажей с той точки, где он писал. Есть каталог: его картина — и фотография пейзажа, картина — и фотография. Фотография кажется безупречной, а на самом деле она — «безмозглое» изображение. Если пропустить фотографию через функции работы мозга, которые я исследовал, то выходит, что Сезанн правильно писал, а фотография ошибалась. Правда, иногда Сезанн сознательно преувеличивал или преуменьшал что-то, но тогда и надо говорить, что здесь он что-то исказил против зрительного восприятия, а не против фотографии. Это разные вещи. Если сравнивать его пейзажи с фотографиями и говорить, что он тут геометрически неправ, то это будет большая ошибка, потому что фотография сама неправа («мозговая картина внешнего пространства» не может! быть получена проекционным путем).

Теперь так. Вот, скажем, взять интерьер, — я тут занимался поленовскими интерьерами, Поленов писал храмы, в 1882 г. ездил по Ближнему Востоку, и на его картинах видно, что нередко прямые линии изображаются сильно выпуклыми кверху кривыми линиями и т.д., т.е. он нарушает академические правила.

Но если это «пропустить» через математику, окажется, что только так и надо писать.

Несколько слов о «тайне» появления обратной перспективы в средневековой живописи. Оказалось, что нормальный человек видит «близкие» и небольшие предметы в комнатах в обратной перспективе. Правда, эта обратная перспектива невелика, порядка до 10° . Поэтому никакой тайны здесь нет, просто — естественное зрительное восприятие.

Этот феномен не был замечен экспериментаторами по очень простой причине: он возникает тогда, когда наблюдают горизонтальную поверхность (например, доски пола) в ракурсе порядка 45° . Но опыты по психологии зрительного восприятия всегда ставят по классической схеме, исключая такие условия. Математика показала, что если в классически поставленном эксперименте наблюдается полная константность, то переход к ракурсному наблюдению приводит к слабой обратной перспективе (параллельные полосы уширятся в зрительном восприятии с увеличением удаленности).

Таким образом, сам феномен обратной перспективы имеет естественное происхождение. Раньше такие изображения валили все в одну кучу как искажения видимого пространства. Теперь можно разделять случаи, когда художник, обращаясь к обратной перспективе, передает свое зрительное восприятие предмета неискаженным, от тех, когда он сознательно преувеличивает обратную перспективу из художественно оправданных соображений (на иконах можно встретить обратную перспективу, превышающую 90° !).

Короче говоря, мне пришлось, во-первых, ставить опыты немного по-другому, во-вторых, их обработку тоже вести по-другому.

Отличие поставленных опытов от обычных заключалось в их приближении к условиям художественной практики (в частности, осуществлять полевые эксперименты) и в увязке механизмов константности, отвечающих за восприятие ширины, с аналогичными механизмами, передающими ощущение глубины. Последнее требовало привлечения высшей математики и, вероятно, поэтому не было обнаружено психологами.

На этом пути стало возможным объяснить многие странности изобразительного искусства. Мне, например, казалось, что Рублев никогда не переступает естественного зрительного вос-

приятия. «Точные» иконы Рублева не нарушают никаких правил зрительного восприятия при изображении маленьких предметов.

— Почему вас привлекло древнее искусство?

— Это в значительной мере случайность, но не только. В древнем искусстве очень много странностей: и обратная перспектива, и многое другое. Смотришь как на ребус. Естественно, хотелось сначала решить ребус, а потом уже посмотреть и другие вещи. Поэтому первая книга была посвящена только древнерусской живописи. Во второй рассматривались живопись Древнего Египта, миниатюры Индии и Ирана и др.

Конечно, после многих лет занятий у меня сложилось личное отношение к искусству. Вкус, как известно, не обсуждается. Например, я сейчас ставлю средневековое искусство во многих отношениях выше искусства Возрождения. Я считаю, что Возрождение было не только движением вперед, оно связано и с потерями. Абстрактное искусство — полный упадок. Вершиной для меня является икона XV в., потом иконы стали хуже, а когда пришла живопись в «итальянском вкусе», вообще «пошла чепуха». Но это с моей точки зрения. С точки зрения психологии я могу объяснить так: средневековое искусство апеллировало к разуму, искусство нового времени, Возрождения, — к чувствам, а абстрактное — к подсознанию. Это явное движение от человека к обезьяне.

Еще немного о зрительном восприятии. Феномен обратной перспективы можно обнаружить чисто математическим путем из опыта других исследователей. В частности, в свое время в Америке ученый Лунбург (R.K. Luneburg), а потом его последователи установили, что близкое пространство, в несколько метров, человек видит по правилам геометрии Лобачевского, а не по правилам геометрии Эвклида. Зрительное восприятие близкого пространства подчиняется законам Лобачевского. А если положить этот факт в основу выкладок, то из геометрии Лобачевского получается, что человек должен видеть в обратной перспективе. Но это не безгранично, а на расстоянии нескольких метров, скажем от 3 до 5 метров от человека. Потом начинается обычное уменьшение видимых размеров с ростом удаленности. Есть область близкого зрения, где все «задом наперед» построено...

Анализ применявшихся в разное время художниками «геометрий» показывает, что все они целесообразны, основаны на реальных свойствах человеческой психики, в частности психологии зрительного восприятия, все в той или иной мере условны, а «научная» перспектива эпохи Возрождения вовсе не является неким абсолютом, к которому столетиями и с трудом стремились художники. Эта «фотографическая» перспектива привита нам с детства воспитанием, и поэтому отклонения от нее представляются многим как неумение или нежелание «правильно рисовать». Между тем это не так. Область, в которой привычная нам линейная перспектива адекватно передает зрительное восприятие, ограничена дальними участками пространства. Как показывает математический анализ, для ближайших областей пространства (при стремлении точно фиксировать видимую геометрию предметов) следует пользоваться аксонометрией и легкой обратной перспективой...

{записано в мае 1985 г.}

М. Г. ЯРОШЕВСКИЙ
(1915-2001)

Михаил Григорьевич Ярошевский — доктор психологических наук, профессор, в течение многих лет руководил проблемной группой психологии научного творчества в Институте истории естествознания и техники РАН (ранее — АН СССР). Один из ведущих советских психологов. Опубликовал более 200 научных трудов в различных областях психологического знания, прежде всего в области историко-теоретических проблем психологии и науковедения.

М.Г. Ярошевский родился в 1915 г. в Херсоне. Впоследствии жил в Ленинграде, закончил там школу (1932 г.), Педагогический институт им. А.М. Герцена: факультет русского языка и литературы (1937 г.). В Москве окончил в 1945 г. аспирантуру, защитив выполненную под руководством С.Л. Рубинштейна диссертацию «Учение А.А. Потебни о языке и сознании». После этого он становится одним из первых сотрудников организованного С.Л. Рубинштейном сектора психологии в Институте философии АН СССР и одновременно преподает психологию в МГУ. С 1951 по 1964 гг. работает в различных вузах Таджикистана. С 1965 г. свою научную судьбу связал с Институтом истории естествознания и техники АН СССР.

Впервые опубликовано в «Психологическом журнале» (1991, т. 12, № 2, с. 129—144).

Фото В. Артамонова

Автор фундаментальных монографий «Принцип детерминизма в психофизиологии XIX в.» (1961), «История психологии» (1966, 1976, 1985), «Иван Михайлович Сеченов» (1968), «Сеченов и мировая психологическая мысль» (1981), «Психология в XX столетии» (1971, 1974; удостоена премии им. К.Д. Ушинского) и др. В ходе изучения психологического познания, трактуемого как особая форма деятельности, им разработана оригинальная научная концепция категориального анализа, позволяющая по новому осмыслить закономерности развития психологической науки. Большинство монографий М.Г. Ярошевского увидело свет во многих странах мира. В 1989 г. издательство «Прогресс» опубликовало на английском языке его книгу «Лев Выготский». В соавторстве М.Г. Ярошевский издал «Краткий психологический словарь» (1985) и словарь «Психология» (1990). Готовил к изданию труды многих классиков отечественной и мировой психологии — Л.С. Выготского (соч. «Психология искусства»), З. Фрейда («Лекции по введению в психоанализ»), «Психология бессознательного»), Н.Н. Ланге («Психология») и др. М.Г. Ярошевский много сил отдавал подготовке научных кадров.

М. Г. Ярошевский:
«НЕОБХОДИМО СОЗДАТЬ
ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННОЕ
СООБЩЕСТВО ПСИХОЛОГОВ»

— Михаил Григорьевич, расскажите, пожалуйста, о том, как вы пришли в психологию, кто повлиял на формирование ваших научных интересов и представлений, какова была атмосфера периода вашей молодости?

— По образованию я филолог, работал учителем в средней школе в Ленинграде и интересовался не только литературой и историей, но и общими вопросами, касающимися движущих сил

поведения, тайны интеллектуального аппарата, который определяет познание природы человека, его места в мире и т.д. И в связи с этим, оставаясь на педагогической работе, стал слушателем философского факультета ИФЛИ (Институт философии, литературы, истории — в дальнейшем он влился в Ленинградский университет).

Студенческая жизнь в то время была очень интересной и напряженной. Надо сказать, что Ленинград все еще сохранял тогда прочные культурные традиции. Я сам этого не понимал в полной мере: вышел из простой семьи, отец был рабочим. Но среда, в которой я жил, школа (она помещалась в здании гимназии, где учился некогда Владимир Иванович Вернадский), вся атмосфера воспитывали. И поэтому если мне что-либо и удалось сделать, то всем этим я обязан Ленинграду, его аудиториям, музеям, театрам и библиотекам, кругу моих молодых друзей, преподавателям, лекции которых посчастливилось слушать, а с некоторыми из них даже общаться, причем общаться запросто, — это были высокоинтеллектуальные и очень демократичные люди, многие из них, как мне стало известно, ученые с мировым именем. Поныне вспоминаю тех из них, кто произвел наиболее яркое впечатление. Это знаменитый филолог, создатель учения о диалогической речи, признанного ныне классическим, Лев Петрович Якубинский. Я запросто ходил с ним по институтским коридорам — мне было тогда лет девятнадцать-двадцать, обсуждал вопросы истории языка, высказывал свои суждения... Это Бронштейн Матвей Петрович, выдающийся физик (муж Л.К. Чуковской), бесследно исчезнувший в период большого террора, сейчас его имя высоко ценится. Меня захватили его лекции по физике, которые он читал на философском факультете, касаясь в них не просто каких-то конкретных вопросов, но и показывая на материале физического знания, как оно строится, как работает человеческий ум, сталкиваясь с совершенно необычными феноменами, и самое главное — как происходит полная перестройка мышления, когда совершенно по-другому выглядит картина мира. В связи с этим, в частности, он рассказывал (это было в начале 30-х годов) о теории относительности, квантовой механике... Все эти идеи были для меня непонятны, поскольку в школе преподавалось нечто совсем другое, преподавалась «другая» физика. Он объяснял, как про-

исходят всевозможные повороты человеческого ума... Я не отдавал себе отчета в том, что я нахожусь в атмосфере, которая была насыщена флюидами настоящей большой науки. В то время работал в Ленинграде — в Институте физиологии, рядом с университетом — Иван Петрович Павлов. В самом Ленинградском университете — Ухтомский Алексей Алексеевич. Я общался с их учениками...

На философском факультете в 1935 г. судьба свела меня с Сергеем Леонидовичем Рубинштейном, лекции которого резко отличались от того, что я слышал от других преподавателей философии. Он давал методологический анализ западных психологических теорий, в особенности таких, как гештальтизм, фрейдизм, персонализм... Несколько раз (мне в этом смысле также повезло) я беседовал с Сергеем Леонидовичем.

Из профессоров можно еще назвать Тарле Евгения Викторовича, на лекциях которого мне доводилось бывать и в блестящем изложении которого ярко выступали фигуры исторических деятелей: он о них рассказывал так, будто это были его хорошие знакомые и вчерашние собеседники.

Таким образом, если говорить о том, что меня привело в психологию, то, я думаю, что как раз решающую роль в этом сыграло общение с людьми высочайшей научной культуры, а применительно к психологии — именно знакомство с Рубинштейном, который не ограничивался изложением каких-то довольно тривиальных положений, касающихся душевной жизни человека, а представлял их в контексте теоретического развития психологии, концептуальных сдвигов, которые в ней происходили. Я бы не сказал, что Рубинштейн стремился, — хотя это был философский факультет, где все строилось на основе марксистского учения, — как-то перенасыщать свои лекции марксистскими идеологемами. В общем виде он говорил о марксизме, но в основном все-таки это было изложение картины развития мировой психологической мысли, и это очень привлекало, побудив меня в дальнейшем пойти в аспирантуру по психологии, хотя были другие возможности. Еще до аспирантуры я; успешно сдав экзамены, был принят в Институт Наркоминдела, но предпочел более спокойную научную работу, о чем не пожалел...

— Вы начали изучать философию и психологию в годы

резкого обострения идеологической ситуации в стране, в особенности в Ленинграде, который считался центром оппозиции. Как это отразилось на обстановке в университете?

— Преподавателям философского факультета приходилось сообразовываться с исходившими из центра жесткими требованиями разгрома «вражеских» элементов в философии и науке. Тогда шли дискуссии между так называемыми механицистами во главе с А. К. Тимирязевым, сыном К. А. Тимирязева, и сторонниками философа А. М. Деборина. Сталин в эту полемику вмешался вот при каких обстоятельствах. В те времена наряду с университетами и институтами существовал особый Институт Красной профессуры, куда принимали идейно выдержанных партийцев. Из их рядов вышли главные идеологи сталинской опричнины. Их называли икапистами. Это были люди, недавно вернувшиеся с гражданской войны, в сущности, без образования. Насколько они были искренними в том, что они действительно делают великое дело ломки старой идеологии и культуры, это я сказать не могу. Во всяком случае была создана целая прослойка большей частью малограмотных комиссаров в науке, многие из которых были комиссарами на фронте, а в период нэпа боролись против частной собственности, реставрации капитализма, классовых врагов, и вот они затем, полные воинственного пыла, пришли в науку для наведения там «порядка». Группа икапистов-философов во главе с Митиным и Юдиным выступила с критикой работы Института философии, в котором, как они писали, окопались ученые, оторванные от практики социалистического строительства, занятые никому не нужными спорами о Гегеле, Канте и т.д. Сталин, как рассказывал об этом сам Митин, вызвав их, сказал: «Правильная ваша статья, я вас полностью поддерживаю. Редколлегию философского журнала «Под знаменем марксизма» мы заменим, вы станете ее членами. Но Деборина не выгоним, оставим, поскольку вы философии не знаете, будете у него учиться философии. Сами же дадите ей направление, которого требует партия». Из старых философов одни назывались, как я уже говорил, механицистами, других же Сталин окрестил (по его мнению, представлявших главную опасность) меньшевистствующими идеалистами. Эти «меньшевистствующие идеалисты» потом были репрессированы, кроме Деборина.

на, и расстреляны, в том числе и Стэн, читавший Сталину лекции по философии. В дальнейшем арестовали и всех преподавателей философии нашего факультета, а сам факультет расформировали, так что я не успел закончить третий курс.

Надо сказать, что требование борьбы «на два фронта» в философии распространилось и на психологию. Вот передо мной журнал «Психология» за 1931-й год. Ленинградский психолог Б.Г. Ананьев, некогда горячий сторонник рефлексологии В.М. Бехтерева, выступает с ее разоблачением и заявляет, что «советскую психологию следует выводить из истории большевизма и работ Сталина, образующих единственно верный критерий по отношению к истории психологической науки» (см.: *Ананьев Б.Г. О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции в психологии* // Психология. 1931. № 3—4. С. 332). Школу Выготского он заклеил как ведущую к «идеалистической ревизии исторического материализма и его конкретизации в психологии» (там же, с. 341). В психологии, по его мнению, не должно быть никаких школ, кроме школы Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Повторюсь, что это было в 1931 г. А ведь в 20-х годах у нас существовало множество школ и было то, что мы сегодня называем модным термином «плюрализм». Имелся широкий спектр различных подходов, точек зрения, концепций — корниловская реактология, павловское направление, бехтеревская школа, школа Басова, культурно-историческая школа Выготского, биопсихология Вагнера, психотехника (Шпильрейн и др.), самостоятельное направление, представленное Блонским, программы Боровского, Рейснера и др. Сторонники всех этих подходов, направлений, школ довольно корректно относились друг к другу.

Тогда же произошел один инцидент, о котором я недавно узнал. В 1931 г. вышла книга А.Н. Леонтьева «Развитие психики». Она была последней в ряду тех исследований, которые велись в духе культурно-исторической концепции. Предисловие к ней написал Л.С. Выготский. Кратко изложив основные идеи своей концепции, он говорил, что время плакальщиков в психологии прошло, что впереди у этой науки блестящее будущее: он, конечно, еще не знал об участии, которая вскоре постигнет его труды. Когда книга была напечатана, разгорелась та самая борьба «на два фронта», о которой я говорил. И не знаю, по

чьей инициативе, издателей ли, испугавшихся ли Леонтьева и Выготского или по какой-то иной причине,— в книгу было вложено второе предисловие за подписью Леонтьева и Выготского. В нем они в духе тех лет «каялись» в своих ошибках как механистического, так и идеалистического порядка...

— *Существовала ли в тот период какая-либо оппозиция этим установкам на подавление свободомыслия, без которого невозможно развитие науки?*

— Открыто выступать против официальных установок и догм, ставить их под сомнение никто не отважился. Царил глобальный страх, и преподаватели стремились превозносить мудрость Сталина, что, как уже сказано, их не спасло. Повсюду искали замаскированных врагов, даже когда речь шла о далеких от политики вопросах. Помню, как профессор истории философии Ширвиндт высказал на одной лекции мнение о том, что Спиноза не столько материалист, сколько психофизический параллелист, после чего в стенгазете был изобличен как враг марксизма, а затем исчез. Заведующий аспирантурой Н.И. Родной в своем докладе о 20-летию Октября не упомянул Сталина, и этого было достаточно, чтобы он оказался в ГУЛАГе.

Между тем ученики И.П. Павлова мне рассказывали, что великий ученый начинал каждую лекцию с критики режима террора и насилия. Теперь нам известно, что он был не только великим ученым, но и великим гражданином. Он был единственным из ученых, кто в те времена, в 30-е годы, обращался в правительство с разоблачением всей системы подавления человека, всей системы несвободы, культивирующей рабство духа, запрет на мышление. Я могу прямо отрывки прочитать, которые выбрал из его писем, опубликованных с моими комментариями В. О. Самойловым и Ю.А. Виноградовым. Вот одно из них — оно было отправлено Иваном Петровичем Павловым через три недели после убийства СМ. Кирова:

В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР

Революция застала меня почти в 70 лет. А в меня засело как-то твердое убеждение, что срок дельной человеческой жизни именно 70 лет. И поэтому я смело и открыто критиковал революцию. Я говорил себе: черт с ними, пусть расстреляют. Все равно жизнь кончена, а я сделаю то, что требовало от меня мое достоинство...

Теперь дело показало, что я неверно судил о моей работоспособности. И сейчас, хотя раньше часто о выезде из отечества подумывал и даже иногда заявлял, я решительно не могу расстаться с родиной и прервать здешнюю работу, которую считаю очень важной, способной не только хорошо послужить репутации русской науки, но и толкнуть вперед человеческую мысль вообще. Но мне тяжело, по временам очень тяжело жить здесь — и это есть причина моего письма в Совет.

Во-первых, то, что вы делаете, есть, конечно, только эксперимент, и пусть даже грандиозный по отваге, как я уже сказал, но не осуществление бесспорной насквозь жизненной правды — и как всякий эксперимент, с неизвестным пока окончательным результатом. Во-вторых, эксперимент страшно дорогой (ив этом суть дела), с уничтожением всего культурного покоя и всей культурной красоты жизни.

Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия. Если бы нашу обывательскую действительность воспроизвести целиком без пропусков, со всеми ежедневными подробностями — это была бы ужасающая картина, потрясающее впечатление от которой на настоящих людей едва ли бы значительно смягчилось, если рядом с ней поставить и другую нашу картину с чудесно как бы вновь вырастающими городами, днепростроями, гигантами-заводами и бесчисленными учеными и учебными заведениями. Когда первая картина заполняет мое внимание, я всего более вижу сходства нашей жизни с жизнью древних азиатских деспотий. А у нас это называется республиками. Как это понимать? Пусть, может быть, это временно. Но надо помнить, что человеку, происшедшему из зверя, легко падать, но трудно подниматься. Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовлетворением приводят это в исполнение, как и тем, насильственно приучаемым участвовать в этом, едва ли возможно остаться существами, чувствующими и думающими **человечно**. И с другой стороны. Тех, которые превращены в забитых животных, едва ли возможно сделать существами с чувством собственного достоинства.

Когда я встречаюсь с новыми случаями из отрицательной полосы нашей жизни (а их легион), я терзаюсь ядовитым укором, что оставался и остаюсь среди нея.

Не один же я так чувствую и думаю?

Пощадите же родину и нас.

Ленинград, 21 декабря 1934 г.

Академик Иван Павлов

(Архив АН СССР ЛО, ф. 259, оп. 1-а. ед. хр. 30, л. 1—2 об).

Были и другие ученые, такие, как, например, академики П.Л. Капица и В.И. Вернадский, обращавшиеся в правитель-

ственные инстанции с просьбой о вызволении из застенков ученых, которых они знали. Но Павлов говорил вообще о всей системе, а не только об отдельных жертвах. Сохранилась стенограмма его выступления по случаю 100-летия со дня рождения И.М. Сеченова в 1-м Медицинском институте в Ленинграде: В ней Павлов говорил о Сеченове не только как о великом русском натуралисте, но и как о носителе свободного духа. И закончил выступление такими словами: «Мы живем в обществе, где государство — всё, а человек — ничто, а такое общество никогда не имеет будущего, несмотря ни на какие волховстрои и днепрогесы». Говорить, к тому же публично, что наше общество обречено, так как ставит государство выше человека, которого подавляет, для этого требовалось большое мужество. Это не сейчас изобличать тоталитаризм, а тогда! Теперь уже точно известно, что НКВД требовал ежедневные сводки о состоянии здоровья Павлова. И есть сведения, — а их сообщил перед своей смертью профессор Галкин, друг семьи Павлова, — что Павлов пошел на поправку, когда около него неожиданно оказались присланные из Москвы, из «кремлевки», медики, после процедур которых он скончался.

У нынешней молодежи вообще сложилось негативное отношение к Павлову. Считается, что Павлов трактовал человека как рефлекторный аппарат. При этом совершенно игнорируются вся сложность дела Павлова, его научный облик, его идейные замыслы. Павлов — удивительная личность. Он воспитывался на Достоевском (называл даже себя одно время Иваном Карамазовым), его искания в области науки сложились в гуще острейших дискуссий о человеке, его субъективном мире и свободе воли в противовес «рефлексу рабства». Образ Павлова, насаждавшийся в 50-е годы, вызвал естественное отвращение к нему, потому что, действительно, что это такое? — считать человека условно реагирующим устройством, лишать его бытие в мире всякого смысла, низводить до уровня реагирующего автомата, механизм поведения которого такой же, как у любого животного. И разговор о том, что человека отличает вторая сигнальная система, не спасает от такой трактовки. По моему убеждению, у Павлова никакого учения о второй сигнальной системе не было. Дело в том, что в 20-е годы не без влияния общей духовной атмосферы, существовавшей в нашей стране, Павлов,

Ухтомский, Бехтерев и другие естествоиспытатели стали искать тот механизм, который придает человеческому поведению качественное отличие от поведения животного. В частности, Павлов считал, что человека отличает вот эта вторая сигнальная система. К чему это положение по существу сводится?

К тривиальному утверждению, что человек отличается от животного тем, что он владеет речью как средством общения и обобщения. Об этом сказано было еще Аристотелем. Никакого реального механизма, никаких попыток объяснить средствами современной психофизиологии закономерности преобразования первой сигнальной системы в качественно новую вторую, по существу, нет. Кем же это было поднято на щит? Некоторыми учениками Павлова, в особенности после так называемой «павловской сессии». И все это было «утрамбовано» как незыблемое учение после трудов Сталина по вопросам языкознания. Считалось, что труды Сталина по этим вопросам являются тем философским основанием, которое дает нам возможность «теоретически осмыслить» учение о второй сигнальной системе. Павлов же говорил о «муках сознания», изучая душевные болезни, рекомендовал обратиться к Ясперсу, считая, что то, что он сам, Павлов, делает, есть только некие заготовки к пониманию человека как свободной личности. А он другим и не мыслил человека — только как свободную личность, обладающую свободной волей и совестью, ответственную за свои поступки! А примитивизация Павлова привела к тому, что молодежь наша, по существу, не знает истинного смысла глубинных духовных исканий, которые в конечном счете были подтекстом исследовательских программ Павлова и Сеченова, этого великого достояния отечественной культуры — не только психологии, — оказавшего влияние на мировую научную мысль...

— *Расскажите, пожалуйста, подробнее о периоде репрессий, бурно начавшихся в середине 30-х годов, и о том, как вас осудили.*

— После декабря 1934 г., когда убили Кирова, началась массовая высылка ленинградской интеллигенции. Высылали десятками тысяч так называемых «бывших», т.е. тех, кто в действительности создавал тот своеобразный культурный слой, который определил специфику высокого духовного уровня жизни Ленинграда. Но на этом дело не закончилось. Через несколько

лет начались массовые аресты. Эта новая волна захлестнула и меня.

Мое знакомство с университетскими студентами сыграло роль в моей судьбе в том плане, что в 1938 г. я был арестован органами НКВД по обвинению в участии в студенческой террористической организации, якобы возглавляемой Львом Николаевичем Гумилевым. До этого я его совершенно не знал и никакого отношения вообще не имел к этой группе — востоковедов, историков, т.е. студентов других факультетов, большинство из которых были потом арестованы по этому же обвинению. С Львом Николаевичем я познакомился уже в пересыльной тюрьме после того, как нас осудил военный трибунал. Месяца полтора мы с ним спали рядом на цементном полу в этой пересыльной тюрьме. Я помню открытки, которые он получал от Анны Андреевны Ахматовой, своей матери. Между прочим, в 1990 г., когда Гумилева интервьюировали в связи с событиями той поры, журналист, знавший меня, спросил у него: «Вы помните, как, со слов Ярошевского, Анна Андреевна присылала вам открытки в пересыльную тюрьму?» И привел содержание этих открыток. Интервью записывали на видеомagneтофон. «Неужели Мишка и об этом помнит?!», — воскликнул Лев Николаевич, и на глазах у него навернулись слезы. Сейчас он известный ученый, часто выступает по телевидению, создатель оригинальной теории об истории этносов.

Меня арестовали в ночь на 10 февраля 1938 г. Я был аспирантом, одновременно преподавал в школе (всего 17 лет я проработал в школе). Школьным психологом, правда, не стал. Для этого, конечно, нужна особая мотивация, особые способности... Иногда помогал сотрудникам нашей кафедры при проведении экспериментов. В частности, когда одна из сотрудниц Рубинштейна Д.И. Красильщикова проводила эксперименты по памяти, то по ее просьбе я в течение двух лет вел эксперименты в школе по изучению памяти у детей, за что она выразила мне благодарность в одной из своих публикаций. И произошел такой казус, из-за которого я чуть не поплатился жизнью... В «Известиях» в 1937 г. была опубликована статья известной журналистки Татьяны Тэсс. Называлась она «Что бы я сделал, если был бы человеком-невидимкой?».

В статье излагались написанные на эту тему «светлые» детс-

кие сочинения. И я решил повторить это в своей школе. Я преподавал тогда в нескольких шестых классах и собрал большой материал. Решил сделать сравнительный анализ. Меня интересовали детские представления о будущем и т.д. И вот среди 50—60 работ шестиклассников читаю ответы: «Я убил бы Сталина», «Я бы взорвал Кремль», «Я бы уничтожил все колхозы»... И это в 1937 г.! Что делать? Я схватил, конечно, эти работы и тут же их уничтожил. И вот через несколько месяцев ночью меня забирают. Приходят оперативник, дворник и красноармеец с винтовкой. Сразу — под подушку. Револьвер искали... И все мои бумаги, в том числе материалы к диссертации, конспекты, в огромном количестве собрали в два мешка, потом все это они сожгли. Попадаю я в знаменитую шпалерку — это тюрьма на улице Воинова для особо опасных политических преступников. Первое время я думал, что арест был связан с этими работами школьников — кто-то, думаю, донес, что я детям внушаю, настраиваю их соответствующим образом. Но причина оказалась совсем другая. Кстати, об этих ученических работах так никто ничего и не узнал...

Попадаю в похожую на зверинец зарешеченную камеру. До революции она была рассчитана на шесть человек, а там скопились десятки арестованных, их число доходило до трехсот. Здесь были партработники, профессора, военные (среди них и тогдашний комкор Рокоссовский). Нас избивали, пытали, заставляли несколько дней не спать, требуя, чтобы мы подписали протоколы «признания», которые были заранее заготовлены следователями. В этих «сочинениях» говорилось, что мы собирались взорвать Дворцовый мост, во время первомайской демонстрации должны были не то выстрелить, не то бросить бомбу в Жданова. И в сентябре 1938 г. нас, группу из шести человек, — а я к Ленинградскому университету имел только то отношение, что арестованные студенты были мои знакомые, — судил военный трибунал. Ничего антисоветского в наших настроениях не было. Самое большее — в них, быть может, сквозило ироничное отношение к некоторым моментам жизни тогдашнего общества. Например, мы не очень верили, что Зиновьев и Каменев — шпионы. Но каких-то выступлений, осуждений политического плана не было. Мы не были политизированы, как нынешняя молодежь. Большой частью мы свято во все верили. Впервые у меня появилось

острое чувство того, что в стране происходит что-то страшное, в 1932-м или 1933-м году, когда на улицах Ленинграда я увидел украинских женщин с грудными детьми на руках, в лаптях, голодных, просящих милостыню... Их гоняли милиционеры... Я был комсомольцем, юнкором, пионервожатым, и вдруг вижу эту ужасную картину. И не мог это понять. Я думал, что в деревне — кулаки, эксплуататоры и тому подобное, и вдруг... В моем сознании все это не укладывалось. Правды мы не знали ни о коллективизации, ни о политических процессах, ни о мотивах убийства Кирова, которое, кстати сказать, потрясло нас всех...

На суде мы все решительно отрицали свою вину. Не было ни свидетелей, ни вещественных доказательств. Нас спросили о наших признаниях во время следствия, на что мы отвечали, что все они даны под пытками. Но нам сказали, что мы клеветаем на органы НКВД, что пытки могут быть только в фашистской стране, что мы за клевету можем еще дополнительно получить срок... Нас спасло то обстоятельство, что приговор военной коллегии округа подлежал утверждению военной коллегией Верховного суда СССР. А пока дело шло туда, Ежова сняли, машина репрессий уже множество людей перемолола и на какое-то время застопорилась. Меня неожиданно вызвали и вручили справку о прекращении дела. Когда меня забирали, я ушел в ботинках, потом уже мои родители, поскольку ожидалась отправка в лагерь, передали теплую одежду. И в конце мая в чудесную белую ночь иду я домой по Литейному проспекту весь обросший, в валенках и тулупе...

— *Вы были аспирантом С.Л. Рубинштейна, расскажите о нем, его стиле работы, атмосфере на кафедре.*

— Рубинштейн, на кафедре которого я был аспирантом, стремился соединить научных работников разной направленности, работающих в различных областях знания, чувствовал способных людей, хотя я и не сказал бы, что коллектив кафедры у него был выдающийся, — но где было взять в то время психологов?!

Сергей Леонидович относился ко мне с большой доброжелательностью. Достаточно сказать, что после того, как меня освободили из застенков наводившего ужас НКВД, он содействовал моему восстановлению в аспирантуре.

Рубинштейн одновременно был и заместителем директора

Института им. Герцена, но фактически руководил всем этим институтом. А это огромный институт, знаменитая кузница педагогических кадров. Он пользовался огромным авторитетом не только в психологическом мире, но и среди всего профессорско-преподавательского состава института. А это был высший класс, состоящий из выдающихся специалистов различных областей знаний. Руководя институтом и кафедрой, он одновременно работал над новым изданием своих «Основ общей психологии».

Рубинштейн ценил людей науки различных способностей и ориентации, старался их сгруппировать, как это было не только в Ленинграде, но и уже после войны, при комплектовании им сектора психологии в Институте философии, давшего росточек существующему ныне в Москве Институту психологии АН СССР.

В Ленинграде на кафедре у него часто бывали и выступали Леонтьев, Теплов, Лурия, Шеварев... Он старался консолидировать творческие силы различных поколений. У него работал погибший затем во время войны мой самый близкий друг Гриша Лосев. Вначале он был в Москве аспирантом К.Н. Корнилова. Узнав, что можно заниматься психологией у Рубинштейна, он переехал в Ленинград. Не погибни он в блокаду, стал бы, несомненно, одним из самых выдающихся наших психологов... Вторым профессором был Б. Н. Компанейский. Он занимался на очень высоком профессиональном уровне зрительным восприятием, и нас, двух «зеленых» аспирантов, старался обучить методам психофизиологического эксперимента.

Рубинштейн не опекал нас, как малых детей. И, думаю, поступал правильно. Нечего «нянчить» аспирантов, культивировать инфантилизм. В аспирантуру, по моему убеждению, должен идти только тот, кто уже выстрадал некоторые научные замыслы, кто готов работать самостоятельно, а не под диктовку руководителя. Он исходил из того, что атмосфера кафедры, ее заседания и постоянное общение с ее коллективом должны быть школой. Личное мужество он неоднократно проявлял в экстремальных условиях, но об этом я написал в своих опубликованных воспоминаниях о нем...*

* См.: Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. К 100-летию со дня рождения. М., Наука, 1989.

— Чем вы объясняете то обстоятельство, что в предвоенный период психология в отличие от наших дней не была популярной наукой?

— Действительно, психология в те годы была, мягко говоря, не в чести. Когда я поступил в аспирантуру, то на три места был единственным кандидатом. На отношении к ней сказался учиненный тогда разгром педологии. Впрочем, была ликвидирована не только педология, фактически как бы само собой отмерли и психотехника, и психология труда. Думаю, что это не было случайностью. В этом смысле надо отдать «должное» Сталину, его «дальновидности» — он все делал с большим расчетом. Некоторые, в частности педолог Гмурман, связывали это постановление с личными мотивами «вождя народов», с тем, что якобы сын Сталина Василий получил низкие оценки по тестам, которые в то время использовались для диагностики умственных способностей детей. Разозленный этим, Сталин и продиктовал «знаменитое» постановление о педологии.

Педология — о ней сейчас много пишут, и в наше время неоднократно ставился вопрос о пересмотре этого до сих пор не отмененного постановления — претендовала на комплексное исследование детства, в центре которого (исследования) находилась психология, с широким применением методов психодиагностики. Специально готовили педологов для работы в школе. Это была практическая педагогическая психология. Во всех школах существовали педологические кабинеты. Будучи учителем в школе, я хорошо помню, как в нашем педологическом кабинете работал очень талантливый педолог, к большому сожалению погибший на фронте, — Михаил Беспрозрачный, который не просто проводил тесты, а изучал психолого-педагогическую ситуацию в различных классах. Используя метод клинической беседы, он изучал детей, у которых были определенные личностные трудности. Педологию обычно связывают с тем, что она занималась исключительно отсевом для вспомогательных школ, так называемых умственно отсталых, получивших низкие оценки по тестам. Но в действительности работа педолога, повторяю, была неизмеримо обширнее. Она была связана со всем тем, что касается индивидуальных различий детей, специфики их возраста. Без научных методов такое изучение невозможно. Психодиагностика и психопрогностика, ко-

которые широко тогда были распространены в школе, несомненно, представляли собой важное позитивное направление. Сейчас повсеместно говорят о психологической службе в школе, а ведь педологическая служба была не чем иным, как службой психологической, причем с высоким уровнем подготовки на специальных факультетах. Кто занимается сейчас этим? Даже в тех случаях, когда на психологических факультетах специализируются студенты по детской и педагогической психологии, это все-таки далеко от того, как готовили в то время педологов. Они получали широкое фундаментальное образование — знания по физиологии, детской психиатрии, невропатологии, антропометрии, антропологии, социологии и т.д. Короче говоря, изучение ребенка было поставлено на прочную научную основу. При этом теоретические занятия сочетались с повседневной практической работой.

И вот в одно утро по всей стране все педологи были объявлены лжеучеными, которые пользуются, как было сказано в постановлении, методами, «давно осужденными партией» (хотя до того ни на каком уровне никаких партийных указаний о тестах не было). Все они были разогнаны, лишены дипломов, оставлены без работы по специальности. А это была целая армия, которую изгнали из школы и тем самым лишили возможности заниматься комплексным исследованием ребенка, психокоррекцией и т.п. Конечно, комплексность эта, надо сказать, была относительной, потому что создание междисциплинарных наук, которые объединяли бы методы и понятия многих направлений, — задача сложная, и такая наука действительно не получилась, и сейчас ее нет. Правда, некоторые авторы, например Даниил Борисович Эльконин, будучи в свое время крупнейшим педологом, а затем психологом, писал, что в принципе не может быть такой науки. Но мне непонятно, почему отрицаются науки о системных объектах? Системным объектом является и ребенок. Другое дело, какими ресурсами мы располагаем, чтобы «построить» такую науку. Но в перспективе нет оснований исключать интегральный подход к ребенку, который соотносил бы каким-то образом и интегрировал различные знания о нем — биологические, медицинские, социологические, психологические.

Среди педологов были и наши выдающиеся психологи, на

судьбе творческого наследия которых роковым образом отразилось это постановление. В частности, особенно я хотел бы сказать о Выготском, его трудах по педологии подростка, по возрастному развитию личности ребенка, на восприятии и оценке которых сказалось это постановление. Труды были запрещены, оказались в спецхранах, закрытых фондах. А ведь в этих трудах содержались ценнейшие идеи! И вот сейчас, когда я занимаюсь анализом творчества Л.С. Выготского, вижу, что как раз в его работах, относящихся к педологии, содержатся положения, существенно отличные от положений раннего Выготского и даже от тех положений, которые высказаны в «Мышлении и речи» и которые вели действительно к пониманию личности ребенка как целого и к новому пониманию единицы психического. У нас в психологии идут бесконечные споры о том, что является единицей психического. Вопрос об этом, как известно, был поставлен еще Выготским, искавшим такую единицу — «клеточку»... В этом виделось внедрение марксистской методологии в психологию: раз психологии нужен свой «Капитал», — а в «Капитале» эта идея представлена в виде категорий товара, из которой выводятся все закономерности соответствующей формации, — то и в психологии нужно найти такую клеточку. Вот психологи и занимались этими поисками. По-моему, само представление об одной-единственной клеточке ведет в тупик, ибо психическая организация «многоклеточна». Но это уже другой вопрос, требующий специального разговора. Обычно считают, что такой клеточкой Выготский считал знак или значение слова, в то время как он в конце концов стал считать клеточкой переживание, понятие, которое интегрировало интеллект и, говоря языком Выготского, аффект, волевою задачу. Я уже не говорю о том, что самого Выготского неверно причислять к сторонникам той самой схемы, которая была особенно резко осуждена постановлением по поводу педологии — о том, что ребенок является продуктом «конвергенции, наследственности и какой-то неизменной социальной среды».

Действительно, были отдельные педологи, в частности А.Б. Залкинд (он скончался от инфаркта, на улице, выйдя после заседания, где было объявлено о запрещении педологии), которые понимали среду как внешние социальные условия. Но Выготский критиковал Залкинда, считая, что кроме социальных и

биологических имеются собственно психологические закономерности и механизмы развития личности. Но, поскольку его книги вскоре оказались в спец-хранах, для целого поколения наших психологов все это стало неизвестным. И другие его работы, не педологические, по существу, были под запретом. Даже ученики Выготского на него не ссылались в те времена. Я могу привести один такой пример из своего личного опыта. Незадолго до войны, в 1940-м году, проходила всесоюзная конференция на кафедре психологии Харьковского пединститута, которой заведовал Александр Владимирович Запорожец — один из ближайших учеников Л.С. Выготского. Участниками были и другие его ученики, в том числе А. Н. Леонтьев. И вот на длившихся несколько дней заседаниях, где обсуждались самые актуальные и теоретически значимые проблемы психологии, имя Л.С. Выготского вообще не упоминалось, хотя фактически так называемая харьковская группа была некоторым ответвлением его школы. Недавно напечатана статья известного французского психолога Р. Заззо, вспоминающего, что посетивший его в 1954 г. А. Н. Леонтьев просил издать Выготского на французском языке. «Если вы это сделаете,— сказал он,— то для нас будет аргумент просить о том, чтобы его переиздали по-русски».

— Вас привели в психологию философские интересы и занятия. Но психология является конкретной, специальной наукой, к тому же имеющей естественнонаучную основу. Удалось ли вам наряду с изучением философских проблем овладеть знаниями, касающимися этой основы?

— Многие психологи пришли из философии, в том числе С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе и др. Я думаю, что в той идеологической ситуации, которая была тогда, для них область психологии оказалась ареалом, где они могли реализовать свои духовные интересы. Потому что, если бы они продолжали работать в философии, они должны были идти по тому ортодоксальному пути, где доминировали догматические формулы, охраняемые идеологическим аппаратом сталинской инквизиции. Это началось еще в 20-х годах. Очевидно, ощущая неудовлетворенность официальными догматами, они, будучи большими мыслителями, искали как бы область реализации своих замыслов, идей, касающихся философии человека. Психология в этом смысле оставалась относительно нейтральной, стоящей в стороне, ме-

нее подверженной прямому влиянию процессов, которые проходили в то время в философии. После революции из интеллектуальной среды, созданной происходившими в стране социальными и духовными процессами, в России вышел на историческую арену ряд выдающихся мыслителей, таких, как В.И. Вернадский, М.М. Бахтин, А.А. Ухтомский, Л.С. Выготский, Н.А. Бернштейн. Свои философские по своей сути интенции, свой духовный потенциал из-за сложившейся в стране идейной атмосферы они реализовали в области естествознания, психологии, языкознания — в смежных науках. Сейчас по поводу октябрьского периода и всего того, что произошло в нашей стране в первые послеоктябрьские годы, стали высказываться различные точки зрения: что революция явилась каким-то искажением, случайным, уродливым феноменом, созданным кучкой большевиков во главе с В.И. Лениным. Такой подход антиисторичен. Революция была подготовлена всем ходом социально-экономического и культурного развития России. И неслучайно в связи с этим русская культура дала миру ряд созревающих в предреволюционный период крупнейших мыслителей. Именно мыслителей, людей широчайшего диапазона, создателей оригинальных, новаторских концепций, касающихся природы человека. Все это неслучайно. Но то, что происходило в официально одобренной философии, деформировало этот процесс. Уже в 20-х годах под воздействием партийного диктата началось искажение нормального духовного развития России, русской культуры, начиная со знаменитой высылки философов в 1922 г., крупных мыслителей (социологов, историков), которые прославились потом, их трудами с упоением ныне зачитываются. Мы сейчас понимаем трагичность этого акта. Впрочем, если бы они не были высланы в 22-м году, их расстреляли бы в 30-е годы. В этом смысле им повезло.

Для тех, кто пришел в психологию, интересуясь преимущественно философскими, теоретическими, историческими проблемами, в этой науке работать, конечно, не просто, потому что все-таки, я считаю, не может быть серьезного психологического знания без естественнонаучной основы. У меня не очень прочной была эта основа, хотя мне и удалось кое-что почерпнуть в этом плане, когда, став аспирантом, я был приглашен известным зоопсихологом Рогинским Григорием Соломоновичем работать

сотрудником в Институт мозга им. В.М. Бехтерева. Директором института был Виктор Петрович Осипов — известный психиатр, лечивший В.И. Ленина, восстанавливавший у него речь и потом написавший книжку о болезни Владимира Ильича. Правда, его сейчас критикуют, говорят о том, что он неадекватно представил некоторые факты, стараясь как бы преуменьшить действительное состояние интеллекта больного Ленина, которое было гораздо хуже, чем обычно представляли. Виктор Петрович принял меня радушно, дружески беседовал, изредка рассказывал о Ленине.

В институте я имел возможность общаться со многими учеными. Среди прочего в мои обязанности входило знакомство с институтом посещавших его изредка гостей, школьных экскурсий. Я бывал в различных лабораториях, в частности в лаборатории физиологии условных рефлексов, которой заведовал Э.А. Асратян. Он, правда, неприглядно выглядел впоследствии на созванной по указанию Сталина «павловской сессии» — рвался тогда к лидерским ролям в науке, его выступление там против Л.А. Орбели было одним из самых отвратительных. За это он «получил» после сессии вновь открытый Институт высшей нервной деятельности, ныне существующий. Впрочем, не лучшим образом повел себя тогда и другой известный физиолог П.К. Анохин, который занялся «критикой» так называемых «антипавловцев», к которым был отнесен самый близкий и любимый ученик Павлова Л.А. Орбели, много сделавший не только для физиологии, но и для психологии.

В то время Асратян, разрушая определенные участки мозга у собак, изучал, как в результате изменяется их рефлекторная деятельность. Он мне запомнился также потому, что был оппонентом по первой у нас диссертации, посвященной психологическим взглядам И.М. Сеченова. Ее выполнила под руководством Рубинштейна СЕ. Драпкина. Конечно, в то время я ведавать не ведал, что когда-нибудь стану изучать Сеченова и отдам этому много лет жизни.

В этом же Институте мозга — он находился на Петровской набережной в очень красивом особняке — кроме Асратяна работал физиолог Л.Л. Васильев, который потом прославился тем, что был одним из первых исследователей экстрасенсорных феноменов в том смысле, что экспериментально изучал опыт

передачи мыслей на расстояние. Он был довольно оригинальным человеком. Будучи учеником В.М. Бехтерева, он, изучая проблему торможения, доказывал, что физиологу известен только один процесс — возбуждение, а что такое торможение — никому неизвестно, что это придуманная Сеченовым и Павловым фикция. Там же я познакомился с очень интересным исследователем, одним из учеников И.П. Павлова, Э. Вацуро, работавшим после Павлова со знаменитыми шимпанзе Розой и Рафаэлем. С Вацуро я часто спорил об отношении физиологии и психологии. Вацуро считал, что физиология накопила точные знания относительно механизма мышления, а психология ничего не дает, все ее объяснения — пустые слова, схоластические рассуждения о понятиях, не имеющих под собой никакой реальности, недоступных операционализации, как мы сейчас говорим. Это все, отмечал он, философская блажь. А вот то, что знает физиолог о связях в головном мозгу, об условных рефлексах, — это прочные проверяемые опытом знания. Я пытался в спорах с ним доказать, что факты психологии не менее реальны и значимы, но он это отвергал.

В Институте мозга имелся музей эволюции мозга и психики. Он был создан двумя замечательными русскими учеными, один из которых Владимир Александрович Вагнер, недооцененный у нас, являлся выдающимся зоопсихологом, известным оппонентом И.П. Павлова, исследователем с чрезвычайно широкой не только биологической, но и философской эрудицией. Его дискуссии с Павловым базировались на серьезной экспериментально-биологической основе, а не были словесными, схоластическими, какими потом стали дискуссии по поводу учения Павлова. Другим создателем музея был изредка навещавший его Тонков Владимир Николаевич — высокий стройный старик в военной форме с двумя ромбами, по-нынешнему генерал-лейтенант, профессор Военно-медицинской академии, известный анатом, по учебникам которого училось целое поколение. Сам облик этих людей, их удивительная интеллигентность и демократичность не могли не восхищать, особенно в сравнении с тем, что происходило в то время в Ленинграде. Это были последние из могикан могучего культурного слоя, созданного русской интеллигенцией дореволюционного периода, слоя, истребление которого — одно из самых тяжких преступлений сталинщины.

Помимо всего прочего, мне поручили разбирать архив Бехтерева Владимира Михайловича. И целыми днями, с утра до вечера, я читал письма к нему психически больных. Кроме того, там был «под моей опекой» пантеон мозга, где в банках хранился мозг выдающихся людей — Менделеева, Марра, Бехтерева, Ольденбурга...

В институте был и отдел психологии, которым заведовал Б.Г. Ананьев. Но с Ананьевым я общался мало. Он работал над своей докторской диссертацией по истории русской психологии. Ананьев был человеком «чувствительным» ко всем переменам в идеологической атмосфере и очень быстро адаптировался к ним. Я читал его работу — она защищалась как докторская диссертация на кафедре Рубинштейна в Ленинграде перед самой войной. У меня двойственное отношение к ней. С одной стороны, он акцентировал внимание на наличии в русской культуре оригинальных психологических идей. И в этом была новизна его подхода. А с другой — русская наука рассматривалась изолированно от мировой. Всю эту пространную трехтомную диссертацию Ананьев свел в небольшую книжечку под названием «Очерки истории русской психологии», вышедшую в 1947 г. Она отражала типичную уже для тех времен ориентацию, которую можно выразить так, что Россия — «родина слов, родина картошки» и т.д.

— Скажите, довольны ли вы своей судьбой в науке, что вас особенно порадовало за более чем 50-летний союз с ней,— какое наиболее значимое событие вы можете отметить,— и что огорчило? Считаете ли вы, что психологическая наука должна была прийти именно к тому «промежуточному» финишу, к которому она сейчас пришла, или она должна была развиваться совершенно по-другому? Был ли «золотой век» психологии? Что, на ваш взгляд, нужно в ней изменить?

— По этим вопросам целый том можно написать. Ответу в общих чертах.

Я думаю, что «золотого века» у нашей психологии не было. Но было одно, условно говоря, славное десятилетие. Это начало 20-х — начало 30-х годов. Именно в этот период шла очень насыщенная и содержательная работа. В это десятилетие произошёл своего рода творческий взрыв и сделано больше, чем

за все последующие годы. Больше — в смысле идейного богатства. Я не говорю о конкретных, эмпирических исследованиях, которых в избытке, но которые эти богатства не преумножили. Если у нас сделано что-нибудь значительное и ценное, то только потому, что советская психология, сообразуясь с новой методологией, принципами историзма и социодетерминизма, находилась в постоянном диалоге с мировой наукой, ее различными направлениями. Но как только стала образовываться нарастающая по толщине стена, создаваться занавес между нашей наукой и мировой, так отечественная психологическая наука была уже обречена на то, чтобы вращаться в кругу идей, которые раньше зародились и на разные лады теперь перепевались, не производя ничего нового. Пошла мода на то, чтобы черпать в западной науке некоторые факты и методические процедуры, делая вид, что хотя факты и взяты с Запада, но теория своя, самобытная. Такой разрыв между теорией и фактом губелен для науки. Давно доказано, что нет такого факта, который не был бы теоретически нагружен. Если, конечно, это настоящий факт, а не артефакт.

Мне повезло в том, что я застал как бы самые последние моменты периода, когда психология жила еще нормальной жизнью. А после этого начались страшные времена, которые изуродовали всех нас, и меня в том числе, конечно.

После окончания аспирантуры (тема моей диссертации — анализ учения великого мыслителя А.А. Потебни) С.Л. Рубинштейн зачислил меня в созданный им сектор психологии Института философии Академии наук СССР. Этот институт фактически являлся идеологическим подразделением ЦК КПСС (хотя сам Рубинштейн, создавая сектор, преследовал чисто научные цели). Так что я оказался в марте 1945 первым психологом в системе Академии наук. Мне было поручено заняться критикой так называемой буржуазной психологии. Считалось, что все, что исходит с Запада, подлежит разоблачению как вражеская пропаганда. То, что я тогда писал, была не критика, а брань, ругань, клеймение. Это вместо того, чтобы каким-то образом разобраться в истинном смысле научных поисков, в логике развития познания. Сейчас наблюдается другая крайность — начинают бездумно и некритично воспринимать концепции и просто высказывания западных психологов. Приведу пример. В

60-х годах в США возникла в противовес психоанализу и бихевиоризму так называемая «гуманистическая психология» Роджерса. Но ведь это лишь одна из техник психотерапии, которых не менее сотни. А у нас некоторые руководители научных учреждений, вчера клявшиеся в верности марксизму, объявили Роджерса автором лидирующей теории современной психологии, хотя и на Западе ее таковой не считают. Сейчас возникает соблазн реанимировать технику психоанализа Фрейда. Здесь опять крутые виражи. В начале 20-х годов — его восторженная пропаганда и попытки сопрягать с Марксом. Затем — табу на психоанализ. Ныне опять пошла апологетика.

В 1978 г. академик Петр Леонидович Капица, неоднократно писавший, что в XX в. были два великих психолога — Павлов и Фрейд, поставил вопрос об издании (притом в серии «Классики науки») трудов З. Фрейда. Ко мне обратились с просьбой готовить издание. Издательство «Наука» заключило договор. Капица сказал, что он обязательно добьется выхода этой книги, что в ЦК пойдет и т.д. Капица скончался. Рукопись была готова, а издательство под разными предлогами тянуло, не принимало ее. Давным-давно подготовленная книга увидела свет через десять лет. Я уже не говорю о том, чего это мне стоило. Вторая книга Фрейда «Психология бессознательного» издана уже по моей инициативе издательством «Просвещение». Ее издали из коммерческих соображений миллионным тиражом. Никогда ни в одной стране Фрейд таким огромным тиражом не издавался. Хоть в книгу рекордов Гиннеса помешай. Равно непродуктивны как нигилистическое, так и апологетическое отношение к Фрейду, этому классику мировой психологии. Впрочем, здесь более широкий вопрос, касающийся общей культуры научно-психологического мышления. У нас многие годы было не только унитарное государство, но и унитарное «черно-белое» мышление. В годы сталинщины волны «холодной войны» накрыли также и психологию. Помню, как партийные органы требовали изучать психологию советского человека в качестве существа особой породы, строителя нового общества, свободного от «вредоносных» буржуазных влияний. Связи с западными учеными грозили остракизмом.

Впервые наши психологи выехали за рубеж в 1954 г. Анатолий Александрович Смирнов рассказывал, что встретившие его

там психологи чуть ли не ощупывали их и спрашивали: «А как вы бреетесь, у вас есть бритвы?». Смирнов, обладавший чувством юмора, отвечал: «Нет, ну какие бритвы, это нам жены выщипывают бороды».

Не сказал бы, что в дальнейшем контакты с зарубежными учеными серьезно повлияли на развитие в нашей стране психологии. Нити этих контактов оказались в руках небольшой группы лиц, которые монополизировали право представлять советскую психологию за рубежом. Это привело к прецедентам, которые, по существу, дискредитировали нашу науку, поскольку представление о ней складывалось в результате знакомства с одними и теми же людьми, представлявшими одну и ту же ориентацию. Мне об этом с сожалением говорили в Англии и Канаде тамошние ученые. Совершенно поразительно, но на Международном психологическом конгрессе в Мексике был организован не нашими, а западными психологами симпозиум о творчестве Л.С. Выготского. Один из советских делегатов стоял у дверей, где шло заседание, но не участвовал в нем. Не принимал, видите ли, «деятельностный подход», который и поныне, ничтоже сумняшеся, приписывают Выготскому.

Давно пора научной общественности разобраться в вопросе о международных научных связях. Следовало бы добиться и здесь открытости, гласности, покончить с положением, когда за рубежом из года в год сидят одни и те же научные «генералы», о значении поездок которых для нашей психологии никому неизвестно. Скучную конвертируемую валюту следует расходовать прежде всего на стажировку научной молодежи. Хорошо бы организовать конкурс программ стажировки, опубликовать предложения в «Психологическом журнале», а победителям конкурса по приезду опять же публично отчитаться, как отчитывались раньше, в журнале Министерства народного просвещения. Такая гласность была в XIX в. А сейчас у нас все это решается кулуарно... Дело тут, конечно, не только в нравственной стороне дела, но и в интересах самой науки, тем более что наука и нравственность нераздельно связаны, о чем мы хорошо знаем из нашего печального исторического опыта... Вспоминаю одного крупного психолога, который бегал в райком партии советоваться с инструктором, фамилию которого давно уже забыли. Возвращаясь, этот ученый с придыханием говорил: «Вы

знаете, я был в нашем Краснопресненском райкоме у такого-то товарища (называл фамилию), и он мне посоветовал, чем, кому и как сейчас надо заниматься». Инструктор райкома решал «сеченовский» вопрос: кому и как разрабатывать психологию! Естественно, что при таком поведении, которого требовала эта система, рушилась нравственность. Вместе с тем в нашей науке были люди высоконравственные, такие, например, как директор Института психологии Анатолий Александрович Смирнов. И при сильнейшем давлении сверху он не терял достоинства, поддерживал людей в трудные минуты, ограждал, как мог, от притеснений и преследований, кого-то изгнанного за «космополитизм» устраивал на работу и т.д.

В связи с идеей общеевропейского дома, в котором, я надеюсь, предстоит жить будущим поколениям, надо восстановить естественную связь и взаимодействие русской научной мысли с европейской. Особенно значимы были бы русско-германские связи, тем более сейчас, когда совершенно очевидно, что общая тенденция развития Европы идет к тому, что объединенная Германия и Россия вновь будут главными центрами ее научной жизни. Это две мощные с великими культурными традициями державы. Конечно, и французская культура была связана с русской, но влияние шло главным образом по линии искусства, так же, как, например, итальянская — по линии архитектуры и т.д. А вот что касается психологической науки, то здесь главную роль играла Германия. Возьмите, например, Сеченова — четыре года он был «стажером» в Германии, учился у великого Гельмгольца, Бехтерев работал у Вундта, Ланге — у Вундта, Рубинштейн защищал диссертацию в Германии, Узнадзе тоже... Разве не любопытно, что молодой грузинский ученый Узнадзе защищал в немецком университете диссертацию о русском философе Владимире Соловьеве? Я думаю, что в духовном развитии всех этих ученых огромную роль сыграли контакты с немецкой философией, психологией, естествознанием. Удастся ли нам — и каким образом — интегрироваться в мировую науку?! Но интегрироваться не путем эпизодических поездок, случайных контактов, научного туризма и пр., а на основе крупных взаимоориентированных программ. Тогда нам не грозит опасность «утечки умов», как это произошло, например, с Л.М. Веккером, автором одной из самых фундаментальных работ по

общей психологии «Психические процессы», изданной в трех томах. На факультете психологии Ленинградского университета он оказался лишним. Как только ему исполнилось 60 лет, его вынудили уйти. Ныне он профессор в США, -один из крупнейших специалистов по искусственному интеллекту.

Как и все общество, наша психология больна. Пороки социальной системы глубоко в нее ввелись. Перестройка дает шанс на ее радикальное обновление. Открытость, демократизм, плюрализм, ответственность и преданность истине всегда являлись главными ценностями «республики ученых». У нас повсеместно, в том числе в психологическом социуме, в формах организации науки они были подавлены. Отсюда все беды. Множество дефицитов. Дефициты профессионализма, нравственности.

Сейчас важнейшая задача — разобраться критически в нынешней теоретической ситуации. Это требует серьезного анализа исторических судеб психологии. Это тривиально, но следует еще раз напомнить, что без истории нет теории науки, а без теории, в содружестве с «господином Фактом», создается лишь видимость наукоемкой практики. Общество нуждается не только в хлебе. Теперь, как и во времена Возрождения, оно требует: «Говорите нам о душе!». Кто только не говорит: экстрасенсы и гипнотизеры, хироманты и астрологи... Их невиданная прежде популярность представляет сама по себе феномен, требующий социопсихологического, социокультурного изучения. Образовался вакуум, в который из-за бессилия научной психологии устремились люди, предлагающие ей в духе масс-культуры эрзац.

Жизнь требует развития практической психологии, и вы в журнале немало об этом пишете. Но наивно думать, что выпускник факультета психологии может сегодня прийти в Совет Министров для выполнения социального заказа... Академик Абалкин сказал по поводу объявленного Н.И. Рыжковым повышения цен на хлеб, которое вызвало резко негативную реакцию в обществе, что если бы прежде посоветовались с социальными психологами, то, может быть, этого поспешного выступления не было бы. А корреспондент, интервьюировавший Абалкина, сообщил — да, потом мы привлекли психологов... Не знаю, что они предложили, но вряд ли что-либо превышающее уровень здравого смысла. Сейчас, откликаясь на требования времени,

молодые психологи отдают всю энергию психотерапии, психотренингу, консультированию и т.п. Создаются конторы, совместные предприятия, используются различные системы тестов, методики разрешения конфликтов, изучения психологического климата, но, к сожалению, этот опыт пока не изучается, не обобщается. Нет теоретической рефлексии об этих формах практической деятельности психолога. А без этого ее ценные крупинцы остаются вне естественного для любой науки круговорота понятий и фактов, который приводит к «приращению понятий», дающему более отчетливое видение психической реальности.

Появились психологи, которые выходят на уровень публицистики, рассчитывая, что они своими рассуждениями, например, о психологии власти, механизмах подавления личности, эмиграции и т.п., используя эти модные, популярные темы, могут что-то сказать. Во-первых, им далеко до публицистов, которые это выполняют гораздо тоньше и интереснее. Мы можем назвать по крайней мере десяток публицистов, являющихся ныне властителями дум нашей интеллигенции, но мы не можем назвать в этом смысле ни одного психолога, хотя кто-то и публикуется в «Московских новостях» и популярных журналах. Думаю, что такие выступления нужны, полезны, но они тогда только приобретут серьезное значение, когда будут опираться на исследования, использующие научно-психологические понятия и методы. Эти выступления не столько результат обобщения изученных фактов, сколько игра ума, может быть, интересная, увлекательная, с сопоставлением разных эпизодов, прецедентов из нашей истории и современности, но вряд ли оставляющая запись в летописи научной психологии, в фонде основных знаний. От имени психологии ныне выступают различные колдуны и знахари. Сколько бы мы над этим ни смеялись, надо признать, что это бедствие для науки, ее компрометация. В народном сознании складывается ложный образ психологии. Разрушить его способно только высококвалифицированное сообщество, отстаивающее стандарты научности и профессионализма, подобно тому, как это принято, например, в сообществе медиков. Между тем до профессиональной консолидации у нас психологического сообщества далеке...

(записано 11 августа 1990 г.)

К. К. ПЛАТОНОВ
(1906-1984)

Впервые опубликовано в «Психологическом журнале» (1991, т. 12, № 3, с. 134—142).

Фото из семейного архива К. К. Платонова

Константин Константинович Платонов — доктор психологических и медицинских наук. Каждый психолог хорошо знает это имя. У К.К. Платонова более 300 научных публикаций, многие из которых переведены на иностранные языки. По перечню только некоторых из них виден большой диапазон тем, которые были в поле его научной деятельности: «Вопросы психологии труда», «Авиационная психология», «Проблемы способностей», «Система психологии и теория отражения»... Известен он и широкому читателю своей популярной книгой «Занимательная психология», переведенной на многие языки.

Но не только научными успехами, хотя они и очень значительные, можно характеризовать К.К. Платонова. Константин Константинович — воин, полковник, врач (психиатр, психотерапевт, невропатолог, эксперт), во время войны заместитель начальника медицинской службы 16-й воздушной армии. Его боевой путь — от Сталинграда до Берлина. Он награжден четырьмя орденами и многими медалями. К.К. Платонов беззаветно служил своей Отчизне, внес достойный вклад в общую победу над врагом.

В редакции «Психологического журнала» Константин Констан-

тинович бывал часто. Очень оперативно, буквально в два-три дня писал рецензии, которые ему предлагались; по нашей просьбе готовил авторские материалы. До сих пор мы помним отточенный, лаконично-меткий язык его публикации, ставим его в пример многим авторам.

В журнале был опубликован сокращенный вариант беседы, проведенной ранее с К.К. Платоновым. При его подготовке принимала участие вдова К.К. Платонова Галина Николаевна. Предваряется беседа двумя воспоминаниями ученых.

М.Г. Ярошевский, доктор психологических наук, профессор:

— С Константином Константиновичем Платоновым я неоднократно встречался на различных заседаниях, совещаниях, в кулуарах. С первой же встречи с ним, помню, сразу же почувствовал его дружеское расположение ко мне, научному сотруднику, младшему по возрасту, имевшему несравненно меньший опыт, чем он. А Константин Константинович уже в то время был известен как серьезный исследователь психологии летного труда. И я был польщен, когда он преподнес мне с теплой надписью свою известную книгу об этой области исследований, сказав, что это один из последних сохранившихся у него экземпляров.

Мы, окружавшие его более молодые ученые, мало знали о психологических исследованиях, которые проводились в закрытой системе, где он тогда работал, и поэтому, очевидно, в беседе с ним те или иные детали, касающиеся специфики военнолетного дела, не были предметом нашего обсуждения. Но мы неоднократно касались вопросов общего характера, в частности перспективы дальнейшего развития психологической науки.

Я вспоминаю, что он всегда с большой доброжелательностью отзывался о многих наших психологах, в том числе и о тех, кто относился к нему несколько скептически, считая, что он не выдающийся теоретик, а «прикладник», человек, связанный с решением сугубо практических задач в психологии. Между тем он не только вел прикладные исследования, это был ученый с очень широким исследовательским диапазоном.

Конечно, его притязания на построение большой теории личности не без основания встречали возражения. Например, его книга о личности у меня тоже вызвала некоторую настороженность в силу ее недостаточной теоретической весомости, из-за недоучета мировых разработок по этому вопросу. В корректной форме некоторые из своих замечаний я ему высказывал. И к чести его он не обижался, напротив, всегда стремился к тому, чтобы на его работы давались пусть и острокритические, но серьезные, убедительные отзывы.

Ему была свойственна высокая нравственность и как ученого, и как человека. Я бы даже сказал, что нравственность была доминирующей чертой К.К. Платонова, причем это сочеталось, как я уже сказал, с большой доброжелательностью. Чтобы поощрить, поддержать людей, он нередко завышал даже оценки того, что они сделали. Были ученые, причислявшие себя к недоступной элите, вещающей какие-то истины, снисходительно относившиеся к научной молодежи. К.К. Платонову это было абсолютно чуждо. Он не кичился своими заслугами, был прост в отношениях с людьми. Поэтому к нему тянулись все — психологи, непсихологи, специалисты из других областей. Приходилось не раз слышать добрые отзывы о К.К. Платонове его диссертантов, благодарных за его чуткость даже к недостаточно зрелым плодам их трудов. С иным человеком, говорили они, встречаешься, словно со стеной, сразу пропадает желание обращаться с какой-либо просьбой. Располагая к себе, Константин Константинович снимал у молодого научного сотрудника робость, покорял его своей душевной чистотой. Я знаю очень многих представителей медицинского мира, которые воспринимали его отнюдь не по принципу: «он психолог для врачей и врач для психологов». Про Платонова можно было сказать, что он в обеих областях прочно стоял на ногах, не был в какой-то из них случайным человеком.

Еще одна особенность его деятельности — это стремление соотносить теоретические поиски с нуждами практики. Это было характерно для него и в период его увлечения военной психологией, психологией летного труда, и в последний период его творчества.

К.К. Платонов постоянно стремился каким-то образом сделать психологию близкой возможно более широкому кругу

людей. Он не считал, что она должна пребывать в «башне из слоновой кости», как представляли себе некоторые наши теоретики, которые усложненным, изотерическим, недоступным другим людям языком излагали что-то свое, порой довольно банальное. Он же — еще в те времена, когда психология не была популярной наукой, — хотел показать, что психология имеет право на собственный голос в решении общекультурных задач. Поэтому неслучайно он написал «Занимательную психологию», которая пользовалась и поныне пользуется огромным успехом, расходуется большими тиражами и, думаю, играет важную роль в подготовке нашего общественного сознания к восприятию элементов психологических знаний.

К.К. Платонов придавал важное значение овладению психологической культурой, в особенности экспериментальной психологической культурой.

Мне пришлось с К.К. Платоновым общаться довольно длительное время в связи с его интересом к истории авиационной психологии. Он сам был одним из творцов в нашей стране авиационной психологии. Обычно в преклонном возрасте возникает стремление осмыслить пройденный тобой путь. Константин Константинович иногда бывал в Институте истории естествознания и техники, где я работаю, приносил различные материалы, связанные с историей авиации, знакомил меня с этими материалами, советовался о том, какие из них целесообразно было бы опубликовать.

К.К. Платонов никогда не жаловался на свое состояние, а ведь он перенес инсульт, инфаркт, ходил с палочкой. Но как бы ему ни было трудно, он продолжал сам активно заниматься научной деятельностью и еще готовил к ней молодых ученых. Он их зачастую приглашал домой, где царил атмосфера доброты и спокойствия — этому во многом способствовала жена Константина Константиновича: можно было позавидовать их согласию, взаимоуважению и заботе друг о друге.

Константин Константинович был очень неприхотливым и скромным в быту. Будучи крупным ученым, сыном знаменитого психотерапевта и гипнолога К.И. Платонова, он занимал небольшую жилплощадь, и лишь внушительная библиотека в его комнате говорила о том, кто здесь проживает.

Я бы так сказал: К.К. Платонов был «народным челове-

ком» — и не только потому, что умел писать доступным языком. Импонировал демократизм Константина Константиновича, он пользовался поэтому большой симпатией у подавляющего большинства людей, в том числе и у тех, кто непосредственно не имел отношения к психологии — у врачей, военных, историков... Человек широкой образованности, научной компетентности, он был открытым для людей, исключительно честным и порядочным. Таким и остался в памяти.

А.Л. Гройсман, доктор медицинских наук:

— У Константина Константиновича был природный дар рационализировать жизненные трудности, уметь трудное воспринимать облегченно, обыгрывать свои недостатки. Так, после перенесенного инсульта он прекрасно приспособился к вождению машины, художественно «обыгрывал» свою хромоту, жестикулировал палкой. Он не только не давал себе поблажки, а, наоборот, стремился извлечь хоть какую-то «выгоду» из послеинсультного состояния, приспособив свой организм под новые «предлагаемые обстоятельства». Он умел жить, говоря словами одного из героев М.Е. Салтыкова-Щедрина, «применительно к подлости» жизни. Видимо, в силу закона гиперкомпенсации, который хорошо известен специалистам в области нейрофизиологии мозговой деятельности, у него даже стали появляться «новые способности». Вернее, это были не новые способности, а скрытые резервы психики, которые не были подавлены болезнью, а стали «вскрывать» благодаря активной жизненной установке личности Константина Константиновича. Только недалекие люди могли думать, что Константин Константинович после инсульта деградировал: наоборот, он стал более игровым, артистичным и игривым, у него активизировалось «синкретическое» видение мира, панорамно-художественное целостное восприятие его, наивность и детскость экологического сознания, которое он культивировал у себя, чтобы сохранить и развить творческую работоспособность мозга.

Ведь именно по такому параметру СМ. Эйзенштейн отбирал к себе на режиссерское отделение во ВГИК, выявляя и развивая у абитуриентов-студентов «пралогическое», «первобытное» мышление, таящее в себе синкретическую целостность и детскость восприятия, столь необходимые для образного мышления.

Константин Константинович допускал пропуски в речи, аграмматизмы, его мозг работал по кибернетическому принципу «двоичности». Зная за собой конституционально присущие черты педантизма, ригидности аффекта, он сознательно смягчал теперь их благодаря воспитанию в себе большей терпимости к нелогичным поведенческим реакциям (например, у детей), инаковидению и инакомыслию других людей — художников, ученых и лиц самых разных профессий, как известно, широко окружавших К.К. Платонова. Он проявлял живой интерес к экстрасенсам, феномену Розы Кулешовой и другим так называемым «таинственным явлениям человеческой психики», например к выступлениям на эстраде артистов в жанре «психологических опытов».

Эти высокие качества системного видения мира, масштабность мышления художника, философа, ученого были засвидетельствованы видными харьковскими психиатрами — докторами медицинских наук, профессорами: А.И. Плотицером (зав. отделом психиатрии Харьковского научно-исследовательского института неврологии и психиатрии Минздрава УССР), А.Н. Шогамом (зав. отделом пограничных состояний того же института) и И.М. Атером (зав. отделом физиологии ВНД). Они, не сговариваясь, предложили харьковской общественности прослушать курс лекций К.К. Платонова по военной психологии, которые он с блеском прочел в самой клинике, не снимая больничного халата.

Работая над проблемой облегчения мозгового напряжения, Константин Константинович думал не только и не столько о себе, сколько о том, как помочь молодым ученым в выработке гигиены и режима умственного труда. Хорошо зная бюрократический стиль защиты диссертаций, он был для своих учеников истинным психотерапевтом, не пугая их премудростями написания «чиновничьего труда», давал простые и дельные советы.

Рационализация умственного труда отразилась и на стиле его редактирования. Так, например, работая над рукописью моего учебника по психологии для театральных вузов, Константин Константинович иногда клеивал в нее целые страницы из своих статей и книг, бескорыстно даря свое авторство. Когда я пытался возразить, что мне негоже так поступать, ведь это пла-

гиат, он твердо заявил: «Во-первых, здесь нет плагиата уже потому, что мы вместе продумывали эти мысли и пришли к одному заключению сообща, во-вторых, на обложке рукописи вы же пишете, что я редактор, так что это мое авторское право отдавать свои мысли моим ученикам. А в-третьих (тут он хитро прищурился и даже по-детски показал язык), вы ведь все равно лучше меня не напишите». Действительно, все мои попытки изложить мысли Константина Константиновича своими словами были обречены на провал или приводили к серьезной неудаче: его текст настолько математически формализован, что ни одного слова нельзя выкинуть, как из хорошей, полюбившейся песни. Это говорит о системном характере мышления Константина Константиновича.

НА ФРОНТЕ, В НАУКЕ, В ЖИЗНИ

— *Константин Константинович, расскажите, пожалуйста, про вашу фронтową работу.*

— Я был в трех должностях в армии за одни штаны и казенные сапоги: заместителем начальника 16-й воздушной армии, председателем экспертной комиссии и армейским невропатологом. Не полагалось мне летать на боевые задания, а я летал. Потому что... считал, что не могу быть хорошим председателем армейской комиссии без понимания полетов. Ведь как председатель комиссии я мог человека демобилизовать, послать его на любое время в Москву, в отпуск с фронта... Я считал, что не могу иметь эти уникальные права, не будучи уникально подкованным по знанию летной работы. Я не могу давать заключения на боевого летчика, который с улыбкой скажет: «Э-э, доктор, слетали бы вы, посмотрели, что такое, когда в воздухе порохом пахнет». А мне ни один летчик моей армии сказать этого не мог. Они все знали, что Платонов летает на боевые задания, будучи врачом...

— *В качестве кого вы летали на боевые задания?*

— Стрелка-радиста, штурмана... В 1944 г. я из Жлобина (он уже наш был) летал на У-2 к белорусским партизанам. Нас обстреливали при перелете через линию фронта. Я летал на «илах», на пикирующих бомбардировщиках за штурмана. Полет

на пикирующем бомбардировщике Пе-2 — мой первый полет. Было четыре захода при форсировании Днепра. Я получил благодарность. Четыре раза возвращались к себе, а потом вновь пикировали. Весь Днепр был подо мной. Награды у меня? Два ордена Красной Звезды, ордена Отечественной войны II степени и Боевого Красного Знамени, множество медалей, есть болгарская правительственная награда.

Командиром нашей 16-й воздушной армии — тогда генерал-полковник, а ныне маршал — был Сергей Игнатьевич Руденко. Это самая большая воздушная армия была. Она шла от Сталинграда до Берлина. Руденко нравилось, что я летаю. У меня семь боевых полетов было. Число такое мистическое. На трех типах самолетов. Так что я знаю, что такое боевой полет...

Могу еще рассказать о любопытном эпизоде накануне капитуляции Германии.

Хотя Гитлер и отказался переносить ставку на запад, а также от предложений улететь из Берлина, тем не менее возможность его бегства воздушным путем существовала, и наше командование не сбрасывало ее со счетов. Об этом же думали находившиеся в Берлине немецкие антифашисты, которые искали случая помочь советским войскам.

Те дни я провел в группе 16-й воздушной армии, выехавшей 25 апреля 1945 г. из армейского штаба на передовую линию. Группа должна была, имея прямую связь со штабами наземных армий, непрерывно следить за боевой обстановкой и через оперативный отдел корректировать боевую работу авиации.

29 апреля рано утром я оказался по делам службы в одном из окраинных районов города. На улице у Адлерсгофского аэродрома ко мне подошел старик и обратился на ломаном русском языке. Я говорил по-немецки несколько лучше, чем он по-русски, и мы кое-как поняли друг друга. Он представился мне как коммунист, рабочий, член подпольной коммунистической организации, которая не прекращала работы все годы войны, и показал свой партийный билет, подписанный товарищем Тельманом. «Мы, немецкие коммунисты, находившиеся в подполье, — сказал он, — знаем, что у Гитлера недалеко от рейхсканцелярии, где он сейчас находится, есть подземный ангар, взлет самолета оттуда может быть проведен с Зигес-аллее Тиргартена или с Унтер-ден-Линден. Мы получили сведения, — продолжал он, —

что вчера оттуда поднялся самолет «шторх». Берлинские коммунисты поручили мне встретиться с русскими. Мы просим вас довести эти сведения до маршала Жукова, чтобы он приказал как можно скорее разбомбить Зигес-аллее и Унтер-ден-Линден».

Мой собеседник был очень взволнован и часто повторял: «Очень просим скорее», «Не надо, чтобы он убежал»...

Генерал-лейтенант А.С. Сенаторов, которому я доложил о своем разговоре с посланцем берлинских подпольщиков-коммунистов, сначала отнесся к принесенным мною сведениям скептически. Потом вспомнил, что А.И. Покрышкин уже не раз взлетал с асфальта «Берлинер рунд» — автострады, окружавшей Берлин. Вскоре после телефонного разговора генерал-лейтенанта со штабом армии наши самолеты весьма аккуратно и точно положили ряд бомб вдоль Унтер-ден-Линден и Зигес-аллее. Штурмовики завершили их работу.

Через несколько дней я смог своими глазами убедиться в эффективности этой бомбежки. В числе других выполнял ее И. А. Маликов — летчик, которого я как председатель армейской врачебно-летной комиссии допустил к полетам, хотя вместо правой ноги у него был протез...

— *Константин Константинович, при каких обстоятельствах вы переключились с научно-исследовательской деятельности на создание научно-популярной книги «Занимательная психология»?*

— Со мной произошел инсульт и перенес я его очень тяжело.

Свалился я с трибуны на партсобрании, на котором обсуждался вопрос о том, нужна ли психология авиации, в частности, нужна ли моя книга «Психология летного труда». Она уже была в рукописи, а наш дурак замполит возражал... Так вот того замполита мне нужно было бы послать к такой-то маме, и у меня не было бы инсульта. А я с ним вежливо говорил, побледнел и свалился. Думали, что с инфарктом, а оказалось — инсульт...

... Но я понял также, что раскисать нельзя. Я тренировался, делал гимнастику, начал ходить, как обезьяна. У жены занятия в техникуме, где она работала, начинаются с первого сентября — к этому времени я должен был обязательно начать ходить и

закончить лечение в Архангельском. Я постарался это сделать. Я понял, что должен взять себя в руки и что-то начать делать, отвлекаясь от болезни...

Сообразил, что давно хотел написать книгу «Занимательная психология» для летчиков, для которых раньше написал «Очерки психологии для летчиков». У меня была мысль написать книгу по психологии в стиле «Занимательной физики» Перельмана. И вот «Занимательную психологию» я начал писать на пятый день после инсульта и поступления в госпиталь. Продумал все, писал заголовочки на листиках.

В 1959 г., в мае, был демобилизован, примерно еще год лечился. И весь год, составляя «Занимательную психологию», работал в Ленинской библиотеке.

— *Константин Константинович, теперь, если вы не возражаете, перейдем к психологическим проблемам. В связи с этим вопрос такой: не кажется ли вам, что прогресс в психологии достигался благодаря прикладным направлениям медицинской психологии, психологии труда и т. д.?*

— В основном прогресс науки определяется практикой. То, что практика есть высший критерий истины, с этим я согласен с Владимиром Ильичом. Думаю, он абсолютно прав. Для меня основное было — прикладное. Конечно, через все прикладное что-то из теории будет двигаться...

— *А какая из прикладных дисциплин окажется наиболее важной в развитии всей психологической науки?*

— Какой она окажется в 2020 году, я не знаю, это очень далеко. Но я могу сказать на ближайшие пятилетки, например 2 — 4 пятилетки, на обозримый отрезок времени... У меня сейчас будет статья о личности, которая получит паспорт в 2000 году... Так вот на ближайшее время — это социальная психология. Но не как психология малых групп и коллективов — это остриё, фокус, а как ветвь психологии. Не как индивидуальная психология, а как социальная. Я дал определение, на которое теперь не ссылаются, на меня не ссылаются, но повторяют очень часто: «Предметом социальной психологии являются психические явления, либо существующие только в группе, либо существующие у личности только в группе». Либо это у двух минимум, а у одного нет, либо это у одного, когда он в двух, трех или десяти, но когда он включен в эту группу. И вот все это являет-

ся основным предметом. Я и занимаюсь социальной психологией. Не узкой социальной психологией, а социальной психологией в широком смысле...

— Проблема сознания остается для психологии одной из самых острых и ключевых. К сожалению, за последнее время сколько-нибудь существенного приращения знания по этой проблеме, судя по литературе, не наблюдается. Есть ли основания в обозримый период ждать новых идей или открытий?

— Я считаю, что мы о сознании очень много знаем. И вместе с тем есть три основные категории психологии — сознание, личность, деятельность. Нужно, наконец, свести сознание к личности, поставить точку над «і». Что бы мы ни изучали в личности, мы изучаем сознание. Что бы мы ни изучали в сознании, мы изучаем личность. И надо согласиться с этим недобитым Платоновым, что личность — это человек как носитель сознания. Если мы принимаем эту формулировку, то понимаем, что в человеке есть только две вещи — организм и личность. Как организм человек материален, как личность — идеален, субъективен. И все, что мы знаем о личности, мы говорим про сознание. Все, что мы говорим про сознание — только другими словами, — говорим про личность. Я написал две книги по авиации: «Очерки психологии для летчиков», «Психология личности пилота» (в соавторстве). Нарочно писал: «личность пилота», но я писал про психологию. Я писал главу о внимании, но назвал эту главу «О внимательности». Так о чем я писал — о личности или о сознании? Я писал о том и другом. Я сказал, что пишу про личность, но рассказывал-то я о внимании как о форме проявления сознания...

— Что из открытий в психологии является самым-самым?

— Это то, от чего психологи в лице нашего института и его дирекции всячески отказываются — от всех тех явлений, которые называют неприемлемым для меня словом «парапсихология», обозначающим «над», «вне психологии», «мета» — где-то в стороне...

— Может быть, параллельно?

— Я думаю, что это греческий корень. «Телекинез», «телепа-

тия» туда входят. Это те феномены, которыми психологии придется заняться, хочет она того или нет. Выход в практику в связи с этими феноменами следует искать в области изучения субсенсорных явлений, а не в парапсихологии, как она сейчас обычно понимается...

— *Большое внимание в настоящее время уделяется экономической психологии. Возможна ли такая дисциплина?*

— Во-первых, возможна. Во-вторых, очень нужна. В-третьих, все, что делается, серьезного я пока ничего не знаю по этому поводу. Если спросить, что у меня в психологии основное, я бы сказал: прикладная психология. Все виды психологии, к чему-либо приложенные: к труду, социологии, медицине, юридическим наукам... Все они в моей жизни прошли через мою работу, вернее сказать, я через них прошел.

— *Мы часто говорим об экономическом управлении и порой забываем о психологических методах управления большими коллективами. Можно ли в ближайшем будущем ожидать прогресса именно в психологическом управлении большими массами людей?*

— Управление большими группами уже невозможно без понятия «власть». Одна из моих последних работ, опубликованная дважды в Болгарии и у нас в Иванове, — это «Идеологические функции психологии», или «Психология идеологической работы». Я так говорю: идеологическую работу ведут не психологи, ее ведут политработники, партработники — в армии. Но они опираются на психологию и, опираясь на психологию, этим активизируют что? — идеологическую функцию психологической науки. Психология управления, бесспорно, будет развиваться. Она нужна. Рано или поздно руководство большими группами будет поднято на уровень науки, на уровень большой социальной психологии, той более частной науки, которая наряду с психологией малых групп и коллективов будет психологией больших групп и коллективов, народов и национальностей и сольется с тем, что сейчас, используя зарубежный термин, у нас называют политической психологией. Почему она за рубежом очень развивается? Она им нужна, как воздух. Что такое сейчас политическая психология для Америки? Это психология двух партийных систем, это психология выборов, это психология масс, которые нужны для выборов, это психология взаимодейст-

вия правительства с массами безработных... И американцы поняли раньше, чем это широко было понято в Советском Союзе, я не могу сказать раньше, чем, марксисты, потому что Владимир Ильич это понимал и везде это говорил, касаясь науки.

— *Расскажите о работах своего отца Константина Ивановича Платонова.*

— Весь гипноз и вся психотерапия русская идут, по существу, от Бехтерева Владимира Михайловича. А отец непосредственно это продолжил, развил, потому что Бехтерев очень много делал другого, а отец, кроме психотерапии, ничего. Он клиницист был, лечил, вел всегда частные приемы, говорил, что они нужны ему потому, что тогда к нему идут настоящие больные, а во всех поликлиниках, «где консультирую, там не больные, там нужны бюллетени». Я видел лично слепую, которая прозрела в приемной у отца. Ожидала его и прозрела. Вот как у святой иконы. Слепота ее истерическая, функциональная. Слепых истеричек он лечил довольно часто, он их гипнозом вылечивал, а эта только верой в него вылечилась. Кричит: «Я вижу, я вижу».

Вера больных в него была беспредельная. Он был настолько знаменит на Украине, что ему приходили письма без адреса: «Харьков, профессору Платонову». И почтальоны приносили.

Интересно, между прочим, отец своего последнего больного усыпил в 92 года. К нему на квартиру приехал его бывший больной, железнодорожник. Отец много лет консультировал и вел больницу железнодорожную. У него даже есть знак почетного железнодорожника. Вся железнодорожная медицина в Харькове была его медицина. И вот тот бывший больной-алкоголик привез своего сына-алкоголика. Это было летом 1969 г. Прорвался к нему, сидят оба, пьют у отца чай. Отец неожиданно стукнул кулаком по столу, говорит: «Спать!». И сын заснул. Несколько дней отец давал ему сеансы и вылечил его. Внушением. В 92 года!

Родился отец в 1877 г., 18(30) октября, а умер в 1969 г., 6 августа. Его книга по экспериментальному гипнозу «Слово как физиологический и лечебный фактор» выдержала три издания. В 1931 г. в Харькове она была издана, два издания было в Медгизе. Потом она была переведена на английский и испанский языки. Так что за границей она известна очень хорошо. В 60-х годах был первый конгресс по гипнозу в Мексике. От нас

поехал ныне покойный Дмитрий Дмитриевич Федотов, директор Института психиатрии МЗ РСФСР. Он повез туда приветственное письмо от отца. Федотов был представителем советской психотерапии, советской психиатрии. Он мне рассказывал, что после открытия конгресса председательствующий объявил, что здесь присутствует профессор Д.Д. Федотов с письмом от К.И. Платонова. Ему предоставляется слово зачитать письмо-приветствие. Федотов начал читать письмо, и весь зал слушал письмо стоя. Это было мировое признание. Одно его имя всех присутствующих на конгрессе подняло с мест. Когда я был в Париже, по просьбе профессора Бассина звонил Чертоку; помню, когда я назвался, тот сразу приехал — не ко мне, а к сыну Константина Ивановича.

— *Константин Константинович, какие у вас сейчас планы творческие, в том числе по написанию монографий, книг?*

... В ответ на этот вопрос Константин Константинович говорил о своей книге «Система психологии и теория отражения», о подготовленной к печати рукописи «Структура и развитие личности», о работе над психологическими словарями, о замысле нового издания «Занимательной психологии» в издательстве «Молодая гвардия» (все это теперь уже опубликовано).

Под конец беседы Константин Константинович сказал:

— Готовлю книгу воспоминаний «Встречи на моем пути. Записки старого психолога», листов 12—13. В основе то, что я видел. Я показываю только тех, с кем имел интересные встречи. С Орбели, например... Мечтаю ее увидеть в печати...

(записано 14 апреля 1984 г.)

К. М. ГУРЕВИЧ

Впервые опубликовано в «Психологическом журнале» (1991, т. 12, № 4, с. 139—156). Данный вариант текста несколько дополнен.

Фото В. Артамонова

Константин Маркович Гуревич — доктор психологических наук, профессор. Родился 19 октября 1906 г. в Самаре. С 1925 г. живет в Москве, вскоре поступает в Центральный институт труда ВЦСПС на должность лаборанта сенсорной (психотехнической) лаборатории. С 1928 г. обучается на педологическом отделении Государственного педагогического института им. А. Бубнова. Затем переезд в Ленинград. Работает во вновь открытой лаборатории профконсультации Ленинградского института организации и охраны труда лаборантом, научным и старшим научным сотрудником. Студент психотехнического отделения Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена, который заканчивает в 1932 г. После ликвидации лаборатории профконсультации в 1937 г. некоторое время К.М. Гуревич работает в лаборатории, возглавляемой К.К. Платоновым в Качинской военно-летней школе; в том же году поступает в аспирантуру Московского института психологии, его научный руководитель — А.Н. Леонтьев. В качестве ассистента кафедры педагогики ведет занятия по психологии в Московском городском педагогическом институте им. В.П. Потемкина. Преподает психологию

в Удмуртии, в Ижевске. В 1941 г. КМ. Гуревич — кандидат наук, в 1942-м — доцент. Осенью 1943 г. возвращается в Москву. Более 17 лет работает под руководством Б.М. Теплова — сначала на кафедре логики и психологии Академии общественных наук при ЦК ВКП (б), затем в Институте психологии, одновременно преподает в МГУ. С 1968 г. — заведующий лабораторией этого института, в 1971-м — доктор наук, профессор. Опубликовал более ста работ, монографию. Соавтор и ответственный редактор нескольких коллективных монографий, редактор и соавтор 10 научных сборников, автор нескольких брошюр. Вот только небольшой перечень его авторских книг: «Профессиональная пригодность и основные свойства нервной системы» (1970), «Психофизиологические вопросы становления профессионала» (в 2-х тт., 1975), «Проблемы дифференциальной психологии. Избранные психологические труды» (1998)...

К. М. Гуревич: «НЕ ПОРА ЛИ ОЦЕНИТЬ МЕТОДИЧЕСКИЙ АППАРАТ НАШЕЙ НАУКИ?»

— Константин Маркович, в этой рубрике, как вы заметили, в первую очередь выступают психологи с большим жизненным и профессиональным опытом. Мы заранее благодарим вас, что вы согласились поделиться своими воспоминаниями о прошлом. И первое, о чем хотелось бы узнать, — о начале вашего пути: что определило вашу судьбу как психолога, кто повлиял на выбор профессии и конкретной психологической вашей ориентации, попросту говоря, что вас привело в психологическую науку?

— Поколению, к которому я принадлежу, пришлось пройти весь послереволюционный исторический путь. В Октябрьскую революцию мы были детьми; я, как и многие мои сверстники, воспринял и впитал сначала лозунги революции, а потом и ее идеи. Мы, дети того времени, не участвовали, конечно, непосред-

ственно в революционных событиях, но были свидетелями бурь и потрясений, происходивших в стране. Когда же становились взрослыми, зрелыми, старыми, то многое переживалось уже как должное, как естественная данность — особый вид неосознаваемого конформизма. Не одному мне это присуще, хотя, понимаю, хвастаться тут нечем.

К психологии я относился с огромным интересом, даже несколько романтически. Я считал, что это не просто область знания, а путь постижения психики — своей и других людей. В юные годы я с особым волнением вчитывался в любые классические произведения о психологах и психологии, и до сих пор герой рассказа А.П. Чехова «Черный монах» Коврин занимает особое место в моей памяти: вы помните, он читал книги по психологии, изучал философию, но мысли, которые вычитывал из книг, не удовлетворяли его, «ему хотелось чего-то гигантского, необъятного, поражающего».

Не могу сказать в точности, кто направил меня в Центральный институт труда (ЦИТ), в психотехническую лабораторию, зато могу сказать, что, попав туда, я был счастлив: тематика лаборатории, а главное, люди, с которыми я встретился, завладели всем моим существом. С уважением и любовью вспоминаю возглавлявшего лабораторию А.А. Толчинского, сотрудников Р. Гальперин, В. Дризен, Н.К. Гусева, пришедшего уже после меня. Все они относились ко мне, малообразованному юноше, с вниманием и терпением. Я, лаборант, должен был проводить испытания всех поступающих на курсы нашего института. Мне пришлось не только выучить наизусть инструкции к тестам, но и воспроизводить без изменения даже «интонации» этих инструкций. Особое впечатление произвело на меня дружеское отношение сотрудников ко мне — как к равному; все мои соображения о проведении испытаний спокойно выслушивались и обсуждались. Мне рекомендовали нужную литературу, интересовались, что я думаю о прочитанном.

В 1928 г. я решил поступить в высшее учебное заведение. Для этого требовалось направление от института за подписью директора Центрального института труда А.К. Гастева, очень уважаемого нами человека, новатора в деле профессионального обучения. Оно было подготовлено. Гастев, помню, сказал: «Так вы хотите в педагогику? А я думал, что вы пойдете в инжене-

рию! Ладно, вам выбирать». Я не представлял своего будущего вне психологии и поступил на педологический факультет, где преподавалась психология, хотя педология меня и не интересовала. Продолжая работать в том же институте, я одновременно и учился.

По соображениям преимущественно теоретическим Гастев пришел к необходимости прекратить психотехнические испытания поступающих, так как, по его мнению, при рациональном обучении все без исключения непременно овладевают профессиональными умениями и навыками по тем специальностям, которым обучали в ЦИТе. Гастев был увлечен идеей расчленения всего процесса труда (практически в любой профессии) на три звена — установку, обработку, контроль. По его мнению, соотношение времени этих трех элементов при изготовлении одного и того же изделия (или выполнении одного и того же задания) выявляет степень подготовленности исполнителя, указывает путь к совершенствованию. Предполагалось, что и сами профессии различаются по этому же соотношению, и наряду с профессиями, по преимуществу установочными, есть такие, в которых главную роль играет обработка, и такие, в которых самую суть составляет контроль. Чтобы изучить соотношение У—О—К в работе слесаря при изготовлении такого сложного изделия, как «ласточкин хвост», было оборудовано несколько рабочих мест. Датчики устанавливались на тисках, датчиками были оснащены ложа всех слесарных инструментов — ножовок, молотков, напильников, измерительных инструментов. Как только слесарь снимал с ложа инструмент, включался счетчик, регистрировавший время отсутствия этого инструмента. Слесарь возвращал инструмент на место — и счетчик выключался. Слесарь начинал работать другим инструментом — и включался другой счетчик. Для каждого инструмента и для тисков были отдельные счетчики. Через каждые полчаса показатели всех счетчиков списывались на специальный лист. Суммарное время, полученное по итогам показаний счетчиков, никогда не сходилось с действительным временем работы. Слесарь, закончив пользоваться инструментом, не всегда аккуратно укладывал его на ложе; сам же брал другой инструмент. Вследствие этого нередко работали одновременно два, а то и три счетчика. Был установлен специальный щит, на котором слесарю после звуково-

го сигнала показывалось, что какой-то инструмент им не используется, а счетчик этого инструмента работает — плохо уложен инструмент. Но занятый своим делом слесарь не всегда обращал на это внимание. И вот я придумал: все накопившееся излишнее время делить поровну на каждый инструмент, и однажды, когда на эстакаду, где действовала эта установка, зашел А.К. Гастев, я ему не без надежды на похвалу это сообщил. Но неожиданно он рассердился и сказал, что я пытаюсь плохой контакт со слесарем, недостаточно внимательно наблюдение за счетчиками компенсировать вычислением средней прибавки на все инструменты. Он был удивлен тем, что я не понимаю, что гублю эксперимент, произвольно изменяя своими прибавками действительное время У—О—К. Я был подавлен, но выхода из постоянно повторяющейся ситуации найти не мог. Вскоре после этого я уволился. Не пришлось мне участвовать и в интерпретации результатов. И как пошли дальше дела, не знаю. Видимо, следовало, если говорить о технике эксперимента, подумать о более простых и надежных датчиках, так как постоянное вмешательство экспериментатора с эстакады искажало нормальный трудовой процесс... Итак, в ЦИТе я приобщился к психологии.

— Вы один из немногих психологов, которые «застали» 30-е годы и даже конец 20-х. Расскажите, пожалуйста, об этом времени. Какие из событий в психологической науке данного периода наиболее значительные, существенные, какими особенностями характеризовалась наша психология в этот период, какие были у нее потери — вероятно, здесь можно сказать о нападках на педологию, психотехнику, о трудностях психологической науки и психологов того времени? Расскажите о тех, с кем вы встречались...

— 30-е годы — я студент психотехнического отделения Ленинградского государственного института им. А.И. Герцена. В ЦИТе не осталось никаких перспектив на возобновление психологических работ. В это время А.А. Толчинский получил предложение создать в Ленинградском институте организации и охраны труда лабораторию профконсультации. Он переехал в Ленинград и предложил некоторым из своих сотрудников, в том числе мне, перейти в новый институт. Одновременно был оформлен мой перевод на третий курс в Пединститут им.

А.И. Герцена, где существовало психотехническое отделение. Это было осенью 1930 г.

В этот период в системе высшего образования беспрестанно возникали различные новшества. Одно из них состояло в введении бригадного метода обучения. Предполагалось, что студенты, разбившись на бригады, будут, совместно «прорабатывать» программу читаемого им курса по темам. В каждой бригаде имелся так называемый академсекретарь по данному курсу; мне пришлось выполнять эту функцию по курсу психологии, который нам читал только в этом году прибывший из Одессы профессор С.Л. Рубинштейн. Мы прослушивали цикл из нескольких лекций, затем по заявке профессора библиотека готовила литературу по циклу. К книгам прикладывалась методичка — краткие указания о том, как работать с литературой; были поставлены контрольные вопросы. Точно фиксировалось, с какой страницы, с какого абзаца нужно изучать материал и где это изучение следует закончить. Студентов-«психотехников» было немного, поэтому мы образовали одну бригаду. Обычно выдавалась одна-единственная книга на всех.

Жили мы дружно, от участия в «проработке» материала никто не увиливал. Обычно кто-то — чаще всего академсекретарь — читал вслух текст, сопровождая его своими комментариями. Беда была в том, что питались мы неважно, многие из нас по вечерам, а то и ночью ходили подрабатывать в порт на разгрузку «баланса» и на следующий день после такой работы нередко приходили прямо на занятия. Что делать?! Тот или иной из слушателей порою засыпал.

Но вот наступал срок отчитываться перед профессором. Сергей Леонидович с чуть ироничной улыбкой благодушно выслушивал сообщение академсекретаря; в то время С.Л. Рубинштейн особенно интересовался системой философско-психологических воззрений Э. Шпрангера, о котором нередко упоминал на лекциях. Он спрашивал, как студенты понимают положения концепции Шпрангера. Прослушав академсекретаря, Сергей Леонидович осведомлялся, не возникали ли трудности и неясности при работе над материалом. Часто такие вопросы были заранее заготовлены в бригаде. Благодушное настроение не оставляло профессора. Не помню случая, чтобы он прервал беседу даже из-за нехватки времени или проявил раздражение,

нетерпение. Он обстоятельно разъяснял, как надо интерпретировать тот или иной абзац, фразу, предлагал для изучения дополнительный материал. Затем он отмечал в зачетках, что тема сдана, после чего академсекретарь с зачетками отправлялся в бригаду. Здесь нередко начиналось новое обсуждение материала по горячим следам — по высказываниям профессора. К любому замечанию С.Л. Рубинштейна мы все внимательно прислушивались. Надо сказать, что бригадный метод не стимулировал настоящей познавательной активности. Бессмысленным выглядит изучение источников по абзацам, да и само назначение этих абзацев ставило профессора в нелепое положение. Конечно, раз книга попала к студенту, кажется, никто не мешает изучать ее как следует. Но, во-первых, студент вынужден был по самой организации дела работать не один, а совместно с другими, а для такой работы была одна возможность — чтение вслух. Во-вторых, при ограниченном времени пользования источником для более обстоятельного изучения просто не было времени. Студенты старались разобраться в теме и, насколько позволяли условия, извлечь самое существенное. Все мы искренне стремились к знаниям, использовали любую возможность для этого.

Весной 1932 г. курс обучения был завершен и нам выдали «Свидетельства», соответствующие нынешним дипломам. Не без грусти расставались мы друг с другом. Преподавательский состав на нашем отделении был очень сильным: помимо С.Л. Рубинштейна с нами занимались А.Г. Иванов-Смоленский, Н.И. Озерецкий, А.П. Болтунов, М.Я. Басов — рано ушедший, не доживший до сорока лет. Изредка наезжал из Москвы — читал лекции по психотехнике — и С.Г. Геллерштейн. О каждом из преподавателей (а я, разумеется, перечислил лишь небольшое количество имен) можно было бы сказать значительно больше и лучше.

С.Л. Рубинштейн готовил в эти годы свой фундаментальный труд «Основы психологии». Его лекции фактически представляли собой первые варианты глав этой книги (она вышла в 1935 г.). Когда мне самому пришлось читать курс психологии в МГУ и я стал знакомиться с книгами западных авторов, предназначенными для студентов, я убедился, что эта книга С.Л. Рубинштейна и по объему изложенного в ней материала, и

по ее внутреннему единству в тот период несколько не уступала зарубежным книгам такого типа, даже превосходила их.

В отечественной психологии тех лет появились значительные научные труды. Я говорил о ленинградцах. Но к нам приходили книги москвичей — Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии и других. Вновь и вновь задаешься вопросом: чем объясняется расцвет науки на скудной общественной почве конца 20-х — начала 30-х годов? Одна из основных причин, как мне кажется, в том, что психология до поры до времени не испытывала постоянного и сильного давления со стороны плохо знающих науку идеологов. Сами психологи не только не сторонились марксизма, но всячески стремились строить на его принципах свои работы. В отличие от последующего времени органическое включение идей диалектического материализма происходило как результат большой творческой работы; в дальнейшем же стали требовать прежде всего декларативности, марксистской «словесности». Оно и понятно — скороспелые идеологи не могли и даже не пытались вникать в проблемы науки, их вполне удовлетворяли цитаты и клятвы. Видимо, это устраивало и тех, кто официально руководил наукой.

Остановлюсь на проблемах, поставленных самой жизнью перед психотехниками начала 30-х годов. Преобладающим направлением психотехнических работ был профотбор. Психотехники изучали профессию, составляли перечень профессионально важных психических функций или качеств, подбирали или конструировали методики для исследования этих функций или качеств. После предварительной и, прямо скажу, не слишком строгой проверки этих методик с их помощью производили отбор: в соответствии с требуемым количеством кандидатов годными признавали те, кто показывал более высокие результаты.

Но немецкие психотехники (Липпманн, Пиорковский и др.) еще в 20-х годах писали о том, что различные профессионально важные качества хотя и не в одинаковой степени, но поддаются развитию, прогрессируют. Такой факт трудно было не заметить. В лаборатории, руководимой И.Н. Шпильрейном в Москве, и в лаборатории, руководимой А.А. Толчинским в Ленинграде, начали появляться работы, посвященные развитию и тренировке профессионально важных качеств. В лаборатории А.А. Толчинского под руководством и при непосредственном

участии видного ученого, известного еще до революции профессора В.С. Серебрянникова было проведено исследование по психотренировке. Его практическая эффективность оказалась достаточно высокой. Эффективными были и работы по тренировке нужных качеств в московских психотехнических учреждениях.

Нельзя не заметить того, что проблематика развития, тренировок требовала новых подходов, выдвигала новые задачи. Все ли качества одинаково развиваемы? Нет ли неразвиваемых? Как отличить одни от других? Как проводить тренировки и упражнения — на содержательном или нейтральном и формальном материале? Как нужно строить сам процесс тренировок и упражнений, как поддерживать положительную мотивацию? Как учесть успех этого процесса в массовом материале и в единичном случае (в частности, соотнося успех с предварительными данными) и т.д.? Ответы на эти и многие другие вопросы могли дать специальные исследования — как лабораторные, так и в условиях производства. К сожалению, дни психотехники были сочтены.

Жестокие и бессмысленные удары были нанесены всей советской науке репрессивным аппаратом. Тень репрессий легла и на психологию. Некоторые проблемы психологии, например в социальной психологии, в психотехнике, затрагивать и развивать стало опасно, приходилось сосредоточиваться на чем-то менее значимом и не ставящем под угрозу возможность работать.

Гнетущее состояние охватило ленинградцев еще в 1934 г., после убийства СМ. Кирова. Начались репрессии, в ссылку отправлялись представители старой интеллигенции. Так, в числе других был сослан профессор В.С. Серебрянников, с которым мне довелось работать. В ссылке он и окончил свою жизнь.

И вот — Постановление ЦК ВКП(б) от 1936 г. о педагогических извращениях. В нем констатировалось, что в педологии оказались неподготовленные кадры, попросту конъюнктурщики, что бездумное применение анкет и тестов сильно повредило только еще организующейся советской школе. В постановлении начисто игнорировался тот научный поиск, который самоотверженно вели такие выдающиеся ученые, как П.П. Блонский, А.Б. Залкинд, Л.С. Выготский, их ученики и последователи

(Л.С. Выготского уже не было в живых, он умер в 1934 г.). Авторы постановления не обнаружили никакого знакомства с состоянием дел в мировой науке по изучению детства. Это был образец грубого и некомпетентного вмешательства в науку, увы, не единственный.

Сейчас, по прошествии более чем 50 лет, нынешнему поколению вряд ли удастся понять, как было воспринято нами это постановление. Скажу так: оно нас потрясло. Ведь многие из нас, и я в частности, доверяли партии, ее руководителям. Их слово для нас было высокоавторитетным. Нужно сказать, что сначала мы тешили себя надеждой, что удар направлен не на нас, психотехников, что мы хоть и используем анкеты и тесты, но из школы никого не удаляем и никакого зачисления в дефективные не производим. Мы видели недостатки, пробелы в наших знаниях, обсуждали их, думали об их устранении. Однако мы ошиблись: над психотехникой также стали сгущаться тучи. И вот уже в 1936 г. в «Известиях» появилась статья В.Н. Колбановского о «так называемой психотехнике», где он писал, что психотехника не отличается от педологии. Эта статья была воспринята руководителями тех учреждений, где находились психотехнические лаборатории, как прямой сигнал к действию, т.е. к их закрытию. Разгрому подверглась и экспериментальная психология, ведь и в этой области науки применялись методики, подобные тестам и анкетам.

Такая же судьба была уготована и нашей лаборатории. Встал вопрос: что делать, куда идти и кем работать? Об уходе из психологии я не хотел и думать. И в это время получаю предложение поехать в Качинскую летную школу, где вел психологическую работу известный мне по публикациям К.К. Платонов. Я переехал на постоянную работу туда. Были отправлены контейнеры с домашними вещами, комната в Ленинграде оставалась на «броню», предполагалось, что предстоит длительное пребывание в качестве психолога в этом военно-учебном заведении. Однако получилось по-другому. Попутно отмечу, что К.К. Платонов достаточно обстоятельно обозначил свои научные планы. Подкупало его стремление поставить во главу угла психологической работы воспитание, тренировку качеств, необходимых пилоту. Но события того времени нарушили все планы. Летом 1937 г. репрессии распространились и на военную

авиацию. Кого-то забрали, кто-то кончил самоубийством. В Качинскую школу прибыла специальная комиссия для того, чтобы «навести порядок»: это означало, что в школе будут искать «врагов народа», «врагов советской власти». Я по наивности не думал, что все это коснется и «вольнонаемных» психологов. И вдруг меня вызывают к комиссару, возглавлявшему группу прибывших военно-партийных работников; поначалу он попросил меня объяснить, в чем состоит моя работа. Я стал подробно рассказывать, но комиссар прервал меня, спросил о том, понимаю ли я, что происходит в школе, понимаю ли я, в какой обстановке нахожусь? Затем сказал, чтобы я в течение сорока восьми часов оставил Качу, уехал побыстрее отсюда — билеты будут предоставлены. В числе членов этой комиссии был В.Н. Колбановский. Он также побеседовал со мной. И в конце беседы предложил учиться в аспирантуре Института психологии в Москве — он тогда был директором этого института. И я принял решение — назвал место, куда я хочу отправиться, — в Москву. Я прибыл в Москву осенью и, после того как приемная комиссия Института психологии ознакомилась с моим вступительным рефератом — он был посвящен учению И.П. Павлова о типах нервной системы — и со мной побеседовали, был зачислен аспирантом. Моим научным руководителем стал А.Н. Леонтьев.

Ему дали и еще одного аспиранта — им оказался Н.Х. Швачкин, человек талантливый, целеустремленный, к сожалению рано ушедший из жизни.

Общение с А.Н. Леонтьевым сразу произвело на меня сильное впечатление. Я в нем увидел преобразователя нашей науки. В этот период жизни Алексей Николаевич для меня очень многое значил. Ленинградская лаборатория, в которой я прежде работал, дала мне некоторые (и достаточно прочные) профессиональные навыки: я умел вести психологический эксперимент, знал, как его планировать, как излагать его результаты. Но при этом цель эксперимента как-то оставалась вне моих задач, все шло в рамках существующих и заранее известных теорий. Я владел экспериментом, «воспроизводящим» теоретические установки, а у Леонтьева я начал понимать, что есть эксперимент, «создающий» новые теории.

Мой руководитель, не интересуясь тем, что я слабо владею

иностранными языками, предлагал мне статьи и книги преимущественно на французском языке, которые я должен был прочитать. Я часами просиживал, работая со словарем, но все-таки прорабатывал их и даже написал реферат по французским источникам. Читал я и немецкую литературу, по теме, которая была мне дана,— это главным образом работы К. Левина. А.Н. Леонтьев не требовал отчета о прочитанной литературе. Он охотнее выслушивал мои критические соображения по прочитанному. По-моему, такой способ работы позволяет аспиранту в таких беседах чувствовать себя не учеником, а научным работником, это влияет на его самооценку, на его самостоятельность.

Помимо своей темы я с большой охотой участвовал в исследованиях самого А.Н. Леонтьева. До сих пор с гордостью вспоминаю, как я был испытуемым в довольно сложном эксперименте с вызыванием ощущения света на коже ладони (описано в книге А.Н. Леонтьева). Как-то на эксперименте, видимо по просьбе А.Н. Леонтьева, присутствовал Б.М. Теплов. Он детально меня расспрашивал о том, как возникает ощущение света при подаче его на ладонь.

Но интерес к психологии не замыкался на собственно аспирантских делах. В те времена ведущие ученые института поддерживали хороший творческий контакт с аспирантами. Последние всегда могли получить консультацию, да и просто потолковать по возникшим у них вопросам. Мне было приятно заходить в кабинет П.П. Блонского. Теперь-то я понимаю, что даже заранее согласованный визит отнимал у него дорогое время. Но он и виду не показывал. Меня к нему тянуло не только потому, что он был очень образованным человеком, но и в связи с тем, что он проявлял специальный интерес к статистике, которой я уже тогда занимался. А у А.Н. Леонтьева к статистике было самое индифферентное отношение.

Однажды П.П. Блонский сказал мне примерно следующее: «Вы думаете, что предметом науки становится лишь то, что многократно наблюдается, когда наблюдения эти могут стать предметом статистической обработки? Это, как вам кажется, обеспечивает объективность научного знания? Так вот, один-единственный факт также может стать предметом научного знания. Один раз мне приснился сон, всего раз, и сон! И тем не менее этот

факт не то что может, но должен при изучении соответствующей системы других фактов стать предметом науки», П.П. Блонский показывал мне значение системы фактов, в которой любой единичный факт может получить свое особое научное значение. Я ушел тогда от П.П. Блонского сильно озадаченным. Но мне кажется, что его мысль была мною усвоена.

Находили время для бесед с аспирантами и СВ. Кравков, и П.А. Шеварев, и А.А. Смирнов. К Б.М. Теплову я не обращался, потому что считал, что не имею права отнимать у него время. Уважение, которое он вызывал у окружающих, было велико. К тому же он держался несколько отчужденно.

Мы, немногочисленные аспиранты, не пропускали ни одного заседания ученого совета. Не помню, чтобы нас обязывали бывать на советах. Нам было интересно. Мы слушали теоретические доклады. Возникла полемика: с одной стороны, СВ. Кравков, с другой — К.Н. Корнилов. Или тот же К.Н. Корнилов и А.Р. Лурия. А с каким вниманием мы относились к выступлениям Б.М. Теплова, умевшего сразу найти и сформулировать сущность любой дискуссии! После заседаний в своей среде мы нередко обсуждали услышанное.

Годы занятий в аспирантуре, непосредственные контакты с некоторыми выдающимися психологами конца 30-х годов значили для меня очень много. Конечно, сильнее всего было влияние Алексея Николаевича. Правда, я пришел в аспирантуру с выраженным намерением укрепить теорией свои дифференциальные психотехнические позиции, а для А.Н. Леонтьева не существовало дифференциальной психологии, он не находил для нее места в системе науки. Но он словно бы снисходительно относился к моим взглядам, словно был уверен, что это «со временем пройдет» у меня. Однажды он сказал так: «Хотите я вам покажу, что такое индивидуальность? Есть характеры хорошие и плохие, есть легкие и тяжелые. И всё. У меня характер плохой, но легкий, а у вас — хороший, но тяжелый». Все три года я находился под обаянием личности Алексея Николаевича, участвовал в его опытах, с неослабевающим вниманием слушал его выступления, и если не все понимал, то относил это исключительно на счет своего недостаточного образования. Спустя годы я стал по-другому оценивать многое и в теоретических взглядах, и в жизненных установках А.Н. Леонтьева,

но это никак не влияет на оценку его трудов. В 37—40-х годах меня поражало, с какой легкостью он разрешал сложные для меня вопросы. Он охотно предоставлял мне право самостоятельных решений в построении эксперимента, следя только за сохранением его идеи. Моя диссертационная тема — «Развитие волевых действий в дошкольном возрасте». Отношение к возможности ее напечатания, как мне кажется, было причиной охлаждения ко мне А.Н. Леонтьева. В годы же работы он был ко мне несомненно расположен. Он был доступен, можно было свободно ставить любые вопросы, он не уклонялся от ответов на них. Не раз он обсуждал со мной планы своего экспериментального исследования (это была часть его диссертации «Развитие психики»), тем более что я был у него испытуемым. Его суждения об отдельных ученых подчас были резки и саркастичны, не всегда его оценки отличались лояльностью.

Диссертацию я завершил в срок. По тогдашним условиям защита могла состояться в Ленинграде на Ученом совете Пединститута им. А.И. Герцена, поскольку Институт психологии не обладал тогда правом принимать диссертации к защите. По окончании аспирантуры я был направлен на работу в г. Ижевск, в Удмуртский пединститут. Это было осенью 1940 г. А защита состоялась весной 1941 г., 12 июня, за десять дней до начала войны. Я приехал из Ижевска. Воспоминание о защите осталось приятное. Почему-то я нисколько не нервничал. Моими оппонентами были С.Л. Рубинштейн и Б.М. Теплов. В эти-то дни как раз и произошло то отчуждение с А.Н. Леонтьевым, о котором я упомянул. Алексей Николаевич предложил мне приготовить статью по диссертации для опубликования в каком-то сборнике. А мне показалось, что диссертация не подлежит опубликованию, что в ней не все доказано, что исследование надо было бы продолжить. Алексея Николаевича, видно, это несколько обидело. В одной из своих статей он очень коротко изложил суть этой диссертации, более же полных публикаций не состоялось.

Я был единственным преподавателем психологии в Ижевском институте — ни о каком исследовании и думать не приходилось. После трехлетнего пребывания там я, получив вызов Наркомпросса, вновь оказался в Москве в Пединституте им. Потемкина — там я работал ещё в бытность аспирантом. Со-

действовали моему возвращению А.А. Смирнов, М.В. Соколов и директор института П.С. Бенюх, двое последних до этого случая меня совсем не знали...

— И в Москве вы затем стали работать под руководством Бориса Михайловича Теплова, да?

— Да. Только не помню уже, каким образом он меня разыскал и предложил работу в Академии общественных наук — партийном учреждении, где он возглавлял кафедру логики и психологии. С октября 1947 г. я стал работать с Б.М. Тепловым — вплоть до последних дней его жизни, до осени 1965 г., т.е. более 17 лет.

В Академию общественных наук я был принят на должность старшего научного сотрудника (в Ижевске я получил звание доцента), в мои обязанности входила организация всей работы кафедры — занятия с аспирантами, проведение консультаций, прием экзаменов, просмотр и рецензирование рефератов, планирование заседаний. Вся моя деятельность этого периода была неразрывно связана с Борисом Михайловичем. Он служил немало лет в Красной Армии, занимая, как мы сейчас сказали бы, генеральскую должность. Помню его худощавую фигуру в военной гимнастерке с ромбом в петлице. У него навсегда сохранились привычки военного человека. Он отличался аккуратностью, обязательностью и ценил эти черты в других людях. Без остатка отдавал себя науке и воспитывал такое же отношение к делу у окружающих его людей. Хотя здоровье у него было несколько подорвано, он продолжал работать с полной отдачей. Случалось так, что обсуждение какого-то вопроса на кафедре происходило вечером. Несмотря на позднее время, Борис Михайлович никогда не торопил событий. Казалось, можно было бы и закончить, но Борис Михайлович продолжал заседание, пока обсуждаемый вопрос не доводился до полной ясности.

Б.М. Теплов тщательно готовил материалы к публикации, ни одну цитату не пропускал, не проверив. Помню, работал он тогда над вторым изданием учебника «Психология» для средней школы, заново выверяя весь текст, проверяя каждый факт. Отличаясь самокритичностью, он прислушивался к мнению других, в том числе и более молодых коллег, нередко сам обращался с вопросом: «Как вы думаете, как это могут истолковать школьники?»

Мое пребывание в Академии общественных наук было недолгим, всего год с небольшим. Посовещавшись с Б.М. Тепловым, я решил подать заявление об уходе. Думаю, что поступил правильно. На кафедре собственно научной работы у меня не было. Борис Михайлович тоже тяготился этой своей деятельностью. Ведь нужно было в течение всего лишь трех лет подготовить «высококвалифицированных кандидатов наук» из числа тех людей, которые до этого имели очень слабое понятие о том, что такое психология вообще. Конечно, кафедра логики и психологии справлялась со своей задачей и диссертации защищались. Но Борису Михайловичу такого рода занятия не давали удовлетворения, хотя аспиранты и были людьми ответственными и серьезными; с некоторыми из них у меня и в дальнейшем сохранились товарищеские отношения.

Борис Михайлович рассказывал мне, как отнеслось руководство Академии к его намерению оставить кафедру. Это их испугало, и вот почему. Дело в том, что в число руководителей кафедры его фамилия была вписана самим Сталиным. Академия начала работать в 1947 г. Теплов не так давно опубликовал свой учебник психологии для средней школы, и, возможно, этот учебник был известен Сталину. Академия готова была идти на все уступки, выполнить все личные пожелания Бориса Михайловича, лишь бы он остался. Между тем было немало желающих занять этот пост.

Б.М. Теплов тянулся к эксперименту и рассчитывал создать в Академии экспериментальную базу. Но оказалось, что такой вид научной деятельности в Академии не предусмотрен, что о нем и не помышляют; направление работы кафедры в подготовке аспирантов предполагало прежде всего и в основном чисто вербальный метод постижения науки. К сожалению, и до настоящего времени кое-кто из «вышестоящих» не понимает, зачем психологии эксперимент, ведь, как они думают, такой эфемерный объект, как психика человека, незачем исследовать в эксперименте. По их мнению, эксперимент не нужен потому, что при наличии «правильной» теории все может быть разработано в словесно-логических конструкциях, а теория уже есть — это диалектический материализм. Таким образом, психология превращается в науку «выводного знания», ведь все ее положения имплицитно содержатся в положениях философии

и, разумеется, прежде всего в тех, которые можно найти в высказываниях основоположников диамата. Думаю, и сегодня найдется немало сторонников данной позиции. Но хотелось бы напомнить, что и философия обогащается постоянно прибывающей в науку информацией.

Б.М. Теплов подготовил мой переход в Институт психологии АПН (тогда относящейся еще к РСФСР), и я был зачислен старшим научным сотрудником в подразделение М.В. Соколова, участвуя в подготовке программ для преподавания логики и психологии в школе, а вскоре перешел в лабораторию Б.М. Теплова, где разрабатывались проблемы типологических особенностей высшей нервной деятельности человека. Через некоторое время, начиная со второго тома трудов этой лаборатории, моя фамилия стала неизменно значиться среди авторов.

Одновременно началась и моя преподавательская работа на психологическом отделении философского факультета МГУ, продолжавшаяся далее на факультете психологии сорок лет и очень удовлетворявшая меня.

Хотелось бы рассказать о том, как готовились сборники научных трудов нашей лаборатории, о стиле научного руководства и редакторской работы Б.М. Теплова.

Как я говорил, Борис Михайлович был очень скрупулезен в работе над статьями, над любыми материалами, «по диагонали», «бегло» никогда не читал их. Нередко в материалах он выделял то, на что не обращали внимания сами авторы. Мы неизменно восхищались его логическим проникновением в материал, а более всего — глубоким умом и необычайной трудоспособностью. В сущности, каждый, кто обращался к нему с просьбой «просмотреть» какой-то материал, обрекал его на немалый труд. Поэтому его огорчали и раздражали те авторы, которые предлагали ему для прочтения недоработанный, сырой текст, этакий полуфабрикат. Не утруждая себя, они экспроприировали его силы и время, вынуждая работать за них. Мы, сотрудники лаборатории, видели, как Борис Михайлович порой едва сдерживался, но вместе с тем старался спокойно объяснить истинное положение вещей: автору необходимо поработать самому. Что делать! Не каждому он мог отказать. Помнится такая его фраза: «Я не хочу больше быть хорошим мальчиком, я хочу быть плохим мальчиком».

Б.М. Теплов к людям относился по-разному, не всегда и не со всеми был одинаково приветлив и доброжелателен. Каждый из окружающих занимал в его душе какое-то особое место. Не всегда поддавались объяснению порой резкие перепады в особенностях его общения с людьми. Ко мне он также относился неодинаково. Но вместе с тем меня искренне радовало общение с ним, нравился его живой интерес к нам, сотрудникам лаборатории. Иногда он подходил ко мне и спрашивал: «Вы долго еще намерены „служить“?». Он тем самым предлагал вместе с ним пойти домой, поговорить... Мне повезло, я живу на Плющихе, это было недалеко от его старой квартиры в Спасопесковском переулке. Во время таких путешествий-прогулок мы о психологии почти не говорили, но зато много рассуждали о музыке, картинах, художниках, литературе... На какое-то мое замечание он, бывало, отвечал не сразу, делая паузу для обдумывания,— я его не торопил,— и только некоторое время спустя следовал ответ.

Иной же раз мне казалось, что Борис Михайлович проявляет ко мне недоброжелательность, может всего лишь едва заметно кивнуть головой на приветствие, по целым дням не замечать моего присутствия, глядеть куда-то мимо. Для меня это было крайне огорчительно, поскольку Бориса Михайловича я очень высоко ценил. Но я никогда не спрашивал, чем обусловлены такие перепады в отношении ко мне. Не чувствуя своей вины, я, естественно, не пытался об этом с ним заговорить, тем более что на совместной работе такие изменения не сказывались. Потом только я понял, что эти колебания в его настроении касались в основном близких ему людей, на «чужих» же это почти не распространялось. Видно, каждый из нас, близко соприкасавшийся с ним, был ему далеко не безразличен.

Б.М. Теплов был психологом экспериментального направления. Хорошо проведенный эксперимент, тщательная обработка, скрупулезный анализ полученных данных, обоснованные выводы, какими бы они ни были неожиданными,— все это создавало тот фундамент, на котором строились проводимые под его руководством исследования.

До сих пор приходится слышать мнение о том, была ли школа Б.М. Теплова психологической школой — в связи с тем, что работы лаборатории развернулись после «павловской» сессии,

на которой провозглашалась необходимость идти по пути И.П. Павлова, причем понималось это многими как путь поглощения психологии физиологией. В изданной в 1961 г. книге «Проблемы индивидуальных различий», как бы отвечая тем, кто в таком духе высказывался, Б.М. Теплов писал о том, «что систематическое исследование физиологических основ индивидуально-психологических особенностей не только желательно, но совершенно необходимо для подлинно научного понимания психологических различий между людьми. На том пути, который нашел в них отражение, можно надеяться подойти к изучению природных задатков, лежащих в основе индивидуальных различий в способностях людей» (с. 6). В необходимости изучать физиологические основы психики человека вряд ли кто сомневается. Для дифференциальных подходов к психике это особенно важно. Споры до сих пор возникают по поводу того, насколько оправданно было вести психологические исследования, опираясь на труды Павлова. Были высказывания (Б.И. Кочубей), из которых следовало, что Павлов «создал знаменитую концепцию, на многие годы затормозившую развитие отечественных наук о поведении» (см.: *Вопр. психологии*, 1989, № 2, с. 71). О значении трудов Ивана Петровича правильно написала Н.И. Чуприкова (см.: *Вопр. психологии*, 1989, № 4, с. 180—181), и я не буду подробно на этом останавливаться. Скажу только, что по физиологии мозга и деятельности нервной системы в ту пору не существовало работ, которые бы в той же степени отвечали запросам психологии, как труды самого Павлова и его учеников*. Ни к одному научному достижению в истории нельзя относиться как к фетишу, и это целиком относится к учению Павлова. Однако отказ от фетишизации вовсе не означает, что нужно отказаться от признания научного значения чьих-то достижений. Посмотрите на содержание тех пяти томов, которые были подготовлены в лаборатории Б.М. Теплова с 1956 по 1965 г. Разве в них найдется голословное утверждение каких-либо положений И. П. Павлова? Это экспериментальные работы, проведенные на высоком исследовательском уровне; Б.М. Теплов в своих вводных статьях их

* См. об этом: К 40-летию «павловской сессии» двух академий // *Психол. журн.* 1990. Т. 11. № 4, 5.

интерпретировал. Да, в этих экспериментальных работах принимались за основу положения концепции Павлова, но в каждом конкретном случае велись проверка и углубление знаний, содержащихся в его положениях, а главное — поиски понимания, позволяющего обращаться к физиологическим коррелятам психологических явлений. Ни сам Борис Михайлович, ни его сотрудники никогда не рассматривали павловские высказывания как застывшую догму. Обсуждая результаты экспериментов, мы старались быть критичными, непредвзятыми, непринужденно мыслящими, решать «свои» психологические проблемы. Такой подход отнюдь не исключает, скорее предполагает освоение новых физиологических концепций.

На научных заседаниях всегда царила творческая атмосфера. Перед заседанием на середину комнаты сдвигалось несколько столов, чтобы все присутствующие могли разместиться по их периметру. На столах заранее раскладывались таблицы, графики, другие экспериментальные материалы. Несмотря на то, что сотрудники были с ними уже знакомы, в ходе обсуждения — и в этом немалая заслуга Б.М. Теплова — нередко предлагались новые гипотезы и способы истолкования. Иногда возникала необходимость проверить какие-то расчеты, вычислить статистические показатели. Когда участником совместной работы стал В.Д. Небылицын, он нередко, в течение пяти минут, производил — в уме и на бумаге — все выкладки, и они тут же обсуждались присутствующими. Такая оперативность была по душе Борису Михайловичу.

Несмотря на товарищеский стиль общения, докладчику приходилось иногда очень нелегко. Внимание присутствующих обращалось не только на полученные данные, но и на то, какую трактовку предлагает сам исследователь. По мере их обсуждения нередко случалось так, что забывали только что предложенные конкретным докладчиком выводы, вместо них начинали обсуждаться уже новые, выдвигались новые идеи.

На этих же заседаниях обсуждалось по мере надобности содержание очередного тома трудов лаборатории. Борис Михайлович заранее прочитывал все материалы, назначал время для беседы с автором. Лично я испытывал волнение, когда ожидал критической оценки своего труда, хотя сам Борис Михайлович нередко говорил, что у него всего лишь «микроскопические за-

мечания». Это действительно часто бывало так, но предлагаемые им небольшие дополнения и поправки настолько иногда меняли акценты, что статья приобретала гораздо более значительный и ясный смысл. Не навязывая своего мнения, он вместе с тем был конкретен — такой-то абзац изъять, такой-то перенести в другое место, здесь что-то дописать и т.д. С ним не согласиться было невозможно. Ну а бывало, что некоторые материалы, например Н.С. Лейтеса, он не находил нужным вовсе редактировать, считая, что правка может их только испортить. Свои статьи Б.М. Теплов также давал нам на прочтение и, выслушав наши замечания, не отказывался вносить какие-то изменения, а иногда тут же предлагал тот или иной вариант правки.

Заседания тепловской лаборатории стали для нас полезной учебой. Многим из нас пришлось затем стать руководителями лабораторий, и, насколько это было возможным, мы старались воссоздать в своих коллективах такую же атмосферу научно-творчества.

Возвращаясь к работам, которые были проведены в лаборатории Б.М. Теплова, хочу сказать, что при изучении нами свойств нервной системы исследователи убеждались в теоретической и практической значимости этих свойств. Думаю, что ни один даже самый строгий экспериментатор не обнаружит в материалах того времени каких-либо натяжек, ошибочных расчетов или выводов. Уверен, что вышедшие труды сотрудников нашей лаборатории (Н.С. Лейтес, 1961; В.Д. Небылицын, 1966; К.М. Гуревич, 1971; В. И. Рождественская, 1980; Э.А. Голубева, 1980; монографические сборники, подготовленные И.В. Равич-Щербо) могут выдержать самую суровую проверку в смысле их содержательности. В дальнейшем я неоднократно использовал в сфере профессионального труда результаты, полученные в лаборатории, и могу констатировать их эффективность. Они способствовали стимулированию в создании новых подходов для изучения дифференциально-психологических различий и понимания их значения в жизни.

Хочу заметить, что опоздание — а следовательно, и применение — законов, управляющих деятельностью индивидуальной психики, есть высшая цель психологической науки. Познание это следовало бы рассматривать как предпосылку познания за-

конов дифференциальной психологии и общую психологию как ступень к дифференциальной.

— Вы упомянули о том, что долгие годы были преподавателем в МГУ. Скажите, удовлетворены ли вы уровнем подготовленности нынешних студентов?

— Долгие годы наблюдаю отношение к психологии студентов факультета психологии. Если бы изобразить его на графике по курсам обучения, то получилась бы картина постепенного снижения кривой интереса. Увлеченность психологией год от года угасает. Я объясняю это тем, что молодой человек поступал на факультет с надеждой разобраться в собственной душе, понять других. По мере все большего приобретения знаний он невольно приходит к выводу, что всё, чему его учат, хотя и является глубокой и серьезной наукой, но расходится с его ожиданиями. Ему ближе наука о психике индивидуума! Проведите опрос абитуриентов и студентов всех курсов, а также выпускников — зачем и почему они поступают (поступили) на данный факультет, получили ли то, к чему стремились? Если то, о чем я говорю, подтвердится хотя бы на таком сугубо эмпирическом уровне, то, вероятно, придется сделать довольно серьезные выводы о всей системе обучения на факультете.

— Вы изучали науку более полувека. Скажите, а сейчас для вас остались какие-то вопросы, на которые вы еще до сих пор не нашли ответов?

— Ну например, о биологическом и социальном в психике человека. Все, что в ней существует, это всегда и то, и другое. Речь, видимо, должна идти о мере вариативности собственно биологического под воздействием условий индивида, иными словами — о присущих отдельным генам и их комбинациям нормах реакции. Представляется, что проблема по-настоящему, на современном уровне, еще не поставлена. В общих чертах это можно показать на примере. Приходится в силу каких-то обстоятельств сравнивать двух индивидов. Интуитивно складывается оценка, что первый обладает большими скоростными возможностями, чем второй. Но по условиям своего существования второй, используя (кстати, совсем без каких-либо вредных последствий) свой ресурс, обычно действует почти на пределе своих скоростных возможностей. Первый же — также по условиям своего существования — почти никогда не доходит даже до

среднего состояния своих возможностей. Один использует в полной мере норму реакции своего генотипа, другой (первый по нашему примеру) к такому использованию не приходит, в этом у него не возникает надобности. Из этого примера можно сделать вывод: если бы психолог даже располагал такими диагностическими методами, которые выявляли особенности генотипа, т.е. биологическое, то все же по этому диагнозу нельзя было бы предсказать наиболее вероятные достижения каждого в скоростных возможностях. В разных социальных условиях биологическое проявляется неодинаково. Очевидно, нужно было бы подойти к выяснению того, почему один всеми способами эксплуатирует до предельных значений норму реакции, а другой этого не делает. Неизбежно встает вопрос о мотивах, которые в данном примере явно различны. Но почему? К каким требованиям со стороны общества вынуждены были прислушиваться оба индивида? Возможно, что они, находясь в разных социальных общностях, считались с разными требованиями. Все это подлежит выяснению.

Но в этом примере многое упрощено. В частности, необходимо учитывать и то, что гены и их сочетания не могут рассматриваться как нейтральные, индифферентные элементы природы человека. Они не только проявляются в условиях существования, они проявляют что-то вроде настойчивости, жажды самореализации. До поры до времени эта непроявляемость генов и их комбинаций сохраняется, наблюдается как бы их латентное состояние. Но в многообразных обстоятельствах жизни индивид попадает в ситуации, которые стимулируют нарушение этого латентного состояния. Индивид не просто обнаруживает в себе нечто такое, чего ранее не подозревал, он не в силах бороться с тем стремлением к проявлению, которое обнаруживают его природа, его генотип. В свою очередь общественно детерминированная мотивация не остается безучастной. Отсюда происхождение многих конфликтов и многих достижений...

— Что вы думаете о современном состоянии психологической науки в СССР, какие первоначальные задачи, на ваш взгляд, сейчас должны быть поставлены перед ней в смысле улучшения ее теперешнего положения?

— Еще никогда наша наука на всем протяжении своей исто-

рии не располагала такой мощной организационной структурой. Два больших института двух больших академий, в республиках тоже есть свои институты (знаю об украинском и грузинском, но допускаю, что это еще не все), несколько специальных факультетов, многочисленные кафедры! Кроме того, немало ведомственных лабораторий. Не знаю в точности, сколько среди психологов докторов и кандидатов наук, но думаю, что число первых перевалило за две сотни, а вторых — за две тысячи. Но дело, конечно, не только в количествах, их можно увеличивать и увеличивать. Нельзя не признать, что у нас, в отечественной психологической науке, есть заметные люди, крупные ученые, правда, пожалуй, не такого масштаба как те, которые создавали науку несколько десятков лет тому назад. В чем причина этого? Думаю, в «невостребованности талантов» Это относится и к высшему эшелону науки. И востребовать их непросто, поскольку в составе наших академий психологи — пусть и высшего эшелона — находятся в меньшинстве, им приходится защищать свои психологические творческие «протуберанцы» в психологически малоинформированной среде. Невольно вспомнишь высказывание И.С. Бериташвили, так талантливо воспроизводившееся А.В. Запорожцем: «Так как я выступаю сегодня в президиуме Академии наук, то я буду предельно популярен». А это так. Академическая среда не разбирается, как правило, в значении открытий в чужих областях и с подозрением относится к их авторам. Такое отношение в какой-то мере усваивается и самими психологами-академиками. В то же время и сами таланты формируются не так, как хотелось бы. Они не имеют под собой необходимой почвы, прежде всего культурно-исторической. По мере того как получение ученых степеней превратилось в дело административного и должностного престижа, уровень требований к диссертациям стал снижаться. Нередко для успешной защиты достаточно принадлежать к какой-то группе, клану. Допустим, если некто Н. столько-то лет состоит на такой-то административной должности, столько-то опубликовал малых и больших трудов и в острых ситуациях поддерживает «своего» ученого сановника, то и проблема получения ученой степени сама по себе перестает для него быть проблемой. В качестве рецензента часто читаю серенькие, так называемые «приличные» диссертации, и возникает сильное сомнение в том,

насколько все это ценно. Видно, не прошло бесследно воспитываемое десятилетиями убеждение, что главное — не в культуре, а в идейной направленности, в стремлении во что бы то ни стало показать, что все, что делается у «нас», — хорошо, а то, что у «них», — плохо. Для этого не требовалось детального изучения источников, в том числе и иностранных. Профессиональное обоснование позиции диссертанта, так же как и критика этой позиции, порой отходят на второй план. В подобных условиях талантам никогда не проявиться. Следует сказать и об отношении к психологам со стороны широкой общественности. Думаю, ее культурный уровень таков, что место и значение психологов и психологии в обществе видятся довольно смутно. Истинный и желаемый интерес к психической жизни лишь в малой степени замещается интересом к всевозможным психологическим экстраординарностям, в частности экстрасенсорике, чему немало способствуют сами психологи. Но ведь нельзя же забывать, что существует исконно психологическая работа, когда, например, нужно облегчить процесс обучения, помочь людям преодолеть собственные недостатки, усовершенствовать процесс общения и взаимопонимания и т.п. Экстрасенсы экстрасенсами, их, кстати, небольшое количество, по их же признанию, а для психологов по-прежнему остается обширная область применения их знаний и умений.

Нужно повышать статус психолога, всеми средствами способствовать психологическому просвещению общества. Сейчас же бывает так, что малоученые доктора «подготавливают» малоученых кандидатов, те и другие затем выпускают слабообученных студентов — и результат не оставляет иллюзий. Нужно нам всем позаботиться о повышении профессиональных требований, об общей культуре специалиста. Не должно быть таких научных заседаний, на которых не возникало бы дискуссий, не приводилось бы серьезных аргументов и т.п. Необходимо поощрять талантливых людей, бескомпромиссно оценивать то, какими принципами они руководствовались, какими методиками исследовали проблемы и т.д. И совершенно недопустимо давать «путевку в жизнь» слабым диссертациям. Сколько, спрашивается, таких диссертаций проваливается? Вряд ли это число достигает 5%! Довольно часто в психологических трудах мы ограничиваемся всего лишь показателями, свидетельствующими

о достижениях в экспериментальной выборке, что лишь отчасти может убедить в практической значимости исследования. Полагаю, что в осуществлении того, о чем было сказано, должна произойти оценка многообразного методического арсенала, которым владеет наша наука.

— *И последний вопрос — ваши творческие планы?*

— Я изложу их в виде проблем, которые стоят передо мной и моими коллегами.

Как нужно понимать место и роль отдельного работника науки в развитии этой науки? Насколько адекватно в этом контексте говорить о творческих планах такого работника? Личное значение этого работника определяется не в последнюю очередь его способностью предвидеть направление и соответственно содержание, которые будут характеризовать будущее его науки. Такое предвидение нельзя назвать творчеством в общепринятом смысле. Оно основывается на самом трезвом, по возможности многостороннем учете нынешнего состояния науки и знания выявившихся тенденций как внутри самой науки, так и в сферах ее приложения и в смежных с ней областях. Мысленно построив картину будущего своей науки, специалист столь же трезво взвешивает кадровые и технические возможности свои и своих товарищей, пытается найти свое место и определить свои функции в ее развитии. И здесь о творчестве в собственном смысле слова можно говорить лишь условно, скорее это можно назвать аналитической работой мысли специалиста. Конечно, творческие моменты во всей этой рациональной деятельности неизбежны. В них реализуются индивидуальные особенности специалиста — например, каков, по его мнению, будет темп развития событий во времени? Одному представляется, что он будет высоким, другому — замедленным. Одновременно приходится принимать во внимание развертывание новаций в смежных науках, в общественной жизни.

Я вхожу в группу научных работников, занимающихся одной из проблем дифференциальной психологии, а именно — психологической диагностикой. По нашему убеждению, в современных условиях ее разработка приблизилась к некоторому важному рубежу. Оставим пока в стороне мнения специалистов, занятых другими дифференциально-психологическими проблемами и проблемами недифференциального порядка, оставим

потому, что все, чем мы занимаемся, иногда вообще воспринимается ими в их масштабах как нечто малозначительное. Может быть, им придется пересмотреть когда-то свои позиции. Но дело не в этом.

Психологическая диагностика независимо от желаний и намерений занимающихся ею специалистов вынуждена выполнять функции психологической метрологии, учения об измерении. Произошло любопытное смещение предмета изучения. Главным предметом метрологии в физике признается установление единиц измерения. Открытие и обоснование таких единиц рассматривается как трудная и благодарная задача науки. У психологов же главным предметом стало не установление единиц измерения, а всевозможные операции с некими мифическими «единицами», которые были отнесены к единицам измерения. Еще сравнительно благополучно с ними в психофизике и психофизиологии. Но полный хаос царит в собственно психологических исследованиях. Долго так продолжаться не может. Предвижу, что о природе психологических измерений начнется разговор не только с математических позиций (есть специальные работы), но и с позиций своего ведомства, т.е. психологии; для нее-то эти измерения имеют принципиальное значение, поскольку в ней будет применяться эксперимент. И психологам нужно бы детальнее вникнуть в эту проблему, что отчасти мы делаем, и заявить о себе, высказать свою точку зрения. Измерения — ведь это же не чисто дифференциальная проблема, а общепсихологическая.

Прямое отношение к установлению единиц измерения имеет налаживание существенных связей между измеряемыми феноменами. О том, что такая связь теоретически неизбежна, спорить не приходится. В нынешних традициях принято определять ее математическими приемами, прежде всего корреляциями. Понятно, что о психологической природе связи коэффициенты корреляций, как бы они ни были высоки и как бы ни были высоковероятны, сами по себе сказать многого не в состоянии. В продуктивной концепции В. С. Мерлина об интегральной личности само интегрирование основывается на математических связях отдельных показателей. Этого недостаточно без предварительного выдвижения гипотез о том, насколько психологически существенны сопоставляемые показатели и

связи между ними. И замена корреляций каким-либо другим математическим методом ничего в этой концепции не меняет. О разнокалиберности и качественном различии измерений не приходится говорить: многие из единиц по своей природе несоизмеримы друг с другом.

Но эта концепция значительно совершеннее, чем концепция изолированных показателей, в рамках которой даже не ставится задача как-то объединить измеряемые (вернее — описываемые) явления, как это происходит в шкале Кеттела или в шкале ММРІ. Все, о чем сказано выше, свидетельствует о назревающей проблеме — изучении научно оправданных связей между изучаемыми элементами психического в психике индивида; но прежде необходимо дать научную характеристику тех однородных объектов, которые будут включаться в сопоставления, т.е. установить единицы измерения.

Весьма вероятно, что по мере продвижения по пути установления единиц измерения психологи перейдут от той психологической систематики, которая представляет собой логизацию психического — восприятие, мышление, эмоции, мотивы, воля — к новой психологической систематике, базирующейся на реальном существовании психического как сложной целостности. И от этого никуда не уйдешь. Исследования нашей группы приблизили нас к данной проблеме.

Так ли будет развиваться наука, покажет недалекое будущее. Таковы планы. Что удастся осуществить — сказать трудно.

(записано в январе 1991 г.)

Л. В. ПЕТРОВСКИЙ

Впервые опубликовано в «Психологическом журнале» (1991, т. 12, № 5, с. 93—107). Данный вариант текста несколько дополнен.

Фото В. Артамонова

Артур Владимирович Петровский — академик РАО. Родился в 1924 г. в Севастополе. В 1941-м 17-летним юношей ушел добровольцем в армию, участвовал в боевых действиях. По состоянию здоровья был демобилизован в 1942-м, работал на военном заводе, продолжал учиться в заочной школе рабочей молодежи. В 1947 г. окончил Московский городской педагогический институт им. В.П. Потемкина (филологический факультет). В том же институте был аспирантом кафедры психологии. В 1950 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Психологические воззрения А.Н. Радищева», после чего два года преподавал в Вологодском педагогическом институте. С 1952-го — доцент кафедры психологии Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина (а затем пединститута им. В.И. Ленина). В 1956—1957 гг. преподавал в Пекинском педагогическом институте. В 1965 г. защитил докторскую диссертацию «Пути формирования основ советской психологии». 1966—1972 гг. — заведующий кафедрой психологии МГПИ им. В.И. Ленина. 1966-й — утвержден в звании профессора. 1968-й — член-корреспондент АПН СССР, академик-секретарь Отделения психологии и возраст-

тной физиологии АПН СССР, 1971-й — действительный член (академик) АПН СССР. 1972—1973 гг. — член Международной комиссии ЮНЕСКО по развитию образования. 1976—1979 гг. — вице-президент АПН СССР. 1978—1985 гг. — заведующий кафедрой психологии, педагогики и методики преподавания в высшей школе Московского университета им. М.В.Ломоносова (по совместительству). С 1972-го — заведующий лабораторией психологии личности Научно-исследовательского института общей и педагогической психологии АПН СССР. 1988—1989 гг. — член оргбюро Временного научно-исследовательского коллектива «Школа». С ноября 1997 г. по октябрь 1998-го — академик-секретарь Отделения психологии и возрастной физиологии РАО. С октября 1999-го — консультант психолого-педагогического факультета УРАО. Основные направления его научно-исследовательской работы: история психологии, социальная психология, психология личности. Им осуществлен первый опыт создания истории советской психологии, разработаны теория деятельности опосредствования межличностных отношений, концепция трехфазного развития личности, предложены оригинальные методики изучения групп и личности. Под его руководством защищено свыше 60 кандидатских диссертаций. Опубликовано более 300 научных и научно-популярных работ, в том числе учебников и учебных пособий, редактором и соавтором которых он является. Вот некоторые его книги: «История советской психологии» (1967), «Личность. Деятельность. Коллектив» (1982), «Вопросы истории и теории психологии. Избранные труды» (1984), «Психология в СССР. История и современность» (1990), «Быть личностью» (1990), «Психология неадаптивной активности» (1992), «История психологии» (учебное пособие, в соавторстве, 1994), «Введение в психологию» (1995), «Психология о каждом и каждому о психологии» (1996), «Основы теоретической психологии» (учебное пособие, в соавторстве, 1996), «Откровенно говоря» (1997), «Психология» (учебник, в соавторстве, 1998), «Российская психология в развитии и ретроспективе» (1999), «Психология в России: XX век» (2000), «Записки психолога» (2001) и др. Вышли под его редакцией коллективные рабо-

ты: «Психологическая теория коллектива» (1979), «Психология развивающейся личности» (1987), «Новое педагогическое мышление» (1989), «Исторический лексикон» (1999), «Педология» (1999) и др. Был ответственным редактором учебников: «Общая психология» (1970, 1976, 1986), «Возрастная и педагогическая психология» (1973, 1979), «Основы педагогики и психологии высшей школы» (1986), «Социальная психология» (1987), «Психология» (1989) и др. За научные и научно-популярные книги неоднократно награждался премиями и дипломами. Является научным консультантом тринадцати научно-популярных и одного художественного фильмов. Член редколлегии научных изданий, Научно-редакционного совета советского издания «Британская энциклопедия».

А. В. Петровский: «НЕОБХОДИМ СОЮЗ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ»

— Артур Владимирович, традиционный вопрос нашей рубрики: что привело вас в психологическую науку, какие обстоятельства этому способствовали, кто оказал на вас психологическое влияние, — с кем из ученых встречались и о ком из них особенно хотелось бы вспомнить, — не обманулись ли вы в своих надеждах, избрав «психологический» путь?

— Психологией я заинтересовался на третьем курсе института, став членом психологического кружка, которым руководил интереснейший человек, доцент кафедры психологии московского городского педагогического института Григорий Алексеевич Фортунатов.

Мы, побывавшие на фронте молодые ребята, были предметом особого внимания различных кафедр, которые нас охотно приглашали по окончании института в аспирантуру. У меня был выбор: кафедра истории русской литературы, кафедра педагогики и кафедра психологии. Я выбрал психологию.

Мой первый наставник в психологии Г.А.Фортунатов являлся представителем славного рода русских ученых и общественных деятелей Фортунатовых, фигурировавшего в российской истории начиная с XVIII в. Я видел их генеалогическое древо, и последними «яблочками» на нем были Григорий Алексеевич и еще трое его братьев, тоже, как и он, ученые. Он — племянник известного русского филолога академика Филиппа Федоровича Фортунатова, основателя одной из наиболее значительных школ в лингвистике. Отец Григория Алексеевича профессор Тимирязевской (тогда Петровской) сельскохозяйственной академии Алексей Федорович Фортунатов — видный ученый, которого упоминал В.И. Ленин в своей книге «Развитие капитализма в России» как добросовестного статистика.

Григорий Алексеевич не имел высоких научных званий, но пользовался большим уважением. Официальное положение Г.А. Фортунатова определялось тем, что в его анамнезе, как сказали бы медики, была педология — он являлся профессором педологии. И когда в 1936 г. педологию объявили лженаукой, Григорий Алексеевич потерял все, был «выброшен» практически из жизни, тяжело болел, медленно восстанавливаясь, утратил право быть профессором, хотя сохранил для многих свой авторитет как добросовестный, эрудированный, исключительно любознательный и интересный ученый. Его, повторяю, уважали, однако в связи с его «педологическим прошлым» по возможности отгесняли на задний план.

Итак, я стал учиться в аспирантуре под руководством Григория Алексеевича Фортунатова. Возникли у меня и первые трудности. Мне, секретарю комитета комсомола института, руководители кафедры (явно из-за конъюнктурных соображений) настойчиво предлагали писать диссертацию на тему, связанную с «психологией комсомольской работы». Я чувствовал, что это «тема не моя» — уж слишком была она «любовая». Тем более я увлекся тогда историей психологии. Однако примерно около года мою историко-психологическую тему на кафедре не хотели утверждать, «поворачивая» вновь и вновь меня к «психологии комсомольской работы». Тем не менее диссертация по истории психологии была мной написана, я посвятил ее психологическим воззрениям замечательного человека, ученого Александра Николаевича Радищева, осмыслившего XVIII в., всесто-

ронне охватившего социальные процессы своего времени и глубоко понимавшего психологию человека. Моим первым оппонентом был Борис Михайлович Теплов, чем я очень гордился. Он удостоил мою диссертацию доброго отзыва. Хорошие отношения у меня с ним сохранялись все годы до его смерти, о которой я потом скажу, потому что она тоже в какой-то мере связана с моей биографией. Встреча и общение с Б.М. Тепловым еще более утвердили меня в том, что историей психологии заниматься надо. Не осмыслив прошлое, нельзя понять настоящее.

Первая моя публикация относится к 1949 г. Статья была помещена в журнале «Вопросы философии», к тому времени (в 1947 г.) только что организованного. Помню, как один из сотрудников редакции учил меня писать статьи: «Каждый абзац,— говорил он,— надо обязательно подкреплять цитатой из Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина,— и, подумав, добавил,— Сеченова и Павлова. Не всегда обязательно цитировать, но за каждым абзацем должно быть высказывание классиков марксизма-ленинизма». Вряд ли это было выполнимо, хотя следы идеологизированноеTM в моих статьях тех лет, конечно же, остались.

Окончив аспирантуру, я уехал в Вологду, в педагогический институт, где преподавал два года. Затем вновь вернулся в Москву и стал работать в родном для меня Московском горпединституте, на той же кафедре психологии. Надо сказать, что мы были тогда заметно отдалены от психологического центра — Института психологии Академии педагогических наук. Ощущали себя научной периферией, хотя расстояние между институтами было всего несколько остановок на метро...

В институте я читал лекции и продолжал работать в области истории психологии. У меня возникла весьма рискованная идея — написать историю советской психологии. Дело в том, что историки охотно «забирались» в XVIII, XVII вв. и даже еще глубже, изучали труды, в которых можно было «выщедить» психологическое содержание, но боялись приближаться к современности. Во всяком случае они не переходили или почти не переходили «границу» 1917 г. Мне вспоминаются строчки А.К. Толстого: «Ходить бывает склизко по камешкам иным, итак, о том, что близко, мы лучше умолчим».

Я обратился, помню, к моему старшему коллеге, специалисту по «древней истории психологии». Говорю: «Хочу писать работу по истории советской психологии. Как вы на это смотрите?». — «Какая там история, — отрезал он, — одни ошибки!». Естественно, писать историю об ошибках — не очень-то благодарное занятие, особенно в те годы! В самом деле, в истории психологии было множество подводных камней. Например, как быть с педологией? Ведь она признана лженаукой. Очевидно, требовалось писать в духе известного постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», которое, кстати, до сих пор не отменено. Как быть с психотехникой, которая фактически тоже была причислена к псевдонаукам? Как оценить реактологию, рефлексологию? Как отнестись к павловскому учению, о котором тогда полагалось писать только восторженно, или к тому, как И.П. Павлов активно вторгался в область социальной психологии и нередко переносил биологические законы в сферу социальной жизни? Как быть с Л.С. Выготским, П.П. Блонским, М.Я. Басовым, тоже педологами, к которым долго сохранялось настороженное отношение? Вместе с тем были живы ученики большинства тех, фамилии которых я упомянул, и они в чем-то ревниво воспринимали все, что касалось их учителей. Одним словом, задача оказалась чрезвычайно сложной.

Для меня было важно, что идею создания истории психологии советского периода поддержал С.Л. Рубинштейн.

Свою задачу я успешно выполнил, защитив докторскую диссертацию на эту тему в 1965 г. Мои оппоненты Б.М. Теплов, М.Г. Ярошевский и С.Г. Геллерштейн — видный в свое время психотехник, сильно пострадавший после выхода известного постановления в середине 30-х годов. Защита диссертации проходила в педагогическом институте им. В.И. Ленина. Я волновался — не опоздает ли, придет ли Б.М. Теплов? И вот, помню, идет Борис Михайлович через колонное фойе института — высокий, статный, седые красивые волосы, пробор, разделяющий их на две стороны, — и держит под мышкой два толстых синих тома моей докторской диссертации. Сразу отлегло от сердца.

Через неделю после защиты я решил, как тогда и полагалось, устроить банкет, куда пригласил и Бориса Михайловича. Он отказался, сославшись на нездоровье, но сказал, что мысленно

будет присутствовать. И можете себе представить мое состояние — звоню я на другой день в институт, а мне говорят: «Борис Михайлович сегодня ночью умер». Это был страшный удар для меня, да и для всех психологов. Можно представить, как бы я себя чувствовал, если бы он умер ночью после банкета, устроенного мной?!

Таким образом, три человека в наибольшей степени определили мой путь в психологии — Г.А. Фортунатов и, возможно, сами того не зная, Б.М. Теплов и С.Л. Рубинштейн. Встречи с ними дали мне и творческие импульсы, и необходимую ориентировку, и ту эмоциональную поддержку, без которых очень трудно работать. У меня никогда не было влиятельного руководителя, который бы расчищал передо мной дорогу. Григорий Алексеевич Фортунатов не обладал теми возможностями, которые открывают путь для ученика. Мои коллеги, вошедшие затем в «верхний эшелон» советской психологии, таких покровителей имели. Это их ничуть не унижает. Наоборот, это то, что придавало им силы, открывало для них пути. Так и должно быть. Насколько от меня зависит, я это делаю и по отношению к моим ученикам.

У Бориса Михайловича Телова любимым учеником был В.Д. Небылицын. Вспоминаю, как он поручил ему, несмотря на его молодость, прочитать их совместный доклад на Втором съезде психологов, который проходил в Ленинграде в Таврическом дворце. Был такой ученик и у Ананьева — Б.Ф. Ломов, были подобные ученики-продолжатели у С.Л. Рубинштейна, В.Н. Мясищева, А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева...

Три имени я назвал, но это не значит, что я не испытываю чувства благодарности ко многим другим, встретившимся на моем пути. Это и Константин Николаевич Корнилов — помню его широкоплечего, с пшеничными усами, которые он по-буденовски всегда разглаживал... Это и Моисей Матвеевич Рубинштейн, однофамилец Сергея Леонидовича. Я с благодарностью вспоминаю Николая Федоровича Добрынина, который заведовал кафедрой, куда я пришел студентом и где в дальнейшем много лет работал. В последующие годы я работал и часто встречался с А.Н. Леонтьевым, А.Р. Лурией, А.В. Запорожцем...

Обычно мой день начинался с телефонного звонка Александра Романовича Лурии. Он был предельно лаконичен, высказы-

вался четко и ясно, примерно так: «Я считаю, что нужно сделать так-то и так-то... А как вы смотрите на то-то и то-то?». Я ему отвечал, он говорил: «Хорошо, мы примем меры в этом направлении». И вешал трубку. У него была американская манера общения. Буквально каждый день он начинал с короткого делового разговора с несколькими людьми.

Алексей Николаевич Леонтьев звонил вечером и разговаривал подолгу. Мой телефонный аппарат имел длинный шнур, и это позволяло мне, когда я устал сидеть, встать и расхаживать, не отрывая трубку от уха. Разговор был всегда очень интересный, отвечающий особенностям богатого духовного мира моего собеседника. Он был дипломат и делал иногда шаги, которые можно было бы назвать компромиссными. Но важно то, что Алексей Николаевич в своей дипломатической игре неоднократно выигрывал. Например, включение в перечень дисциплин ВАКа девяти индексов по психологии — результат его дипломатических контактов с руководством, которое он сумел убедить в этом. В результате психология заняла достойное место в ряду других научных специальностей, по которым допускалась защита диссертаций.

...Кстати, и А.Н. Леонтьев, и М.Г. Ярошевский, и А.В. Запорожец, и вообще все психологи старшего и среднего поколений являлись кандидатами или докторами не психологических, а педагогических наук, поскольку когда-то защищали диссертации на соискание ученой степени кандидата или доктора педагогических наук, хотя и по разделу психологии. В дипломе у всех значилось: «доктор педагогических наук». Но в 1971 г. по представлению Алексея Николаевича было принято решение — считать докторов и кандидатов педагогических наук, защищавших диссертации по психологии, докторами или кандидатами психологических наук. Поэтому и Запорожец, и Леонтьев, и Ярошевский, и Ананьев, и я получили возможность обрести ученую степень, отвечающую нашей специальности. Безусловно, было очень важно ввести в число ваковских дисциплин «психологию», а не прятать ее под общей шапкой «педагогические науки». И это заслуга А.Н. Леонтьева.

Добрые отношения складывались с замечательным человеком и ученым Александром Владимировичем Запорожцем. Я сменил его на посту академика-секретаря Отделения психоло-

гии и возрастной физиологии АПН СССР. От него я всегда получал поддержку. Встречались мы не раз и в неофициальной обстановке — у него дома, на отдыхе в г. Отепя в Эстонии. Он был страстным рыболовом и наибольшее удовлетворение испытывал, как мне кажется, от удачного лова рыбы...

— *Что особенно примечательного вы наблюдали в психологической науке за прошедшие годы?*

— Откровенно сказать, жалкое состояние было у психологической науки. Думаю, что и сейчас мы имеем во многом то же самое — в использовании и подготовке кадров, в психологической периодике... Судите сами, ваш журнал выходит шесть раз в год, «Вопросы психологии» тоже шесть раз. Итого практически совокупно один журнал ежемесячно на всю психологическую науку. Есть еще отдельные издания, выходящие два раза в год. Есть «Вестник МГУ», выходящий четыре раза. И все. Тогда как в США, например, насчитываются десятки психологических журналов. Далее. У нас 5—6 тысяч психологов, в США — 150 тысяч. Наше оборудование, наша вычислительная техника — позавчерашнего дня, и то в минимальных количествах. Лаборатории в нашем институте не имеют персональных компьютеров. В последние годы мы все-таки видим некоторое расширение издательской деятельности. Психологи публикуют свои работы. Но я вспоминаю время, когда книг по психологии выходило ничтожно мало — за год всего три-пять.

Долгие годы мы были полностью оторваны от зарубежной науки. Последние перед длительным перерывом международные съезды, конгрессы, в которых участвовали советские психологи, приходится на первую половину 30-х годов. Наши делегации на них состояли из пяти-семи человек максимум. После этого вообще никаких встреч не было на протяжении 20 лет. После перерыва впервые группа советских ученых участвовала в международном конгрессе (А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, Н.А. Менчинская) в середине 50-х годов.

Очень многие работы зарубежных ученых были в спецхране. Немногочисленными журналами открытого доступа могли пользоваться ученые, жившие в Москве и Ленинграде.

Существенно сдерживалось развитие науки монополизмом, существовавшим у нас. Многие годы политику во всех сферах определяла административно-командная система. Работник ЦК

В.П. Кузьмин долгое время курировал психологию. Когда же он стал помощником секретаря ЦК, то главным образом решал все кадровые вопросы — «расставлял» людей. Так формировались составы комиссий и советов ВАКа СССР, редколлегий журналов, руководство психологических учреждений и Общества психологов СССР, составы делегаций на международные съезды и конференции и т.д. и т.п.

Вспоминаю разговор — в конце 70-х—начале 80-х годов — с одним психологом, занимавшим тогда в Академии педагогических наук ключевую пост. Говорили мы с ним о том, кто мог бы стать главным редактором журнала «Вопросы психологии». Я назвал кандидатом на эту должность одного из крупных психологов. Ответ был совершенно неотразимым: «Поймите! Нам нужен управляемый человек!». Я спросил: «Кем управляемый?». В ответ — многозначительное молчание.

Несмотря на все это, психология, разумеется, развивалась, были у нее и достижения. Например, теория ориентировочной основы действия П.Я. Гальперина, концепция обучения и развития Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова, труды по истории психологии и психологии научного творчества М.Г. Ярошевского, теоретические разработки А.Н. Леонтьева, огромен вклад А.Р. Лурии...

Административная система, несомненно, уродовала психологию, но не могла ее полностью остановить. Все равно «подземная» жизнь была. Даже в период усиленного давления на нее в конце 70-х — начале 80-х годов, когда НИИ общей и педагогической психологии был в явной опале, она продолжала развиваться, правда, не на магистральных путях, а на обочине — в Институте дошкольного воспитания, в Институте дефектологии, на некоторых кафедрах, в том числе в Московском университете. Она находила обходные пути. И это понятно: когда кровеносный сосуд перекрывается, тромбируется, возникают коллатерали — отток крови пробивается по мелким сосудам и обходит преграду. Административная система выстроила достаточно мощную запруду на пути развития психологии, но остановить его, повторяю, не смогла...

— *Каково, на ваш взгляд, нынешнее состояние отечественной психологической науки, как она будет развиваться в дальнейшем, что является для нее в этом смысле главной задачей, какие меры нужно предпринять для*

дальнейшей консолидации всех психологических сил страны?

— Надо признать, что за последние пять лет в условиях начавшейся демократизации и гласности изменения имеются. Психология приобрела большую значимость в обществе, она находит себе применение все успешнее в сфере прикладного знания, завоевывает признание у широких масс людей. Теперь уже все реже можно услышать вопросы типа «Психология? Что это? Про психов?». Психологические службы разного уровня оказываются включенными в самые разнообразные структуры — и в область промышленности, и в школу, и в сферу политики, и в коммерцию... Это повышает ее престиж, многие начинают понимать, что без нее не обойдешься. Но, к сожалению, при всем позитивном, что имеется у психологии (она становится прикладной наукой), заметно утрачивается ее теоретическая направленность. У нас очень мало новых концепций, так называемых теорий «среднего уровня». Не проводятся (или мало проводятся) серьезные научные дискуссии, которые бы определяли направление развития науки. Научные школы, если только они есть, функционируют не соотносясь друг с другом. Случается, что одна и та же проблема разрабатывается сразу в двух лабораториях одного и того же института, но без какого бы то ни было взаимодействия. Между тем оно обеспечивает формирование общей теоретической платформы, которая будет способствовать интегрированию получаемых результатов. Но уж если такое случается не только с отдельными лабораториями, но и с институтами, рассогласование становится еще более ощутимым. Получается так, что все работают в своих маленьких ячеечках, понятия не имея о коллегах, занимающихся тем же самым.

Второе, что меня сегодня огорчает,— это появление рядом с психологией всевозможных парапсихологических направлений. Я вовсе не отрицаю необходимости изучения новых феноменов. Все-таки я был консультантом фильмов «Семь шагов за горизонт» и «Жгучие тайны века», «Когда исчезают барьеры», где шла речь о возможностях человека на грани невозможного. Но то, что сейчас происходит с оккультными науками — с астрологией, хиромантией, «чумакиадой», «кашпировиадой» и т.п., когда эти чудеса маркируются словом «психология», вызывает крайнее беспокойство. Мне кажется, что наши ведущие психоло-

гические учреждения занимают весьма пассивную позицию. В порядке самокритики скажу, что я тоже мог бы быть более непримиримым в этом смысле, хотя и заявлял свой протест по этому поводу в выпускаемых мною книгах. Должно быть массивное наступление на подобную профанацию науки. Впрочем, давно известно, что всякий раз, когда возникает хаос в экономической и социально-политической жизни, на свет выползают вот такие чудища.

Нельзя не отметить и опасную стихийность коммерческой психологической деятельности, где наряду с серьезными учеными оказываются случайные, далекие от психологии люди. Они только компрометируют психологическую науку, и она в будущем может понести серьезные потери. Но плохо, что истинная наука остается в стороне. Эти нездоровые явления не получают должной оценки, в первую очередь со стороны Общества психологов СССР. Когда-то я входил в руководство этого Общества, и мы, полагаю, не оставили бы без внимания подобные вопросы. Могу себе представить реакцию на подобные вещи А.А. Смирнова, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, А.В. Запорожца! Общество психологов в настоящее время никакого авторитета не имеет, сколько-нибудь заметной роли в развитии психологии не играет, консолидирующим началом для нее не является. Возьмем, к примеру, Общество гематологов, деятельность которого мне известна. Это живой, пульсирующий организм, который апробирует новые подходы в области науки, систематически проводит семинары, на заседаниях региональных отделений зал ломится от участников обсуждения. У нас же ничего подобного нет. Это относится и к московскому отделению Общества — оно минимально значимо для психологов Москвы. Между тем научное сообщество, особенно когда есть такие преимущества по сравнению с прошлыми временами, как плюрализм мнений, деидеологизация и демифологизация науки и т.д., должно жить, а не прозябать. Роль Общества психологов в жизни психологии ныне мала. Мы все в этом, конечно, виноваты, не только его руководители.

Повсеместно наблюдается такая картина: решая частные задачи, связанные с трудным материальным положением, ученый уходит в деятельность, которая существенно важна для его семьи, для него самого. Понять его можно. И тем не менее... Рань-

ше мы провозглашали коллективизм и перегибали здесь палку, сейчас, провозглашая индивидуализм, теряем коллективное начало. Когда мы говорим об общечеловеческих ценностях, то это вовсе не апология индивидуализма. Когда мы говорим о милосердии, то имеем в виду необходимость оказывать помощь другому человеку.

Каковы же пути преодоления нашего отставания? Прежде всего надо укреплять научные учреждения. Например, у нас в Академии педагогических наук развалили отделение психологии — полтора-два года оно не функционировало, и сейчас с трудом восстанавливается, а ведь это отделение всегда было центром психологической мысли.

Я думаю, что необходим союз руководителей психологических учреждений. Может быть, что-то вроде совета руководителей психологических учреждений Москвы, Ленинграда и других крупных городов. Вероятно, вне Общества психологов СССР — я в него не верю. Могли бы проводиться систематические консультативные встречи руководителей институтов психологии Москвы, Киева, Тбилиси, кафедр МГУ, ЛГУ, ЯрГУ, где вырабатывалась бы политика развития психологии. К счастью, сейчас в Москве уже нет прежней конфронтации между двумя важнейшими учреждениями — Институтом психологии АН СССР и Институтом общей и педагогической психологии АПН СССР. Повторяю, нужно иметь реальное сообщество, вырабатывающее политику в области психологии. Следует и полнее использовать возможности наших журналов. Они тоже оторваны от психологии, и хороших статей поступает мало. Почему мало? Потому что так работают учреждения, которые могут поставлять статьи. Журналам приходится «вытягивать» интересные материалы и, наоборот, «отбиваться» от макулатуры, которая к ним идет. Кто-то должен с ними работать в тесном контакте, кто-то должен быть их прямыми помощниками, и тогда журналы будут брать лучшее по сравнению с хорошим. Но такого пока не происходит... Между прочим, хочу сказать, что «Психологический журнал» раз от раза становится все более содержательным. Это свидетельствует о том, что он обретает свое лицо. Да так, собственно, и должно быть, поскольку у него более широкая тематика по сравнению с журналом «Вопросы психологии», он — рупор «большой» академии.

Что еще важно, если говорить о современном состоянии психологии и путях ее изменения? Нужно очень четко представлять приоритеты в развитии психологической науки. У нас никогда они не учитывались. Мы шли, как говорится, «широким фронтом», никак не выделяя того, что нужно развивать. Я глубоко убежден, что мы далеко продвинулись в области изучения восприятий, памяти, мышления, прежде всего когнитивной сферы познавательных процессов. На это мы были ориентированы в течение по крайней мере 40 лет; сейчас же приоритет должны обрести социальная психология и психология личности. Ведь до начала 60-х годов вообще у нас социальной психологии не было...

— *И вам это особенно заметно, поскольку в поле ваших научных интересов находятся разнообразные психологические проблемы, в том числе и социальная психология, и психология личности... Но вот интересно: проходят годы, и первоначальные идеи, взгляды на тот или иной предмет меняются. Скажите, пожалуйста, изменились ли ваши взгляды по прошествии лет на историю психологической науки, и если — да, то какова их эволюция?*

— Мои увлечения историей психологии относятся к двум периодам моей работы, с 1948 по 1966 г. и примерно с 1989-го и по сей день. Действительно, какова же эволюция моих представлений об истории советской психологии? Пересматриваю ли я эту историю для себя?

Основные оценки, которые были даны мною развитию психологической науки, в принципе не изменились. Мой взгляд на нее остался таким же, как был прежде. Более того, еще в начале 60-х годов, когда я начал работать над историей советской психологии, то попытался дать оценки явлениям в психологии, в достаточной мере сложным, спорным, а иногда просто остроугольным. И думаю, что оценки я дал правильные. В моих работах начала 60-х годов впервые о педологии было написано не как о лженауке — этот термин я решительно отбросил, хотя постановление ЦК никто не отменял, — а как о науке, которая имела свои положительные и отрицательные стороны. И положительным было то, что педологи впервые ввели в психологию идею развития и впервые сказали, что ребенка надо изучать комплексно. Это важнейшее достижение педологии... Вме-

сте с тем используемые ими методы были неадекватны этой широкой задаче и синтеза наук у них не получилось. Не получилось по вполне понятным причинам — развитие науки было насильственно прервано в 1936 г. Это я с самого начала зафиксировал в своих публикациях. То же сказал и о психотехнике, рефлексологии, реактологии и т.д. Но глубокий анализ социальных условий, в которых происходили эти процессы, политических оснований воздействия на науку, контекст, в котором это происходило, и связь этих процессов с тем разрушением науки, которое осуществляла сталинская диктатура, я, конечно, в те годы не мог предложить. У меня вышла книжка, в которой я развернул характеристику педологии. Педологию вообще опасно было тогда упоминать, кроме как подчеркивая, что это «реакционная», «буржуазная лженаука», которую насаждали «троцкистско-бухаринские выродки». Я дал анализ педологии не как лженауки, а как науки, находящейся в состоянии развития. За все написанные мною статьи о педологии — и в Большой Советской Энциклопедии, и в Философской, и в Педагогической, а также во всех словарях, думаю, мне не придется краснеть. Я публиковал их с начала 60-х годов. То же самое могу сказать и о других работах. Но когда я перечитываю свои историко-психологические труды, то вижу, что они были излишне идеологизированы. Научная полемика представлялась как борьба. Терминология использовалась общепринятая. Какие-то факты, которые, наверно, должны были получить спокойную оценку, не с позиций политических решений, получали обостренную, идеологизированную. Я бы сейчас так не писал, но трудно представить себе, что я мог бы по-иному писать и печататься тогда. Основные же мои, повторяю, оценки сохраняются. Мой взгляд на историю психологии в принципе не изменился, но детализация и отдельные формулировки, конечно, меня не устраивают, когда я к ним обращаюсь сегодня, через 20 с лишним лет. -Для того чтобы понять, как я оцениваю сегодня историю советской психологии, достаточно обратиться к моей публикации в вашем журнале, 1988, № 4 («Непрочитанные страницы истории психологии: 30-е годы»), в журнале «Наука и жизнь», 1989, № 11—12 («Обездушивание науки или продолжение еничменияды» — об истории взаимоотношений психологии с павловской физиологией). Здесь нет противоречия тому, что я писал рань-

ше, но проблема на этот раз более углублена. Еще на одну свою публикацию сошлюсь в том же журнале «Наука и жизнь», 1991, № 3 («Лженаука № 1 в ретроспективе» — об истории педагогики). Я предполагаю, что буду публиковать и дальше статьи, которые конкретизируют то, что сделано мной по истории психологии. Сейчас готовлю к печати никогда не издававшуюся по цензурным соображениям монографию В. А. Вагнера, написанную им в конце 20-х годов.

— Скажите, те из проблем, которыми вы занимались в период своей деятельности, в какой мере удалось решить, удовлетворены ли вы итогом этой работы, а если — нет, то что помешало осуществлению намеченных планов?

— В целом я удовлетворен своей работой в области истории психологии. Думаю, что история будет уточняться, осмысливаться, иначе будут интерпретированы некоторые исторические процессы. Это, кстати, происходит сейчас во всех исторических науках, и психология не должна отставать. Нам надо демифологизировать науку.

В прошлые годы мною разработаны проблемы социальных групп и коллективов, проблемы персонализации и развития личности (совместно с В. А. Петровским, моим сыном, работающим в Центре педагогических инноваций), общепсихологическая теория личности. За этим стоят сотни работ моих и моих сотрудников. Во всяком случае еще к началу 1966 г. мы насчитывали свыше 350 публикаций по этой проблематике.

Что касается удовлетворенности, то, конечно же, полной удовлетворенности нет, видишь много пробелов. Сейчас я разрабатываю концепцию, которую популярно можно пояснить так: человек оказывает определенное воздействие на вас и в силу этого выступает для вас как «значимый другой». Вижу три основных фактора, которые определяют значимость человека для другого — властные полномочия, референтность (авторитетность) и его привлекательность (аттракция). Различные комбинации трех этих факторов дают разные типы «значимого другого» и определяют тактику взаимодействия с этим человеком.

Помешало ли что-то осуществлению моих научных планов? Помехи были многочисленные. Прежде всего чисто внешние. Но нередко и такие, которые я сам себе создавал. На протяжении многих лет веду весьма разнохарактерную деятельность. Я

предложил новые научные подходы и методы исследования в области социальной психологии и психологии личности. Занимался научно-организационной деятельностью — 12 лет был академиком-секретарем Отделения психологии и возрастной физиологии, а затем вице-президентом АПН СССР, в последние годы участвовал в работе редколлегий различных изданий, советов, комиссий и т.д. Это все, конечно, отвлекало меня от чисто научной деятельности. К этому же можно отнести и то, что в качестве научного консультанта я участвовал в создании большого количества научно-популярных фильмов. Заметный след оставила работа с замечательным режиссером Роланом Быковым — он пригласил меня быть консультантом фильма «Чучело». Но все это приносило и удовлетворение.

— *В какой мере вы соотносите отечественную психологическую науку с зарубежной и в чем, на ваш взгляд, их сходство и различие?*

— Очень разные тут количественные характеристики. Соти научно-психологических учреждений за рубежом и два-три у нас. Гигантское море периодических изданий по психологии у них и два-три у нас. У нас несколько тысяч психологов, во всех же других странах сотни тысяч. Подготовка кадров? У нас выпускается несколько сотен психологов в год, причем я доверяю только МГУ, ЛГУ, Тбилисскому университету, остальные не выходят на уровень серьезной подготовки... Сами понимаете, сравнивать здесь количества «наши» и «зарубежные» бессмысленно. Затем у них — многолетняя традиция полной раскованности ученых, т.е. право исследовать самые острые вопросы. Ну например, мы раньше не имели права обращаться к проблеме самоубийств, национальных конфликтов, психологии толпы, паники, психологического портрета руководителя и т.д. То есть были предельно скованы идеологией. Выйти за ее пределы было невозможно. Рассчитывать же, что за годы перестройки мы решим все наши проблемы, выйдя на достаточно высокий уровень, не приходится. Раньше мы твердили, в том числе и я, о преимуществах развития психологической науки в СССР и сопоставляли ее с западной только в плане идеологической борьбы. И эти догмы до сих пор пока «работают». Например, я вам могу показать учебники педагогики, выпущенные уже в 80-е годы, где о педологии говорится как о лженауке. Поэтому серьезное

сопоставление невозможно. Надо сопоставлять не науки — нашу и зарубежную, а те или иные научные школы, направления, работу отдельных лабораторий. Выявлять, что могут дать они нам и что можем предложить им мы. Во всяком случае за рубежом интерес к психологической науке в СССР возрастает...

— *Каковы роль социальной психологии в жизни современного общества и ее перспективы?*

— На I Съезде психологов в 1959 г. социальная психология даже не упоминалась. Году в 1961-м или 1962-м мне звонили из библиотеки имени К.Д. Ушинского и спрашивали (они работали над каталогами): «Как вы думаете, можно ли ввести рубрику „Социальная психология“? Есть ли такое направление в психологии или это выдумки реакционной буржуазии?». В 1963 г. на II Съезде психологов в Ленинграде уже появилось несколько докладов, которые могли быть отнесены к социально-психологической тематике. А с конца 60-х начинается уже более интенсивное развитие.

Вспоминаю, как на одном из совещаний в 1971 или 1972 г. я говорил о перерыве в развитии социальной психологии. Один из сидевших в президиуме сказал: «Не было такого перерыва!», имея, очевидно, в виду то, что идеологические органы не признавали существования никакого «периода культа личности», считая такую формулировку вражеским измышлением. Вероятно, сидевший в президиуме товарищ перенес это и на развитие социальной психологии. Я ответил: «Не знаю, был или не был этот перерыв, но, слава богу, он кончился». Ответ вызвал веселое оживление зала. И тут же, помню, поднимается Анатолий Александрович Смирнов и, отказавшись от сдержанности, которой он всегда отличался, буквально взорвался: «Как же не было перерыва?! Я разрабатывал социально-психологическую проблематику для условий завода до 1935 или 1936 г., и мне закрыли все это! Как же не было перерыва?!».

С конца 60-х годов развитие социальной психологии идет по нарастающей и представляется сейчас мне наиболее перспективным направлением. Если с нее будут сняты все ограничения, то на базе того, что уже сделано, мы можем очень далеко продвинуться. Только необходим поворот к прикладным, практическим вопросам, и в то же время нужно «не утерять» теорию, без которой никакая практика не будет прочной.

Перспективы развития социальной психологии определяют, как я уже говорил, одним — будет ли ее развитие выступать как приоритетное направление. Надо нам понять, что приоритет должен быть за изучением проблем человеческой личности, взаимоотношений людей в малых и больших группах...

— *Ваши дальнейшие разработки в области психологии личности?*

— Когда я, защитив докторскую диссертацию, стал заведующим кафедрой в Московском педагогическом институте им. В.И. Ленина, естественно возник вопрос о том, что должна быть выбрана такая проблематика, вокруг которой я мог бы сплотить коллектив кафедры. История психологии — крайне интересная область, но вряд ли в педагогическом институте это могло быть для кафедры консолидирующим началом. Я поэтому решил заниматься проблемами психологии личности, даже написал вскоре книжку, посвященную этой теме. Но должен признаться, что пошел тогда по очень традиционному пути и ничего нового по-настоящему сказать не мог. Сначала не понимал, в чем дело, потом стал понимать, что к личности можно «прийти» только в случае, если ты ее увидишь в социальной общности. И я очень скоро «перекочевал» к проблеме малых групп и коллективов. Вот здесь уже возникли некоторые предпосылки для истинного понимания личности, понятие «личность» включило в себя системные социальные качества человека. Так начала формироваться стратометрическая концепция, которая позволила увидеть разные уровни развития группы, понять, что закономерности, которые можно выявить в группах одного уровня развития, не могут быть перенесены на группы иного уровня. Выяснилось, что межличностные отношения в группе представляют собой сложные многоуровневые структуры. Феномены, выявленные, к примеру, в поверхностной страте межличностных отношений, оказываются просто несущественными для глубинных страт, поэтому не определяют существенные характеристики группы. Стратометрическая концепция — выяснение того, как складываются взаимоотношения в разных стратах группового взаимодействия, — высветила проблему личности. Но долгое время у нас не было «ключа» к ее пониманию. Пока Вадим Петровский не выдвинул представление о личности в трех измерениях (интра-, интер- и метаиндивидуальная репрезентация лич-

ности)... Ну а дальше я шел в этом направлении и обратился к проблеме развития личности, показав, что здесь есть некие общие закономерности, что человек в своем развитии как личность всегда проходит три фазы — адаптацию, индивидуализацию, интеграцию в группе, и таким образом формируются важнейшие личностные качества личности. Эта концепция привела нас к построению ряда экспериментальных исследований. Теперь мы движемся к построению общепсихологической теории личности — явно есть в этом отношении возможности. Тогда задача будет состоять в том, чтобы соотнести реальные достижения, имеющиеся в других научных направлениях, с тем, что предложено нами. Интегрировав это в единую теорию, пытаемся строить соответствующую практику в сфере управления, воспитания и коррекции поведения человека. Надо осмыслить и обобщить все то, что делается в области психологической практики, изучения и формирования личности, и вместе с тем «подложить» под эту практику серьезную научную теорию. Долгое время у нас была теория без практики, сейчас — скорее практика без теории. Каким образом их объединить — основной вопрос, стоящий перед нами.

— *И доминирующим моментом в развитии науки должны быть социально-психологические исследования?*

— Именно так...

— *Редко кому из ученых, в частности психологам, удается успешно совмещать научную деятельность с научно-популярной. Помимо чисто научных книг вы выпустили немало количество и научно-популярных. Что помогает такому совмещению, что дает оно вам как ученому и в каком из этих направлений вы себя чувствуете особенно уверенно?*

— Я начал заниматься популяризацией психологии вполне целенаправленно с 1961 г. Тогда же вышла моя книга «Беседы о психологии». За ней последовал цикл популярных брошюр: «Дверь, открытая в прошлое», «Фантазия и реальность», «От поступка к характеру», позже вышла книга «Популярные беседы о психологии» и др. Я люблю популяризацию, мне доставляет удовольствие эта работа. Сейчас, когда поток научной литературы велик и читатель часто не может добраться до монографий, надо каким-то образом создать «витрину» психологии, с

тем чтобы он захотел зайти в ее «магазин». Научно-популярная литература помогает это сделать. Читатель заинтересуется и затем обратится к серьезным работам, станет хорошим потребителем, понимающим, что ему может дать полезного психология. Если директор завода, к примеру, заинтересовавшись, прочитает с пользой для себя научно-популярную книгу и затем пригласит к себе в помощь психолога, он ему предложит именно те задачи, которые тот может решить в силу своей профессиональной компетенции... Мне рассказывали, что в МГУ, когда распределялись психологи-выпускники, пришли два представителя из сферы промышленности и сказали, что им нужно пригласить на работу специалиста по «принятию решений». Действительно, на факультете были дипломы по психологии принятия решений. Им предложили кандидатуру одной выпускницы, сказали: «Она у нас диплом писала по этой проблематике и может быть очень полезной для вашего предприятия». — «По какой проблематике?», — спрашивают они. — «По проблеме принятия решений». Они с сомнением посмотрели на стоявшую перед ними девчущку: «Это она за нас будет принимать решения?!»... Так что научно-популярная литература может стать хорошим ориентиром, лодией в мире науки. Вот так я ее понимаю.

Занимаюсь я и публицистикой психолого-педагогического плана, словарно-энциклопедической работой, участвую в создании научно-популярных фильмов. Все это не противостоит научно-исследовательской работе, а, наоборот, дополняет, развивает и делает ее более доступной самым широким массам, которые могут быть заинтересованы в обращении к психологической науке.

— В одной из ваших научно-популярных книг, которые я читал, мне встретилось такое высказывание из книги «Популярные беседы о психологии», выпущенной издательством «Педагогика» в 1983 г., с. 24: «Если ребенок не сумеет решить задачу, посильную для его сверстников, ни самостоятельно, ни с помощью взрослого, тогда есть основание говорить о недостатке его способностей и даже о его умственной отсталости». Позволю себе с вами не согласиться, поскольку приведенные факторы еще недостаточны для такого сурового приговора. Один известный ученый расска-

звал мне о «сплошных двойках» своего сына, которой, однако, впоследствии стал известным математиком, доктором наук, лауреатом Ленинской премии, соратником С.П. Королева по космосу. Иногда школьник может просто робеть перед учителем и не ответить так, как позволяют ему способности. Многие школьники недостаточно хорошо учатся потому, что у них не выработалось умения быстро сосредоточивать свое внимание на предмете учебы, а то и вовсе не пробудилось интереса к ней. Бывают и такие дети, которые экзамены воспринимают как недоверие к их личности, оскорбление. Мне кажется, что собеседование с учащимся вместо экзаменов является более демократической формой общения между учащимся и учителем (преподавателем) и может принести гораздо большую помощь в обучении школьников и студентов. Таким образом, спектр причин, из-за которых учащийся не успевает в учебе, может быть гораздо более обширным, чем те, которые вы приводите в своей книге. Возможно, что за эти семь-восемь лет после выхода книги появились еще какие-то разработки по данной проблематике и я с ними не знаком. Так или иначе, что вы можете сказать обо всем этом?

— Это было, по существу, изложение идеи Выготского о «зоне ближайшего развития». Те исследования по интеллектуальной одаренности, которые велись с помощью тестов, с точки зрения Выготского, не могли выявить способности у человека, а говорили только об уровне его наличных знаний, умений, навыков. В зависимости от социального окружения и других условий ребенок мог показывать хорошие или посредственные результаты. Но делать вывод на основании полученных посредственных результатов неправомерно, хотя такие выводы и делали. И вот, исходя из своего представления о том, что учение «забегает» вперед развития, т.е. фактически развитие определяется взаимодействием обучающегося с обучающим — учителем, педагогом, Выготский выдвинул идею о том, что нельзя говорить об умственном развитии, замерять интеллектуальный уровень и получать коэффициенты одаренности или интеллекта путем однократного замера этих результатов. Он говорил, что самостоятельно ребенок может и не решить задачу. Но другое дело, если с ним будет работать педагог, и ребенок в

этом случае окажется «продвинутым». Если мы после окончания обучения увидим разницу между первым и вторым замером, то это будет свидетельствовать о наличии у него «зоны ближайшего развития», которая и позволяет рассчитывать на сформированность способностей. Это очень перспективная идея Выготского, и я здесь просто излагаю его подход. Ваши дальнейшие рассуждения никаких сомнений у меня не вызывают — все совершенно верно. Но тем не менее Выготский так подходил к этому вопросу: если не удастся с помощью педагога «продвинуть» ученика, то в каких-то случаях можно говорить даже об умственной его отсталости. Повторяю, я здесь оказываюсь в роли пересказывающего позицию Выготского.

— *Ваше мнение об аспектах, связанных с этикой ученого. Имеется ли такая проблема в современных условиях?*

— Проблема эта до сих пор имеется, и она очень важная. В повести А.П. Чехова «Скучная история» есть место, где говорится об этике ученого, вот оно: «Я трудолюбив и вынослив, как верблюд, а это важно, и талантлив, а это еще важнее. К тому же, к слову сказать, я воспитанный, скромный и честный малый. Никогда я не совал своего носа в литературу и политику, не искал популярности в полемике с невеждами, не читал речей ни на обедах, ни на могилах своих товарищей... Вообще на моем ученом имени нет ни одного пятна, и пожаловаться ему не на что» (Соч., т. VII, с. 251).

Таково представление об этике ученого в те годы. Сегодня дело обстоит намного сложнее. Невежды сейчас имеют широчайший доступ в научно-популярную литературу. С ними полемизировать надо, иначе они вытеснят науку. Надо полемизировать с теми, кто пропагандирует Чумака и прочих чудотворцев. Но ныне вопрос стоит еще более остро. Часты случаи компиляции, а то и плагиата. Меня поражает не столько беззастенчивость плагиата, сколько спокойное отношение к этому окружающих. Это совершенно безнравственно. В чеховские времена плагиатора выбросили бы из научного сообщества. У нас в таких случаях терпят. Я не хочу называть имена, но такие факты знаю.

К этике ученого относится и проблема соавторства. Ученый, который «примазывается» к работе своего сотрудника, безнравственен. А это происходит сплошь и рядом. Я лично очень

осторожен в этих вопросах, предпочитаю либо вовсе не включать свою фамилию в число авторов, либо придерживаться принципа алфавитности в расположении имен на титуле книги. Исключением может быть лишь тот случай, если монография написана научным коллективом, где его руководитель выступает не только автором, но и ответственным редактором.

Беда, что ученые не интересуются трудами своих коллег. Изолируются от научного сообщества, перестают его замечать. Меня удивляет, что, допустим, кто-то написал несколько существенных, значимых работ, в которых содержатся принципиально новые оценки, важные в том числе и для смежных научных подразделений, институтов, но этого не читают, не замечают, это, оказывается, им неинтересно.

Встречаются случаи и крайне непорядочного поведения среди ученых. Такому явлению следовало бы решительно воспрепятствовать сразу всему сообществу ученых, но, к сожалению, этого не происходит. Все всё понимают, но тем не менее руку такому поддают...

— *А надо посмотреть в глаза и не подать руки — вы так ведь в одной из своих книг советуете?*

— Да, а если он будет руку протягивать, убрать свою за спину... Этот способ — «не подать руки» — мы не умеем использовать...

Предлагаем вниманию читателей некоторые выдержки из книги А. В. Петровского «Быть личностью» (М.: Педагогика, 1990), которые развивают поднятую тему:

«Не сомневаюсь, что позорная мягкотелость людей, в чьей порядочности никто не сомневался, поощряет людей непорядочных... Можно ли позволить себе задушевно беседовать с морально нечистоплотным человеком, выдав ему таким образом, индугенцию, которую потом будет оплачивать общество? Фальшивое сочувствие «добреньких» знакомых легко перечеркивает неприглядность его поступков, утверждает в жизненной позиции «все мы люди, все мы человеки»... Так следует ли на фоне столь серьезных наших проблем затрагивать такое в общем-то эфемерное душевное качество, как непорядочность? Не слишком ли это мелко?»

Нет! Это вопрос очищения нравственной атмосферы общества. Убежден: большие преступления и пороки начинаются с мелких гадостей, которые делаются с опаской, с оглядкой на окружающих. Заметят ли,

осудят ли, посмеют ли сказать в лицо, что об этом думают? И лишь поняв, что с ним, несмотря ни на что, готовы «сработаться», что ему мило улыбаются, что, за руку не пойманный, он вполне не приемлем, а случись ему попасться, все равно не выпадет он из круга «славных людей», этот беспардонный субъект разворачивается вовсю... Не будем забывать — сегодняшний преступник вчера был просто непорядочным человеком. И не станем утешать себя мыслью, что не каждый непорядочный человек обязательно станет преступником.

... Да! Самовоспитание личности начинается с четкого понимания того, что такое порядочность. Я себе представляю это образно так. У каждого человека есть что-то вроде планки допустимого, у одних она закреплена выше, у других ниже. Верхнюю часть совокупности его поступков составляет то, что он делает, в общем-то понимая, что содеянное его не украшает (покривил душой, воспользовался «знакомствами», кого-то обидел, где-то «схалтурил» и т.п.). Человек понимает: хорошо бы такого не было, но считает, что без этого, увы, жизнь не проживешь. Одобрено это ни в коем случае быть не может, но лицемерием, достойным мифа о беспорочном «советском человеке эпохи развитого социализма», было бы отрицание этого факта. Нижняя часть шкалы поступков — прямая подлость, злостная ложь, наущничество, издевательства над окружающими, мелкое мошенничество, двурушничество в деловых и личных отношениях и другие весьма дурно пахнущие, хотя и не предусмотренные уголовным кодексом, деяния. Весь вопрос в том, как высоко установлена планка допустимого. Если установлена человеком высоко, то он считает приемлемым для себя только незначительные нравственные прегрешения, которые оказываются в результате «выше! планки». На подлость он не пойдет, хотя «правду-матку» каждому в лицо резать не станет. Низко расположена «планка» — некто готов позволить себе многие и многие гадости, считая, что они его совести не тревожат и если их не очень афишировать, то они сойдут ему с рук. Высота порога индивидуально специфична и обнаруживается в тот момент, когда человеку предстоит осуществить значимый для него нравственный выбор» (с. 63-66).

— *Ваши дальнейшие планы по всем тем направлениям, в которых вы работаете?*

— Вместе с М.Г. Ярошевским будем создавать «Психологическую энциклопедию». Что касается научно-исследовательской работы, то с коллегами продолжим заниматься теоретическими проблемами построения общепсихологической теории личности, а также решать прикладные задачи, связанные глав-

ным образом с психологическими аспектами педагогического взаимодействия, которое высвечивает личность педагога и его взаимодействие с личностью ученика. При этом нас интересуют различные типы учебных заведений, прежде всего так называемые «авторские школы». Они не ориентируются на стандартные установки, а используют основные направления развития народного образования в России, строят обучение на принципах, разработанных в 1988-1989 гг. Временным научно-исследовательским коллективом «Школа». Это новое направление. Я курирую несколько таких школ, в частности школу педагога-новатора М.П. Щетинина, являющегося руководителем Центра комплексного развития личности в Краснодарском крае. Он бывший сотрудник нашей лаборатории. Есть близкие по подходам школы в Москве и Нижнем Новгороде.

— *Как строится ваш рабочий день, чем приходится заниматься?*

— Обычно утром с 8 до 12 ч я читаю или пишу что-нибудь, что не требует для меня работы с источниками. Это какие-то небольшие статьи, короткие справки, рецензии. То есть делаю сравнительно легкую, хотя и далеко не всегда приятную работу. Часов с 12-ти еду либо в лабораторию института, либо в Академию педагогических наук, где бываю часов до 17. После этого возвращаюсь домой и очень короткое время сплю, восстанавливаю силы. Тогда я бодр и могу работать вторую половину дня и часть ночи, как правило, до двух часов. Это как раз основное мое рабочее время, очень продуктивное. Пишу сразу на машинке, без черновиков. За вечер-ночь нарабатываю 5-6 машинописных страниц. После этого, правда, не сразу удастся заснуть, приходится принимать снотворное...

— *Не могли бы вы представить, какой будет политическая и экономическая ситуация в стране к 2000 году?*

— Если бы об этом меня спросили полгода тому назад, я бы еще мог ответить. Сейчас же, в труднейший для нас момент, у меня ощущение, что страна, как богатырь, стоит перед камнем, на котором написано: «Направо пойдешь — погибель найдешь, налево пойдешь...» Какой путь выбрать? Есть надежда, что те пути, которые были выбраны для перехода к рынку и которые связаны с демократизацией, гласностью и новым мышлением в международной политике, получают свое развитие. Тогда, возмож-

но, к 2000 году мы все-таки стабилизируем нашу жизнь и, может быть, поправим несколько свои дела. А это уже много, потому что коль скоро мы явно движемся вниз — во всех отношениях, надо каким-то образом постараться затормозить это движение, набраться сил, для того чтобы преодолеть инерцию этого движения и затем медленно начать подъем. Я очень надеюсь, что та линия, о которой было заявлено в начале перестроечного периода, должна возобладать. Если — нет, то как в той сказке с камнем, значит, мы выбрали дорожку, ведущую к катастрофе, и для общества это будет означать гибель. Прогнозировать даже предположительно катастрофу — язык не поворачивается...

(записано 16 февраля 1991 г.)

Я. Л. ПОНОМАРЕВ
(1920-1997)

Яков Александрович Пономарев — доктор психологических наук, сотрудник Института психологии АН СССР (в дальнейшем — РАН). В официальной биографической справке читаем: «Родился в 1920 г., в Ивановской области, русский, беспартийный, после окончания средней школы поступил в Московский институт философии, литературы и истории, в котором проучился менее двух месяцев, и в 1939 г. был призван в армию, где служил в должности радиотелеграфиста. Во время войны участвовал в боевых действиях. Будучи на Северо-Западном фронте, попал в окружение и в плен. После освобождения продолжал службу в Красной Армии (последняя должность — начальник топовычислительной команды минометного полка). Демобилизовался в 1946 г.».

В 1946 г. Я.А. Пономарев поступил на психологическое отделение философского факультета МГУ и закончил его в 1951-м. 1952—1956 гг. — старший экскурсовод-педагог в культурно-просветительном и научном Уголке им. В.И. Дурова. С 1957 по 1961 г. — редактор редакции литературы по психологии и дефектологии Издательства Академии педагогических наук РСФСР. 1959-й — защита кандидатской диссертации на тему «Исследование психо-

Впервые опубликовано в «Психологическом журнале» (1991, т. 12, № 6, с. 137—153).

Фото В. Артамонова

логических механизмов творческого (продуктивного) мышления». 1960-й — выход первой книги «Психология творческого мышления».

С 1961-го по 1966-й — младший (а затем старший) научный сотрудник Института психологии АПН РСФСР. Занимался проблемой интеллектуального развития. Итог научных исследований этого периода отражен в книге «Знания, мышление и умственное развитие» (1967). В том же году опубликовал и книгу «Психика и интуиция».

1966 г.— переход в сектор психологии научного творчества Института истории естествознания и техники АН СССР. Написание монографии «Психологические исследования научного творчества». 1972-й — защита докторской диссертации на тему «Проблемы психологии творчества».

С 1973 г. в Институте психологии АН СССР: старший, затем ведущий и главный научный сотрудник. Разрабатывал проблемы психологии творчества и методологии психологии. Опубликовал монографии «Психология творчества» (1976), «Психология творчества и педагогика» (1976), «Методологическое введение в психологию» (1983), под его редакцией выпущены коллективные монографии «Исследования проблем психологии творчества» (1983), «Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная» (1990).

Я. А. Пономарев: «ОРГАНИЗАЦИЮ НАУКИ СО ВРЕМЕНЕМ НАДО МЕНЯТЬ»

— Яков Александрович, по традиции начнем с биографических вех. Расскажите, пожалуйста, откуда вы родом, кто ваши родители, как вы воспитывались, учились, чем интересовались, кем мечтали стать? Сбылись ли ваши юношеские устремления, нет ли в вашей судьбе каких-то жизненных потерь, о чем приходится сожалеть?

— Родился я 25 декабря 1920 г. в Ивановской области, в населенном пункте Бонячки, сейчас это город Вичуга. Там я

пробыл первые шесть месяцев, затем родители переехали в соседний город Родники, который и в настоящее время существует под тем же названием.

Отец, имея образование всего четыре класса, начавший трудовую деятельность с 11 лет, в 23 года — а это было еще до революции — работал уже главным бухгалтером в Родниках на текстильной фабрике, материально он был обеспечен хорошо. Мать из дворян. Родилась она в Москве, в Кремле, летнее время проводила в Нескучном дворце — там, где теперь находится Президиум Академии наук СССР. Родители моей матери были небогаты. Ее отец, мой дед, был, как можно сейчас сказать, кремлевским врачом: император, правда, тогда находился в Петербурге. Мать в свое время получила педагогическое образование.

В 1929 г. мои родители уехали из Родников — отец стал работать в Подмосковье на фабрике искусственного волокна.

Педагогическое образование моей матери способствовало тому, что обучению детей у нас в семье уделялось особое внимание. В Родниках мы жили в довольно большом собственном доме, где для учебы специально была отведена комната с партой. Читать я научился рано, в это же время — и играть в шахматы по примеру своих братьев, у которых это очень неплохо получалось.

Отец много занимался самообразованием. Имел хорошую библиотеку, основу которой составляло приложение к журналу «Нива». Содержимое библиотеки и определило круг моего чтения в детстве. Первой большой книгой, которую я прочитал самостоятельно, был фантастический роман Курта Ласвитца «На Земле и на Марсе (на двух планетах)». Роман пробудил у меня устойчивый интерес к фантастике, астрономии, математике и, если говорить современным языком, космонавтике. Позднее, в школьные годы, я прочитал много популярной и учебной литературы по астрономии. Меня привлекали и другие области знания, но только не грамматика (в то время я часто допускал грамматические ошибки). Много знал наизусть из Пушкина, Лермонтова, Фета и др. Тютчева считал лучшим поэтом. Лучшим прозаиком — Тургенева. Из зарубежной литературы неплохо знал: Ибсена, Гамсуна, Гауптмана и, конечно, Гейне, которому подражал в первых своих стихотворениях. Много рисовал. Занимал-

ся в архитектурном кружке Клуба строителей. Пытался сочинять музыку. Был шахматным чемпионом среди школьников Железнодорожного района Москвы. Играл в детской футбольной команде спортивного общества «Дзержинец».

Кем мечтал стать?

Тогда я думал так: «Я согласен быть писателем, но уж очень это узкая область деятельности!». Она меня не устраивала. Мне и астрономия-то казалась узкой областью.

Сбылись ли мои юношеские устремления? В какой-то мере — да. Были ли потери? Конечно, были. О них, вероятно, в дальнейшем придется упомянуть. Но в общем и целом я не жалею, что так сложилась моя судьба. Если бы вновь пришлось сделать выбор, думаю, он был бы тем же, хотя пройти все заново не хотелось бы.

— *Что, на ваш взгляд, у вас было врожденным, а что приобретенным?*

— И то, и другое надо рассматривать как сосуществующее: каждое из них выделяется только абстрактно. Понятия «приобретенное», «врожденное» можно уподобить двум полюсам магнита. Один из них — назовем его верхним пределом — это приобретенное, нижний — врожденное. Между ними существует множество градаций. Они для меня и выступают как уровни организации этого монолита. Если доминирует нижний уровень, преобладает врожденное, но обязательно присутствует и приобретенное. Если доминирует высший уровень, то преобладает приобретенное, но обязательно присутствует врожденное. У человека не может быть ничего того, что противоречило бы его генотипу. Мы приобретаем опыт, формируем что-то на основе данного нам. Врождена в лучшем случае антропологическая норма, фиксирующая, в частности, все возможные психологические формы поведения, но это бывает очень редко. Человек обычно не добывает своей нормы. Генотип, как я уже сказал, определяет только формы, а какое содержание вложится в эти формы, определяется средой, событиями, условиями и т. п. Само развитие формы происходит в процессе овладения содержанием, хотя пределы такого развития генетически предопределены.

— *Все же у вас были благоприятные условия для развития в детстве?*

— С этим я, пожалуй, соглашусь.

— *Расскажите о трудном для вас времени, о годах войны?*

— Считаю, что время то было для меня потеряно. Я ничего тогда не приобрел. А рассказывать об унижениях, которые приходилось переживать, мне совсем не хочется и даже неприятно.

— *Вы с 1920 года рождения, основная ваша научная деятельность приходится на послевоенное время. Расскажите о годах учебы, работы, о встречах с учеными, о проблемах, которыми занимались. Чем были вызваны переходы из одного научного института в другой, а потом в третий, еще раньше — работа редактором в Издательстве Академии педагогических наук? Что эти переходы вам дали? Вы когда-то поступали в Институт философии, литературы и истории (ИФЛИ) и раньше интересовались философией. Не приходилось ли вам в дальнейшем разрываться между психологией, на которую вы переключились, и философией? Какими своими научными разработками вы гордитесь и особенно хотели бы выделить? Понимают ли вас коллеги-психологи?*

— Закончив в 1939 г. общеобразовательную школу, я сдал экзамены в Институт философии, литературы и истории и прошел по конкурсу, чем до сих пор горжусь, так как конкурс был очень большой. Проучился в ИФЛИ один месяц и двадцать восемь дней: в тот год студентов брали в армию. Таким образом, в октябре 1939 г. я отправился служить. Возвратился же обратно только в мае 1946 г. Несмотря на то что я побывал в плену, мне все-таки удалось продолжить учебу. ИФЛИ во время войны расформировали. Как бывший его студент я поступил в Московский университет — на факультет философии. Правда, с поступлением у меня были определенные трудности, пришлось достать некоторые документы, давшие мне возможность стать вновь студентом.

Когда восстановление завершилось, я беседовал с деканом о выборе отделения факультета. Мне было предложено любое отделение, но в конце концов пришли к мнению, что психология для меня будет самой подходящей областью. В пользу такого выбора у меня были в то время и весьма забавные теоретические основания: иметь достаточно полное представление о Вселенной (а именно этого я ждал от философии) непосредственно

невозможно. Для формирования такого представления надо сосредоточивать внимание прежде всего на человеке как на некотором итоге развития Вселенной.

Семь лет я не держал книжки в руках и поэтому думал, смогу ли успешно учиться? Стал тщательным образом конспектировать лекции... Затем понял: учиться и теперь не так уж трудно. Вдохнул свободнее и на протяжении всех пяти лет без перенапряжения получал только отличные оценки.

В 1951 г. я окончил факультет, получив диплом с отличием, но не мог поступить на работу по специальности. Распределен я был в Институт психологии — теперь он называется Институтом общей и педагогической психологии Академии педагогических наук. Но, увы, там... не оказалось свободных мест. Не оказалось их и в Институте истории и теории педагогики, куда меня тоже посылали... «Свободных мест нет», — отвечали во многих других учреждениях, где я пытался найти работу по специальности.

Еще будучи студентом, я выполнял в книжных издательствах работы художника — главным образом оформлял обложки. Теперь мне серьезно советовали превратить эти занятия в основную профессию. Но я проявил должное упорство и стал писать письма на имя Сталина, Маленкова, Поскребышева... Во многие инстанции, куда мне советовали писать, где можно было добиться какого-то успеха. Видимо, одно из моих писем возымело действие: я поступил внештатным преподавателем в Институт усовершенствования руководящих и инженерно-технических работников Министерства легкой промышленности. Стал читать лекции по психологии, логике, педагогике и даже — по политической экономии.

Через некоторое время мне удалось устроиться и на штатную работу — в Уголок Дурова старшим экскурсоводом-педагогом. Показывал детишкам музей дедушки Дурова, мышиную железную дорогу, медведей, слона, обезьян и других животных... В Уголке функционировал научный сектор. Но оклады всюду были микроскопические. В 1956 г. меня уволили. Анна Владимировна Дурова (дочь Владимира Леонидовича) — директор Уголка — постоянно сражалась с Министерством культуры за престижность своего учреждения и за то, чтобы в полной мере реализовать идеи своего отца. И тут ее с директорства сняли —

она стала художественным руководителем, а прибывший новый директор разогнал всех сотрудников, которые в какой-то мере симпатизировали Дуровой и были с ней «заодно».

Снова я оказался без постоянной работы. Но в 1957 г. отменили статью в анкете в отношении плена, и я получил несколько предложений. В частности, мне предлагали работать в журнале «Семья и школа» и в книжной редакции Издательства Академии педагогических наук. Я выбрал книжную редакцию. Скажу, что там было очень интересно. В то время в редакции литературы по психологии и дефектологии работала плеяда молодежи — будущих докторов психологических наук и академиков АПН. Редакция оказалась сильной, и мы могли в пользу психологии проделывать все, что находили нужным. Мне там работать нравилось, но до определенного периода. В это время я защитил кандидатскую диссертацию: «Исследование психологических механизмов творческого (продуктивного) мышления». Писал ее, работая в Уголке Дурова (научного руководителя не было), а когда пришел в издательство, литературно ее оформил и потом защитил в МГУ. Вскоре вышла моя первая монография (хорошо оформленная книга) «Психология творческого мышления». В интервью, опубликованном в «Вопросах психологии» в 1990 г., я так объяснил причины перехода в Институт психологии. Тогда я часто контактировал по редакционно-издательским делам с Анатолием Александровичем Смирновым, директором Института психологии, кстати сказать, человеком незаурядным, тактичным, обладавшим большими знаниями и способностями и необычайным чувством юмора. Работать с ним было легко. Ему я и сказал, что мне надоело заниматься редактированием чужих книг, теперь буду очень жестко относиться к литературе, которая поступает из Института психологии, и у него, Смирнова, единственная возможность избавиться от меня — взять к себе в штат. Он сказал: «Пишите заявление». И я перешел в Институт психологии, где и проработал с 1961 по 1966 г. в Лаборатории психологии младшего школьного возраста.

У меня были свои идеи, но начальники всегда требуют, чтобы развивались их идеи. Я попробовал отыскать компромиссный вариант. В лаборатории в основном решались дидактические задачи: на передний план выдвигалось содержание обучения.

Лаборатория разрабатывала собственные программы обучения младших школьников. По ним работали экспериментальные классы, в остальных — контрольных — использовались обычные (министерские) программы. Эффективность того и другого нуждалась в сопоставлении. Я и предложил проследить их влияние на степень развития психологического механизма интеллекта, используя для этого сопоставление средних характеристик уровня развития способности действовать «в уме» в тех и других классах. Таким образом, я стал изучать закономерности развития внутреннего плана действий. Мои исследования не очень понравились моему непосредственному начальству, но принципиальное согласие все же было достигнуто. Исследование показало, что содержание обучения, которое предлагалось лабораторией, действительно давало больший эффект в развитии внутреннего плана действий, чем общепринятое — министерское — содержание. Но выяснился и ряд других обстоятельств. Среди них особое место заняло положение о значении врожденного (оно не соответствовало господствующей у нас в то время концепции экви-потенционализма, отвергавшей врожденную обусловленность); сюда же попадало и положение об исключительно важном значении уровня развития внутреннего плана действий, отражающего уровень развития психологического механизма поведения. Были дети с органическими недостатками (преимущественно врожденными), на их развитие изменения содержания обучения не оказывали желаемого воздействия. Были и педагогически запущенные ученики, может, и с неплохими врожденными особенностями, но они работали не с тем содержанием, не с той интенсивностью, не с тем мастерством их учили... Так что в конце-концов такие ученики тоже отставали в развитии.

Исходя из полученных результатов, я стал считать, что основной задачей начальной школы является развитие внутреннего плана действий, поскольку эта способность прогрессирует только до полной физической зрелости человека, а потом прекращает свое развитие. Следовательно, в таком развитии большую роль играет созревание. И уже у юношей, которые физически оказались развитыми, эта способность существенно не изменяется. Но созревание происходит успешно лишь в том случае, если ребенка учат, если имеются соответствующие ему

содержание и опыт. Поэтому нужно создавать такие условия обучения, которые бы благоприятствовали развитию способности. Но это было неприемлемо для позиции, которой придерживалась лаборатория.

По материалам экспериментального исследования я написал книгу «Знание, мышление и умственное развитие» (именно это название мне подсказал А. А. Смирнов) и с большим трудом добился ее представления к печати (подробности этой истории приведены в упоминавшемся уже интервью в «Вопросах психологии»). В личностном плане я ни с кем не ссорился. Просто стало видно, что у нас разные идеи и подходы, что нам необходимо разойтись.

В 1966 г. в Институте истории естествознания и техники АН СССР, где директорствовал Банифатий Михайлович Кедров, был создан сектор психологии научно-технического творчества. В институте я когда-то делал доклады о психологии творческого мышления, а теперь поступил туда на работу и стал заниматься проблемами научного творчества. В период перехода из института в институт я успел написать книгу «Психика и интуиция». Она была издана в 1967 г. и до сих пор мне нравится.

В период работы в Институте истории естествознания и техники я защитил докторскую диссертацию («Проблемы психологии творчества»). Написал еще одну книгу. Но, как мне сказали, она не соответствовала науковедческой направленности серии книг, в которой публиковались работы сектора. Поскольку эта моя книга «не вписывалась в серию» и в секторе нельзя было заниматься экспериментальной психологией, я воспользовался возможностью и перевелся в организованный в 1971 г. Институт психологии АН СССР. Здесь я впервые мог работать непосредственно по своей проблематике, как говорится, «работать на себя».

Какими своими научными разработками я горжусь и особенно хотел бы выделить?

Идеи своих главных научных разработок я сформулировал в интервью журналу «Вопросы психологии». Не буду повторяться. Пользуясь поставленным мне вопросом, обращаю внимание на то, как это происходило и какими методами пользовался.

Возвращусь немного назад. Еще в МГУ, в ходе дипломной работы, я сделал своего рода открытие: экспериментально уста-

новил факт неоднородности результата действия человека, наличия в этом результате прямого (осознаваемого) и побочного (неосознаваемого) продукта. Этот факт укрепил во мне веру в категорию взаимодействия, натолкнул на разработку представлений о логическом механизме взаимоотношения взаимодействия и развития. Это имеет особое значение, поскольку в те годы у нас о системном подходе говорили еще очень мало. Идея упомянутого логического механизма была реализована в исследованиях психологии творческого мышления, составивших содержание одноименной монографии, где заложены начала монистической структурно-уровневой концепции психического. Эта концепция распространялась в том числе и на изучение хода решения творческих задач интеллектуально развитым человеком.

В Лаборатории психологии младших школьников Института психологии АПН, экспериментально исследуя развитие внутреннего плана действий у ребенка, я получил (не без помощи высококвалифицированного математика) математическое уравнение, по которому это развитие следует, установил и описал его этапность. Написанную по данному материалу книгу «Знание, мышление и умственное развитие» я решил представить в качестве докторской диссертации. Здесь существенной оказалась одна деталь: в целях сокращения объема рукописи в издательстве была убрана имевшаяся в монографии библиография. А. Н. Леонтьев (к нему я обратился с соответствующей просьбой) сказал мне что-то вроде: «Скоро будут защищать докторские и по популярным изданиям» — и посоветовал перепечатать книгу на машинке с подключением библиографии. Я решил поступить радикальнее и переработать весь накопленный мною к тому времени материал в солидный «кирпич» — более 600 страниц, под названием «Проблема психологии творчества». Экспериментальный материал в этой рукописи располагался в той же последовательности, в которой он был получен: сначала ход решения творческой задачи интеллектуально развитым взрослым, затем развитие внутреннего плана действий у ребенка. Диссертация была принята к защите в Институте психологии АПН. Незадолго до защиты я стал обдумывать, как изложить содержание работы на Ученом совете во время защиты — ведь нужно было все максимально сжать. Здесь и

сработало одно из положений, сформулированных мною в «Психологии творческого мышления»: я увидел, боже мой! — формы развития ребенка в онтогенезе, формы его поведения подобны формам поведения человека, решающего трудную творческую задачу! Это было еще одно открытие. Теперь можно было сформулировать принцип развития, который и был выражен в законе трансформации этапов развития системы в структурные уровни ее организации и функциональные ступени дальнейших развивающих взаимодействий. Формирование и функционирование психологического механизма творчества строго следовало этому закону, являясь одной из частных форм его выражения. Здесь я понял, что это — «золотая жила». Только реализуй ее, реализуй и реализуй!

Первая реализация — книга «Психология творчества». Здесь впервые рельефно сформулированы общие черты моего современного представления о психологическом механизме творчества. Дальнейшее развитие этого представления дано в моих статьях, в коллективных монографиях под моей редакцией. Обнаружено соответствие данного представления упоминавшемуся уже мною представлению о логическом механизме взаимоотношения взаимодействия и развития. В предельном случае этапы развития выступают как моменты взаимодействия. Здесь и возникает новизна, формирующая развитие, а следовательно, и новые условия последующих взаимодействий. Схема структурно-уровневой организации психологического механизма творчества превратилась в удобный прибор для анализа и совершенствования ранее известного. Старые понятия стали обретать новый смысл. Существенное развитие претерпело исходное, как теперь можно сказать, положение концепции — положение о прямом и побочном продуктах. В начале, утверждая неоднородность результата действия, я говорил лишь о двух его составляющих. Сейчас утверждаю: любая модель мира, возникающая в мозгу человека, многоуровневая. Количество уровней трудно предугадать. И только один из них — доминирующий — непосредственно связан с целью. Все остальные — субдоминантные. Каждому из них соответствует специфический побочный продукт. Смена фазы творческого процесса — это смена доминирующего уровня. Последовательность смен определяется порядком уровневой организации. Смена с минималь-

ной амплитудой определяет психологический квант творчества и является его исходным психологическим критерием. Решение творческой задачи зависит от реакции на субдоминантные образования (побочные продукты). Степень развития и другие особенности уровневой организации психологического механизма творчества определяют соответствующие способности и личностные качества человека. Сложность детерминации психологического механизма — а она зависит от количества уровней и их взаимосвязей — потрясающая. Поэтому наши знания о нем вероятностны. Все перечисленное — краеугольные камни разрабатываемой сейчас структурно-урвневой теории психологического механизма творчества.

Построение такой теории было бы невозможно без соответствующего анализа общих методологических проблем психологии — прежде всего проблем природы психического и места психологии в системе его комплексного исследования. Линия данной проблематики проведена через все мои книги. Специально ей посвящено «Методологическое введение в психологию». Но наиболее проработанные решения даны в статьях последнего времени. Здесь субъективное и социальное рассматриваются как структурные уровни организации: первое — объективного, второе — природного. Развиваются также вопросы теории психологического познания, построенной путем экстраполяции положений, выражающих закономерности развития внутреннего плана действий ребенка. В статьях последнего времени представлены также некоторые сдвиги в понимании категории творчества и ее взаимоотношений со смежниками.

Творчество трактуется как единство взаимодействия и развития, которое в свою очередь выступает как механизм того постоянного преобразования, видоизменения, обновления Универсума, которое составляет генеральный принцип его существования.

Упомяну об исследовательском приеме, который я нередко использовал, но нигде еще не опубликовал его описания. Точнее сказать, в публикациях я только упоминал о нем как о прорыве ко всеобщему и последующему анализу с его позиции особенного или единичного. Этот прием можно поставить, например, в один ряд с современной «деловой игрой», причем ведется она индивидуально. Первое дело здесь — построение фантасти-

ческой картины Универсума. При этом надо исходить из положения о том, что мир развивается в целом — как система взаимодействующих систем,— и строго соблюдать правила: не нарушать законов логики и ряда принципов, в частности монизма и взаимодействия; использовать современные знания и дополнять их положениями, которые приобретаются при оперировании моделями с приданием им (в игровых пределах) статуса оригиналов. В основу построения фантастической картины Универсума кладется живая система, которая рассматривается как его современный концентрат. Наука объединяется с искусством: реализация приема связана с сочинением фантастического романа, содержание которого строится исходя из положения о бесконечности Вселенной. В романе рассматриваются эпоха — когда преобразование неживого в живое становится ведущей характеристикой способа существования Универсума; пессимистическая и оптимистическая доктрины смысла жизни; смерть и бессмертие; узлы развития, представляющие собой мировые загадки. Это и есть всеобщее! Затем данная картина или ее отдельные фрагменты и используются для построения предгипотез к пониманию особенного или единичного.

Например, события заставили меня однажды сопоставить сформулированный мною для психологии творчества закон трансформации этапов развития психологического механизма творчества в структурные уровни его организации и функциональные ступени решения творческих задач с близким к нему биогенетическим законом. Что же получилось? Согласно биогенетическому закону, онтогенез повторяет филогенез. Известно, что это положение пытались однажды применить в педагогике и пришли к выводу, что в определенный период надо учить стрелять из лука, ловить рыбу и т. п.— как первоначально было у человечества. Все это оказалось более чем сомнительно. Не лучше получается, если взять господствующую у нас сейчас трудовую теорию антропогенеза. Если считать, что все в ней правильно, то необходимо, как только младенец несколько окрепнет, давать ему в одну руку один камень, в другую — другой. Пусть выбивает огонь, делает орудия, т. е. повторяет филогенез. Однако так не происходит. Общеизвестно, что первостепенное значение для умственного развития ребенка в этом возрасте имеет общение с родителями... Использование фантасти-

ческой модели Универсума оказывается эффективнее. Сразу становится видно, насколько несовершенны знания об антропогенезе: все узловые моменты происхождения человека до сих пор остаются мировыми загадками. Их прежде всего можно решать фантастически, если основываться на логически стройном представлении о мире. Оказывается ясным, что воссоздание картины антропогенеза может быть успешным, если оно опирается на сравнительно добротную общую теорию развития. Таков путь от предгипотезы к гипотезе. Гипотезу же надо проверять средствами лабораторного эксперимента и в зависимости от успешных результатов — вновь совершенствовать теорию. Так я, например, и пытался поступать, намечая картину механизма общественного познания по картине механизма индивидуального познания. На данном пути отчетливо обнаружилось следующее: наследуются, повторяются не содержание, а лишь его формы. Вот почему у человека и нет врожденных идей. Таким образом, те вопросы развития, которые мне не ясны, я могу сначала подсмотреть на универсальной модели. Если же такая модель окажется для данной цели ограниченной, модель можно расширить.

Понимают ли меня психологи? Это весьма коварный вопрос! Конечно, понимают! И конечно, не в такой мере, в какой бы мне хотелось. Но это естественно. Если было бы иначе, я бы опечалился. И не только потому, что физик Планк говорил, что понимание новых идей иногда требует смены поколений; люди всегда рассматривают окружающее в свете множества своих установок. То, что в какой-то мере меня понимают, следует уже хотя бы из того, что меня публикуют. Верно, добиться первой публикации было нелегко. Но, вероятно, не только потому, что многих начинающих считают не вполне нормальными и право считаться нормальными приходится завоевывать. Надо постоянно заботиться и о степени последующего понимания.

Вы спрашиваете, не приходилось ли мне разрываться между философией и психологией? Разрываться не приходилось. И не только потому, что исходно психология была областью философии, но и потому, что выбором своей специальности, как мне теперь кажется, я попал в точку пересечения своих интересов, замыслов. Для себя я считаю так: через человека — с помощью фантастики — мне удалось гораздо глубже заглянуть во

Вселенную, чем это доступно с помощью современных астрономических приборов. Таким образом, философия и психология наложились друг на друга. Кроме того, я и в психологии немало занимаюсь философскими проблемами, если на то пошло, и без философии нельзя было бы наметить пути психологического изучения творчества.

— *И все-таки еще раз вернемся к сказанному, подытожим: проблема творчества — что это такое, не «натяжка» ли, не выдуманый ли учеными мудреный термин, за которым ничего не скрывается?*

— Меня не обижает, что вы хотите как бы взорвать проблему, которой я занимаюсь почти всю жизнь. Вы правы: основания для этого имеются. В прежние годы мне не раз приходилось слышать, что «творчество» — это затасканный термин, что его нужно сменить... Изучавшие творчество нашли более 120 его определений. Это количество растет, а общепризнанной точки зрения нет. Что же такое творчество? Вот принятое у нас традиционное определение: это деятельность человека, создающая новые материальные и духовные ценности, имеющие общественную значимость. Но когда мы вдумываемся в это определение, то видим, что оно не отвечает массе фактов, массе обстоятельств — игнорирует творчество детей, лишает творчества животных, а я считаю, что творчество есть у всей природы. Я понимаю творчество как взаимодействие, ведущее к развитию, как развивающее взаимодействие. Все элементы мира индивидуальны, т. е., подобно людям, отличаются друг от друга. Нет двух одинаковых капель воды, нет двух одинаковых молекул и т. п. Таков постулат индивидуальности. Если допустить этот постулат, а в предельном случае это вполне возможно, то легко заметить, что при взаимодействии двух компонентов должно возникать новое. Может быть, это и есть предельный случай того нового, с которым всегда связывают творчество? Где источник новизны? Где источник развития? Он — во взаимодействии. Продолжая эту мысль, мы приходим к выводу, что творчество — это прежде всего развивающее взаимодействие. Постулат индивидуальности требует признать: любое взаимодействие — развивающее. В таком случае можно настаивать на единстве взаимодействия и развития и связывать это единство с категорией движения, т. е. придать категории движения новый смысл.

Раньше я говорил: творчество — механизм развития. Теперь говорю: творчество — механизм движения; сам же этот механизм заключен во взаимоотношении взаимодействия и развития.

Как быть с категорией деятельности? Деятельность для меня — это только функция одного из компонентов взаимодействия. Из деятельности мы никакого развития не выведем.

Творчество я приписываю всему Универсуму на любом уровне его развития, потому что взаимодействие, ведущее к развитию, существует всюду. Там, где есть взаимодействие, развитие, движение, есть, следовательно, и творчество. Творчество человека одна из форм творчества Универсума. Конечно, творчество человека не аналогично развитию, скажем, каких-нибудь химических элементов, микрочастиц, или развитию галактик. Это — специфическая форма, но форма проявления единства взаимодействия и развития, развивающегося взаимодействия.

— *Как поставлено изучение проблем творчества за рубежом?*

— Это весьма объемный вопрос. Отвечу на него только в пределах особенностей развития типов психологического знания, просматривающихся с позиции моей структурно-уровневой концепции. Согласно этой концепции, намечены три типа знания.

1. *Созерцательно-объяснительный.* Непосредственно связан с житейским опытом, удовлетворяет потребности общения любознательности, мировоззрения. Имеет созерцательный способ приобретения знаний: исследователь не выступает причиной изучаемых событий, фиксируется лишь поверхность явлений, представления об их сущности произвольны. Психологические теории не выращиваются из собственной ткани этой науки и в силу этого инородны сущности психологических событий.

2. *Эмпирический.* Формируется в недрах созерцательно-объяснительного знания, трансформируя и включая в себя его содержание. Имеет действенный способ приобретения знаний, однако не учитывает внутрипредметных преобразований (они остаются в «черном ящике»). Описывается способ практических воздействий на объект исследования, достигших практического эффекта. Этот способ отражает тем самым эмпирические закономерности. Данный тип имеет непосредственную связь с

практикой, опирающуюся на беспредельно расширяющийся ряд вовлекающихся в исследование практических задач, решения которых порождают конгломерат знаний — эмпирическую многоаспектность.

3. *Действенно-преобразующий.* Формируется в недрах эмпирического, трансформируя и включая в себя его содержание. При опоре на генезис исследуемых явлений, их расчленение на структурные уровни организации вырабатываются объективные критерии упорядочивания эмпирической многоаспектности. Выделяется специфический предмет исследования, устанавливается его место в системе комплексного изучения явления. Вскрываются внутрипредметные взаимодействия. Связь с практикой становится опосредствованной. Выделяются полюса абстрактных и конкретных знаний. Формируется сложная стратегия исследования действенно-преобразующего типа.

Примерно до середины 30-х годов нашего столетия общие особенности изучения проблем психологии творчества за рубежом и у нас были весьма близкими. И там и здесь психология творчества прошла период господства созерцательно-объяснительного типа, и там и здесь господствующее место стал занимать эмпирический тип — основным связующим звеном психологии творчества и практики был тест. В дальнейшем пути развития психологии творчества за рубежом у нас резко разошлись. За рубежом продолжалось интенсивное наращивание эмпирической многоаспектности, разрабатывалось множество всякого рода технологий, дающих большой практический эффект. В 1936 г. у нас были запрещены педология и психотехника. По существу были запрещены и тесты. Установившаяся связь психологии творчества с практикой была нарушена. Такого рода запреты возымели, разумеется, и побочное действие — послужили толчком к развитию теории, ведь надо было куда-то устремлять силы. По этой причине мы волей-неволей стали продвигаться к действенно-преобразующему типу. Хотя, конечно, эмпирический тип не противоречит действенно-преобразующему, а естественно подготавливает его.

У зарубежных психологов, занимающихся проблемами творчества, не хватает на теорию ни времени, ни привычек: они сразу же ориентируются на конкретное дело. Этому способствуют и принятые там пути и формы финансирования науки о творче-

стве. Так вот, зарубежная психология творчества сейчас, вероятно, чрезмерно непосредственно практична. Она напрямую связана с практикой. В этом ее и сила. Но ведь в скором времени связь психологии с практикой должна меняться. Эмпирический подход не выдюжит. Сложность проблем психологии творчества постоянно нарастает. Наука движется к действенно-преобразующему типу знания. И к этому надо готовиться.

Кстати сказать, мы сейчас во многом начинаем догонять упущенное, осваивать то, что достигнуто зарубежной психологией творчества. Это, конечно, очень полезно, но неплохо было бы использовать и свои собственные преимущества — быстрее идти к схеме стратегии действенно-преобразующего типа знания. Схема эта такова.

Ее левый полюс составляет спектр абстрактно-аналитического знания, изучающего соответствующий спектр структурных уровней организации жизни. Данный спектр представлен общей психологией, общей социологией и общей физиологией. Межуровневые связи исследуются соответственно социальной психологией и психофизиологией. Правый полюс представлен спектром конкретно-синтетических наук (педагогических, медицинских, технических, науковедческих, искусствоведческих и т. п.). Связи между обоими полюсами реализуются системой прикладных наук. Каналы их связей двусторонние. Функциональный аспект этой схемы представляет стратегию комплексного исследования. Конкретные науки следят за практикой, выявляют ее трудности, описывают и анализируют их на созерцательно-объяснительном уровне, решают репродуктивные проблемы. Другие проблемы подвергаются эмпирической обработке. Решаются практические задачи, сложность которых доступна возможностям эмпирии. Иногда при этом возникает эмпирическая многоаспектность — дисперсия конкретности с позиции субъективных критериев. Она становится предметом исследования прикладных наук конкретного крыла знания. Осуществляется дисперсия конкретности с позиции объективных критериев — структурных уровней организации явлений. Формируются заказы-проблемы к прикладным наукам абстрактного крыла. Каждой из прикладных наук этого крыла решаются репродуктивные задачи и выводные проблемы. Остальные переформируются в заказы-проблемы к абстрактному полюсу систе-

мы. Эти проблемы вводятся на данном полюсе в состав абстрактно-аналитического знания и соответствующим образом исследуются. Решения творческих абстрактно-аналитических проблем приводят к перестройкам теории (именно поэтому любая теория должна быть пластична). Полученные достижения изучаются прикладными науками абстрактного крыла. Прикладные науки конкретного крыла получают соответствующие рекомендации. В том числе выполняется и заказ-проблема, послужившая толчком к предшествующему сдвигу. Передаются рекомендации конкретным наукам, что и создает возможность построения аналитико-синтетической модели явления практики. Такого рода модель, пройдя эмпирическую доводку, преобразуется в практическое руководство и внедряется в практику. Эмпирическая доводка необходима, так как аналитико-синтетические модели неизбежно несовершенны. Вместе с тем эмпирическая доводка — не только условие выработки практического руководства, но и одно из условий средств постановки новых научных проблем. Эта схема описывает творческий конвейер. Для решения сверхновых проблем необходима предельная свобода.

— *Иными словами, должно быть взаимодействие между науками, всеми научными направлениями?*

— Нужна иная организация...

— *Примерно такая же, как в природе?*

— Правильно. Если верно понимать природу! И вновь скажу, что «фантастическая модель» очень в этом помогает. В ней все видно, там все организовано.

Так что к зарубежной психологии я отношусь с большим уважением, пытаюсь найти ее место в исторической перспективе развития знания. Мы сейчас очень много заимствуем у Запада — на нас свалилась огромная махина знаний. Раньше, к примеру, психология личности у нас была совершенно иного типа. У нас разрывались представления о природе и обществе. Понятие природы не включало в себя общество, общество как бы вырывалось из природы. Общественные явления при их научном анализе выводились из-под контроля общеприродных законов. Законы общественных событий строились поэтому в значительной мере произвольно. К чему это приводило? К утопиям. Утопия в какой-то мере и есть следствие разобщенности законов общественных явлений с законами общеприродными.

Для меня общество — это один из уровней организации природы. Особый уровень, но уровень!

— *Есть ли «выход в жизнь» тех научных разработок, которыми вы занимались на протяжении долгих лет, и может ли общество ими практически пользоваться?*

— Я проследил уровни развития, выявил закономерности развития внутреннего плана действий у ребенка и теперь настаиваю на том, чтобы начальную школу ориентировать прежде всего на развитие этой способности. Я против обязательного всеобщего среднего образования. У нас сейчас средний уровень развития способности действовать «в уме», исходя из пятибалльной системы, 3,73. Учеников, не способных достичь нормы, «тянут за уши». Среднее образование многим вредит. Может быть, у нас и общество-то так построено, что всякому человеку, с любым уровнем развития психологического механизма интеллекта, найдется свое место — и там он будет относительно счастлив. Но когда его природные условия не соответствуют тому месту, где он находится, тогда он так или иначе должен адаптировать к себе ту часть культуры, которую он не может полноценно освоить. И он адаптирует ее под свои возможности. Мне думается, что эти положения и составляют то, что должно иметь прямое практическое приложение. Специфическая задача начальной школы и должна заключаться в том, чтобы максимально развивать упомянутую способность. Развитие психологического механизма интеллекта не сводится к усвоению знаний, умений и навыков, оно происходит в процессе их усвоения. Содержание обучения и тип учебной деятельности должны быть подчинены генеральной задаче. В данный возрастной период психологический механизм интеллекта развивается наиболее интенсивно. После наступления так называемой физической зрелости это развитие гаснет. А сейчас у нас множество педагогически запущенных людей. Оптимального развития достигает лишь 5% населения. Следовательно, лишь они способны полноценно ассимилировать, например, науку.

Я считаю, что развитая психология не должна быть непосредственно связана с практикой. Ее связь с практикой должна быть опосредствована прикладными и конкретными науками. Учить должен педагог, хотя сейчас психологи нередко выступают в роли педагогов. Продолжая эту же мысль, нужно сказать,

что общество может практически воспользоваться всем тем из моих научных разработок, чем оно считает нужным воспользоваться. Теории творчества имеют общекультурное значение. О творчестве существует множество всяких мнений, легенд... До сих пор говорят, что Менделеев свою таблицу открыл во сне, несмотря на то, что есть книга Кедрова, где этот день великого открытия совершенно точно расписан. Действительно, Менделеев видел таблицу во сне. Но, как мне представляется, она сложилась у него до этого как побочный продукт. На сегодняшний день научные представления о творчестве чрезвычайно полезны: знание механизмов творчества помогает человеку строить свое собственное поведение.

Можно ведь в таком контексте поставить вопрос: а как же быть тем людям, которые не входят в заветные 5%? Могут ли они творить? И вот неожиданный ответ: конечно могут! Мой психологический критерий творчества — факт смены доминирующего уровня в функционировании его психологического механизма. Степень уровневого развития внутреннего плана действий — это только одна из образующих психологический механизм творчества. Другая образующая связана, как это принято традиционно говорить, с личностными характеристиками. Эти характеристики в моей схеме накладываются на особенности функционирования механизма. Потенциальным гением с точки зрения особенностей функционирования механизма является тот человек, у которого больше амплитуда смены доминирующих уровней. Установлено также, что у людей есть ведущие доминирующие уровни, что и определяет их творческую типологию. А эта типология имеет важное значение не только в индивидуальном, но и в групповом творчестве. А как организовать научно-исследовательский, изобретательский коллективы, если вы хотите, чтобы они были оптимально продуктивны? Человек, имеющий верхний ведущий доминирующий уровень, скажем «вербально-логический», подпадает под характеристику «эрудита», который все знает, но следа в истории науки не оставляет. Однако такой человек не бесполезен, потому что есть и другие, есть тот, у которого ведущим доминирующим оказывается нижний, скажем, «интуитивный» уровень, и он успешно генерирует идеи. Есть и другие, занимающие в этой схеме промежуточные места. Так вот научный коллектив должен быть собран из лю-

дей с разными ведущими уровнями, чтобы они друг друга дополняли. У нас же мало кто об этом думает. При формировании коллективов решающую роль играют иные обстоятельства... Некоторые коллективы эмпирически приближаются к подобной организации: там оказываются и генератор идей, и резонатор, и критик... Но это эмпирически подобранные люди, а вот здесь, оказывается, есть теория. Кстати сказать, эту проблему у нас сейчас разрабатывают несколько ученых.

— *На кого в своей научной жизни из психологов вы равнялись, кто был примером для вас?*

— На меня никто не оказывал какого-либо доминирующего влияния, потому что советская психология исходила из постулата идеальности психического, а он, этот постулат, никак не связывался с моей фантастической картиной: постулат идеальности отрицает взаимодействие, он не вписывается в принцип взаимодействия. Поэтому, исходя из элементарных теоретических положений, я отбрасывал эту версию. По Декарту постулируется, что душа нематериальна, а тело материально. Между ними — шишковидная железа. Но кто же раскачивает эту железу? 300 лет прошло после Декарта. А воз, как говорят, и ныне там. Во всяком случае, даже если постулат верен, это не может быть научно проанализировано. Религия, скажем,— это форма ненаучного подхода к построению картины мира. Но есть же формы научного познания мира. Я работаю только в пределах возможностей науки. Поэтому я снял данный постулат. Для меня субъективная реальность — это один из структурных уровней организации объективной реальности, форма объективной реальности. Большинство психологов придерживались постулата идеальности психики, но меня это не устраивало. Я многих психологов высоко ценил, в частности Алексея Николаевича Леонтьева, который был руководителем моей дипломной работы. Очень ценил Бориса Герасимовича Ананьева, и не только потому, что он предложил свои услуги в оппонировании моей кандидатской диссертации. Огромное впечатление произвел на меня Анатолий Александрович Смирнов — и тоже не только потому, что он взял меня к себе в институт. Он — уникал, подобного директора у нас в психологии не было. А «образца», «идеала», «эталона», как говорят у нас в психологии личности, у меня не было.

— *Считаете ли вы, что подготовили достойных учеников, и кого бы вы могли назвать? Сколько последователей вами подготовлено, будут ли они развивать начатое вами дело?*

— Я не мог иметь учеников. И вот почему. Кто у нас может быть учеником, если посмотреть на это, как говорят, с холодным умом? Прежде всего тот, кого вы можете трудоустроить! Допустим, к вам в аспиранты поступает кто-то. Он заканчивает аспирантуру. А что потом? Кто даст ему место, где он должен дальше работать? Если бы я был хотя бы завлабом, который имеет возможность брать к себе своих учеников в качестве сотрудников. Тогда они продолжают быть учениками. У меня никакой возможности не было. У меня защитились десять аспирантов — немного. И ни одного мне не оставили. Их разобрали. А потом, какими же они могут быть моими последователями?! Так что учеников вот по этой причине у меня не могло быть, и их фактически не было. Повторюсь, у меня были аспиранты, которые защитились под моим руководством. И тут же их взяли на работу. И это хорошо. Еще я благодарил всегда того, кто брал. В основном у всех у них были диссертации по творчеству. Все они занимались моей проблематикой. Зная, что я не могу им в дальнейшем помочь, я «не портил им жизнь». Принцип у меня был такой. Ко мне приходят: «Я хотел бы быть у вас аспирантом». — «Чем вы занимались?». Здесь я брал его проблему — учитывал сферу его интересов, а потом уж соотносил их со своими интересами.

— *Какие события в истории советской психологии вы считаете самыми важными?*

— Отчетливо таких событий я выделить прямо сейчас, немедленно, не могу. Например те, которые действительно бросаются в глаза, типа разгрома педологии, психотехники, происходили до того, как я попал в психологию. А при мне — это Павловская сессия. Но я считаю, что павловское учение никакого вреда психологии не приносит. Приносят вред люди, которые что-то в своих интересах используют. Какие еще события? Организовали Институт психологии АН СССР. Это важно, но это — естественное развитие науки. Необходимы преобразования принципов развития психологии. Когда я пришел в психологию, то в ней уже утвердилась психология деятель-

ности. Надо полагать, что это было значительным событием. Позднее оно закрепилось под названием «деятельностный подход». Я сам высоко ценю эту психологию. Я ей нашел место в системе развития знаний, это совершенно необходимый процесс, он дает возможность для широкого развития эксперимента, но я вижу и ограниченность принципа деятельности, заменяю его принципом взаимодействия, хотя долгое время «деятельностный подход» противопоставлялся «системному»; теперь как будто они объединяются под именем «системно-деятельностного». Для меня деятельность выступает только как функция человека в его взаимодействии, допустим, с другим человеком, с окружающим. Принцип деятельности при его строгом понимании не «схватывает», например, проблемы развития творческого потенциала человека, потому что источником творчества, да и вообще нашего поведения, являются не непосредственно потребности, а взаимодействие — некоторая недоорганизованность ситуации, в которой мы находимся. Эта недоорганизованность возникает в живой системе. А для меня живая система — это не просто живое существо, но в то же время и то, с чем оно взаимодействует. Просто человека я бы живой системой не назвал. Когда же не учитывается самое главное, когда учитывается только одна функция человека, тогда непонятно, откуда появляются нововведения... Конечно, по отношению к своей предшественнице — к описательной психологии — деятельностный подход несомненно прогрессивен. Сейчас видна его ограниченность, но к новому типу знания переходить не торопятся. Верно, на принцип взаимодействия смотрят теперь уже спокойно. Теперь он не вызывает шока. А раньше вызывал: «Как это можно высказываться против принципа деятельности, да что такое взаимодействие?!»... А ведь развивается всегда взаимодействующая система. Что такое «Универсум», «Мир»? Это система взаимодействующих систем. А развитие? Это условие существования системы. Необходимо постоянное обновление. Сейчас обновление Универсума выражается в том, что неорганическая природа преобразуется в живую. Мне думается, что со временем это живое будет доминировать. Когда согласишься на то, что все эти галактики, солнечные системы могут быть искусственного происхождения, то видно, как живое может влиять на неживое. На наших глазах человек проник в космос. Теперь повсюду «Красные

книги» — животные зависят от человека... Когда я был ребенком, такого еще не было.

— *Считаете ли вы, что организация психологических исследований в нашей стране находится на должном уровне или она может быть улучшена?*

— Я считаю, что организация любых научных исследований должна определяться типом знания. Современная организация соответствует тому эмпирическому типу знаний, который сейчас доминирует. Полагаю, что этот эмпирический тип исчерпывает свои возможности. Он, может быть, уже исчерпал себя, развивается с отрицательным ускорением. Проиллюстрирую примером. Возьмем связку «игра — учение — труд». Ее составляющие можно рассматривать как своего рода структурные уровни организации. Игра у детей развивается и достигает расцвета к шести годам. Потом начинается учение. Игра продолжается, но ее развитие приобретает отрицательное ускорение, детская игра свертывается, изменяются ее формы. Развертывается учение. И вот в недрах учения, когда оно достигает апогея, формируется труд. Я беру совершенно старые категории. Внутри каждого типа деятельности, раньше так говорили, когда он достигнет оптимума развития, возникает другой тип, который его перестраивает, глушит в какой-то мере. Так вот сейчас внутри эмпирического типа — совершенно ясно видно — возник и развивается новый тип знания. Эмпирический тип развивается с отрицательным ускорением. Мне думается, что организация современной науки соответствует этому старому типу, который себя исчерпал и дал возможность возникнуть внутри его новому типу, приобрести первые зачатки развития, продвинуться вперед. Поэтому со временем организацию науки нужно менять. Ее надо приводить в соответствии с требованиями нового типа знания. Перестроить тип знания легче, чем перестроить тип организации науки. Это наиболее консервативный элемент в научном социуме, потому что здесь задействованы люди, выступающие в определенных ролях. Менять организацию науки, что вы? Это так сложно. И она будет с большим трудом меняться. Настоящее событие в психологии произойдет тогда, когда сменится тип знания. Событием я назвал образование деятельностного подхода — это когда ясно было, что в русле созерцательно-объяснительной психологии

уже сформировался новый тип. Описательная психология до сих пор продолжается, но доминирует уже эмпирический тип. Теперь ясно, что в русле этого эмпирического типа, внутри его, образовался более высокоразвитый тип знания. Старый тип «свертывается», нужно думать о том, что должна происходить смена организации науки, необходимо способствовать смене типа организации знания, чтобы она проходила безболезненно. Ничего нельзя делать, как говорят, волюнтаристским путем. Все должно вырваться. Потому что если последующие уровни не сформировались, — а у детей это бывает, дети иногда превращаются, например, в резонеров, — они с важным видом повторяют высказывания взрослых: у них не сформировались в полной мере предшествующие уровни, получается соответственно брак. Если мы перескакиваем через этапы, — это иногда именуется революцией, связывается с каким-то скачком, — то ничего хорошего не получается. Скачок возможен, когда закончилась смена типа функционирования системы. Но он меняется только тогда, когда уже все для этого приготовлено. Вначале смена подготавливается по принципу накопления побочных продуктов, которые потом начинают разрывать систему. Она должна либо развалиться, либо у нее возникнет новый структурный уровень организации, который включит эти побочные продукты в свою организацию. Когда новая система возникнет, тогда можно будет сказать, что это — революция. Революция в моем понимании — это всегда итог эволюции, а не нечто противостоящее ей,

— *Как вы оцениваете современное состояние психологии в это трудное, непростое для страны и для всех нас время?*

— Я соотношу современное состояние психологии с той схемой развития науки, которую излагал, — с ее поуровневой организацией, сменой типа знания. Считаю, что сейчас в психологии доминирует эмпирический тип. Характеристику ему я уже дал. Не думаю, что смена типа знания, о котором я говорил, произойдет в два-три года. Может быть, это будет продолжаться 50 лет, трудно сказать. Но то, что эмпирический тип знания развивается с отрицательным ускорением, мне ясно. Он «свертывается», и в его недрах формируется действительно-преобразующий тип — это очевидно. Отсюда можно выводить все след-

ствия. Если посмотреть на все частные случаи, можно им дать теоретическую интерпретацию, потому что они в какой-то мере отвечают общей схеме. Причем я всегда оговариваюсь: относиться к моим взглядам нужно не как к чему-то, на чем я окончательно настаиваю, а именно как к итогам приложения структурно-уровневой концепции к реальности, с которой приходится сталкиваться...

— *Как вы оцениваете кооперативную деятельность наших психологов, особенно молодых, правилен ли их выбор?*

— Судьба психологии зависит отнюдь не от одних только психологов. Существует масса факторов. Таково веяние. Тут надо разобраться в том, какова функция кооперативов в развитии нашего общества. Вы, конечно, будете смеяться, но с позиции структурно-уровневой концепции получается, что начинать развитие кооперативной деятельности надо с сельского хозяйства. Вот там в первую очередь надо было вводить послабления, свободу. Когда сельское хозяйство перестроилось бы, согласно данным принципам, тогда можно было бы перенести кооперативные начала дальше. Говорят, что рынок с социализмом не совместим. А люди сейчас идут в кооперативы, в том числе и психологи, ищут себе в них выхода — это не определяется, разумеется, типом знания. Они направляются общей ситуацией. А поскольку, как это полагают, у нас во всех сферах кризис, то тут надо мыслить и рассуждать более глобально. В Америке уже 200 лет демократии. Рынку там тоже много лет. Он складывался стихийно, но постепенно окреп. За короткий период, как мы хотим, рынку не возникнуть. Создать новый тип организации общества — дело нелегкое. Думаю, быстрых сдвигов здесь достичь нельзя. Почему? Да еще и потому, что в основе данных преобразований не лежит необходимой теории. Можно ли такую теорию разработать на сегодняшний день? Я не могу сказать — это зависит не только от науки. Но возможно, что такая задача и недоступна для решения в современных условиях: видимо, упомянутая задача непосильна для эмпирической теории. Очень трудно прогнозировать, слишком много факторов, которые нужно учитывать: ведь они не распределены по структурным уровням организации, неизвестны их абстрактно-аналитические законы... И Леонардо да Винчи сейчас не справился бы. Порядок можно навести лишь в том случае, если

все это очень жестко раздифференцировать, установить закономерности отдельных абстрактно-выделенных отношений и потом построить некоторую аналитико-синтетическую модель. Она будет не адекватна действительности, потому что и в ней мы не постигнем абсолютную истину. И вообще до нее не добраться. Но стал бы короче путь эмпирической доводки. Аналитико-синтетические модели должны быть пригнаны, прилажены, испытаны, как любое изобретение — сначала необходим чертеж, затем — физическая модель... На модели «пригоняют», только потом испытывают опытный экземпляр и затем уже передают в серийное производство... Испытанные лекарства в этом смысле надежнее новых — они прошли эмпирическую доводку. Точно так же обстоит дело и с рецептами в педагогике. Если мы знаем причины, наш совет будет разумен, но когда мы поступаем по тому же принципу, как и при неумелом лечении, тогда и получается ерунда. Например, я наблюдал детей, которых школа портит. Я вычерчивал индивидуальные кривые развития психологического механизма их поведения. Приходит в школу великолепный ребенок с высоким коэффициентом, с очень хорошим показателем развития. Он попадает в среду, где ему нечего делать, где ему скучно, где все его шпыняют, потому что он не вписывается в этот «коллектив». И у него вскоре обнаруживается регресс кривой развития.

— Есть один изобретатель-самоучка, у которого не было образования, он делал все свои изобретения интуитивно. Сделанное им подетально проверяли инженеры, конструкторы и были поражены его природным чувством соразмерности. Все очень точно сходилось... И я подумал: а если бы его в нашу современную школу определили, вышел бы из него изобретатель или все это угасало бы в нем?

— Теперь у нас на подобные случаи смотрят несколько иначе. Одаренным и талантливым детям уделяют некоторое внимание. Ведь раньше у нас одаренность отвергалась. В лучшем случае она признавалась, скажем, в музыке, живописи, математике... А что касалось гуманитарного знания, там ни о какой одаренности не могло быть и речи. Сейчас, когда я смотрю на проблему развития одаренности, то вижу, что опять-таки в основном все идет по линии частных способностей. А самое важное сейчас — найти одаренных к гуманитарному знанию, чего у нас

совершенно не было... В педагогику у нас долгое время шли люди, которые больше никуда не могли пойти. И получался замкнутый круг. Когда-то я вел спор с представителями Лаборатории психологии младшего школьного возраста. Я говорил: допустим, что разработанные вами школьные программы великолепны. Но ведь, если их запустят по всей стране, они провалятся. Почему? Потому что учителя с ними не справятся! Ну а чтобы повысить квалификацию учителей, их самих надо прежде всего лучше учить и они должны усваивать то, чему их учат! И тут — опять порочный круг... Его необходимо разорвать.

(записано 4 июня 1991 г.)

Н. С. ЛЕЙТЕС

Впервые опубликовано в «Психологическом журнале» (1991, т. 12, № 6, с. 137—153). Данный вариант текста несколько дополнен.

Фото В. Артамонова

Натан Семенович Лейтес — специалист по детской одаренности, доктор психологических наук. Родился в 1918 г. в Днепропетровске, с 1924 г. живет в Москве. В 1936 г. окончил среднюю школу, в 1945-м — филологический факультет МГУ. В том же году поступил в аспирантуру Института психологии АПН РСФСР (в дальнейшем — Институт общей и педагогической психологии АПН СССР ныне — Психологический институт РАО), с которым в дальнейшем связана вся его научная деятельность. В 1948 г. защитил кандидатскую диссертацию «Склонность к труду как фактор одаренности». Н.С. Лейтес — один из ближайших учеников и сотрудников Б.М. Теплова, внес существенный вклад в развитие «тепловского направления» дифференциальной психологии и психофизиологии. К начальному периоду его деятельности относятся работы «Опыт психологической характеристики темпераментов» (1956), ряд статей по изучению феномена «последствия» (им разработана получившая распространение методика «двигательного последствия»). В 1960 г. опубликована книга «Об умственной одаренности», где рассматриваются «качественные различия» в умственной одаренности школьников и представлен

оригинальный метод сравнительных психологических характеристик одаренных детей. В 60-е годы им разворачивается цикл исследований по возрастной психологии и по проблеме соотношения возрастных и индивидуальных различий. Они обобщены в докторской диссертации «Возрастные и типологические предпосылки общих умственных способностей» (1970). В 1971 г. опубликована книга «Умственные способности и возраст», удостоенная первой премии Академии педагогических наук СССР. В этой монографии был дан анализ трех школьных возрастов и разных вариантов неравномерности хода возрастного развития — в контексте изучения склонностей и способностей; показана роль умственной активности и ее саморегуляции в структуре развивающегося интеллекта. Исследование проблем склонностей и детской одаренности было продолжено в последующих статьях: «К вопросу о динамической стороне психической активности» (1977), «К проблеме сензитивных периодов психического развития человека» (1978), «Возрастные особенности развития склонностей» (1978), «Способности и одаренность в детские годы» (1984), «Ранние проявления одаренности» (1988) и в ряде других. Отдельными изданиями вышли его книги: «Возрастная одаренность и индивидуальные различия. Избранные труды» (1997), «Возрастная одаренность школьников» (2000). Н.С. Лейтесом написаны главы в учебниках психологии для пединститутов (1956, 1962, 1986). Он был составителем, редактором и автором ряда глав учебного пособия для студентов высших и средних педагогических учебных заведений «Психология одаренности детей и подростков» (1996, 2000). Всего Н.С. Лейтесом опубликовано около 100 работ, его труды переводились в ГДР, Венгрии, Румынии и США. Под его руководством выполнено 10 кандидатских диссертаций. Н.С. Лейтес — почетный член Общества психологов страны, лауреат премии правительства РФ за 1998 г.

Н. С. Лейтес: «ИЗУЧАТЬ ОДАРЕННОСТЬ ДЕТЕЙ»

— Натан Семенович, «Психологический журнал» рад встрече с вами. Читателям интересно узнать о вашей жизни и научной деятельности. Расскажите о том, где родились, в каких условиях воспитывались, о школьных годах, выборе профессии — кто повлиял в этом отношении, что предопределило ваше психологическое будущее?

— В психологию пришел во многом случайно, но и неслучайно. Родился я в городе Днепропетровске (бывшем Екатеринославе). Когда мне шел шестой год, семья переехала в Москву. Мой отец — юрисконсульт, еще до революции окончил юридический факультет Московского университета. По своему мировоззрению был толстовцем — разделял толстовское отношение к религии, жил с установкой на постоянное искание смысла жизни. Это вносило в жизнь семьи веру в духовность. Мать, врач по образованию, многие годы не работала по специальности, вела домашнее хозяйство. Детей было трое. Жили мы в большой коммунальной квартире. При всех трудностях быта в семье много внимания уделялось чтению художественной литературы. От матери нередко приходилось слышать сравнительные характеристики, которые она давала сестре, мне и брату (называю по старшинству), отмечая удивлявшие ее различия в наших характерах. Возможно, что жизненные уроки, полученные от родителей и как будто подталкивающие интересоваться душевной сферой людей, оставались где-то в подсознании и потом сказались, но далеко не сразу.

Ко времени окончания школы я понятия не имел о том, какую профессию избрать. Никакой профориентационной работы в школе не проводилось, а дома на меня старались не оказывать никакого давления. Я окончил школу с аттестатом, позволяющим поступать в вуз без экзаменов, и решил поступить на физический факультет МГУ как самый перспективный, как мне тогда казалось, для получения широкого естественнонаучного образования. Но вскоре наступило горькое разочарование. Лекции по большинству предметов, главным образом математических, показались трудными и неинтересными, а главное, я обнару-

жил, что другим эти занятия кажутся увлекательными, они с энтузиазмом решают дополнительные задачи, живут этим, мне же это было чуждо. Видимо, тогда я впервые увидел, почувствовал, как велики различия между людьми по склонностям, и только с той поры стал осознавать себя гуманитарием.

Через год, в 1937 г., я снова поступал в вуз, на сей раз в Московский институт истории, философии и литературы (МИФЛИ), который в дальнейшем слился с МГУ. По состоянию здоровья у меня были перерывы в учебе. Окончил филологический факультет МГУ в начале 1945 г. Поступил на работу — редактором (в Бюро технической информации).

О психологии как о возможной профессии впервые задумался только после окончания вуза. Работа редактором научно-технических текстов, естественно, воспринималась как нечто временное, хотелось учиться дальше. И вот в эту пору совершенно случайно на одном из книжных лотков я наткнулся на книгу В.М. Экземплярского «Проблема одаренности», она стала первой книгой по психологии, которую я прочел (в этом можно видеть некое предзнаменование — ведь через ряд лет именно на эту тему и я напишу книгу). Ее тестологическое содержание вызывало сомнения, озадачивало, однако сама установка на определение различий по способностям показалась мне очень интересной. Потом на книжном стенде в библиотеке я увидел только что вышедший учебник по психологии для пединститутов (под редакцией К.Н. Корнилова, с участием А.А. Смирнова и Б.М. Теплова). В этом первом для меня «курсе психологии» наибольшее впечатление произвела глава о темпераменте. Удивила сама возможность классификации людей по психологическим признакам. Вскоре я начал штудировать в Ленинской библиотеке «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейна, укрепляясь в намерении поступить в заочную аспирантуру по психологии.

С этой целью я и двинулся однажды на поиски Научно-исследовательского института психологии, который находился, как я слышал, где-то в глубине двора МГУ. Найти его не составило труда. Там меня направили к заведующему аспирантурой, обязанности которого выполняла тогда Наталья Александровна Менчинская (мне очень памятна эта первая встреча с ней). Она была приветлива и недоумевала, почему я интересуюсь заочной

аспирантурой, посоветовала поступать в очную. От нее я узнал, что от меня потребуется вступительный реферат, тему которого хорошо бы согласовать с кем-нибудь из психологов. Она сказала: «Есть у нас такой профессор — Теплов, он как раз сейчас в Институте, он может, мне кажется, помочь вам», пояснила, где найти Теплова. Его кабинет — небольшая комната — был на третьем этаже. Борис Михайлович показался мне в ту первую встречу благодушным и немного чудаковатым ученым. Он сказал, что рефераты эти никому не нужны и что читать их никто не станет, но надо что-нибудь придумать для этого «формального номера». И задумался чуть ли не на несколько минут (пауза мне показалась необычайно долгой). Потом сказал: «Не попробовать ли вам написать реферат по книге Рибо «Творческое воображение»? Думаю, вам будет интересно прочитать ее». При этом, судя по тону, сказанное им отнюдь не обязывало меня поступать именно так. Затем он как-то неожиданно заулыбался, поднялся с места и подал руку. Я вышел в некотором недоумении, но ободренный всем тем, что услышал и увидел. Лишь в последующих встречах с Борисом Михайловичем я смог почувствовать, какой пронизательный, язвительный интеллект и вместе с тем какая особая нравственная чувствительность скрываются за той мягкой обходительностью, с какой он держится с незнакомым человеком.

Книга Рибо мне действительно понравилась. По поводу моего реферата (в основном выписки из Рибо) Борис Михайлович отозвался: «Ну что же, все в порядке». Вскоре я узнал, что допущен к приемным экзаменам в очную аспирантуру. В экзаменационную комиссию помимо ее председателя А.А. Смирнова (он только что был назначен директором Института) входили Б.М. Теплов, П.А. Шеварев, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия. Я тогда не подозревал, сколь авторитетна была комиссия. Держались все они очень демократично — ни малейшей официозности, как будто не экзаменовали, а просто им захотелось еще раз услышать, вспомнить кое-что. Один из вопросов в моем билете оказался о темпераменте. Запомнился дополнительный вопрос, который мне задал под конец Леонтьев: «Как вы думаете, а у вас какой темперамент?», при этом озорно подмигнул мне.

Итак, я стал аспирантом, руководитель у меня — Б.М. Теплов. В Институте тогда было очень мало сотрудников (некто-

рые из них — еще с дореволюционного времени), мало аспирантов. Разговаривали тихо, чтобы не мешать опытам. Атмосфера в Институте была интеллигентной и как бы немного семейной, иначе не скажешь. Все проявляли друг к другу уважительность и расположение. Во всяком случае так мне казалось. Руководители Института А.А. Смирнов и особенно Б.М. Теплов (замдиректора по науке) были искренне почитаемы, никто их за глаза не называл по фамилии — только по имени и отчеству. На заседания Ученого совета приходили все сотрудники и аспиранты и внимательно, увлеченно следили за ходом обсуждения отдельных работ или каких-нибудь проблем. Особенно яркими, захватывающими бывали выступления Б.М. Теплова, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева и уже нередко «подававшей голос» Л.И. Божович. Помнится, позднее появился А.В. Запорожец, еще позднее Д.Б. Эльконин.

Постепенно Институт расширялся, больше стало научных сотрудников, аспирантов. Но стали замечаться элементы казенности, что-то начало утрачиваться в душевном климате. Конечно же, и до нашего Института докатывались волны поднимавшихся в обществе страстей — невероятный культ личности Сталина, борьба с космополитизмом... Но Институт все же оставался некоторым оазисом, где сохранялись многие нормы порядочности и проявления бескорыстной преданности науке.

Когда я защищал кандидатскую на тему об одаренных детях, мне казалось, что проблемой способностей будут заниматься и другие сотрудники Бориса Михайловича, что на это направлена работа лаборатории (как известно, докторская диссертация Б.М. Теплова была по психологии способностей — музыкальных; о способностях и одаренности были и его наиболее известные в то время статьи). Но ситуация в психологии после лысенковской сессии ВАСХНИЛ (1948) становилась все более напряженной. Некоторые психологи стали подчеркивать, что, подобно «мичуринской биологии», и психология может и должна формировать любые свойства. Понятия «способности» и особенно «одаренность» стали вызывать к себе подозрительное отношение. Небезопасной становилась и вся проблематика психологии личности. Вместе с тем начиналась новая политическая кампания в науке — приближалась павловская сессия двух академий (1950).

В это время Е.Н. Соколов и я получили от Б.М. Теплова задание — готовить пособия, знакомящие с учением о высшей нервной деятельности, для преподавателей психологии высшей и средней школы (психология еще преподавалась в школах). Мы засели за совместную работу и вскоре стали составителями двух брошюр, которые под редакцией Б.М. Теплова были молниеносно изданы («Об изменениях в курсе психологии педагогических и учительских институтов», 1950; «Вопросы школьного курса психологии в свете учения И.П. Павлова», 1951). Материалы брошюр, вероятно, могли бы быть полезными для преподавателей психологии, если бы не сопровождалась утверждениями о том, что «необходима перестройка всей психологической науки на основе учения И.П. Павлова» (такова была тогда официальная точка зрения). Но еще более характерно для того времени было то, что в обеих брошюрах особо подчеркивалось значение для психологии «гениальных трудов товарища Сталина по вопросам языкознания». Должен заметить, что мы не противились этим дополнениям и акцентам. Они воспринимались как общепризнанная необходимость, как естественный ритуал.

В эти годы Борис Михайлович перевел работу своей лаборатории в основном в психофизиологическое русло. Мне кажется, это было поиском «ниши», где можно было заниматься честной работой. Ведь труды павловской школы имели реальное научное значение. Другое дело, что началось их расширительное, квазинаучное истолкование. В своей «павловизированной» лаборатории Борис Михайлович оставался в пределах добросовестной, доказательной науки. Это была фундаментальная работа на пользу психологии — разработка проблемы природных предпосылок индивидуальных различий. Постепенно стала возникать новая пограничная область науки — дифференциальная психофизиология, основанная на строгой экспериментатике и подводящая естественнонаучную базу под некоторые изыскания в области ощущений, времени реакции, а также и более общих динамических проявлений психики. При таком профиле лаборатории, защищаемой строгим академизмом ее основной тематики и методов, Борис Михайлович мог позволить себе сохранить где-то на втором плане и работу прямо по проблеме способностей и одаренности. Роль такого продолжа-

теля психологической традиции досталась мне. Я тоже был включен в работу по психофизиологии (изучал явления последствия в двигательных реакциях), но занимался и сборианием материалов о проявлениях склонностей, способностей, одаренности у школьников разного возраста. Я стал заниматься возрастными психологическими особенностями, изучением возрастных предпосылок индивидуально-психологических различий. Мое первое развернутое сообщение по этим вопросам было опубликовано в последнем сборнике работ лаборатории, вышедшем под редакцией Б.М. Теплова.

— *Не жалеете ли о своей профессиональной судьбе, удовлетворены ли результатами своей научной деятельности?*

— Я имел возможность заниматься тем, что влекло к себе. Но результатами, конечно, не удовлетворен — надо бы сделать гораздо больше.

— *Расскажите подробнее о проблемах, которыми занимались. Полностью ли раскрылись непосредственно ваши возможности как ученого, а если — нет, то что этому мешало, препятствовало?*

— Я занимался по преимуществу проблемами умственной одаренности, проявляющейся в годы детства. Первейшей, задачей было установление самой симптоматики особых возможностей интеллекта (выявилась в первом приближении роль таких факторов, как умственная активность и ее саморегуляция). Существенный круг вопросов — возрастные предпосылки роста интеллекта, значение сензитивных периодов развития. В этом контексте стремился понять возрастные особенности развития склонностей. Едва ли не главная из проблем, которыми занимался, — проблема соотношения индивидуального и возрастного в ходе становления интеллекта, индивидуально-типологические различия в этом отношении.

Мне трудно судить о своем потенциале. По-моему, у каждого человека он остается во многом нереализованным.

Что мешало, препятствовало? Этот вопрос, пожалуй, похож на тест «локуса контроля». Как известно, существуют индивидуальные различия по тому, приписывает ли человек результаты своей деятельности внешним обстоятельствам (внешний «локус контроля») или собственным усилиям и способностям (внутренний «локус контроля»). Понимаю, что вы не имеете в

виду испытать мои особенности в этом отношении. Мог бы, конечно, рассказать о том, что мне мешало внутреннее, и о том, что — внешнее. Но первое вряд ли может представлять интерес для кого-нибудь, кроме меня самого. Относительно внешних препятствий я, пожалуй, кое-что расскажу для характеристики того времени, да без этого и не обойтись, переходя к продолжению моей биографии. Расскажу об отношении ко мне, вернее, об отношении к проблематике, которой я занимался, со стороны нового руководства Института — после ухода Смирнова.

Формировались два новых Ученых совета — взамен одного прежнего — для присуждения ученых степеней. Я неожиданно для себя обнаружил, что не включен ни в один из них, хотя в предыдущем совете был одним из самых деятельных его членов, рецензировал, оппонировал многие работы. Объяснение могло быть лишь такое: теперь совет подбирался прежде всего по степени лояльности к научной линии нового председателя совета (директора Института). Совет должен был быть «своим», без мешающего инакомыслия. Впрочем, я оказался в хорошей компании: в советы не был включен и В.И. Жинкин, специалист мирового класса и честнейший, внутренне независимый человек. Хотя он был в преклонном возрасте, но в полной мере сохранял работоспособность и живейший интерес к науке, жил ее интересами. Ничем не оправданное отлучение его от Ученого совета родного ему Института было очень болезненно им воспринято. Ни с ним, ни со мной тогда никто не поговорил, не объяснил причины «отставки». Это был «новый стиль» руководства Институтom.

Для меня гораздо более существенным явилось то, что произошло ко времени приближения моего шестидесятилетия. Очень способный мой аспирант (ленинский стипендиат), в котором я видел своего преемника по работе над проблемой склонностей, закончил работу над кандидатской диссертацией. Его важно было оставить в Институте. Поначалу мне сказали, что для этого нет средств и нет вакансий, хотя и то, и другое находилось для других аспирантов, готовящихся к защите в те же сроки. Потом мне, наконец, сообщили, что он сможет стать сотрудником Института, но только в одной из лабораторий, курируемых директором (хотя под руководством того уже работали десятки человек). Выходило, что я должен был оставаться

со своей микрогруппой в «полтора» сотрудника, не имея и дальше возможности развертывать коллективную работу. Думаю, что в этом игнорировании актуальнейшей тематики выразилось отношение не столько ко мне лично, сколько к самому направлению работы. Было ясно, что исследования возрастного аспекта склонностей и одаренности стали бы и впредь «держаться в черном теле». Дальнейшее пребывание в Институте теряло для меня смысл. И я после нелегких внутренних колебаний (об этом «внутреннем» все же упомяну) перешел на пенсию! На директора нельзя было даже обижаться: он был абсолютно убежден, что только с его научным направлением могут и должны быть связаны перспективы развития возрастной психологии и ее дифференциального аспекта и поэтому только к нему должны были направляться новые научные силы. По-моему, это была типичная ситуация для того периода в жизни нашего общества: в каждой области науки могло быть только одно правильное и прогрессивное направление.

На пенсии я продолжал работать: участвовал в подготовке издания двухтомника работ Б.М. Теплова, опубликовал несколько статей, брошюру. Потом произошла смена руководства Института, и в дальнейшем новый директор А.М. Матюшкин пригласил меня для работы по программе «Одаренные дети».

— *Как вы оцениваете нынешнее состояние отечественной психологической науки? (Считаете ли вы, что в нашей науке в целом преодолена лысенковщина?) Что для нее является важным в современных условиях? Каким видится вам ее будущее?*

— Мне кажется, что в нашей психологии происходят заметные положительные сдвиги. Прежде всего гораздо больше стало психологов, и это сказывается на расширении круга исследований. Теперь ведутся изыскания в неизвестных нам прежде областях социальной психологии или, например, в связи с компьютерным обучением. Тут выступает и другое положительное явление — преодоление изоляции советской психологии от мировой. Это заметно проявляется, в частности, в увлечении гуманистической психологией, в новых формах терапевтической практики, в использовании многих зарубежных методик изучения личности и способностей. Иногда даже заметен некоторый «перехлест» — недостаток критичности при отборе и переносе

к нам частя зарубежного опыта. Но в целом укрепление и расширение связей с мировой психологией, конечно же, существенно обогащают науку и, главное, помогают ей освобождаться от идеологической «зашоренности».

Преодолена ли у нас лысенковщина? Думаю, что не полностью. По-моему, она проявляется, когда на основе «теории» исключаются из рассмотрения реальные факты, например, моменты имманентности в психическом развитии или когда неумеренно подчеркиваются возможности «формирования» психических свойств. Отголоски лысенковщины — в голословных утверждениях и неосновательных прожектах, но этого становится все меньше

Мне кажется, что в современных условиях очень важно продолжать освобождаться от политизированности нашей науки, идеологических пут, от сопровождения некоторых направлений работы «идейной» риторикой.

За отдаленное будущее психологии, вероятно, можно не беспокоиться. Судя по всему, ее будущее — это большой комплекс психологических дисциплин, относящихся ко всем сферам жизни и деятельности и развивающихся во взаимодействии со многими другими областями знания.

— *Какие из событий в истории отечественной психологии считаете наиболее значимыми?*

— Из отрицательных событий, по-видимому, постановление о запрещении педологии и лысенковская сессия ВАСХНИЛ. Из положительных — публикация книги С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии», открытие факультета психологии МГУ, издание психологических журналов.

К этому могу добавить, что лично для меня важным психологическим событием было чтение работ И.П. Павлова. Они воодушевляли возможностями объективного научного метода применительно к психическим явлениям. Те психологи, которые выступают против Павлова, считая, что он будто бы претендовал на подмену своей физиологией психологии, имеют превратное представление о его действительных установках. Приведу такое его высказывание (знаю его наизусть): «Я не отрицаю психологии как познания внутреннего мира человека. Тем менее я склонен отрицать что-нибудь из глубочайших влечений человеческого духа. Здесь и сейчас я только отстаиваю и ут-

верждаю абсолютные, непререкаемые: права естественнонаучной мысли всюду и до тех пор, где и куда она может проявлять свою мощь. А кто знает, где кончается эта возможность!». Павлов неоднократно отмечал, что благодаря знанию закономерностей высшей нервной деятельности он «многое уяснил себе в себе и в других». Такое чувство было и у меня, особенно когда стал заниматься вопросами динамики умственной работоспособности. Потенциал павловского направления в психофизиологии еще далеко не исчерпан! Кстати, недавно в «Литературной газете» впервые была опубликована извлеченная из архива лекция Павлова об уме. И по ней можно судить о том, как близка ему была наша область знаний. Вероятно, и публикация труда И.П. Павлова «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности» надо относить к значимым событиям в истории отечественной психологии.

— *Какие психологи, по вашему мнению, повлияли в наибольшей степени на развитие нашей науки, оставили в ней наиболее заметный след?*

— У меня, как и у каждого из нас, есть, пожалуй, мнение на этот счет, свои приоритеты. Кое-что представляется вполне очевидным — с этим, наверное, согласятся все. Например, если вы имеете в виду отечественную психологию, то прежде всего надо назвать имена Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна. Труды и деятельность каждого из них привели к созданию больших научных школ и вывели на новый, более высокий уровень всю советскую психологию.

Вслед за ними я бы назвал Б.М. Теплова. Его исследования в области психологии и психофизиологии индивидуальных различий не только привели к подъему у нас дифференциальной психологии и созданию дифференциальной психофизиологии, но и содействовали внедрению в нашу науку лабораторных методик, современных статистических методов, культуры наблюдений. Велика роль А.Р. Лурии, основателя нейропсихологии, с ее общетеоретическими и прикладными аспектами. Заметнейший след в развитии нашей психологии, как известно, оставил А.Н. Леонтьев. Его труды, его теория продолжают очень существенно сказываться, у него много учеников и последователей. Но его взгляды мне менее понятны и близки. На мой взгляд, его влияние было не только положительным.

Вплотную к этому ряду крупнейших наших психологов я поставил бы А.В. Запорожца. Очень велик его вклад в возрастную психологию. Особая простота его текстов выражает глубину понимания, отстоявшуюся мысль. Он реализовывал многосторонний подход к изучению детства, в труднейшие для нашей науки периоды сохранял трезвый взгляд на ребенка и факторы его развития (не упуская из виду и «спонтаннейность»). Ему были чужды крайности, в частности, социологизаторские. Пользуясь современным выражением из области политики, он был «центристом» в борьбе (иногда явной, иногда скрытой) между «социотропными» и «биотропными» веяниями. Благодаря его мудрости и гуманизму изучение дошкольного детства оказалось самым благополучным, наиболее свободным от идеологизации и конъюнктуры. На мой взгляд, после Выготского он был психологом № 1 в области детской психологии.

Совершенно особое место среди виднейших наших ученых принадлежит А.А. Смирнову, автору высокопрофессиональных трудов по психологии памяти, но, прежде всего и больше всего — замечательному организатору науки, защищавшему ее от всевозможных давлений. Более четверти века под его началом Институт психологии АПН СССР был центром, где во многом сохранялись традиции уважительного отношения к истине и к людям науки, где могли достаточно мирно сосуществовать, соревноваться разные научные направления. Быть беспартийным директором Института такого профиля в те годы и оставаться человечным, защищающим объективное знание, справедливость — это требовало самоотверженных усилий. Разумеется, не надо в слишком розовом свете представлять те времена: наука уже была подчинена идеологии и партийным инстанциям, линия руководства Институтами должна была быть прежде всего «политически выдержанной». Конечно, и А.А. Смирнов отдал дань конформизму (отнюдь не малую), как и другие лидеры психологии той поры. Но при нем все же оставался в Институте, если можно так выразиться, дореволюционно-университетский дух научности и вместе с тем была действительная чуткость к живым, современным веяниям в психологии. Влияние Института сказывалось на психологах всей страны — благодаря конференциям, съездам, а затем и изданию журнала «Вопросы психологии», который поначалу, с 1955 г., возглавил

А.А. Смирнов. По-видимому, его такт, достоинство ученого помогали советской психологии «сохранять лицо» в самые тяжелые для нее годы.

Нельзя не назвать имена крупных психологов Б.Г. Ананьева и В.Н. Мясищева. Некоторые из их продуктивных идей продолжают играть заметную роль в советской психологии.

Вот такую иерархию значения наших «властителей дум» я бы обозначил, понимая ее возможную субъективность и то, что только «история всех расставит по своим местам».

— *Расскажите о совместной работе с Б.М. Тепловым, а также о других психологах, с которыми вам приходилось работать.*

— Работать под началом Бориса Михайловича, едва ли не умнейшего и образованнейшего нашего психолога, естественно, было интересно и одновременно трудно. Сказывалось его превосходство, хотя он держался совершенно неофициально и вместе с тем по-особому вежливо, не делая в этом отношении никакого различий между сотрудниками. Он был психологом не только в своей научной работе — у него был особый дар и в живом общении понимать людей, находить индивидуальный подход к каждому. Под его воздействием возникало состояние интеллектуальной приподнятости, усиливалось чувство ответственности. Сотрудники работали, как говорится, не за страх, а за совесть.

При этом он был натурой увлекающейся, переменчивой, бывал и раздражительным, мнительным. По-видимому, ему приходилось сдерживать свою эмоциональную реактивность, он бывал как сжатая пружина. Критичность, а иногда и как бы некоторая «злость» ума смягчались в его речи юмором. За часто возникавшей на лице полуулыбкой угадывались волевое напряжение, саморегулирование. Поразительной была его работоспособность. Его ум, которому было все интересно и все доступно, без усталости жаждал «пищи», удивительно свежо и точно реагировал на окружающее. Казалось, что он излишне растрчивает себя в повседневной текучке институтских дел, в бесконечном редактировании, участии в различных заседаниях. Он, как никто, умел вникать в работы других психологов, самого разного профиля, и «судить автора по законам, им самим себе поставленным» (выражение Пушкина, которое любил повторять Теп-

лов). Его отличала необычайная эрудиция. Он был на самом современном уровне информированности в области нескольких общественных и биологических наук — систематически следил за научной литературой, за периодикой. Но наука не была единственным центром его интересов: огромное место в его жизни занимал мир искусства. Он был пианистом, разработал вузовский курс музыкальной психологии. Многие годы, отнюдь не дилетантски, интересовался изобразительным искусством (руководил подготовкой диссертаций и по изобразительному искусству). Особенно много внимания уделял художественной литературе: превосходно знал классику и новейшую литературу, прозу и поэзию (он знал многие стихотворные тексты наизусть, в том числе на французском и немецком языках): он изучал литературоведческую литературу. Его познания и неустанные усилия по их обогащению заведомо превосходили то, что могло быть им практически использовано в профессиональной работе. Как бы чрезмерная, избыточная эрудиция, касавшаяся всей сферы культуры, была одной из главных особенностей Бориса Михайловича.

Показательно и такое своеобразие Теплова: устная его речь совсем не была похожа на его письменную речь. Как известно, научные труды и научно-популярные публикации Бориса Михайловича написаны энергично и точно, но в них нет ни эмоциональности автора, ни блесков его остроумия. Устные же высказывания Бориса Михайловича, его публичные выступления несли особый эмоциональный заряд, поражали яркостью, свежестью находимых им тут же слов и оборотов; неожиданность, смелость формулировок, интонационное напряжение подчиняли, захватывали слушателей.

Ему был в высокой степени присущ «здравый смысл» — неприятие чрезмерного теоретизирования. Он сразу отличал психологически значимое от надуманного, схоластического. Его здравые оценки как отдельных работ, так и возникавших тенденций развития психологии, основывались на особой чуткости к самой жизни, к тому, что делалось в социуме.

У него был дар общественного деятеля. Я застал его еще в те годы, когда он был самым влиятельным из наших психологических лидеров, главным вершителем дел в советской психологии, хотя не занимал самых высоких постов и был беспартий-

ным. Но в дальнейшем он стал отстраняться от такой роли. Конечно, в ту эпоху и он не мог не быть конформным, принимая «правила игры», смиряясь с идеологической атмосферой того времени. Вероятно, он все понимал, что делалось вокруг. А то, что происходило в обществе (о чем теперь всем хорошо известно), не могло не отражаться на ситуации в психологии.

Расскажу об одном эпизоде, к сожалению, характерном для научных нравов той поры. Речь пойдет о проблеме «задатков». Конец 40-х — начало 50-х годов, разгул лысенковщины в биологической науке. В психологии начались нападки на понятие «задатки», подозрительно напоминавшее понятие «гены». У Рубинштейна и Теплова говорилось, что задатки — врожденные, но не обязательно наследственные особенности, однако ни тот, ни другой не могли, разумеется, отрицать возможной роли генетического фактора. Они сделали все возможное, чтобы подчеркнуть, что задатки не играют фатальной роли, что они «многозначны», что они — одно из условий развития, что способности — всегда результат развития в определенных условиях среды... Но ничто не могло успокоить ревнителей «чистоты» самой передовой в мире науки. Соответствующие тексты Рубинштейна и Теплова вызвали возмущение уже самим признанием существования каких-то исходных внутренних предпосылок будущих различий по способностям. Следует заметить, что здесь имели место и просто словесные недоразумения. Ведь слово «способность» в русском языке имеет два значения. Об этом можно прочесть в любом Толковом словаре (например, Ушакова, Ожегова): 1) природное дарование, 2) возможность, умение что-либо делать. Вряд ли могут быть сомнения в том, что за этими двумя значениями слова стоит разная психологическая реальность. Понятно, что одно дело сказать, что у ребенка необычные способности к музыке, и другое — что у него уже есть способность различать музыкальные звуки или способность (тоже способность) считать до ста. Но те, кто занимался способностями именно в этом втором значении, т.е. формированием умений, стали считать себя представителями единственно научной, единственно передовой психологии способностей.

Теплов не раз писал о том, что выражения «природное дарование», «врожденный талант» в научном отношении, строго говоря, не точные, что правильнее говорить о природных или врож-

денных предпосылках способностей, задатках. Но он был убежден, что психология не может уйти от проблем, которые ставит сама жизнь, например, когда говорят о каком-нибудь ребенке, что у него особые способности к чему-нибудь. Для Теплова было несомненно, что различия по способностям не сводятся к той или иной обученности, что они имеют индивидуально-природную обусловленность — и не только в случаях исключительных способностей, но и не'зависимо от их исключительности — всюду, где выступает индивидуальность. Теплов старался выяснить, изучить, что же стоит за этим, искал подходы к конкретно-научной разработке проблемы. Но критики представления о задатках добивались закрытия самой этой проблемы.

И вот был момент, когда Борис Михайлович поддался: изъясил термин «задатки» из своего школьного учебника при его очередном переиздании. Однажды он позвал меня (он привлекал меня к подготовке текстов учебника к переизданию) и сказал: «Знаете что, давайте не будем дразнить гусей, выкинем слово «задатки», ничего не меняя в контексте». Что стояло за этим решением, можно лишь предполагать. Итак, произошло усеменение термина «задатки». Хотел бы обратить внимание историков советской психологии на третье и четвертое издания учебника «Психология» Теплова (1949 и 1950 гг.), где вдруг исчез этот термин. В пятом издании он вновь вернулся на свое место и оставался там в последующих. От кого это зависело? Борису Михайловичу иногда приходилось бывать на Старой площади. Не там ли и это решалось?

Не хотелось бы, чтобы создалось впечатление, что у Теплова недоставало характера. Под статью его интеллекту была и его воля! Он умел заставлять себя. И умел преодолевать препятствия! Никто из нас не понимал тогда, что ему приходилось претерпевать.

На заключительном этапе своей деятельности он углубился в электрофизиологию, в освоение факторного анализа. Он отложил на неопределенный срок реализацию своего прежнего замысла психологического труда. Для психолога по призванию это было драматическим самоограничением. Но в те же годы он непостижимо быстро, неумоимо продолжал делать многочисленные выписки (на машинке) из книг по психологии личности на иностранных языках, тут же переводя многое на рус-

ский (в его архиве целые папки таких выписок). Он был самоотверженным тружеником в науке. И если кто не смог в полной мере реализовать свои творческие возможности, — в тех общественных условиях, — так это был безмерно одаренный Борис Михайлович.

Были в Институте и другие удивительные личности. Мне хотелось бы с благодарностью вспомнить о незаслуженно забываемом и недооцененном замечательном психологе Евгении Ивановиче Бойко. Достаточно известны его докторская монография «Время реакции человека» и книга «Мозг и психика». Но главным делом его жизни были самобытная теория психофизиологических механизмов сознания и разработка оригинальных методов изучения словесной регуляции психики (об этом дает некоторое представление его посмертно изданная книга «Механизмы умственной деятельности», 1976). Он сознавал себя творческим продолжателем традиции Сеченова и Павлова. Это был целеустремленный, высокообразованный и по-настоящему творческий ученый. К тому же очень искренний человек, чуждый какого-либо конформизма (его лабораторию притесняли и закрывали еще во времена А.А. Смирнова). В смутные для психологии времена он резче, определеннее, чем кто-либо, говорил о специфике психологической науки, о значении субъективной стороны психического. Мне довелось неоднократно беседовать с ним, быть испытуемым в его экспериментах.

— *Вы исследовали проблему способностей и одаренности. (Кстати, не поздно ли у нас взяли за эту проблему?) Что по этой тематике наработано отечественной психологией и, в частности, в лаборатории, в которой вы работаете? Как обстоит у нас дело с практическим применением этих наработок, т.е. с помощью каких методов определяются в настоящее время способности и одаренность детей и можно ли надеяться на то, что в скором будущем это «определение» приобретет массовый характер? Что можете сказать о Центре по изучению одаренных детей, возглавляемом А.М. Матюшкиным? Изучается ли нашими учеными зарубежный опыт и что из него может быть использовано? Каково в целом состояние этой проблемы у «них»?*

— Прежде всего должен заметить, что психофизиологичес-

кая лаборатория, возглавляемая Б.М. Тепловым, а затем В.Д. Небылицыным, в которой я многие годы работал, в целом не занималась специально проблемой способностей и одаренности, так что я мог бы рассказать только о своей работе в этой лаборатории и о работе своих немногочисленных сотрудников (аспирантов). Вместе с тем параллельно с тепловской лабораторией существовала лаборатория способностей, руководимая сначала Н.Д. Левитовым, а затем В.А. Крутецким. К разработке проблемы способностей у нас не только приступили с опозданием (с большим перерывом после пресловутого постановления о педологии), но и занимались ею в совершенно недостаточном объеме. После кончины Небылицына из его лаборатории выделились три лаборатории, и одна из них, руководимая Э.А. Голубевой, стала специально исследовать проблему индивидуальных различий по способностям у школьников, главным образом в психофизиологическом плане. Эта работа продолжается. Бывшая лаборатория Левитова — Крутецкого перестала существовать. Публикации по вопросам способностей и одаренности были в свое время у А.В. Петровского. В последующие годы возникли и действуют лаборатория способностей в ИПАНе, которой руководил В.Д. Шадриков, и лаборатория в Киеве. Я не думаю, что мне стоило бы сейчас пытаться рассказать, что вообще по этой тематике наработано отечественной психологией. Вероятно, целесообразно было бы ограничить поставленные вами вопросы только проблемой изучения одаренных детей, проблемой, которая мне наиболее близка и которая стала привлекать к себе теперь большой общественный интерес.

Изучению одаренности детей была посвящена еще моя кандидатская диссертация, вдохновителем и руководителем которой был Борис Михайлович. Многие годы я был, к сожалению, чуть ли не единственным в стране психологом, который занимался этой проблемой (некоторые материалы по ней эпизодически собирались в лаборатории В.А. Крутецкого, более систематично — в лаборатории Э.А. Голубевой). Но вот только в последние годы по инициативе А.М. Матюшкина возник специальный Центр по изучению одаренных детей (Центр творческой одаренности).

Вряд ли сейчас надо доказывать, как важно своевременно

выявлять и поддерживать проявления одаренности, в частности, в умственной сфере. Уходит в прошлое такое положение, когда проблему детей, выделяющихся своими умственными способностями, принято было не замечать. Теперь, когда все полнее осознается, что для развития нашего общества необходимо соревнование умов и талантов, стали выделяться специальные средства на поиск и поддержку детей с необычно высоким интеллектом, создаются различные фонды — проблема одаренности получает у нас сейчас признание и поддержку. Но с тем большим вниманием следует относиться к программам исследований в этой области и практическим рекомендациям.

Я буду говорить главным образом о детях, одаренных в умственном отношении, не касаясь специальных видов одаренности (к различным видам искусства, к спорту и т.д.). По-видимому, можно выделить три категории таких детей. Прежде всего дети, выделяющиеся необычно быстрым темпом умственного развития, высоким уровнем интеллекта в целом, что бывает особенно заметно в дошкольном и младшем школьном возрасте. Затем дети с обычным уровнем интеллекта, но резко выделяющиеся в определенных видах занятий (например, в какой-нибудь области науки или техники); это чаще обнаруживается среди подростков и старших школьников. Наконец, дети, которые пока не достигают значительных успехов в каких-нибудь видах учения или творческих занятий, но отличаются незаурядностью, своеобразием проявлений интеллекта (например, необычайной памятью или необычно сильным воображением, выступающим в неожиданных ассоциациях, или особой наблюдательностью, пока еще не находящей себе применения); такие дети обладают свойствами, которые в дальнейшем могут оказаться профессионально ценными, давать им преимущество (в определенных условиях жизни и деятельности, при правильном самоопределении); по отношению к таким детям можно говорить о признаках потенциальной одаренности.

Поговорим только о первой из этих групп, но при этом многое будет относиться и к двум другим. Дети с ранним подъемом интеллекта составляют очень заметную, яркую группу. Они могут на несколько лет опережать сверстников в умственном развитии. Их отличает необычайная умственная активность, потребность в умственном напряжении, ненасытная познаватель-

ная потребность. Они как бы нуждаются в более быстром темпе развития. При этом для них характерны и творческие проявления — инициативность, изобретательность в занятиях. Как не назвать одаренностью особую продуктивность их мышления, тягу к умственной нагрузке, явное превосходство над сверстниками при равных с другими или даже неблагоприятных условиях. Имеются свидетельства, что многие выдающиеся люди уже в детстве отличались необыкновенными способностями.

Вместе с тем широко известно, как часто такие дети не оправдывают возлагавшихся на них надежд. Многие факты указывают на то, что признаки замечательного интеллекта, проявляемые ребенком, отнюдь не являются прямым или достаточным показателем его умственного потенциала в будущем. Поэтому само понятие «одаренные дети» может вызывать сомнения и порождать некоторые недоразумения. В этом важно разобраться.

Действительно, выражение «одаренные дети» как бы двусмысленно, т.е. его можно употреблять в двух значениях. Одно значение — дети, которые более восприимчивы к учению, гораздо быстрее развиваются, творчески себя проявляют, иначе говоря, у которых признаки одаренности, или благоприятные внутренние предпосылки развития, выражены больше, чем у других детей. Другое значение — дети, проявления которых позволяют считать, что у них есть внутренние предпосылки стать в будущем одаренными взрослыми, талантливыми людьми. Можно думать, что в обоих случаях речь идет об одном и том же, но это не так. И важно предостеречь от неразличения этих двух значений.

Случаи несоответствия между признаками выдающихся умственных достоинств в детстве и уровня умственного потенциала, обнаруживаемого в более зрелые годы, заставляют задуматься над такими вопросами: что же это за феномен — детский подъем и расцвет интеллекта, какова его психологическая и психофизиологическая природа, почему он может оказаться недолговечным — только ли во внешних условиях здесь дело? И какое все-таки значение для будущего имеют проявляемые в детстве признаки одаренности?

Чтобы получить ориентировку в этих вопросах, нужно в полной мере учитывать то, что сами возрастные особенности

ребенка имеют первостепенное значение для проявляемых им способностей. Годам детства свойственны готовность усваивать, чуткость к образным впечатлениям, подвижность воображения, любознательность. Существует возрастная чувствительность, т.е. та особая отзывчивость на окружающее, которая по-своему характеризует каждый детский возраст. Известно, что по мере продвижения по возрастным ступеням возникают и сменяют друг друга так называемые сензитивные периоды: в эти возрастные периоды обнаруживаются особенно благоприятные предпосылки для развития психики в тех или иных направлениях (при смене сензитивных периодов не только чувствительность, но и активность детей соответственно изменяются). Заметим, что возрастные умственные достоинства ребенка не только проходящи, не просто вытесняют друг друга, но в какой-то части и остаются у растущего человека, закрепляются. Однако у одного ребенка — в большей степени, у другого — в меньшей. В этом — один из источников индивидуальных различий по способностям.

Связь возрастных свойств и проявляемых ребенком способностей выступает и в другом. Темп возрастного умственного развития (под влиянием созревания мозга в его взаимодействии с обучением в самом широком значении этого слова) у детей разный. Эту неодинаковость темпа умственного подъема при прочих равных условиях издавна связывают именно со способностями: если ребенок опережает своих ровесников — значит, он более способный. Но не следует преувеличивать значение такого показателя. Ведь с возрастом темп развития может изменяться, он не является равномерным, возможны замедления и убыстрения умственного подъема — у каждого ребенка в свои возрастные сроки (что опять-таки может быть обусловлено не только обстоятельствами жизни, но и генотипически). Поэтому опережающий уровень развития интеллекта, достигнутый в данный момент, даже при наиболее благоприятных в дальнейшем социально-педагогических условиях еще не означает, что такое преимущество перед сверстниками сохранится и дальше.

Все сказанное о возрастных предпосылках становления способностей наиболее отчетливо обнаруживается у детей с ранним умственным расцветом. Имеются основания считать, что у

таких детей происходит — вследствие быстрого темпа развития — сближение во времени, а затем и совмещение возрастной чувствительности, идущей от разных периодов детства, что чрезвычайно повышает их возможности. Другое дело, надолго ли это сохранится?

Разумеется, существуют не только возрастные, но и собственно индивидуальные предпосылки формирования различий по способностям. Среди индивидуально-природных предпосылок развития наиболее изученными являются свойства типа нервной системы, о которых Б.М. Теплов писал, что они входят в состав природных основ развития способностей, в состав «задатков». Таким образом, в умственном облике ребенка следует различать: 1) такие особенности, которые могут быть относительно легко и быстро изменены, например, те, которые сводятся к знаниям и умениям; 2) такие особенности, которые присущи данному возрастному периоду или периодам, прежде всего та или иная возрастная чувствительность; 3) то наиболее устойчивое и собственно индивидуальное, что сохранится и дальше. При этом симптоматика возрастного и индивидуального может совпадать. Поэтому чрезвычайно трудно оценить действительное значение проявляемых в детстве признаков незаурядности интеллекта. Вопрос состоит в том, что произойдет с наблюдаемыми особенностями в ходе дальнейших возрастных изменений, сохранятся ли они как устойчивые индивидуальные свойства или окажутся по преимуществу возрастными, недолговечными?

Прогноз затрудняется и тем, что последующие умственные успехи будут зависеть, разумеется, не только от собственно интеллекта, но и от таких свойств личности, как мотивация, воля и др. К тому же та или иная структура интеллекта, позволяющая блистать в детские годы, может не соответствовать условиям социально значимых видов деятельности взрослого человека — произойдет ли своевременно нужная функциональная перестройка? В общем существует достаточно причин, почему многообещающие дети могут потерять свои преимущества ко времени зрелости.

Сложность оценки потенциала детей состоит еще и в том, что замечательный интеллект, талант к наукам могут в дальнейшем обнаружиться и у такого ребенка, у которого не было

ранних проявлений незаурядных способностей. Следует учитывать, что существует тип возрастного развития, прямо противоположный тому, о котором мы до сих пор говорили: несколько замедленный, растянутый, когда как бы исподволь происходит накопление определенных умственных качеств.

Так, может быть, не надо принимать всерьез проблему детской одаренности, раз признаки ее неокончательные а будущий расцвет способностей возможен и там, где он начинается позднее? Такой вывод был бы совершенно неверным. Ведь дети с ранними проявлениями умственной одаренности — в какой-то своей части во всяком случае — раньше других могли бы получать нужное образование, включаться в творческую жизнь. Этот контингент детей — как бы своего рода «группа риска», где с большей вероятностью может оказаться то, чего ожидаем. Нужно учитывать, что индивидуальное выступает не сразу, не полностью, а изменяется, обогащается по мере перехода от возраста к возрасту и что существуют межвозрастные факторы развития, с которыми во многом связано сохранение своеобразия индивидуальности на разных возрастных этапах. Несомненно, что нельзя пренебрегать ранними проблесками таланта, становление которого может начинаться в детстве. Нельзя упускать одаренных детей.

И все же надо считаться с реальностью: далеко не всякий ранний блеск способностей — это подлинная одаренность. И следует признать, что выражения «одаренные дети», «одаренный ребенок» во многом условные и неопределенные. Еще раз подчеркну: они указывают на то, что ребенок обнаруживает необычные умственные возможности на фоне других детей на этом этапе становления своего интеллекта — только с таким ограничением здесь правомерно слово «одаренность». Но являются ли ранние возможности ребенка достаточными предпосылками, чтобы быть ему одаренным и потом, в социально значимых видах деятельности? Это при современных возможностях диагностики остается под вопросом и выяснится только в дальнейшем.

Из сказанного следует, что для обозначения проявлений выдающихся детей, видимо, правильной было бы употреблять выражение «возрастная одаренность». Это уже как раз относится к тому, что мною «наработано». Преимущество термина «возра-

стная одаренность», мне кажется, в том, что он имеет и некоторое объяснительное значение, показывая, что признаки одаренности ребенка могут возникать из возможностей детства (вспомним о сензитивности детских возрастов). Главное же, употребляя термин «возрастная одаренность», мы привлекаем внимание к тому, что характеризуем именно ребенка, чьи проявления могут быть обусловлены в какой-то мере чертами возрастного периода (или периодов) и поэтому не всегда предопределяют его будущие возможности. Когда же мы с легкостью ставим диагноз — «одаренный ребенок» без указания на возможный временный характер такого рода проявлений, то этим как бы утверждаем, что у ребенка уже готовый пожизненный дар, что он одаренный человек и что если потом ожидаемого дарования не проявится, то значит кто-то виноват (хотя, конечно, и такое может быть). По-моему, и родители, и педагоги, и растущий человек должны знать, что существует такое явление, как возрастная одаренность, что при всех успехах ребенка, даже самых выдающихся, поначалу можно с уверенностью говорить только об этом. Меньше будет неоправданных ярлыков, обманутых ожиданий. Нельзя недооценивать сложности прогноза.

Как ни странно, но получилось так, что если прежде многие годы мне приходилось доказывать, что нельзя считать детей одинаковыми по одаренности, что есть дети с необыкновенными умственными возможностями, то теперь, когда проявляется широкий интерес к этой проблеме, когда многие стали ею заниматься, приходится выступать против того, чтобы любые ранние признаки необычных способностей или сам по себе быстрый темп развития признавались одаренностью. По-моему, реальному пониманию проблемы детской одаренности мешает, в частности, неразличение тех двух значений, которые могут придаваться словам «одаренные дети».

В свете всего сказанного вернемся к вашим вопросам о современных методах определения способностей и одаренности. Как и прежде, очень широко в мире, а теперь и у нас в стране, применяются интеллектуальные тесты, а также тесты на креативность. Они позволяют выявлять различия между детьми по уровню выраженности свойств интеллекта и творческой. Но это прежде всего различия по уровню и своеобразию развития и лишь в какой-то степени собственно по одаренности. Валид-

ность тестологических показателей недостаточно высока, а прогностическое значение такого диагноза еще менее доказательно. Зарубежный опыт в этом отношении у нас достаточно известен — и у «них» нет чудодейственных методов раскрытия потенциала ребенка. Но тестологические методики позволяют выявлять и не всегда заметные «невооруженным глазом» различия между детьми и могут обосновывать желательность, необходимость дифференцированного обучения. Думаю, что и у нас методики на интеллект и креативность получают более широкое распространение, когда их будет кому проводить, когда психологическая служба в школе станет повсеместно реальностью (пока же их применяют в основном в исследовательских целях). Но велика ли будет польза от этого для одаренного ребенка? Ведь диагностирование необычных возможностей не может быть самоцелью — оно должно быть началом работы с такими детьми. Однако эта проблема у нас все еще недооценивается. Если всерьез говорить о «выходах в практику», т.е. о том, чтобы психологи с наибольшей пользой помогали развитию и воспитанию одаренных детей, то надо отдавать себе отчет в том, что дифференциация детей по одноразовым испытаниям носит лишь разведывательный, предварительный характер, а подлинное выявление, определение одаренности — это процесс. Обрести и распространять современные тесты определения способностей и одаренности — это лишь малая часть забот психолога по отношению к незаурядным детям. Важно, чтобы психологические знания могли помочь педагогу дифференцированно учить выдающегося ребенка в соответствии с его возможностями. Ведь в ходе обучения и воспитания и в самом опыте творчества ребенка по мере приобщения его к реальным делам постепенно раскрывается его потенциал.

Много поучительного именно в этом отношении имеется в зарубежном опыте, о котором вы спрашиваете. Прежде всего там проблеме одаренных детей уделяется очень большое внимание. С 1975 г. существует Всемирный совет по одаренным и талантливым детям, который координирует работу по изучению, обучению и воспитанию таких детей, организует международные конференции. В Совет входят психологи и педагоги из десятков государств. На международной конференции по одаренным детям в 1987 г. (это была уже седьмая конференция)

впервые участвовал советский представитель (А.М. Матюшкин). Мне кажется, главное, чему можно поучиться на зарубежном опыте, — это не новейшим модификациям тестов, не диагностированию одаренности, а самой системе практической работы с незаурядными детьми. Первостепенное значение придается там особым учебным программам: они рассчитаны на повышенные возможности детей, содействуют активизации и обогащению их интеллекта. Уже разработано и применяется множество таких программ, они конкурируют между собой. Их внедрение связано с изменениями в самой системе обучения, позволяющими одаренному ребенку более свободно проявлять свои умственные возможности. При этом большое внимание в США и других развитых странах уделяется подготовке учителей специально для работы с одаренными детьми. Ведь занятия с особо восприимчивыми к учению и творческими детьми требуют и творческого учителя с высокой педагогической квалификацией, с дополнительной подготовкой к работе с таким контингентом детей. Этот педагог не только должен овладеть необычными учебными программами, но и уметь соответствующим образом общаться со своими питомцами, ему нужно увидеть в каждом новую индивидуальность. Много ли у нас таких педагогов? Готовим ли мы их? И в этом отношении зарубежный опыт для нас, конечно же, поучителен. Когда речь идет об одаренном ребенке, это всегда дело «штучное». Работа с такими детьми не может носить «массовый характер». В некоторых странах, в частности в Англии и США, получает распространение особый тип педагогического работника — наставник, проводящий индивидуальную работу по развитию и воспитанию ребенка. К сожалению, надеяться на сколько-нибудь широкое распространение и у нас этой весьма эффективной формы поиска и поддержки юных дарований в обозримом будущем не приходится.

Должен подчеркнуть, что я отнюдь не являюсь специалистом по зарубежному опыту и мои суждения в значительной мере основаны на впечатлениях от лекций и семинаров зарубежных коллег, приезжавших к нам и даже проводивших показательные занятия с детьми в школе. Интересно, что приезжавшие к нам американские педагоги и психологи, которые как раз занимаются обучением одаренных детей, производили отбор школьников в группы для своих занятий, не используя тесто-

вых испытаний — только по отзывам педагога и даже по самооценке самих детей. Такого рода критериям и своей интуиции они верили больше, чем каким-нибудь экспресс-методикам. Когда мы заботимся о нуждах практики, нельзя ее запросы сводить к методам определения способностей и одаренности, важнее другое — готовы ли мы дать детям с повышенными возможностями оптимальную для них умственную нагрузку? Кто знает, скольких талантов не досчиталось общество из-за того, что мы не умеем учить и воспитывать таких детей. Надо избегать недооценки собственно педагогической стороны дела.

Зарубежные лонгитюдные исследования — а их проводилось и проводится немало — показывают, что дети, рано проявившие незаурядные умственные способности, и позднее чаще других обнаруживают повышенный интеллект. Но чего не удастся достигать предварительным отбором детей по их умственным достижениям, насколько я понимаю, так это надежно предугадать и тем более обеспечить появление выдающегося, крупного таланта. Мне кажется, что зарубежный опыт подтверждает такую точку зрения, но по этим вопросам ведутся ожесточенные споры. Показательно, что в США, где в масштабах страны проводится многообразная работа с одаренными детьми, за многие годы из числа детей, отбираемых в школы для одаренных, не выросло ни одного Нобелевского лауреата. К этому могу присоединить и свои скромные данные. Среди тех детей, которых мне довелось подробно изучать, был лишь один бесспорный случай, когда бывший вундеркинд рано стал известным ученым, создал научную школу. В других случаях успехи были более или менее значительные, но совсем не того масштаба, которого можно было ожидать от выдающихся детей. И еще у меня такое наблюдение. Уже десятки лет я слежу по центральным газетам и журналам за сообщениями о необыкновенных детях: окончивших школу с большим опережением, очень рано проявивших себя творчески. Я все ожидал и ожидаю, когда эти имена снова всплывут в печати, но, увы, они исчезают бесследно, за редчайшими исключениями.

По-видимому, становление больших талантов — редкое и настолько сложное социально-психологическое явление, что те ранние проявления интеллекта, по которым мы пока судим об

одаренности, здесь не могут иметь достаточного прогностического значения. Судя по всему, наиболее перспективны, применительно к рассматриваемой категории детей, те случаи, когда ранний общий расцвет интеллекта сочетается с устойчивой и укрепляющейся с годами склонностью к определенным социальным значимым областям занятий.

Представленные мной соображения о том, что ранние проявления одаренности могут быть и не столь значимыми, как этого хотелось бы, вероятно, могут восприниматься как излишне пессимистические, как неверие в возможность прогноза дальнейшего хода развития, но я отнюдь не хотел бы подвести к такому выводу. Мне хотелось бы обосновать другое, а именно, что надо отличать диагностику детских признаков одаренности от оценки будущего потенциала растущего человека, хотя связь между первым и вторым, конечно же, есть. Но тут не такие простые соотношения. Основания для оценки потенциала ребенка не лежат на поверхности, и здесь от нашей диагностики нельзя ожидать слишком многого. Только трезвая оценка этой ситуации может пойти на пользу делу. Если же считать, что выявляемый у ребенка высокий уровень интеллекта — это уже и прогноз, то могут возникнуть те вредные последствия злоупотребления диагностикой, которые хорошо известны. Вспомним об уязвимости педологии: ведь она не просто без вины пострадавшая — она как раз грешила тем, что поверхностная диагностика выдавалась за прогноз.

Путь к прогнозу лежит через выяснение соотношения возрастного и индивидуального. У нас этим очень мало занимаются. Но именно здесь открывается особенно важная, применительно к детям, и перспективная область диагностики — исследование типов развития: в частности, разных вариантов изменения с возрастом относительной роли более общих и более специальных факторов одаренности. Прогресс в этом отношении, мне кажется, будет достигаться по мере того, как на помощь тестологии придет дифференциальная психофизиология и психогенетика. Дифференциальная психофизиология позволит фиксировать не только возрастные, преходящие, но и межвозрастные, более константные показатели работы мозга в целом и отдельных мозговых систем, отличающие одаренного ребенка (некоторые материалы такого рода накапливаются в лаборато-

рии Э.А. Голубевой). Недавно мне довелось прочесть еще не опубликованную большую статью М.С. Егоровой и Т.М. Мариутиной (из лаборатории И.В. Равич-Щербо), посвященную новой отрасли науки — возрастной психогенетике, или онтогенетике, ориентированной на изучение индивидуальных различий. Там показаны некоторые закономерности развертывания генетической программы во времени, в частности, выполненный авторами обзор новейшей литературы дает представление о том, как могут изменяться индивидуальные различия на разных стадиях возрастного развития. На этом направлении исследований, на мой взгляд, можно ожидать нахождения некоторых существенных оснований для подлинного прогноза в той мере, в какой он вообще возможен. Все то, что я говорю об относительности значения ранней симптоматики и о трудностях предвидения (и что выражает мою личную точку зрения), мне кажется, указывают прежде всего на необходимость изучать одаренность детей!

Хотелось бы подчеркнуть, что не только с точки зрения будущего надо подходить к детским способностям. Неопределенность прогноза не может умалить значения ранних достижений для самих детских лет ребенка. Детство — пора жизни, имеющая высочайшую самостоятельную ценность.

Несколько слов о Центре творческой одаренности, руководимом А.М. Матюшкиным. Центр создан недавно и находится в стадии становления. Согласно концепции А.М. Матюшкина, на основе изучения одаренных детей можно раскрыть природу и психологический механизм творчества. Этому посвящены работы нескольких сотрудников и аспирантов Алексея Михайловича. Центром организованы курсы по подготовке психологов к работе по обучению и воспитанию одаренных школьников: читаются лекции, проводятся семинары. Важное место в работе Центра занимают совместные исследования с зарубежными учеными: например, с педагогами из США отрабатывается учебная программа развития творческого мышления (для одаренных младших школьников), с психологами из ФРГ проводится лонгитюдное исследование развития интеллекта. Разрабатываются также оригинальные методики и учебные программы. Лично я участвую в работе Центра только в качестве консультанта, и мне не возбраняется высказывать суждения, от-

личные от точки зрения руководителя Центра. Мне кажется, этим А.М. Матюшкин создает для меня «режим наибольшего благоприятствования».

— *Каким видится вам будущее нашей страны и что может предложить для этого «будущего» наша психологическая наука? Каков ваш вклад в это, какие творческие планы?*

— Будущее представляется мне в виде демократического общества, где будут процветать науки и искусства. Я серьезно думаю, что так и будет. «Жаль только жить в эту пору прекрасную уж не придется...» А создавать такое общество будут и те одаренные и талантливые, о которых мы говорили.

Движению общества к обновлению психология может предложить всю себя. Ведь имеют «выходы в практику» почти все ее разделы, в том числе и разработка вопросов склонностей, одаренности. Накопление психологических знаний по этой проблеме, можно надеяться, будет содействовать более эффективному дифференцированному обучению, окажет помощь растущему человеку в самоопределении. Как много кругом людей, которые занимаются не своим делом! Еще у Чехова (наверное, помните) есть известное место из записной книжки о таких случаях (бездарный ученый тайно, по ночам, переплетает книги — это его истинное призвание, здесь он испытывает наслаждение; к нему ходит переплетчик, любитель учености, который тайно, по ночам, занимается наукой). Несоответствие индивидуальных склонностей и профессиональных занятий — драма не только для самого человека, но и для окружающих; когда таких людей много — это огромный урон и обществу. Психологам, занимающимся этой проблемой, есть что сказать людям. Более весомым и надежным станет их слово, если к дифференциальной психологии полнее подключатся дифференциальная психофизиология и онтогенетика, о чем я уже упоминал. В обществе, которое будет устремлено к большей человечности и духовности, наша наука, вероятно, сможет играть все возрастающую роль.

Мои планы: «программа максимум» — опубликовать еще одну книгу.

(записано в августе 1991 г.)

В. И. СЕЛИВАНОВ
(1906-1996)

Владимир Иванович Селиванов — психолог из Рязанского пединститута, бывший заведующий кафедрой в нем на протяжении 40 лет, доктор философских наук, профессор. Жизнь его была наполнена теми же бурными событиями, которыми жила страна в послеоктябрьский период, он принимает деятельностное участие в ее судьбе, искренне верит в социалистический выбор своей страны. В.И. Селиванов убежденный патриот, воспитанный трудом, преодолевший многие жизненные трудности, по существу, «создавший» себя самого как ученого, выходца из крестьянских низов...

Наш журнал отмечал в 1986 г. его 80-летний юбилей и писал о том, что В.И. Селиванов внес большой вклад в практическую подготовку учителей, в психологическую и педагогическую науку нашей страны. Под его руководством сложилась научная школа, разрабатывающая актуальные проблемы волевой регуляции поведения человека. Многочисленные ученики В.И. Селиванова успешно работают в различных вузах и НИИ страны. Его труды, — их насчитывается более 130, главным образом по проблемам воли и социальной психологии, — известны как у нас в стране, так и за

Впервые опубликовано в «Психологическом журнале» (1992, т. 13, № 2, с. 146—161).

Фото из семейного архива В. И. Селиванова

рубежом. Наиболее значительными из них являются: «Воспитание воли школьника», «Психология волевой активности», «Воля и ее воспитание», «Воспитание воли в условиях соединения обучения с производственным трудом», а также многочисленные статьи, опубликованные в изданиях АН СССР. Ряд работ В.И. Селиванова переведен на иностранные языки и издан в Польше, Румынии, Чехословакии, Венгрии, ГДР, Китае, Франции, Португалии. Ученый широкого профиля, он разрабатывает актуальные вопросы педагогики, социальной психологии и социологии. В этом плане его больше всего интересует жизнь советского села. На примере изучения опыта Федякинской семилетки им опубликована монография «Сельская школа». Под руководством В.И. Селиванова создано коллективное пособие для учителей «Соединение обучения с производственным трудом в условиях сельской школы», получившее высокую оценку АПН РСФСР, осуществлено и опубликовано конкретно-социологическое исследование, посвященное многоплановому анализу истории, труда, жизни и быта рязанского села Кораблино. В 1961 г. эта работа была переиздана издательством «Советская Россия». Под руководством В.И. Селиванова были выполнены также такие коллективные работы, как «Труд и игры сельского школьника», «Быт и развитие личности», «Очерки психологии студента» и др. В.И. Селиванов имеет высокую квалификацию ученого-психолога и педагога, пользуется заслуженным уважением преподавателей, студентов и аспирантов института, учителей школ, с которыми он связан. Многие годы ученый являлся членом Центрального совета Общества психологов СССР, членом комиссии по психологии Министерства просвещения РСФСР, принимал активное участие в работе партийной организации института, областного общества «Знание», дважды избирался членом Рязанского обкома КПСС, а также депутатом районного и городского Советов. В.И. Селиванов был принципиальным и требовательным к себе и к окружающим. За большую научно-педагогическую работу В.И. Селиванов награжден орденом Ленина и медалями, ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР».

Родился Владимир Иванович Селиванов 7 июля 1906 г. в

деревне Борисовская Ленского района Архангельской области в малообеспеченной многодетной крестьянской семье.

В 1922 г. он окончил Ленскую семилетнюю школу и поступил в Велико-Устюгский педагогический техникум. Окончил техникум в 1926-м и был направлен на преподавательскую работу в старшие классы Еремеевской сельской школы Усть-Алексеевского района Северо-Двинского округа. По совету врачей — он заболел костным туберкулезом — в 1927 г. перевелся в Северо-Кавказский край, где получил место учителя начальной школы в станице Неберджаевская Крымского района.

В 1928 г. Черноморским Окркомом ВЛКСМ был командирован в Москву для обучения в Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской. Окончил Академию досрочно, в начале 1931 г., и был направлен на работу в Наркомпрос РСФСР. В Наркомпросе работал с 1931-го по 1934-й год, сначала в качестве инспектора школ колхозной молодежи, а потом — старшего научного сотрудника опытной педагогической станции Наркомпроса (в Михневском районе Московской области). С сентября 1934-го по август 1935-го работал завучем 1-й образцовой школы Сокольнического района г. Москвы.

Интересуясь психологией, в 1935 г. поступил в аспирантуру Института психологии (Москва), которую и закончил с защитой кандидатской диссертации в 1938 г.

С 1938 г. работал в Рязанском государственном педагогическом институте. С 1942-го по 1949-й год заведовал кафедрой педагогики и психологии, а с 1949-го по 1982-й — кафедрой психологии. Был деканом факультета, проректором по научной работе. Докторскую диссертацию защитил в Институте философии АН СССР в мае 1953 г.

С 1925-го по 1933-й состоял в ВЛКСМ, принимал активное участие в общественной работе, как в комсомольский период, так и позднее. Был секретарем комсомольской организации, агитатором, пропагандистом, избирался несколько раз в профсоюзные органы. Вступил в КПСС в 1948 г. Взысканий по производственной, комсомольской и партийной работе не имел. Много раз избирался членом партбюро института, вел большую лекционную работу среди населе-

ния. Помимо перечисленных наград есть у него также медаль Н.К. Крупской: эта медаль, по его собственному признанию, ему особенно дорога, потому что, работая в Наркомпросе, он «имел честь выполнять персональные поручения Надежды Константиновны».

В. И. Селиванов: «НЕЛЬЗЯ В НАУКЕ ДВИГАТЬСЯ ВПЕРЕД, ОПТОМ ОТВЕРГНУВ ТРУД ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ...»

— Владимир Иванович, пожалуйста, расскажите о ваших жизненных принципах, которые формировались у вас на протяжении долгих лет, и, конечно же, о вашем пути — его начале, середине, последующих этапах, словом, обо всем том, с чего вы считаете нужным начать воспоминание. Мы сохраним ту последовательность, которую вы выберете, поскольку сами заинтересованы в том, чтобы всегда слышался живой голос тех, ради кого мы открыли эту рубрику.

— По мировоззрению и убеждениям я коммунист. И остаюсь им до конца своих дней. Среди современных философских учений не вижу ни одного, которое поднялось бы выше марксизма в раскрытии закономерностей общественного развития и отыскания модели того во всем справедливого общества, где исключалась бы любая форма эксплуатации человека человеком и была обеспечена для каждого подлинная свобода. Убежден, что это учение, освобожденное от извращений и догматизма, является надежной идеологической основой нынешней перестройки нашего общества, движения его к новому, подлинно гуманному демократическому социализму, отвергающему как сталинский казарменно-административный суррогат социализма, так и капиталистический «рай», основанный на свободе частно-предпринимательской наживы.

Считаю, что путь к такому обществу долгий и тернистый, но реальный, потому что он отвечает вековой потребности трудового народа — жить свободно и честно, в полном соответствии

с общечеловеческими нравственными ценностями, из системы которых всегда исключались бы корысть и жажда наживы за счет других как самое большое социальное зло. При справедливой организации труда, в точном соответствии с основным принципом социализма, можно наполнить магазины товарами.

Убежден, что многие у нас не привыкли хорошо работать не столько по причине отсутствия у них собственности, сколько вследствие плохой организации труда, когда неизбежны низкие заработки и незаинтересованность человека в результатах своего труда.

Переход к рыночным отношениям при многообразии форм собственности и в целом обновление общества возможны только на основе учета всего прогрессивного, что накопилось в психологии людей за советское время. Неправда, что сталинизм был настолько всемогущ, что сумел выкорчевать все условия, созданные Октябрьской революцией для высоконравственного развития человека.

Как выходец из низов народа и как ученый, всю жизнь тесно связанный с народом, десятилетиями изучающий его психологию, особенно крестьянства, свидетельствую: в процессе социалистического строительства и воспитания, на базе лучших вековых традиций, у людей реально формировались такие качества, как верность идеям социализма и патриотизм, отвращение к эксплуатации, бескорыстие, коллективизм и интернационализм, мужество, интерес к знаниям, и многие другие. Не видеть этих позитивных сдвигов в психологии народа, все сводить к «коммунистическому рабству» могут лишь ренегаты с черной совестью.

Одна из причин нынешних бед в нашем обществе — это крайне опасная конфронтация между различными политическими силами. В головах лидеров партий и различных движений господствуют не мотивы практической борьбы за интересы трудового народа, а эгоистические мотивы борьбы за власть. Не преодолен тот психологический барьер, имя которому — волюнтаризм.

Давно ли мы громили сталинский командно-административный волюнтаризм, а он оказался живучим, перекочевал в новые социальные структуры и творит там черные дела. Сменилась лишь форма волюнтаризма. Раньше властвовал аппаратно-бю-

рократический волюнтаризм, утвердившийся на почве диктаторской субординации в управлении, ныне же господствует еще более опасный анархистский волюнтаризм, возросший на почве вседозволенности и игнорирования всякой законности.

Но я верю, что наше общество преодолет хаос и разруху, не откатится к обстановке, напоминающей эпоху первоначального капиталистического накопления, а устремится вперед по избранному пути.

Возможен вопрос: знал ли я о беззакониях и репрессиях сталинизма? То официальное, что публиковалось, конечно, знал, но ни в одном случае причастен к ним не был. Осуждал ли я беззаконие? Далекое не всегда. Одни случаи считал неизбежными, ведь все подавалось как «происки врагов народа», и я верил этой лжи. Другие случаи внутренне осуждал, но внешне, как и абсолютное большинство в то время, протест выражать опасался. Да и как было не опасаться, если за малейшее публичное проявление политического инакомыслия следовала суровая кара, начисто разрушающая жизнь семьи, не говоря уже о гибели всех творческих замыслов. Ни одна работа, связанная с идеологией, не могла быть изданной без упоминания имени Сталина. То же с диссертациями. Казалось бы, брошюра И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» не имела никакого отношения к теме моей докторской диссертации «Воля и ее воспитание» (1952), но ведь заставили же «пристегнуть» и ее к диссертации. В противном случае я не допускался к защите.

Однажды я все-таки взбунтовался — в 1940 г. отказался от поручения секретаря партбюро пединститута организовать на торжественном собрании «спектакль», иначе его не назовешь, воздающий хвалу Сталину. Другими словами, я должен был подобрать группу студентов, чтобы они в нужное время выкрикивали: «Слава Сталину!». Я ответил, помню, моим поручителям так, что не следует создавать искусственную обстановку, пусть студенты выражают свои собственные чувства в любой форме. «Ах, вы отказываетесь! — сказали мне. — Посмотрим!». Я и теперь удивляюсь, почему меня за этот отказ не посадили. Но последствия были — в партию меня тогда не приняли.

В людях ценю такие качества, как верность высоким идеалам, бескорыстие, трудолюбие, компетентность, правдивость, му-

жество. А вот то, что не терплю: безыдейность, эгоизм, жадность, лживость, лень, трусость.

Как я сам себя оцениваю?

Я — провинциальный профессор советской формации, обладающий средними способностями, но большим упорством и постоянством в реализации своих творческих замыслов...

— *Расскажите, пожалуйста, о том, как прошло детство, какие были интересы, где учились, как пришли в психологию¹?*

— На географической карте мелко обозначен поселок Яренск, что на реке Вычегда в Архангельской области. Это северное захолустье — моя маленькая деревня Борисовская, расположенная в 30 километрах от Яренска. Здесь я родился в 1906 г. в крестьянской семье, в которой было 11 человек. Одолевала бедность. Земли мало. Своего хлеба хватало только до Рождества. Чтобы прокормиться, постоянно рыбачили, благо рядом река Вычегда и много озер. Отец в молодости не раз выезжал в Питер на заработки (полотер), позднее каждую зиму работал на лесозаготовках.

Вспоминаю, как весной 1918 г. наделяли малоимущих крестьян землей, экспроприированной у церкви и кулаков (помещиков на Севере не было). Мужики тут же в поле от радости плясали.

Несмотря на лишения, болезни и беды (малолетними умерли трое), в нашей семье преобладало оптимистическое настроение. Даже в годы гражданской войны жизнь в результате рачительного использования прежних и новых угодий стала заметно поправляться. Хлеба, картофеля и овощей хватало уже на целый год. С мясом было хуже, но помогало строгое соблюдение постов. А это ни много, ни мало почти три месяца в году — когда нельзя есть мясное.

Мои родители, Иван Николаевич и Анна Андреевна, были великими тружениками. На труде воспитывали и детей. Воспитывали в строгости, но жалели. За провинности ругали, но чаще хвалили за усердие.

Вместе со своими братьями и сестрами в своей родной семье я прошел замечательную школу трудового и нравственного воспитания. К 12 годам каждый из нас осваивал не менее шестидесяти видов бытового, сельскохозяйственного и ремесленного труда. Ведь с малых лет под присмотром старших мы

делали все сами. И эта работа, по теперешним понятиям явно с чрезмерной нагрузкой, почти никогда не надоедала нам, потому что была разнообразной. Вспоминаю, с каким интересом я соревновался с братом по умению пахать, косить, вязать сеть тремя способами, чинить обувь, пилить и колоть дрова, точить пилу, ошкуривать бревна, делать изгородь и др. Жаловаться на усталость и недомогание считалось позором. Но если кто-нибудь серьезно заболел, то он был окружен вниманием и заботой всех родных. Эта крестьянская трудовая закалка, бесспорно, явилась одной из главных причин того, что впоследствии все мы из нашей большой семьи вышли хорошими работниками. В роду у нас не было ни одного бездельника, тем более пьяницы. Но никогда не появилось бы в нашей семье троих ученых, профессоров в лице моих братьев, Николая и Александра, и меня, если бы не новый общественный строй, открывший дорогу всем к знаниям.

Учились мы с увлечением. Даже первоначальные занятия в нашей захудалой церковно-приходской школе (1914—1917 гг.) я воспринимал как радостный отдых после домашнего труда. Никакого избирательного интереса к тому или иному предмету не было, в том числе и в старших классах Ленской семилетки (1918—1922 гг.). Все было интересно, не исключая и Закона божия, который преподавали до революции. Как и все, я разучивал заповеди, молитвы и псалмы, вместе с другими учениками ходил в церковь, говел. В религиозном учении я тогда видел только хорошее. Задумываясь над книгой «Жития святых», проникался большой симпатией к подвижничеству соловецких монахов.

Другое отношение к религии формировала окружающая жизнь. Наша учительница — дочь попа Анна Константиновна — была злая, часто била детей. В детском уме возникало сопоставление: «Почему же она поступает против заповедей, которые объясняет нам ее же отец, батюшка Константин?». Еще больше сомнений по поводу религии зародили некоторые семейные конфликты между моими родителями. Оба малограмотные (умели с трудом только расписаться), они по-разному относились к религии. Отец был религиозным до фанатизма. Мать же, соблюдая все религиозные обычаи, в душе была атеисткой. Часто ехидно смеялась над отцом за чрезмерное пристрастие к

молитвам, редко ходила в церковь, а о говений ей напоминал через отца сам священник. А тут еще такой случай. В пасхальные дни 1916 г. поп, посещая наш дом, стал в грубой форме, при детях, стыдить мать за безразличие к религии и церкви. Мать не выдержала и возразила: «Почему бог не видит, как страдают от голодухи мои дети, и не поможет нам?!». Этого было достаточно, чтобы на другой день, по жалобе попа, явился урядник и с грозным предупреждением оштрафовал мать на три рубля за богохульство. Так что позднее, когда излишки поповских угодий в размере 40 десятин земли и лугов передали крестьянам, у меня не осталось уже никаких иллюзий насчет церкви и религии, но интерес к вопросам мироздания и душевного мира людей обострился.

В Ленской семилетке я учился, как уже отмечал, четыре года. Вместо церковно-приходской школы было теперь двухэтажное новое школьное здание. Сосновые стены и потолки пахли еще смолой. И учителя были квалифицированные. Впечатление осталось от этой школы хорошее, хотя приходилось рано вставать, чтобы пройти расстояние в 6 километров. И учеба интересная, и внешкольная работа разнообразная. Часто устраивались литературные вечера. К 100-летию со дня рождения Н.А. Некрасова я выступил со своими стихами. Учителя организовали для нас три экскурсии — в Усть-Вымь, в Великий Устюг и в Архангельск. Расстояния немалые — до каждого из первых двух пунктов 200 км, а до Архангельска — 800. И все бесплатно. На этом примере видно, как молодая Советская республика, даже в годы гражданской войны и разрухи, заботилась о просвещении крестьянских детей.

А затем учеба в ближайших «университетах», какими были для нас Яренский и Велико-Устюгский педагогические техникумы. Сначала Яренский педтехникум существовал отдельно, я в нем и учился два первых года (с 1922-го по 1924-й). Потом этот педтехникум ликвидировали, и нас для окончания учебы перевели в Великий-Устюг, где я учился последние два года. Педтехникум и по нынешним оценкам давал хорошую образовательную и профессиональную подготовку, большинство преподавателей были с университетским образованием. Немолодые уже, с большим жизненным опытом, они щедро и умело приобщали молодежь к науке.

В Велико-Устюгском педтехникуме было организовано много кружков, в том числе хоровой, музыкальный (по классу скрипки и духовых инструментов), живописи (ИЗО) и хореографический. Великолепно проходили многочисленные вечера художественной самодеятельности. В них принимали участие, помимо учащихся и преподавателей, учителя города. В числе последних была и А.Я. Колотилова, в дальнейшем — основатель и руководитель знаменитого Северного русского народного хора.

Хорошо была поставлена педпрактика в сельских школах. На выпускном курсе писали дипломные работы (они назывались квалификационными), что обязательно отмечалось и в свидетельствах об окончании педтехникума. Я выполнял работу на тему: «Состояние и очередные задачи политико-просветительной работы в Марденгском сельсовете». Активно работала комсомольская организация. (Я вступил в комсомол в Великом Устюге в феврале 1925 г.)

Все выпускники довоенных и военных лет с огромной благодарностью вспоминают годы своей учебы в Велико-Устюгском педтехникуме. Уникальным свидетельством этого признания являются ежегодные, с небольшими перерывами, слеты ветеранов.

Насколько хороша для меня была духовная жизнь в педтехникуме, настолько трудно было в бытовом отношении. И главное — недоедание. Отсюда и болезни (цинга и обострение туберкулеза левого локтевого сустава). Но лишения мало отразились на общем жизнеутверждающем настрое. Учился я с упоением, жил радостно, пел у В. В. Демидова в хоре, достойно выполнял комсомольские поручения.

После окончания педтехникума меня, отличника, рекомендовали для работы в старшие классы семилетки. Для нас, крестьянских детей, в те годы не было проблемы выбора профессии. Во-первых, объективно, по-бедности, мы могли учиться только в тех учебных заведениях, которые были «под руками». Во-вторых, главный мотив учения был не профессиональный, а общий — учиться, приобретать знания, а в дальнейшем будет видно, к чему их приложить.

Избирательность в науках начала формироваться у меня только на втором курсе педтехникума. Я стал глубже интересоваться биологией и даже просить администрацию рекомендовать

меня для поступления на биофак университета. Последовал отказ под предлогом, что «сейчас стране нужны школьные учителя, а к большой науке вы приобщиться еще успеете». Интерес к биологии сопутствовал мне долгие годы. Но я никогда не стал бы заниматься каким-то узким биологическим вопросом, например изучением какого-то вида животных. Учитель биологии А.А. Черепанов «подкупил» меня проблемой наследственности. Позднее, оказавшись в Москве, я не пропускал ни одной дискуссии между вейсманистами и ламаркистами. Но я не принял муторную экспериментальную работу с дрозофилами. Лучше, думал я, повожусь с детишками, пусть с самыми «отпетыми», но интересными.

Интерес к психологии в педтехникуме не зародился еще и потому, что тогда психология как специальный предмет не преподавалась, а в объеме курса «Педология» ничего привлекательно-психологического не оказалось.

Меня, новичка, учительский коллектив принял хорошо. Быстро наладились добрые контакты как с учащимися школы, так и с населением села Еремеево. Но, к сожалению, вскоре «разгулялся» туберкулез левого локтевого сустава — рука сильно опухла, боль не давала покоя постоянно.

По приговору врачей началась новая страница в моей жизни: в августе 1927 г. я «махнул» через всю Россию — с Северного края в Северо-Кавказский край. В Ростове-на-Дону (в крайоно) мне дали назначение в Неберджаевскую начальную школу Крымского района, что в 30 километрах от Новороссийска. В школе меня приняли хорошо.

И вот 1-е сентября 1927 г. В приподнятом настроении иду в свой класс, где 42 ученика, надеюсь на хорошее начало. Но тут я провалился. Я совершенно не знаю украинского языка, на котором разговаривают (там и на русском тоже говорили) кубанские казаки.

В дальнейшем все наладилось, поскольку я стал понимать тот минимум украинских слов, которые часто употребляют дети. Недаром просиживал над словарем вечера, а иногда и ночи. Дружба между мной и детьми сложилась хорошая.

Я давно стремился продолжать свое образование в вузе. К лету 1928 г. гипс с руки сняли, рука уже не болела. А тут Крымский райком комсомола получил одно место для по-

ступления в Академию коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской. Среди комсомольцев районного центра желающих поехать на учебу в Москву не оказалось. Вспомнили обо мне. Предложение я с радостью принял. Осенью 1928 г. после успешной сдачи вступительных экзаменов я стал студентом.

Академия коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской как высшее педагогическое учебное заведение была создана в 1923 г. В Академию принимались коммунисты и комсомольцы, имеющие среднее образование, опыт работы в учреждениях народного образования. Хотя основным документом для приема была рекомендация местных партийных органов, зачисление проводилось только после вступительных экзаменов. Академия готовила преподавателей средних учебных заведений по общественным дисциплинам, специалистов по школьной и дошкольной педагогике и политико-просветительной работе, а также руководящие кадры для районных, городских и областных отделов народного образования. Срок обучения на основных факультетах был четыре года, из них первые два года считались общеобразовательными.

Я обучался на отделении школ крестьянской молодежи (ШКМ) факультета организаторов политехнического образования (ФОПО). В Академии преподавали Н.К. Крупская и ряд других выдающихся педагогов и психологов (П.П. Блонский, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, П.А. Рудик и др.). На отделении ШКМ во время моей учебы психологию преподавали А.Н. Леонтьев и П.А. Рудик. Лекции Леонтьева не оставили большого впечатления. Его трудно было слушать, в бесконечных периодах терялась главная мысль. Выгодно отличались конкретностью семинарские и практические занятия Рудика. Лучшими для меня преподавателями были профессор биологии Азимов и доцент политэкономии Гожанский (к сожалению, не помню их инициалов).

Я состоял в научном кружке у Азимова, подготовил ряд рефератов по эволюционному учению, заслужил похвалу руководителя и получил предложение остаться на его кафедре после окончания вуза. Этим предложением воспользоваться не удалось. Захлестнули другие дела и поручения.

В те годы партия приняла установку на «омоложение» наркоматов путем привлечения туда компетентных комсомольцев.

К началу 1931 г. я сделал разработку о сельской молодежи к IX съезду ВЛКСМ, а еще раньше по заданию Наркомпроса написал брошюру «Комсомол и всеобуч», изданную в 1930 г. Таким образом, я оказался в Наркомпросе еще в январе 1931 г. и оканчивал Академию досрочно. В целом от студенческих лет впечатление осталось хорошее. Академия жила большой политикой. Студенты были не только в курсе всех дискуссий и событий, но и сами в них активно участвовали.

В Наркомпросе я стал работать в должности инспектора школ колхозной молодежи. В те годы, годы крутой перестройки народного образования, было много интересного, неординарного. Оставалась учрежденческая суета, но не она определяла работу инспекторов, а новые задачи: осуществление начального всеобуча, завершение ликвидации неграмотности, перестройка среднего звена общеобразовательной школы (ФЗС, ФЗУ, ШКМ), подготовка материалов к программным документам партии о школе (постановления ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. и от 25 августа 1932 г.), а потом разработка разного рода документов по реализации этих постановлений.

Жизнь Наркомпроса под руководством А.С. Бубнова была ключом. Работая в Наркомпросе в течение двух лет (с января 1931-го по январь 1933-го), я прошел хорошую жизненную школу. Во-первых, имел счастье лично познакомиться с Н.К. Крупской и выполнять ее отдельные поручения, во-вторых, познакомиться с П.П. Блонским, К.Н. Корниловым, С.Т. Шацким, И.Ф. Садковским и другими учеными, которые активно участвовали в обсуждении вопросов перестройки школы; в-третьих, принимал непосредственное участие в подготовке материалов к вышеуказанным постановлениям партии о школе; в-четвертых, именно здесь, в Наркомпросе, готовя различные методические документы для печати, научился сносно писать, и в этом большая заслуга заместителя заведующего школьным сектором И.И. Барсукова. В прошлом рабочий Сормовского завода, он «вцеплялся» в каждый сформулированный мною абзац, добиваясь того, чтобы мысль была выражена ясно, без словесного тумана.

Под руководством И.И. Барсукова я составил и опубликовал в издательстве Наркомпроса: 1) типовой договор ШКМ и колхоза (совхоза), 2) производственный план в ШКМ, 3) день

коллективизации и урожая в ШКМ. И уже полностью самостоятельно: 1) «Наука и религия» (глава в учебной книге «Колхозный фронт», Учпедгиз, 1931 г.), 2) «Как учителю составить годовой план, рабочий план своей работы и расписание» (ж. «Методика политехнической школы», 1931, № 3).

Очень оживляли мою деятельность служебные командировки в Орловскую, Самарскую, Саратовскую и Архангельскую области.

Росло убеждение, что в Наркомпросе я засиживаться не должен. Инспекторские возможности для приобретения жизненного опыта и профессионального самоопределения я уже использовал. Надо идти опять в школу, чтобы творчески в процессе учебно-воспитательной работы реализовать новые установки и свои замыслы. Я давно присматривался к опытным школам, которые находились в непосредственном подчинении Наркомпроса и именовались «опытными педагогическими станциями». Обнаружилась вакансия на должность старшего научного сотрудника. Заявил свою претензию на эту должность и я. Долго не отпускали с инспекторской работы. Наконец вопрос разрешился положительно. В феврале 1933 г. я уже приступил к работе в сельской опытной школе «Комсомольская отада», что находилась в Михневском районе Московской области.

В этой школе мне удалось при поддержке директора Н.А. Петрова (позднее он возглавлял НИИ истории и теории педагогики АПН СССР) развернуть коллективную научно-исследовательскую работу по теме «Самостоятельная работа учащихся». Здесь я впервые практически столкнулся со сложными вопросами психологии школьников и впервые задумался о том, не связать ли свою дальнейшую судьбу с психологической наукой. В аспекте активизации самостоятельной работы были изучены познавательные и волевые возможности учащихся. Использовались лабораторные методы, но больше — наблюдения и характеристики. Широко применялся хронометраж самостоятельной работы учащихся на уроках. Данные, полученные с помощью различных методов, анализировались и служили основанием для организации обучающего психолого-педагогического эксперимента.

Углубление в исследование такой актуальной и конкретной

темы, как самостоятельная работа, обнаружили у меня слабую психологическую подготовку. Слабой была подготовка и учителей как непосредственных исполнителей. Был организован постоянно действующий теоретический семинар, на занятия которого приглашались ученые из Москвы. В числе их был и известный еще в дореволюционной педагогической психологии профессор А.П. Нечаев. Выступление Нечаева ожидали с нетерпением. Учили апыт встреч с Е.Н. Медынским и другими учеными, которые вникали в работу школы и не жалели ни времени, ни сил для бесед с учителями. Каково же было наше разочарование, когда Александр Петрович в своем коротком выступлении ничего конкретного не сказал, только сделал упор на то, что дети, мол, потому неважно учатся, что мало едят мяса. Работой же школы даже не поинтересовался.

В конце 1934 г. были разработаны «Рекомендации учителю по активизации самостоятельной работы учащихся». К сожалению, они не получили какой-либо оценки со стороны работников Наркомпроса. Тогда уже назревала кампания против педологии. Вгорячах начали причислять к педологии и то, что к ней не относилось, а чаще всего воздерживались от ответственной оценки психолого-педагогических школьных исследований. Обсуждался вопрос и о судьбе опытных школ. Пройдет немного времени и эти школы ошибочно будут ликвидированы, преобразованы в массовые.

В том же году произошло большое событие в моей личной жизни — я женился. Жена Мария Львовна жила и работала в Москве. Надо было объединяться. К тому же я уже твердо решил посвятить дальнейшую свою жизнь психологической науке. Это решение, казалось мне, ассимилирует и мой опыт, и мой интерес к естествознанию и философии.

Вырисовывался и конкретный адресат будущей моей научной подготовки — аспирантура Московского института психологии. А для этого не только уже по семейным обстоятельствам надо быть в Москве, нужно готовиться к конкурсным экзаменам в аспирантуру. Так я с июля 1934 г. оказался в 1-й образцовой школе Сокольнического района г. Москвы на должности завуча младших классов. Проработал в ней год.

Директор школы З.Э. Крейн 4 июня 1935 г. дал мне чересчур хвалебную рекомендацию для поступления в аспирантуру.

В ней, в частности, записано: «Педагогический коллектив под руководством тов. Селиванова достиг огромных успехов в учебной и воспитательной работе, создал до 50 ценных методических документов и до 100 самодельных наглядных пособий.

Тов. Селиванов имеет большую склонность к научно-исследовательской работе: под его руководством были проделаны работы по анализу чтения, письма и почерка, работы по закреплению и повторению, которые помогли наметить конкретные мероприятия педагогам по качественному подъему учебной и воспитательной работы школы.

Рекомендую тов. Селиванова для поступления в аспирантуру без отрыва его от работы в школе».

Так закончилась моя непосредственная работа в школе и органах народного образования. Она дала мне солидный опыт для последующей научной и педагогической деятельности в вузе.

Московский институт психологии в 30-е годы был единственным научно-психологическим центром в стране, если не считать кафедр психологии при некоторых университетах и пединститутах. В нем трудились самые квалифицированные ученые того времени: П.П. Блонский, К.Н. Корнилов, Б.М. Теплов, А.А. Смирнов, С.В. Кравков, В.А. Артемов, Л.М. Шварц, П.А. Шеварев, В.Н. Колбановский, Н.Ф. Добрынин, А.В. Ведёнов и другие. Именно эта группа психологов вкуче с такими учеными, как Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Д.Н. Узнадзе, Б.Г. Ананьев, А.Я. Гальперин, вынесла на своих плечах трудности перестройки психологической науки на философских основах марксизма.

Ко времени моего пребывания в аспирантуре (1935—1938 гг.) эта перестройка в основных чертах была завершена и ученые активно включились в теоретическую и экспериментальную разработку узловых проблем общей и возрастной психологии. В лабораториях института работало много молодых ученых с аспирантской подготовкой. Одновременно в очной аспирантуре учились до 30 человек. В нашей группе было 9 человек из разных городов страны, но главным образом москвичи, окончившие пединститут им. В.И. Ленина. Впоследствии четверо из них станут известными психологами, двое погибнут в первые

же месяцы войны в ополчении, трое проработают всю жизнь доцентами психологии в пединститутах.

Занятия аспирантов были организованы отлично. Каждый работал по конкретному индивидуальному плану, который рассматривался и утверждался научным руководителем. Но были и обязательные семинарские и практические занятия по философии, психологии и иностранному языку. Естественно, что упор делался на самостоятельную работу.

Интересуясь психологией воли, я сразу же стал заботиться о выборе темы своей будущей кандидатской диссертации. После обстоятельного обсуждения мой научный руководитель Константин Николаевич Корнилов одобрил выбор. В конечной редакции тема стала именоваться «Основные вопросы психологии воли». В то время считалось наиболее актуальным сначала критически рассмотреть состояние проблемы воли в психологии, проанализировать вклад в эту проблему основоположников марксизма-ленинизма, четко определить методологические позиции, а потом уже решать более конкретные вопросы психологии воли.

Я раньше других закончил диссертацию и защитил ее в аспирантское время (27 июня 1938 г.).

После аспирантуры мне предлагали работу в одной из лабораторий Института психологии. Я не согласился. Доводы: 1) я не представляю научной работы без педагогической, без постоянного общения с людьми; 2) остаюсь до сих пор заскоружлым селянином, который не может жить без общения с природой, городской шум и суета меня угнетают, стремлюсь к месту, где чистый воздух, трава, тишина, все, что напоминает деревню; 3) не могу нормально жить в нынешних жилищных условиях.

При распределении фигурировали места в Архангельском, Куйбышевском, Пермском, Саратовском, Горьковском и других пединститутах. В конце списка значился Рязанский пединститут, на работу в котором никто из выпускников не претендовал. Я согласился поехать именно в Рязанский пединститут. До этого я был в рязанском крае, меня покорила чудесная природа. И город Рязань — тихий (тогда он был похож на большую деревню: население только 90 тысяч человек, на улицах свежая травка и кое-где коровы пасутся), да и до Москвы близ-

ко. А это обстоятельство важно для продолжения научной работы.

Так я стал типичным провинциальным ученым, сразу доцентом вуза, а потом профессором. Живу и тружусь в старинном городе Рязани более 50 лет и не жалею о своем выборе.

— *Расскажите подробнее о специфике вашей работы.*

— Начну с такого сравнения. Ученый вуза, да еще областного — это совсем не то, что ученый центрального научно-исследовательского института, где и условия несравненно лучше, и одна главная забота — исследование и информирование в печати о полученных результатах. По количеству опубликованной в центральной печати информации нередко и котируется авторитет ученого. В отличие от академической деятельность вузовского ученого, особенно на периферии, складывается из множества педагогических, методических, воспитательных, общественных и собственно научных элементов, одинаково важных для его профессии. Поэтому он как ученый оказывается в невыгодном положении по сравнению с теоретиком или экспериментатором, занятым одним делом. Но у него есть и огромное преимущество перед «академиком» в том отношении, что он, готовя специалистов, испытывает удовлетворение от того, что реально, каждый день и наверняка, приносит пользу обществу. В этом смысле его «лотерея» беспроигрышная. Если за мерку брать рядовых работников той и другой категории, то из кирпичиков деятельности преподавателя вуза складывается деятельность не менее значимая, чем довольно цельная работа научного сотрудника НИИ.

Используя свой пример, ограничусь лишь некоторыми цифрами, которые дают представление о том, что же такое ученый рядового советского периферийного вуза.

Преподавательская работа. За 50 лет работы в Рязанском пединституте я провел в общей сложности не менее 40 тыс. часов учебных занятий и непосредственно мое влияние испытали не менее 20 000 будущих учителей (включая заочников, с которыми я занимался более 15 лет). Если к этому добавить разного рода методическую и кружковую работу, то получается внушительный вклад в подготовку кадров, типичный для каждого вузовского преподавателя.

Научная работа. Не имея штатной лаборатории, работая

из-за недостатка условий во многом «по-ремесленному», мне все же удалось выполнить добрый совет известных советских психологов — К.Н. Корнилова, Б.М. Теплова, В.Н. Колбановского, Н.Ф. Добрынина, П.А. Рудика и др. — не распыляться и по возможности всю жизнь посвятить избранной проблеме. В итоге все мои работы «остержены» так или иначе идеей об особенностях волевой активности человека: теоретические работы о воле и ее формировании — 72 названия; психолого-педагогические работы, главным образом о сельской школе — 28; конкретно-социологические и социально-психологические о селах Рязанской области, о семье, о производственных, школьных и студенческих коллективах — 24; другие работы — 7 названий. Мне не удалось (как В.С. Мерлину и И.В. Страхову по своим проблемам) издать обобщающий академический труд по психологии. Попытки были, но преодолеть ведомственные препятствия не хватило ни сил, ни связей.

Образование научной школы. Подготовка через аспирантуру 30 молодых ученых-специалистов по психологии воли; создание лаборатории, в которой под руководством моего бывшего аспиранта, а потом доктора наук и профессора А.И. Высоцкого успешно велись экспериментальные исследования; организация межвузовских научных конференций (5); систематическое издание сборников (10); мои многочисленные труды позволили ведущим психологам страны квалифицировать наши достижения как появление научной школы и научного центра по разработке вопросов психологии воли. Это подкрепляется и такими фактами, как постоянное расширение связей с учеными Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Краснодара, Горького, Кутаиси, Вильнюса, Курска и других городов, приезжавших к нам на консультации; обсуждение под нашим руководством на съездах Общества психологов СССР вопросов воли человека; публикация моих работ за рубежом (ГДР, Венгрия, Польша, Румыния, Чехословакия, Китай, Франция, Португалия).

Помощь другим научным организациям в подготовке кадров. Оценивать научные труды других ученых — очень сложная и ответственная работа, требующая много времени и собственной подготовки. Получилось так, что, живя в Рязани, я оказывал помощь по психологии, педагогике и философии не столько периферийным вузам, сколько центральным учрежде-

ниям, поскольку защита диссертаций, их экспертная оценка (ВАК), издания трудов и другое осуществляются по преимуществу в Москве. По просьбе Института философии АН СССР, институтов психологии и педагогики АПН СССР, МГПИ им. В.И. Ленина, Ленинградского университета, ЛГПИ им. А.И. Герцена и др. я писал отзывы или выступал в качестве официального оппонента по 36 кандидатским и 19 докторским диссертациям. Авторами последних были также известные в стране философы и социологи, как А.Г. Спиркин и Н.С. Мансуров, другие представители Москвы. В последние годы докторами наук стали мои ученики по аспирантуре: А.И. Высоцкий, В.К. Калинин и А.И. Ушатиков. Проблема их исследований — психология воли.

В Рязанском пединституте с моей помощью докторами наук, кроме А.И. Высоцкого, стали профессора А.И. Кочетов и Г.Н. Пристуга.

Нам давно уже необходима штатная проблемная лаборатория по психологии воли. Несмотря на многочисленные ходатайства, добиться этого не удалось. Сказались ведомственная ограниченность министерств и академических центров по психологии, нежелание приобщить к «большой науке» ученых на периферии, поддержать их не только морально, но и материально — выделением средств для создания лаборатории. Наша лаборатория 20 лет существовала «на общественных началах», а точнее, на энтузиазме А.И. Высоцкого. К сожалению, без централизованных лабораторий остались и такие крупные ученые-психологи, работавшие всю жизнь на периферии, как В.С. Мерлин и И.В. Страхов.

Общественная работа. Без нее не может быть ни одного советского ученого. Однако эта работа в областном вузе неизмеримо шире и разнообразнее, чем в каком-либо центральном. Здесь теснее связь с массами, особенно с рабочими и колхозниками. Нет нужды перечислять общественные, в том числе партийные и депутатские, поручения и обязанности. Остановлюсь только на лекционной работе среди населения. Я читал в разных аудиториях в среднем 60-70 лекций в год. Лишь в последние годы меньше. За 50 лет жизни в Рязани это составило свыше 3000 выступлений. Круг тем поневоле был очень широким, так как надо было отвечать на разные запросы организаций, а специалистов до последних десятилетий в Рязани

было немного. Поэтому читал лекции не только по своей специальности, но и на другие темы (о научной организации умственного труда, по вопросам атеизма, о дружбе и товариществе, психологии руководства коллективами, семейным вопросам, методике пропаганды и др.). Подготовка отнимала много времени, но общение во время лекций с рабочими и колхозниками в условиях производства, с родителями на родительском собрании, с учителями в школе и т.п. всегда приносило огромное моральное удовлетворение.

Были в моей жизни и ошибки. Так, отличаясь требовательностью к себе, я не допускал и мысли, что кто-то из окружающих может поступиться общественной дисциплиной, — умышленно или по забывчивости не выполнит свой долг. В этих случаях у меня не всегда хватало необходимого такта: высказывал претензии порой чересчур резко, а это людей обижало.

В целом я жизнь прожил, по-видимому, правильно. Не согнулся перед трудностями, которых было немало. С большой благодарностью отмечаю неизменно доброе отношение ко мне со стороны руководства и коллектива Рязанского пединститута, многих психологов страны, в числе которых ныне здравствующие ветераны — Е.В. Шорохова, Л.И. Анцыферова, А.И. Щербаков, А.Г. Ковалев, К.М. Гуревич и др.

Проблема психологии воли человека была главной в моих исследованиях. Но не единственной. Много внимания уделялось исследованию педагогических и конкретно-социологических проблем. В рязанский период деятельности они были так или иначе состыкованы с главной проблемой — психологией воли.

Результаты? Какими-либо фундаментальными открытиями в области теории воли мы не располагаем. Сложнейшие и актуальные вопросы воли человека еще ждут своего адекватного решения. Но рязанская группа психологов, осуществив многочисленные исследования проявлений волевой активности у различных по возрасту и социальному статусу людей, несомненно сделала шаг вперед в разработке теории воли. У нас есть своя концепция и подтверждающие ее эмпирические данные. Система понятий, характеризующая функции и механизмы воли, нашла отражение в моих работах, в частности в «Психологии волевой активности» (Рязань, 1974) и «Термино-

логическом минимуме основных понятий воли» (Рязань, 1989).

Прикладное значение наших исследований воли находило отражение в учебных пособиях по психологии и различного рода рекомендациях.

В последние годы некоторые психологи оспаривают нашу концепцию, построенную на прогрессивных идеях предшественников, особенно первого поколения советских психологов, и наших собственных исследований. Тем лучше. Дискуссия подводит черту «обету молчания» по поводу проблемы воли, высокомерному отношению некоторых «ведущих» психологов к исследованиям «периферийщиков».

Только новаторам в области психологии воли не надо спешить с заявкой своих оригинальных концепций, скрупулезно не проанализировав труды своих предшественников и не накопив достаточного количества собственных конкретных исследований.

— *Что мешало вашей исследовательской работе?*

— Если в глобальном плане, то — заблуждения, связанные с порочной системой сталинизма. А в остальном и главным для меня на этот вопрос ответ уже дан. К сказанному добавлю: слабое знание конкретных зарубежных исследований по вопросам саморегуляции и воли. Первая причина — недостаток времени для работы над иностранными источниками, особенно в центральных библиотеках. Перегрузка преподавательской работой затрудняла использование и тех научных командировок, которые скупно давались администрацией. Вторая причина — слабое знание иностранных языков. Я шел в науку, что называется, от сохи. Надлежащей языковой подготовки ни в школе, ни в вузе не получил. Научился лишь со словарем читать и осмысливать фрагменты текста на немецком и английском, да использовать переводы, если они имелись.

А требовалось, бесспорно, свободное владение иностранным языком. В этом отношении мое поколение было, за редким исключением, явно неполноценным. Были у меня аспиранты с инфиковской подготовкой. В своих диссертациях они посвящали целые главы анализу (по первоисточникам) состояния проблемы в современной зарубежной психологии (например, А.И. Самошин о настойчивости в психологии США), но для коллективной работы этого было недостаточно.

— Довольны ли вы своей деятельностью? Осуществились ли ваши научные цели?

— В основном, — да. Но замыслы всегда опережают действительность. Остается сожаление, что не сделал лучше.

— Расскажите о К.Н. Корнилове. Охарактеризуйте его как личность и как ученого. Какова, по-вашему, роль К.Н. Корнилова в становлении советской психологии?

— Мои впечатления о личности Константина Николаевича складывались не только в аспирантские годы, когда он был моим научным руководителем, но и из многих встреч позже. Он был одним из оппонентов на защите моей докторской диссертации. Были встречи и в Рязани, когда он приезжал для чтения лекций по направлению общества «Знание». Не раз обращался К.Н. Корнилов ко мне с просьбой отрецензировать ту или иную работу своих учеников, особенно в спорных случаях, считая, что я как ученый, «стоящий вне московских, не всегда здоровых взаимоотношений» (из письма), могу оценить исследование более объективно.

Это был человек незаурядный. Корнилову удалось «прорваться» в университет (1905 г.), а потом и в науку (1910 г.) из глубин народа, после многолетней работы учителем в глухом селе Алтайского края. Служить трудовому народу — таков был юношеский идеал Корнилова (см.: Л.М. Цыпленкова. Психологические воззрения и научная деятельность К.Н. Корнилова: Канд. дисс. М., 1970). Этому идеалу он оставался верен всю свою жизнь, находясь в среде профессуры Московского университета, в то время в значительной части консервативной, и тем более позже, после Октябрьской революции, которую он принял восторженно. Демократические установки и материалистическое мировоззрение были тем главным источником, который определил судьбу беспартийного Корнилова как инициатора перестройки психологии на основах марксизма.

Еще до аспирантуры я знал много похвального о деятельности К.Н. Корнилова: крупный ученый, талантливый лектор, активный общественник. Личные контакты раскрыли много нового в облике этого человека. Он отличался простотой и скромностью, высокой культурой в общении с людьми, у него полностью отсутствовали амбициозность и высокомерие, от чего не могли и не могут освободиться многие ученые.

Некоторые наши психологи ныне вспоминают о Корнилове, когда речь заходит лишь об ошибках. Однако необходимо отметить, что в первые годы советской власти ни один из прогрессивных ученых, стремясь отрешиться от пороков прежней психологии и построить новую, подлинно научную, не избежал методологических ошибок. Перед психологами, по выражению А.Н. Леонтьева, стояла задача еще только открыть марксизм для себя и для науки. Почин в этом открытии, бесспорно, принадлежит К.Н. Корнилову, и в этом его «огромная, историческая заслуга» (А.А. Смирнов).

Сейчас «задним числом» легко исправлять историю (нужно было, перестраиваясь, не отбрасывать прогрессивные идеи западной психологии, в частности и из фрейдистского учения, а по-научному ассимилировать их и др.). Но ведь спор шел о коренном методологическом повороте. А здесь для психологов не было более прогрессивной философской опоры, чем диалектический материализм. Без корниловского почина, хотя и весьма упрощенного, трудно было ожидать появления в ближайшие годы известных принципов психологии и глубоко обоснованных методологических трудов С.Л. Рубинштейна, этого, несомненно, самого выдающегося советского психолога.

— *Как вы оцениваете нынешнее состояние отечественной психологии, что ей недостает, что в ней можно отметить как положительное? Считаете ли вы, что ее нужно «реконструировать»?*

— Основываясь на своем жизненном опыте и известной мне информации, ограничусь лишь некоторыми пожеланиями.

1. Развитие науки идет по своей логике, во многом отличной от логики развития политики, экономики и культуры. Чтобы продуктивно удовлетворять новые запросы общества, наука должна не копировать перипетии борьбы вокруг нынешних реформ, а проявлять определенную критическую независимость и сдержанность в оценке этой борьбы. История советской психологии дает достаточно примеров потерь, ошибок и искажений, когда психологическая наука понуждалась политикой к очередной «перестройке» то ли по поводу педологии и психотехники, то ли по поводу генетики и кибернетики.

Хочу, чтобы наша психология воспротивилась очередной «ре-

конструкции», навязываемой некоторыми новыми политическими силами.

Особенно модным и напористым ныне является призыв к деидеологизации науки. А ведь он в психологии не имеет абсолютного значения. В одних случаях пристегивание идеологических оценок лишь вредит открытию объективных закономерностей, а в других — без идеологической, нравственной ориентации ученого уже нельзя адекватно интерпретировать и оценивать полученные результаты. Возьмем тот же случай с высокой эффективностью труда, оцениваемой многими как абсолютное благо. Но как только мы зададимся психологическим вопросом о характере мотивации людей к такому труду, то при исследовании сразу же обнаружим «раздвоение» этой мотивации: у одних людей инициатива и усердие в труде мотивируются интересом в возможно высоком заработке при использовании только собственных возможностей, без присвоения труда окружающих, у других — корыстным интересом ради наживы за счет труда подчиненных.

Первая форма инициативы и усердия в труде входит в класс общечеловеческих нравственных ценностей, вторая — исключается из них. Психолог, исследуя волевые или иные качества личности, не может ограничиваться их функциональной характеристикой, а должен доводить дело до анализа нравственного содержания мотивации, чтобы выводы его могли быть адекватно использованы в производственной и воспитательной практике.

2. Бесспорно, первоочередной задачей нашей психологии является преодоление ее изоляции от развития зарубежной психологии, особенно американской и европейской. Основной путь использования всего прогрессивного, что накопилось в мировой психологии, лежит не столько в организации и активном участии в разного рода съездах, конференциях, симпозиумах и совместных разработках актуальных проблем, сколько, по крайней мере на первых порах, в приобщении всей массы наших психологов к иностранным публикациям. Для этого потребуется, по моему мнению, организация в центральных НИИ специальной службы по отбору статей и книг для перевода, с последующим составлением рекомендаций и рассылкой их на места. Без этой помощи рядовой психолог, даже зная иностранный

язык, будет по-прежнему блуждать в море информации, нередко прельщаясь сенсационными, но пустыми по содержанию статьями.

3. Судя по некоторым публикациям, у части наших не в меру «радикальных» психологов проявляется тенденция предавать анафеме все, что создано в отечественной психологии в годы культа и застоя, а потом призыв — впредь делать все, как на Западе. Опасное заблуждение. Нельзя в науке двигаться вперед, оптом отвергнув труд предшественников, критически и скрупулезно не проанализировав все, что ими наработано. А наработано много подлинно научного и прогрессивного, хотя часто и в ложном политическом обрамлении.

Более того, смею утверждать, что у нас лежит мертвым грузом, — не столько в публикациях, сколько в диссертациях, — огромная и ценнейшая информация по психологии, никак еще не использованная. Разобраться бы с этой информацией, отделить зерна от мякины. Но этим никто не озадачен.

Бесхозяйственность и самоедство, к сожалению, у нас в стране проявляются не только в экономике и культуре, но и в науке, в частности в психологии.

4. Нужно преодолеть существующий разрыв в научной работе между центром и периферией, проводить совместные исследования, поддерживать инициативу кафедр психологии и отдельных ученых, работающих в разных городах страны, укреплять региональные центры по разработке узловых проблем психологии.

В этом направлении что-то делалось и раньше, но дальнейшего прогресса не замечается. Больше того, в отдельных случаях наблюдается и движение назад. Например, в прошлом на наших межвузовских конференциях по воле активное участие принимали многие видные ученые Москвы. Среди них — Н.Ф. Добрынин, П.А. Рудик, К.К. Платонов, В.Н. Колбановский, Н.Д. Левитов и др. Но вот по инициативе нынешнего зав. кафедрой психологии, доцента И.И. Купцова в Рязани была организована Всесоюзная научная конференция по проблемам психологии воли (10-12 июня 1991 г.), проведена огромная подготовительная работа, заявлено небывалое количество докладов — 87 из 35 городов страны, кафедрой издано к конференции два сборника. Приехали психологи из Сибири, Казахстана и других

отдаленных мест, из Москвы же никто из числа известных психологов не явился, а ведь приглашались — и до Рязани рукой подать! Выходит, по-прежнему в главных психологических центрах недооценивают проблему воли человека, в то время как со стороны массы психологов интерес к ней растет.

— *Как вы оцениваете нынешнюю психологическую молодежь?*

— И здесь я ограничусь некоторыми пожеланиями. А те, что сформулированы, целиком обращены и к молодежи.

1. Молодые психологи! Не верьте поборникам прагматизма и гедонизма. Приверженность к ним неминуемо приведет к оскудению личности, а потом и ломке всей судьбы молодого ученого.

2. Критически воспринимайте образ мысли и все поучения антикоммунистов. На основе усвоения трудов прогрессивных философов выработайте свою систему взглядов на жизнь и с этой позиции реализуйте свои творческие замыслы без колебаний.

3. Не распыляйтесь в научной работе, постарайтесь сосредоточиться на какой-то одной проблеме, своим трудом реально приближая ее глубокое и оригинальное решение.

4. Активно изучайте труды зарубежных психологов, но не противопоставляйте достижения отечественной и западной психологии друг другу, помня, что все прогрессивное ассимилируется в единой мировой психологии.

5. Пока не поздно, доводите изучение иностранных языков до уровня свободного владения — как в смысле перевода с языка на язык, так и развития разговорного навыка. Без этого вы останетесь такими же неполноценными учеными, как и многие из ваших предшественников.

(записано 5 августа 1991 г.)

В. В. ЧЕБЫШЕВА
(1903-2000)

Впервые опубликовано в «Психологическом журнале» (1992, т. 13, № 3, с. 148—165). В данный вариант текста внесены изменения и дополнения.

Фото из семейного архива В. В. Чебышевой

Варвара Васильевна Чебышева — доктор психологических наук, занималась проблемами психологии труда, психологии трудового обучения, профориентации и др.

В.В.Чебышева родилась 17 декабря 1903 г. в Мценском уезде Орловской губернии. Училась и работала в Орле. В 1926 г. поступила на педологическое отделение педфака 2-го МГУ. По окончании в 1930 г. была направлена на завод им. Дзержинского (г. Днепродзержинск, бывшее Каменское). Работала ответственным исполнителем по профотбору на заводе и в школе ФЗУ того же завода по вопросам производственного обучения. В 1931 г. переведена в Днепропетровский НИИ кадров и организации труда черной металлургии на заведование психотехническим сектором. В конце 1932 г., незадолго до закрытия этого института, была приглашена в Московский НИИ охраны труда в Отдел психологии труда (руководитель — С.Г. Геллерштейн) для работы по вопросам подготовки рабочих металлургов. В 1935 г. перешла в Авиационный научно-исследовательский санитарный институт РККА. В связи с закрытием психологического и физиологического отделов, а затем и всего Института, некоторое время работала в школе. Изучение психологических вопро-

сов летного обучения продолжила в Московском институте психологии сначала по договору, затем в аспирантуре. Занятия в аспирантуре были прерваны эвакуацией на два года — с 1941 по 1943 г. В 1945 г. защитила кандидатскую диссертацию. Результаты исследований по вопросам психологии трудового обучения обобщены в монографии «Психология трудового обучения», защищенной в качестве докторской диссертации в 1972 г. Монографии, брошюры, статьи опубликованы в советской и зарубежной печати. С 1969 по 1974 г. сосредоточилась на вопросах профориентации. Занималась педагогической работой: читала лекции студентам, а также слушателям в институтах усовершенствования учителей и инженеров, вела работу с аспирантами, была консультантом. Неоднократно участвовала в научных съездах и совещаниях, включая зарубежные, была активным членом Общества психологов СССР, избрана почетным его членом.

В. В. Чебышева: «УДОВЛЕТВОРЯЕТ ТО, ЧТО ЗАНИМАЛАСЬ НУЖНЫМ, ИНТЕРЕСНЫМ ДЕЛОМ...»

— Скажите, пожалуйста, Варвара Васильевна, как пришли в психологию, что этому способствовало, кто повлиял на выбор вашего профессионального пути? Какое учебное заведение закончили, с кем из первых наставников-психологов встретились, где потом работали?

— Моя первая встреча с психологической наукой произошла в школе. Орел был всегда одним из крупных культурных центров, родиной множества писателей, ученых, общественных деятелей. И после революции в нем сосредоточилась многочисленная высококвалифицированная интеллигенция, в том числе учителя. Одним из них был прекрасный учитель М.И. Азбукин, преподававший у нас логику и психологию. На его уроках я впервые заглянула в этот новый для меня мир, сложный и интересный. Интерес к психологии возрос на лекциях в вечер-

нем пединституте, открывшемся в Орле (к сожалению, закрывшемся через год). В нем преподавала группа ученых, приехавших из голодного тогда Петрограда во главе с известным японоведом И.О. Конрадом, ставшим ректором института.

По окончании средней школы с 1919 по 1926 г. мне пришлось работать в канцеляриях разных учреждений. Твердое намерение учиться дальше оставалось неизменным.

Надо отметить как одну из особенностей моей биографии то, что почти все учреждения, в которых мне довелось учиться и работать, закрывались: например, биржа труда, где я работала, закрылась с «исчезновением» безработицы, комиссия по эвакуации пленных и беженцев — по завершении эвакуации и т.д. В других случаях причины ликвидации были непонятны, как, например, с пединститутом в Орле, вновь открытым через несколько лет. Прекращали свое существование отраслевые НИИ и лаборатории на предприятиях и т.д. По причинам идеологического порядка перестали функционировать педологическое отделение педфака, психологическая и физиологическая лаборатории НИИ авиации, а затем и весь институт (вновь открытый после войны, но под другим названием). При этом бывшим педологам и психотехникам было милостиво разрешено поступать без экзаменов на первые курсы вузов.

Наиболее устойчивым местом моей работы стал Московский институт психологии (ныне Институт общей и педагогической психологии АПН), в котором я проработала около 40 лет. Однако и тут пришлось прервать работу и выйти на пенсию. Но начатые дела с их внеинститутскими связями не могли прерваться, и я продолжала работать, так сказать, «внештатно» еще более десяти лет (были опубликованы две книги, ряд статей; участвовала я в работе научных совещаний, Ученых советов и др.; занималась рецензированием, оппонированием на защитах диссертаций и т.д.).

В 1926 г. я получила возможность продолжить образование и поступила на педологическое отделение педфака 2-го МГУ (позднее — Пединститут им. Бубнова). Этот выбор был сделан по двум соображениям: 1) появилась возможность изучать самую сложную и интересную, как мне казалось, науку — психологию человека, 2) привлекала действительно обширная общеобразовательная программа при моем стремлении к образова-

нию. И эта часть программы осуществлялась высококвалифицированными преподавателями. Пример — курс элементов высшей математики и статистики, который вела крупный математик и блестящий педагог О.Н. Цубербилер. Кроме знаний я получила и важный урок по психологии. До этого и я, и большинство моих сокурсников не очень-то проявляли интерес к математике. А тут он возник, все успевали, и я убедилась в своей способности постигать ее.

Обширна и разнообразна была программа по психологии. В нее входили: общая и экспериментальная психология, детская, педагогическая, сравнительная психологии, психотехника, психопатология, а также общая физиология и физиология высшей нервной деятельности (читал Д.С. Фурсиков, рано умерший, один из самых талантливых учеников И.П. Павлова), общая антропология и др.

Объемно была представлена педология. Отношение к ней складывалось непросто. Был убедителен замысел построения науки о целостном развитии ребенка на основе синтеза психологических, социальных и биологических данных как научной базы всей практической учебно-воспитательной работы школы, осуществляемой с помощью школьных педологических кабинетов. Но наряду с привлекательностью теоретических и практических задач попытки их решения (а это были первые попытки) нередко вызвали весьма скептическое отношение. Были и попытки противопоставления педологии и психологии, злоупотребления тестами при отборе детей во вспомогательные школы и т.д. Скептическое отношение вызывал, например, И.А. Арямов; зато увлекали лекции П.П. Блонского и Л.С. Выготского, осуществлявших психологизацию педологии. Блонский читал педологию школьного возраста и педагогику, Выготский — педологию подростка и методы преподавания педологии и психологии в техникумах. Эти талантливые, оригинальные ученые воспитывали у нас вкус к исследовательскому подходу в решении практических задач, требовательность к себе, стимулировали интерес к практическим задачам психологии. Видимо, поэтому общая психология, имевшая ограниченные возможности в решении этих задач, вызывала у нас меньший интерес.

Интерес к прикладной психологии возрастал с появлением на четвертом курсе основателей отечественной психологии труда

и психотехники И.Н. Шпильрейна, С.Г. Геллерштейна, Н.Д. Левитова. В 1921 г. начинала разворачиваться их работа, и основным ее содержанием был профотбор. Вскоре на первый план вышли проблемы упражняемости, развития способностей, вопросы производственного обучения. Так, начиная со студенческих лет основной круг моих интересов в области психологии был связан с проблемами развития способностей личности. Одновременно, как это случилось и с педологией, скептическое отношение вызывали некоторые применяемые методы профотбора; психотехника была оторвана от общей психологии.

С такими настроениями я получила в 1930 г. направление на работу в г. Днепродзержинск на металлургический завод. В те годы возникало множество психотехнических лабораторий во вновь создаваемых специальных институтах, решавших прикладные задачи. Так, во всех основных отраслях промышленности были созданы институты промышленных кадров. Психотехнические лаборатории создавали и сами предприятия. Мне довелось работать в такой лаборатории при металлургическом заводе, затем в Институте кадров организации труда и кадров черной металлургии. Были такие лаборатории в угольной, нефтяной промышленности и др.

По окончании педологического отделения мы имели квалификацию педологов и психотехников. Фактически это была работа в области педагогической психологии и психологии труда.

Хочу рассказать о некоторых забытых или неизвестных «штрихах» нашей истории психологии труда, представляющих, может быть, не только исторический интерес.

Довольно большое количество выпускников педологического отделения были направлены на работу в лаборатории, имевшиеся в те годы в отраслевых институтах и на предприятиях. Некоторые их труды публиковались в малоизвестных малотиражных журналах, большинство же осталось в архивах. Это были материалы по прикладной психологии. В них не ограничивались использованием уже имеющихся данных, а выдвигали новые проблемы, требовавшие специальных исследований, их продолжения. Получаемые результаты могли представлять теоретический интерес. Выдающимся примером их значения для развития теории может служить известное исследование Б.М. Тепловым деятельности полководца, обогатившее психо-

логическую науку главой о практическом мышлении. Его результаты публиковались в военном журнале, во фронтовой газете и в научных общепсихологических сборниках.

Наряду с решением практических задач нас привлекала исследовательская работа более широкого значения. Приведу отрывок из случайно уцелевшего письма тех лет моего сокурсника Владимира Авдеева, работавшего в Баку в психотехнической лаборатории Института «Нефтебезопасность» (такие же лаборатории были, например, при Харьковском электромашзаводе и ряде других):

«Назначили меня заведующим лабораторией индустриальной психотехники... Теперь к моей радости ликвидировали лаборатории... Я был превращен в старшего научного сотрудника с окладом 400 рублей. Смысл реорганизации — полная самостоятельность и ответственность работника. Каждый должен дать в течение года работы, имеющие как минимум практическое значение. Иначе ему предлагают подать заявление об уходе. Резко, но здорово... Я никогда так не интересовался работой, как сейчас... Начал изучение наиболее ответственного и тяжелого момента в процессе бурения. Проверил влияние учета работы на производительность труда. Результат положительный. Выявил два фактора, влияющие на длительность операций и опасность травмирования. Оба фактора поддаются рационализации. Ободрило, что можно сделать что-то реальное. Сейчас взял небольшие темы практического значения, с тем чтобы в процессе работы, читая и размышляя, найти что-нибудь интересное и этим потом заняться... Как и ты, стремлюсь к работе, в которой было бы побольше психологии. Готовился к теме по экспериментально-психологической оценке пульта управления бурильным станком. Хотел поработать над методом оценки вместо оценок и предложений «от здравого смысла» или исходящих из самых общих психологических данных. Но этим не пришлось заняться. Переключили на разработку методики профотбора операторов и сгонщиков нефтеперегонных заводов. Тема скучноватая. Может быть, в процессе работы выплывет что-нибудь интересное. С бурильщиками закончил, осталось напечатать».

Он же пишет о работе по педологии своей жены М. Норманской, нашей однокурсницы: «У нее работа от Райздрава по всесоюзной диспансеризации подростков. Экспериментальные обследования, заключения о распределении по цехам вновь принятых, о продвижении, помощь неуспевающим... Психотехники из породы «арапов» зарабатывают большие деньги. Муська подрядила меня читать ей лекции по психологии и психотехнике с обязательными практическими выводами».

— Как в дальнейшем развивались события вашей профессиональной жизни?

— По заявке завода я была направлена на должность ответственного исполнителя по профотбору, введенную по примеру такого же металлургического завода (им. Петровского) в соседнем Днепропетровске. Там эту работу вели врачи, пользуясь тестами Левитова—Толчинского. В работе мне была предоставлена полная свобода действий. Прежде всего я организовала медицинский профотбор, крайне необходимый такому заводу. Однако наряду с участием в психологическом профотборе основной моей работой стала организация педологического кабинета в ФЗУ того же завода, где готовили рабочих множества профессий от столяров и обмотчиц до сталеваров и прокатчиков. Такое решение объясняется тем, что, как я уже упоминала, начиная со студенческих лет, меня больше всего интересовали проблемы развития личности, условия развития способностей. И в дальнейшем в мои работы по психологии труда рабочих, летчиков входило изучение и специальных умений и навыков (интеллектуальных, сенсорных, двигательных и др.), условий их развития, взаимодействия, переноса... Важное место в плане работы кабинета занимали заявки дирекции и педсовета (я была членом педсовета). Первый заказ кабинету — разработка рационального режима чередования теоретических занятий с работой учащихся на производстве. К работе пришлось привлечь преподавателей, школьных врачей. Для основных групп профессий (прежде всего для горячих цехов) было разработано несколько вариантов режима и проведено их сравнение по данным учета успеваемости, по показателям успеваемости, включая тесты, опрос учащихся, мнения преподавателей и мастеров производственного обучения. Изучались причины неуспеваемости в группах котельщиков и др., характеристика нового набора учащихся, разрабатывались рекомендации для работы с ними... Ритм был очень интенсивный. Результаты работы кабинета вызвали интерес в Днепропетровском НИИ кадров и организации труда черной металлургии. Они докладывались в Москве на сессии педологов и психотехников, работавших в системе Наркомтяжпрома, и опубликованы затем в журналах «Робитныча освіта», «За промышленные кадры», «Кадры металлургической промышленности». Мне была предложена работа

по совместительству, а потом — перевод в Днепропетровский институт (на заведование психотехническим сектором, где уже работали четверо моих сокурсников: Л. Розет, А. Крючкова, М. Левина и А. Будникова). Тема «Рационализация обучения рабочих металлургов» отвечала моим интересам.

Из отдела кадров Наркомтяжпрома в Институт поступило ответственное задание: дать заключение о возможности обучения подростков в основных цехах металлургических заводов. Вопрос встал в связи с тем, что с осуществляемым тогда переходом к семилетнему образованию возникал разрыв в несколько лет между возрастом выпускников школ и возрастом тех, кто допускался к обучению профессиям горячих цехов. До этого группы комплектовались главным образом из переростков сельских школ. Нужно было изучить эти профессии, условия и постановку обучения, а также психофизиологические особенности ребят 15—16 лет. К работе были привлечены сотрудники местных медицинских учреждений (Института гигиены и патологии труда и др.). Было выяснено, что определенная группа подростков может обучаться в горячих цехах, но только при соблюдении определенных требований к гигиеническим и другим условиям обучения. Материал был опубликован в журнале «Кадры металлургической промышленности». Директор Института возил ее даже в Москву на отзыв авторитетам, в том числе главному психотехнику И.Н. Шпильрейну, который дал положительную оценку и сказал, что включит наш доклад в программу очередного психотехнического конгресса в Женеве. Выполнить обещание он не смог: был арестован, репрессирован, умер в ссылке и реабилитирован посмертно*.

— *Расскажите о репрессиях подробнее...*

— О происходящих в стране репрессиях мы знали кое-что из печати и по отдельным случаям. Вдруг исчез директор Днепропетровского НИИ кадров Вольпер. Вскоре в Москве исчез Шпильрейн и другие психотехники. Даже в моей скромной биографии было такое.

После закрытия Орловского пединститута часть студентов

* См. подробнее об И.Н. Шпильрейне: *Кольцова В. А., Носкова О. Г., Олейник Ю. Н.* И.Н. Шпильрейн и советская психотехника // Психол. журн. 1990. Т. 11. № 2. С. 111—133.

уехала доучиваться в Москву и в Воронеж. Приезжая на каникулы, мы собирались как бывшие члены литкружка при Тургеневском музее в боковой его комнате. Однажды во время такой встречи нас арестовали, но скоро выпустили. Кто-то донес, будто это была политическая сходка. Через несколько лет я узнала, что за мною тянется «дело». Перед выпуском из вуза до меня дошла такая информация: я «заподозрена в карьеризме». Дали понять, что мне не место в аспирантуре, куда я совсем не стремилась (видимо, разговор этот был связан с тем, что меня в нее рекомендовали по педагогике Свадковский, по педологии — Радин, приглашал к себе и Геллерштейн). Я охотно поехала по направлению на Украину на завод.

Через несколько лет узнала, что и туда за мной ехало «дело». Об этом сообщил мне бывший чекист Е. М. Краморов, перешедший по болезни на преподавательскую работу в ФЗУ, где я работала. Местными органами ему было поручено наблюдать за мной, что он и исполнял. Часто заходил ко мне в кабинет, говорил о непорядках в стране, в городе, на заводе. Я в ту пору организовала работу по изучению режима труда учеников и предложила ему как преподавателю: поскольку он не знает, как потушить горящий газовый факел над заводом, по поводу которого он сокрушался, то пусть лучше поможет нам в сборе материалов. Он помогал исправно. А о моем «деле» рассказал несколько лет спустя в Москве. Заверяя, что «дело» тогда прекратили при его содействии.

— Ишак, вы еще работали в Днепропетровском НИИ кадров и организации труда черной металлургии, но вскоре должны были перевестись в Москву...

— Да, работа в Днепропетровске усложнялась, росла потребность в общении с московскими научными центрами. Стало известно о надвигающейся ликвидации нашего Института. А жилось нам нелегко: обитали в «углах» у местных сотрудников, неважно было с питанием. Меня пригласили работать в Московский институт охраны труда в металлургическую секцию (руководитель — Ю.И. Шпигель) психологического отдела (руководитель — С.Г. Геллерштейн).

Здесь работа велась в большом коллективе при участии физиологов, инженера, мастера с завода «Серп и молот». Тема — рационализация обучения сталеваров. Изучались сенсорные

умения и навыки и интеллектуальные процессы. Я исследовала интеллектуальные процессы в труде сталевара. Основное внимание уделялось предупреждению и устранению неполадок в работе мартеновских печей как одной из наиболее сложных и специфичных проблем. Важность ее, помимо непосредственного значения (возможности больших материальных потерь и опасность для окружающих), связана с высокими психологическими требованиями к работнику — способностью быстро решать самые сложные задачи в экстремальных условиях. Разработанные рекомендации к постановке обучения вошли в некоторые учебные пособия. Результаты исследования получили одобрение на совещании работников профтехобразования и были опубликованы в сборнике трудов Института, а спустя много лет — в «Научных трудах» НИИ профтехобразования (№ 6, 1974), использовались они также в педагогическом исследовании В.Н. Ковырчева, защищенном им в качестве кандидатской диссертации,

Я останавливаюсь на этом потому, что, к сожалению, многие исследования по психологии производственного обучения (да и другие) прерываются, не достигнув конечных результатов. Эти исследования состоят из шести этапов: 1) изучение психологических особенностей профессии, 2) разработка требований к постановке обучения, 3) разработка программы и методов обучения в соответствии с требованиями, 4) экспериментальное обучение с их применением, 5) организация массового внедрения, 6) изучение общепсихологических вопросов, возникших в исследовании. Моя работа по данному исследованию была прервана в период перехода к третьему этапу и продолжена только после многолетнего перерыва. Работа, проведенная в Институте охраны труда, требовала продолжения уже не на заводе, а в системе Госпрофобра.

В 1935 г. меня пригласили в Авиационный научно-исследовательский санитарный институт РККА в психологический отдел, которым руководил С.Г. Геллерштейн.

Основатели советской психологии труда И.Н. Шпильрейн и С.Г. Геллерштейн возглавили группу первых психотехников, создав необыкновенно дружный коллектив. Они отличались высокой культурой, глубокой научной эрудицией, были очень порядочными, доброжелательными людьми, относившимися с

большим вниманием к окружающим. Работа психотехников 20—30-х годов, трудившихся в Москве, получила освещение в двухтомном сборнике, над которым работал в последние дни своей жизни Соломон Григорьевич*. В нем намечены пути дальнейшего развития психологии труда, инженерной психологии. Вышел он в 1969 г. тиражом всего 980 экземпляров и заслуживает переиздания. Н.Д. Левитов так же, как Шпильрейн и Геллерштейн, владел несколькими языками, был знатком зарубежной литературы. Он — автор ряда известных трудов в разных областях психологии (включая психологию труда), создатель новой области психологии — области психических состояний человека. Психотехники проявляли заботу о молодежи. Я, например, испытывала ее постоянно, начиная со студенческих лет, в том числе со стороны Николая Дмитриевича Левитова. Он «заставлял» меня писать докторскую диссертацию, а когда она была, наконец, написана, предложил себя в оппоненты. Его посещения нашей лаборатории, особенно для молодых, были событием, оригинальным, полным остроумия. Он поручил мне написать рецензию на его книгу «Психология труда» для «Вопросов психологии». В 1972 г., когда наша лаборантка Зина Морозова понесла Николаю Дмитриевичу домой мою диссертацию на отзыв, ей никто не открыл дверь. Она села на ступеньку лестницы, ожидая появления кого-либо. Когда пришли и открыли дверь, оказалось, что Н.Д. Левитов скончался. Вместо него на моей защите выступал К.М. Гуревич.

Работа в НИИ авиамедицины, где я изучала вопросы летной подготовки, позволила мне исследовать развитие профессиональных способностей в труде, предъявляющем высокие требования к скорости, точности сложных действий в ответственных условиях. В Институте для этого были созданы благоприятные условия. Имелись два самолета, на них с помощью двух квалифицированных летчиков мы «подпольно» — во время обязательных для сотрудников полетов — обучались летному делу. Я начала с изучения тренажеров, применяемых для наземной подготовки летчиков. В числе этих тренажеров был и планёр. Тренажеры в то время стали применяться все более широко. Необходимо было проверить, обеспечивается ли при их приме-

* *Геллерштейн СТ.* Психология труда. М., 1969. Ч. 1,2.

нении перенос результатов упражнений в условия полета. Проверка показала, что некоторые тренажеры не отвечали назначению, например применяемый во всех летных школах «Журавль» для обучения определению расстояний до земли на посадке. Требовалось психологическое обоснование и методов их применения. Наметился план расширения этой работы. Тогда же на слете парашютистов я провела работу под названием «Парашютисты о себе». Было начато и лабораторное исследование реакции на беспорядочно появляющиеся раздражители. Я была назначена бригадиром группы для продолжения исследований в лаборатории при Качинской школе. Работу пришлось прервать в связи с уходом в декретный отпуск.

В 1936 г. вышло постановление о педологии. Закрыли сначала психологическую лабораторию, затем физиологическую, куда я была приглашена после закрытия первой. Потом закрыли и весь Институт. Он открылся после войны, но под другим названием.

Возможность продолжать прерванное изучение психологии летного обучения возникла с организацией лаборатории летных навыков в Московском НИИ психологии, куда меня пригласил ее организатор Л.М. Шварц (для работы по договору). Исследования, начатые в естественных условиях обучения, продолжались в лаборатории. Я предложила две темы: реагирование на быстро движущиеся объекты и совмещение действий при управлении полетом по приборам. Для работы по первой теме институтский умелец изготовил установку с движущейся лентой по примеру, заимствованному мной в лаборатории Н.М. Добротворского в Авиационном институте (этой установкой воспользовался и А.И. Богословский, изучавший тогда навыки различения силуэтов самолетов). Результаты исследования показали очень высокую упражняемость навыка, значительные индивидуальные различия и ряд существенных его особенностей. Для второй работы — по изучению навыков совмещения действий — я использовала кабину Линка (для обучения «слепому» полету, т.е. по приборам), ранее примененную Е.В. Гурьяновым. Ее восстановил и снабдил оригинальным устройством для регистрации действий обучаемого один мастер, которого я разыскала в МАИ. Были определены этапы развития этого навыка и их психологическое содержание, влияние усложнений

и требования к методам обучения этому широко распространенному в трудовой деятельности навыку. Данная работа была защищена в 1945 г. в качестве кандидатской диссертации. Обе они не разрешались для открытого пользования (хотя ничего секретного в них не было) и вышли в свет только в 1958 г. Они составили первый цикл исследований, проведенных мной в Институте психологии, и были последними моими работами по авиационной психологии. Лабораторию летных навыков после гибели на фронте Л.М. Шварца закрыли. Работа продолжалась и расширялась во вновь открытом Авиационном институте и другими учреждениями, особенно интенсивно с развитием космонавтики.

Мое обучение в аспирантуре сложилось непросто. Началось с того, что за работу по изучению реакции на движущиеся объекты и влияния на нее гипоксемии, проведенную по договору, мне не заплатили, поскольку я стала аспиранткой института. Научным руководителем назначили Л.М. Шварца, который пригласил меня работать, как я уже упоминала, по договору. Накануне войны я сдала кандидатский минимум, наметила план работы. Но Лев Михайлович ушел в ополчение и вскоре погиб. Меня с ребенком отправили в эвакуацию, где я пробыла два года. Когда вернулась, директором был А.А. Смирнов, а лаборатории авиационной психологии больше не существовало. Моя тема оказалась вне тематики Института, и директор взял на себя руководство.

В послевоенные годы в Институте создали лабораторию психологии труда и трудового обучения. Содержание работы, руководство ею и ее состав часто менялись (руководителями были Е.В. Гурьянов, Т.Е. Егоров, Н.Н. Волков, А.А. Смирнов). Направление своих исследований мне удалось сохранить.

По предложению руководства обувной фабрики им. Капранова было организовано изучение приемов передовых рабочих в целях их распространения. При изучении работы группы заготовщиц были выявлены значительные устойчивые различия их индивидуального темпа работы. Для каждой из них определили три уровня присущего им темпа работы: максимальный, преобладающий средний и минимальный. Работа лучших заготовщиц в течение месяца отличается высоким темпом, у остальных же наблюдаются значительные снижения его по срав-

нению с доступным каждой из них высоким уровнем. Такие снижения всегда связаны с отступлениями от рациональных приемов работы и организации труда. Исследование было продолжено в том же цехе в период перехода на конвейерную работу. Лучшие заготовщицы легко освоили темп движения конвейера. Другим пришлось работать более равномерно, чем раньше, не допуская нарушений в приемах и временного снижения темпа. Некоторые не справлялись с темпами работы, и им пришлось уменьшить сменное задание: общий ритм был освоен ими через полтора месяца. Наши предложения по организации труда заготовщиц были приняты руководством фабрики. Статья с изложением результатов работы опубликована в сборнике фабрики «Наш опыт».

Для изучения особенностей формирования индивидуального темпа работы были проведены два исследования — в лабораторных условиях и в профтехучилище с шестимесячным сроком обучения (так что мы имели возможность проследить полный курс обучения). Лабораторные эксперименты позволили раскрыть существенные особенности процесса формирования скоростных навыков. Повышение темпа не является простым ускорением движений, а приводит к существенному изменению психологического содержания деятельности — его целей, особенностей процессов восприятия, внимания и т.д. В результате упражнений темп, требующий ранее максимального напряжения, становится легкодоступным, удобным. Ухудшение качества (точности) действий вызывает не только чрезмерное ускорение, но и значительное снижение темпа. Изучение формирования рабочего темпа у учащихся профтехучилища показало его зависимость от таких особенностей личности, как отношение к работе, интерес к профессии, степень активности в процессе обучения и др. Изучение рабочего темпа составило второй цикл исследований, проведенных мною в Институте психологии.

Долгое время традиционным объектом изучения в психологии труда были слесари, токари и ткачи. С техническим процессом, автоматизацией производства возрастает значение профессий, связанных с контролем и регуляцией работы механизмов. Третий цикл моих институтских работ бы посвящен изучению сложной современной профессии наладчиков автоматизированного оборудования. Для этого создали бригаду, в которую вошли

В.Я. Дымерский, И.С. Якиманская, Р.Т. Сверчкова, Ю.Е. Сосновикова. Изучение профессии наладчика показало, что при овладении наладочными и ремонтными работами важное значение имеет решение мыслительных задач. Возникла необходимость изучения особенностей технического и практического мышления наладчиков, технического диагностирования, общетрудовых умений и навыков планирования, организации, контролирования и др. Результаты опубликованы в ряде статей и в отдельной брошюре «Психология труда и производственное обучение наладчика» (1966).

В процессе изучения практических вопросов трудового обучения возникает необходимость исследований по общим вопросам психологии обучения. Группу таких работ, проведенных в Институте психологии, можно выделить в четвертый цикл моих исследований этого периода. Сюда входят классификация трудовых умений и навыков, изучение особенностей специальных их групп (ручных, сенсорных), а также имеющих широкое общетрудовое значение (планирование и организация своей деятельности, самоконтроль), связанных с развитием общих способностей и черт личности. В эту группу входят и работы по изучению методических вопросов (например, объяснения и показа) и др.

Исследования по психологии трудового обучения были обобщены в монографии «Психология трудового обучения» (1969), защищенной в качестве докторской диссертации (1972). Монография была опубликована и за рубежом.

— *Расскажите об Институте общей и педагогической психологии Академии педагогических наук, который называют «домом советских психологов», и о вашей деятельности там.*

— Советская психология труда впервые возникает (как пишет А.А. Смирнов в книге «Развитие и современное состояние психологической науки в СССР») в Институте психологии при Московском университете. В истории советской психологии Институт занимает особое место. Он «прошел» сложный путь от Института экспериментальной психологии Г.И. Челпанова до того периода, когда в 1971 г. был заслуженно награжден орденом Трудового Красного Знамени. На одном из совещаний видный представитель «могучей кучки» советских психологов

Б.Г. Ананьев справедливо назвал его родным домом советских психологов. Под отеческой кровлей этого дома (специально построенного и подаренного Институту московским меценатом Щукиным в память о близком человеке; мраморная доска об этом, может быть, еще уцелела в подвале дома) и сложилась «могучая кучка» советских психологов, которые долгое время не только не получали наград и признания, но и не имели порой прожиточного минимума. Большим праздником был выход в 1940—1941 гг. двух томов «Ученых записок Государственного научно-исследовательского института психологии» тиражом по 400 экземпляров. Немало было трудностей, ошибок, испытаний, но не иссякал в Институте творческий дух.

Заслуга Института и в том, что он оберегал и защищал разные направления и группы. В списке трудов Института представлены все области психологической науки. Одни из них возникли и сложились в стенах Института, другие прошли важные этапы своего развития. Работа Института протекала в дискуссиях и противоборстве, начиная с первых выступлений учеников Г.И. Челпанова — П.П. Блонского и К.Н. Корнилова.

При обсуждении спорных тем и направлений директор А.А. Смирнов решал: «Пусть теплится!» — и терпеливо ждал результатов поисков. Среди видных ученых, работавших в Институте и сыгравших важную роль в развитии психологии, особое место занимали А.А. Смирнов и Б.М. Теплов. Они как бы дополняли друг друга. На плечи Смирнова ложился тяжелый груз организационно-административной работы. В вопросах науки большую роль играл Теплов. Он всегда занимал особое место как безусловный, общепризнанный авторитет для многих советских психологов. Его суждения всегда были четкими, беспристрастными и излагались (устно и письменно) предельно ясным языком.

Сохранил Институт и свои кадры в те годы, когда в научных институтах, в том числе и в системе Академии педагогических наук, по доносам и приказам «сверху» увольняли множество людей. Все же и тут был такой случай. Талантливый психолог, художник и математик Н.Н. Волков был уволен приказом президента АПН по ложному доносу. Он занялся живописью и был потерян для психологии. Когда же он был в психологии, в небывало короткие сроки провел ценные исследова-

ния, защитил докторскую диссертацию. Руководство Института, вынужденное выполнить другое подобное распоряжение, сумело дотянуть дело до «оттепели» и сохранить ценного работника. Порядочность была в традициях Института. Не случайно и теперь его называют институтом Теплова—Смирнова. История «дома советских психологов» ждет своих авторов. Нуждается в сохранении и архив Института, включая уникальное собрание фотографий (если они уцелели). Это необходимо сделать срочно.

В конце 1968 г. директор А.А. Смирнов предложил мне организовать лабораторию психологических проблем профориентации школьников. Лаборатория просуществовала до 1974 г. Разработка проблемы профориентации в Институте протекала неровно. Складывалась она в рамках педагогической психологии и психологии труда. После постановления о педологии в 1936 г. работы по психологии труда и по профориентации в значительной степени свертываются. Вновь они возобновляются уже в послевоенные годы.

В 50—60-е годы основное место занимают исследования по психологии трудового обучения. Вопросы же профориентации до 1969 г. в планы работы Института не входят (так, в программе совещания по проблемам трудового воспитания, которое проводилось Институтом в 1961 г., вопросы профориентации вовсе не упоминаются). Однако исследования этого, очевидно, необходимого компонента трудовой подготовки молодежи начались и постепенно получили дальнейшее развитие как внеплановая работа.

Вначале это было связано с общим расширением исследования по психологии труда, куда входит и профориентация. Устанавливались связи с рядом учреждений, учебных заведений, предприятий: Минпросом, Управлением трудрезервов, Минздравом, Госкомитетом по труду и зарплате и др. (в 1956 г. мне, например, пришлось выступать с докладами по этим вопросам в Минздраве, в Управлении трудрезервов, в МГУ, Научном институте авиационной технологии и др.).

Доклады делались и на Ученом совете самого Института и в Обществе психологов СССР. В 50—60-е годы сотрудники лаборатории психологии труда и трудового обучения Института участвовали в организации и проведении совещаний по вопро-

сам профориентации, в подготовке разного рода материалов и документов, выступали с докладами, лекциями, статьями, а также в качестве советников и рецензентов по этим вопросам. В 1957 г. Институт психологии АПН организовал Всесоюзное совещание по психологии труда, имевшее переломное значение в ее развитии. Это было широкое совещание, в котором участвовали наряду с психологами и педагогами представители ряда ведомств, промышленности, авиации (в том числе генерал авиации М.М. Громов) и др. На нем рассматривались не только результаты конкретных исследований, но также теоретические вопросы и программа работы в области психологии труда. В основном докладе (авторы — Е.В. Гурьянов, Д.А. Ошанин, В.В. Чебышева) и в резолюции совещания указывалось на необходимость разработки научно-психологических основ профориентации и профконсультации молодежи. Доклад и резолюция были опубликованы у нас в стране и за рубежом.

В 1959 г. состоялось расширенное заседание Президиума АПН, посвященное задачам организации работы по профориентации школьников. В решении Президиума по докладам двух институтов АПН — НИИ педагогики и НИИ психологии (докладчики — Б.Г. Ананьев и В.В. Чебышева) — указывалось на необходимость разработки теоретических основ этой работы и ее организации в школах. Было предложено также для постановки этих задач перед психологической и педагогической общественностью подготовить статьи для журналов «Вопросы психологии» и «Советская педагогика». Статьи касались подготовки учащихся средней школы к выбору профессии и были опубликованы в том же году (авторы — В.В. Чебышева, О.И. Галкина, Л.М. Зюбин).

Сделанная Минпросом РСФСР попытка начать работу по профориентации в школах в 1961 г. без достаточной подготовки существенных результатов не дала.

В стране расширялась исследовательская работа, были созданы специальные лаборатории в Ленинградском НИИ профтехобразования (Е.А. Климов), в НИИ трудового обучения (Л.Л. Кондратьева, И.П. Титова, А.Е. Голомшток), в Украинском НИИ психологии (Назимов, Федоришин) и др. Проводились специальные совещания в Киеве (1966 г.), в Ленинграде (1968 и 1969 гг.). Активное участие в них приняли сотрудники

Института психологии АПН. Они выступили с докладами и статьями за рубежом.

В процессе всей этой работы еще до создания в Институте специальных лабораторий сложилась и получила известное развитие концепция профориентации, положенная в основу работы лаборатории. В конце 1968-го — начале 1969-го в Институте были созданы две лаборатории для исследования 1) проблем профпригодности и психодиагностики (руководитель — К.М. Гуревич) и 2) психологических проблем профориентации (основная из них — профессиональные требования; руководитель — В.В. Чебышева).

В штат второй лаборатории вошли 5 человек (включая заведующего и лаборанта) и 6 аспирантов. План работы был составлен исходя из следующих соображений. Поскольку в области работы по профориентации все еще не определено значительное отставание в разработке ее научно-психологических основ от развертывания практической работы, в первую очередь необходимы исследования наиболее актуальных, но недостаточно разработанных, практических проблем. Сюда относятся изучение условий и методов активизации процесса профессионального самоопределения личности, оказания помощи в его осуществлении в учебной и трудовой деятельности. Работой над этой проблемой были заняты все аспиранты лаборатории.

Первоочередное значение имеет также проблема создания условий для практического ознакомления школьников с основными областями и видами трудовой деятельности, с достаточно широким кругом профессий. Разработка программы этой работы для всех этапов обучения требует совместных усилий психологов и педагогов. Ее организация требовала увеличения штата и была включена в перспективный план лаборатории.

Изучение психологических профессиональных требований, создание научной профессиографии (в отличие от описательной) как основы профориентации требуют изучения с применением сравнительно-генетических методов развития профессионально важных качеств личности в процессе овладения мастерством. Такие исследования имеют широкое, в том числе общепсихологическое, значение.

Нуждаются в научном обосновании также и методы рабо-

ты по профпросвещению, формы профессиографии и методы ее использования в соответствии с задачами информации и активизации профессиональных интересов молодежи.

В план работы были включены следующие темы: 1. Задачи и состояние работы по профориентации молодежи. Ее современные течения. 2. Психологические особенности процесса профессионального самоопределения школьника. Необходимые условия. Методы активизации. 3. Опыт изучения профессиональных требований на основе анализа процесса овладения профессиями. 4. Методы профпросвещения как источник информации и средства активизации профессиональных интересов школьников.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ

1. Проведенное изучение советской и зарубежной литературы (США, Франции, Финляндии, Польши и др.) позволило выявить направления современных поисков научного обоснования работы по профориентации. Результаты изучения опубликованы в 11 статьях (Ю.В. Укке, И.В. Михайлов, Т.Н. Жукова, В.В. Чебышева, Фам Тат Зонг).

2. Исследованы значение и возможности активизации профессионального самоопределения школьников в процессе профориентации, включая значение психологического просвещения школьников, обучения работе над собой, вовлечения в разные виды профессиональной деятельности. Начато исследование условий формирования действенных профессиональных интересов и склонностей, оказывающих влияние на учебную и трудовую деятельность (диссертации и статьи А.М. Кухарчук, И.В. Михайлова, М.Ф. Хижуховской, статьи О.Н. Будулатевой, А.И. Кудряшовой).

3. На основе опыта сравнительно-генетического изучения рабочих профессий (токаря-универсала и токаря-инструментальщика) установлено решающее значение для успешного овладения профессией на уровне требований к выпускникам ПТУ общих психологических качеств личности (мотивации, отношения к обучению и профессии, настойчивости и др.) и качества постановки обучения. Специальные профессиональные требования получают решающее значение для овладения высокими

уровнями мастерства. Выявлены индивидуальные различия мастеров высокой квалификации (преобладающее значение технических, организационных способностей, особого ручного мастерства и др.) (работа Л.Н. Шестакович). Необходимо дальнейшее исследование с применением сравнительно-генетического метода для построения научно обоснованной профессиографии.

4. В проводимых исследованиях методов профпросвещения установлены основные требования к содержанию и формам профессиографии для целей профориентации, начата проверка сравнительной эффективности ее разных форм, в том числе справок, кратких листовок, занимательных форм изложения и др. (работы Т.И. Жуковой, Л.А. Запорожец, М.Ф. Хижуховской).

Были составлены профессиограммы современных сложных профессий по материалам имеющихся научных исследований (сталевары, наладчики, операторы станков с программным управлением и др.) и наиболее популярных профессий, требующих высшего образования (инженер, врач, педагог) (Т.Н. Жукова, М.Ф. Хижуховская, В.В. Чебышева, Л.Н. Шестакович).

По результатам проведенных исследований было опубликовано около 100 статей и докладов, подготовлены 2 брошюры и 6 кандидатских диссертаций. Начата подготовка материалов для трех коллективных монографий: «Профессиональное самоопределение школьников», «Профессиоведение в системе школьной профориентации», «Психологические основы профпросвещения молодежи».

— Расскажите об этапах работы по профориентации в процессе непрерывного образования.

— Первый, наиболее сложный и ответственный — профориентация школьников. В связи с происходящей гуманизацией общеобразовательной школы возрастает значение профориентации школьников как существенной части учебно-воспитательной работы, как одного из средств, обеспечивающих всестороннее развитие личности в его индивидуальном своеобразии. В связи с этим ведутся интенсивные поиски разных форм образования (школ, классов, групп и т.д.). Возникает необходимость уже с первого класса вести поиск и осуществлять выбор направления и форм образования в соответствии с индивидуальными особенностями школьника и их возможными изменения-

ми на протяжении обучения. Осуществляемая средствами учебно-воспитательной работы на основе соответствующих наук профориентация школьников относится к компетенции органов народного образования.

Второй этап — профориентация учащихся профессиональных учебных заведений. Ее значение очевидно, если учесть, что существует большой процент неуспевающих в профессиональных учебных заведениях всех уровней, отрицательно относящихся к изучаемой профессии и меняющих профессию по окончании учебы. Психолого-педагогические и организационные вопросы этого этапа менее разработаны по сравнению с первым. Профориентация в процессе профессионального обучения включает поиск гибких систем, допускающих необходимые коррективы на протяжении обучения. Профориентация на этом этапе как часть учебно-воспитательной работы близка к первому этапу и относится к компетенции органов народного образования.

Третий этап — профессиональное становление в процессе трудовой деятельности после окончания учебного заведения. Большое значение этого этапа подтверждается фактами наибольшей текучести кадров и случаев перемены профессии. Последние происходят стихийно.

Организованной помощи молодежи в решении этих вопросов не оказывается. Совершенно не уделяется внимание профориентации молодежи по окончании действительной военной службы. Начаты исследования по психологическим вопросам адаптации в работе выпускников общеобразовательных школ и профессиональных учебных заведений. Теперь необходимо дальнейшее исследование. В отличие от первых двух этапов на этом этапе проблемы близки к компетенции органов Госкомтруда, располагающих средствами организации труда (в широком смысле), имеющими значение в решении проблем молодых специалистов.

Вопросы профориентации взрослых с особой остротой возникают в настоящее время в связи с переходом страны к рыночной экономике, с организацией бирж труда. Нужна срочная работа по изучению отечественного и современного зарубежного опыта, собиранию необходимых статистических материалов, проведение социально-психологических исследований и др. В число первоочередных задач входит подготовка психологи-

ческих кадров для участия в совместной работе с социологами и экономистами.

Возвращаясь к первому этапу — профориентации школьников, — нельзя не остановиться на существенных недостатках этой работы. На совещании «Пути совершенствования профориентационной работы в системе непрерывного образования», прошедшем в июне 1989 г., она была определена как работа «на любительском уровне». Решение ряда практически важных вопросов, утверждаемых декларативно, пущено на самотек. Примеров, к сожалению, можно привести немало. Так, общепризнана необходимость «профессиональных проб» в различных видах деятельности для осуществления активного профессионального самоопределения (самопроверки, самооценки, самоподготовки). Фактически же чаще всего дело сводится к упрощенным формам начального трудового обучения ограниченному кругу рабочих профессий.

Построение системы работы профориентации прежде всего школьников, отвечающей современным научным требованиям и особенностям нашей практики, вполне осуществимо на основе имеющегося отечественного и зарубежного опыта.

— *Как вы оцениваете свою психологическую деятельность, испытываете ли от нее удовлетворение?*

— Удовлетворяет то, что занималась нужным делом и кое-что удалось сделать. Удавалось заниматься тем, что интересовало. Но в других условиях могла бы сделать больше. Я уже говорила, что почти все учреждения, в которых я работала, закрывались. Это неизбежно вызывало перерывы, а то и незавершенность начатого. Слишком много времени и труда ушло на преодоление организационных помех и задержек. Нередко возникающие важные вопросы оставались «на обочине». К особенностям моей трудовой биографии относится и то, что мне не довелось стать постоянным членом сложившегося устойчивого научного коллектива, школы, когда индивидуальный рост опирается на достижения и рост коллектива.

— *Какие события, на ваш взгляд, оказали влияние на советскую психологию?*

— Наибольшее влияние имело то, что среди учеников Г.И. Челпанова появились сторонники материалистической психологии, в результате чего последовали широкие дискуссии и

советские психологи начали научные поиски. Творческие попытки внедрения марксизма в психологическую науку имели положительное значение, но задерживалось ее развитие тем, что марксистская идеология использовалась для подавления инакомыслящих. Положительными были введение преподавания психологии в школе, расширение ее преподавания в высшей школе, организация Института психологии АН СССР и др. Задерживали развитие психологии прямые вмешательства в жизнь науки — это постановление о педологии, репрессии*. Несмотря на ограниченные организационные возможности и небольшие силы, по сравнению с зарубежными, отечественная психология вскоре заняла достойное место. Это убедительно было доказано, когда советским психологам предоставилась возможность появиться на международной арене. За рубежом они никогда не чувствовали себя «бедными родственниками», достойно принимали затем иностранных ученых у себя дома. Уже в 1931 г. очередная VII Международная психотехническая конференция проходила в Москве, как и XVIII Международный психологический конгресс в 1966 г. Пользуется авторитетом за рубежом ряд видных, в том числе современных, советских психологов.

— *Ваше мнение о состоянии и развитии отечественной психологии труда?*

— На долю советской психологии труда ударов пришлось, пожалуй, больше, чем на другие области психологии. Все же и ее развитие продолжалось. Значительно вырвалась вперед инженерная психология. Как особая дисциплина выделяется психология управления. На стыке ряда наук — технических, естествознания, психологии, физиологии, гигиены труда — возникла эргономика.

Как и вся отечественная психология, психология труда нуждается в расширении, притоке новых сил. Это относится и к ее традиционным направлениям работы, таким, как психология трудового обучения, профориентация и др.

* В те годы было немало публикаций, характеризовавших ту нелегкую ситуацию. Одну из них мы воспроизводим в этом же номере журнала вслед за воспоминаниями ВВ. Чебышевой. Каждый, прочитав ее, может сделать свое умозаключение.

— *Что необходимо предпринять психологической науке, чтобы выйти заметно вперед?*

— В существенных изменениях нуждается организация психологической работы. Наблюдается чрезмерное распыление рабочих сил, обилие частных исследований, острый недостаток обобщающих работ, критических обзоров, научных дискуссий. Необходимо преодолеть отставание теоретической психологии от потребностей практики.

*(записано в октябре—ноябре 1991 г.,
дополнено в 2000 г.)*

ОТ РЕДАКЦИИ

В.В. Чебышева рассказала о некоторых тяжелых и даже трагических страницах из истории отечественной психологии труда 30-х годов. Естественным дополнением к этому является перепечатанная из газеты «Известия» статья В.Н. Колбановского о психотехнике. Виктор Николаевич Колбановский (1902—1970) — известный советский психолог. В 1927 г. он окончил медицинский факультет I Московского государственного университета, получив специальность врача-психиатра. В 1932 г. закончил Институт красной профессуры по разделу естествознания. С 1932 по 1937 г. был директором Института психологии в Москве (в дальнейшем — Институт общей и педагогической психологии Академии педагогических наук, а ныне — Психологический институт). Впоследствии работал в Институте философии АН СССР, в Высшей партийной школе и в том же Институте психологии. В 1955—1956 и 1963—1970 гг. — заместитель главного редактора журнала «Вопросы психологии».

В.Н. Колбановский жил и работал в очень сложный период нашей истории и неизбежно играл весьма противоречивую роль как один из руководителей науки в стране, особенно после известного Постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» (1936), которое нанесло невосполнимый урон развитию психологии и

педагогике (см. об этом статьи А.В. Петровского, А.А. Пископеля и Л.П. Щедровицкого в «Психологическом журнале», 1988, № 4, и 1991, №6). С одной стороны, В.Н. Колбановский в ряде случаев поддерживал прогрессивные направления в развитии нашей науки. Например, в середине 30-х годов он обеспечил идеологическую и организационную поддержку развитию культурно-исторической теории Л.С. Выготского, будучи редактором его посмертно изданной книги «Мышление и речь» (1934) и автором большой (во многом правильной) вступительной статьи к этой книге. В духе идеологем своего времени В.Н. Колбановский вполне искренне писал о Л.С. Выготском в предисловии редактора: «Как представитель лучшей части советской интеллигенции Выготский, связавший свою личную деятельность с делом пролетарской революции и социалистического строительства, шел в первых рядах той блестящей плеяды советских ученых, для которой марксизм-ленинизм стал собственным мировоззрением и теоретической основой всей научной работы, коммунизм — высшим идеалом и борьба за него — делом всей жизни» (стр. IV). Но, с другой стороны, В.Н. Колбановский либо вынужденно, либо искренне обрушился в 1936 г. с резкой и во многом несправедливой критикой на психотехнику и педологию. После войны он столь же несправедливо критиковал «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейна, огульно обвиненного в космополитизме (антипатриотизме). Активную роль В.Н. Колбановский играл также в ходе так называемой «павловской» сессии двух академий 1950 г. (см. об этом «Психологический журнал», 1990, №4 и 5).

Публикация статьи В.Н. Колбановского о психотехнике (1936 г.) поможет читателям с большей ясностью представить себе губительные последствия безудержной идеологизации и политизации науки в нашей стране.

*В. КОЛБАНОВСКИЙ***ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ПСИХОТЕХНИКА***(газета «Известия»**от 23 октября 1936 г.)*

История психотехники — этой сравнительно молодой «науки», несложна, но поучительна. Ее основоположником и виднейшим теоретиком был крупный буржуазный психолог, идеалист Вильям Штерн. Исходя из глубоко реакционной установки, что между интересами капиталистов и рабочих существует «гармония», Штерн попытался создать новую науку, которая позволяла бы капиталистам возможно «рациональнее» производить профессиональный отбор рабочих, соответствующий требованиям определенной отрасли производства или нуждам отдельного предприятия.

Суметь отобрать из огромных людских резервов такие кадры, которые наилучшим образом могли бы проявить себя в конкретной области труда и тем самым способствовали бы еще большему увеличению прибыли,— такова была задача, поставленная перед психотехникой. С этой задачей она справилась блестяще. За короткое время своего существования психотехника стала мощным средством капиталистической эксплуатации*.

Теоретические основы буржуазной психотехники глубоко реакционны и антинаучны. Она рассматривает человека, как продукт биологического развития: все его психофизические свойства обусловлены фаталистическим влиянием наследственности. Не случайно поэтому психотехника смыкается с фашистскими расовыми теориями.

Целая система различных тестов, анкет, специальных аппаратов оставляет богатый арсенал гнуснейшего обмана и дезориентации испытуемых, которых под видом «объективного» научного исследования штампуют и бракуют, определяя степень их психофизической пригодности или несоответствия интересам предпринимателей.

* В тексте сохранены орфография и пунктуация того времени.

«Научная достоверность» психотехнических испытаний никогда не противоречит классовому заказу буржуазии. Так, например, серия тестов «альфа», применявшаяся во время войны в американской армии, была построена с таким расчетом, чтобы на командные посты выдвигались не пролетарии, а представители господствующего класса.

Буржуазные психотехники обычно не обращаются к личности рабочего, к его сознанию. Выработав известный стандарт тех психофизических качеств, которыми должен обладать рабочий известной профессии, психотехники намеренно создают искусственные условия испытания, особенно на аппаратах, вызывающие растерянность у большинства испытуемых. Невыполнение предъявленного теста рассматривается как провал испытуемого.

Трудно найти еще одну такую «науку», которая с такой чрезмерной угодливостью и старанием подыскала бы «научные» обоснования для реакционнейших проявлений капиталистической практики, как это делает психотехника.

Ученики и последователи Вильяма Штерна, начиная с 1920 г., стали насаждать психотехнику в Советском Союзе.

Казалось бы, теоретические основы этой «науки» и ее методы должны были подвергнуться радикальному пересмотру. Бесспорно, что необходимо было научно, добросовестно и тщательно изучать личный фактор на производстве, но изучать его под другим углом зрения, чем на Западе. Надо было критически отнестись к буржуазной психотехнической теории и практике.

Однако советские психотехники первоначально думали иначе.

Эти горе-«теоретики» пытались изобразить дело так, будто бы психотехника есть прежде всего **техника**, следовательно, в ней не может быть и никакого классового различия. Вот дословный образчик таких рассуждений:

«...В области философии и теоретической психологии должна идти и идет ожесточенная идеологическая борьба за материалистическое и диалектическое миросозерцание против всякого рода мистических и метафизических теорий. Другое дело в области техники. Здесь буржуазные ученые великолепно усваивают правило необходимости познавать действительность, овладевая ею. Буржуазная наука прекрасно усвоила этот маркси-

стский принцип (?! — В.К.). И едва ли можно противопоставить буржуазной технике технику марксистскую или социалистическую. Как и всякое техническое усовершенствование, психотехника подобна тому оружию, которое выковывается у нас и в буржуазных странах одними и теми же техническими приемами, но служит той или другой цели, в зависимости от того, в чьих руках оно находится...»¹.

Каждая строка этого утверждения органически враждебна марксизму. Результаты подобного не критического отношения к буржуазной науке сказались очень скоро.

Пользуясь тестами, заимствованными у буржуазных ученых, советские психотехники стали браковать рабочих, вполне пригодных к работе в различных отраслях производства. Так, например, в Баку при профотборе водителей местного транспорта были забракованы почти все тюрки. Примерно то же проделали психотехники при профотборе железнодорожников из местного казахского населения на Турксибе.

Партийные организации, своевременно ударившие по этим извращениям, убедительно доказали, что рабочие, проходившие профотбор, были пригодны, а тесты, которыми их испытывали, — идиотские. Практика работы казахских железнодорожников на Турксибе и тюрков — вагоновожатых трамвая в Баку — блестяще опровергла вздорность и контрреволюционную клевету психотехнических заключений.

Тогда советские психотехники решили перестроиться.

«Применяя вначале тесты, заимствованные из-за границы, мы в СССР довольно скоро убедились в том, что эти тесты не подходят к нашим условиям не только потому, что специфический объем знаний, требуемый ими, — не тот круг знаний, который распространен у нас, но и потому, что требования к школьным знаниям, предъявляемые этими тестами, прямо противоречат нашим принципам отбора»².

Анализ основного метода психотехники на основе учета допущенных ею извращений заставил этих «ученых» притти к

¹ Журнал «Психофизиология труда и психотехника» № 1 за 1928 г. (стр. 3).

² Журнал «Психотехника и психофизиология труда» № 4 за 1930 г. (стр. 241).

выводу о необходимости «отдать себе ясный отчет в этой слабой стороне их и независимо от психотехнического отбора и до него производить отбор по социальному принципу так, чтобы по данным психотехнического испытания судить только о высоте уровня внутри однородных социально приемлемых групп»³

Но эта перестройка на деле оказалась фикцией.

Советские психотехники начали изобретать собственные методы. Появился многочисленный ассортимент всяких тестов: Рудика, Рузера, Рыбакова, Левитова и Толчинского и других, применявшихся наряду с буржуазными аппаратурными тестами.

Результаты получились аналогичные прежним.

Опытных машинистов врубовых машин, не имевших ни одной аварии, психотехники браковали, как негодных. Подростки и юноши, забракованные психотехнической профконсультацией на заводе им. Сталина, пробравшись «окольными путями» на завод, дали немалый процент ударников и стахановцев.

Примеры подобного рода можно было бы умножить. Все они говорят о непригодности психотехнических испытаний при решении такой важной проблемы, как проблема кадров.

И это не случайно. Тесты советских психотехников по существу ничем не отличаются от тестов их западных «коллег».

Вместо глубокого, внимательного и заботливого подхода к человеку и вдумчивого изучения его, как на это указывает товарищ Сталин, советские психотехники допускают огромный произвол, давая заключения о профессиональной пригодности рабочего к известной отрасли труда после механического штампования его психофизических качеств безграмотными лаборантами психотехнических лабораторий на основании научно необоснованных методов.

Советские психотехники сами признавали в ряде случаев научную несостоятельность психотехнической практики.

В статье С.Г. Геллерштейна мы встречаем утверждения, что «такие формы профконсультационной работы, которые в наибольшей степени соответствовали бы задачам политехнической школы и скорейшему созданию квалифицированных строителей социализма в различных областях деятельности, еще не

³ Там же. № 1 (стр. 8).

найлены». «...Не продуманы, как следует, основные принципы профотбора и профконсультаций»⁴.

И все же, несмотря на «непродуманность», то есть научную необоснованность психотехники, она получила в Советском Союзе большое распространение. За сравнительно короткое время психотехники организовали свыше 200 лабораторий и станций на предприятиях промышленности, сельского хозяйства, транспорта, коммунального хозяйства и т.д. В Коммунистической академии была создана психотехническая секция. Организовано «Всесоюзное психотехническое общество», насчитывающее к 1934 г. свыше 900 членов. Оно издавало до 1935 г. журнал «Советская психотехника».

Центральным штабом психотехников с 1923 по 1932 г. был Государственный институт психологии, а затем Всесоюзное психотехническое общество. В порядке самокритики необходимо признать, что этот институт ограничился в 1933 г. только ликвидацией психотехники в своих стенах, но не провел необходимой борьбы с психотехнической теорией и практикой в психотехническом обществе и на периферии. Пользуясь подобным «невмешательством» Института психологии в психотехнические дела, психотехники продолжали развивать ту деятельность, которую обычно порождает невежество, когда оно становится активным.

За исключением сравнительно небольшого количества лиц, имеющих высшее образование и получивших специальную психотехническую подготовку, подавляющее большинство советских психотехников — люди, пришедшие в эту область из самых разных отраслей труда и зачастую с образованием не выше среднего.

Отсутствие регламентации психотехнической деятельности привело к тому, что в психотехнических лабораториях можно встретить бывших врачей, юристов, счетоводов, актеров, служителей культа, балерин, педологов, инженеров, психологов, цирковых дрессировщиков и т.п. В большинстве случаев это — люди, потерпевшие неудачу в прежде избранных специальностях и ушедшие в столь легкую и бесконтрольную область деятельности.

⁴ Журнал «Советская психотехника» № 1—2

За таблицами цифр, за многословными «теоретическими» рассуждениями мы нередко не замечаем внутренней пустоты и даже антинаучности и реакционности некоторых «наук». В данном случае речь идет о более существенном — об отсутствии достаточной классовой бдительности и принципиальной непримиримости к враждебным буржуазным теориям, некритически перенесенным на советскую почву.

Так было с педологией. Так обстоит дело с психотехникой.

История, теория, методы и практика одной лженауки поразительно совпадают с таким же существом у другой.

Естественно, напрашиваются и те же выводы.

Как, однако, относятся психотехники и постановлению ЦК партии о педологических извращениях?

При обсуждении этого постановления в Московском психологическом обществе психотехники обнаружили полное непонимание политического смысла решения ЦК ВКП(б).

«Психотехника — не педология, — заявили они, — хотя и в ней творится немало безобразий». Все зло, по их мнению, заключается в негодности некоторых тестов, которые нужно заменить другими. В этом — гвоздь психотехнической мудрости. Других уроков из постановления ЦК партии для себя психотехники извлечь не сумели.

МГК ВКП(б) принял решение о ликвидации психотехнического профотбора и профконсультаций для подростков. Наркомздрав оказался пока единственным наркоматом, который ликвидировал психотехнические отделы лаборатории по профконсультациям подростков, возложив дачу заключений на врачей. На этот же путь постепенно становятся и другие наркоматы, считающие, что в решении вопроса о пригодности человека к той или иной отрасли производства решающее слово принадлежит врачам.

Может ли медицинское заключение дать исчерпывающий ответ о пригодности человека к известной профессии?

Несомненно, что учет психофизических индивидуальных особенностей личности является фактором немаловажного значения, могущим обеспечить высокую производительность труда. Медицинское заключение обычно решает вопрос о противопоказаниях признаков у обследуемого. Но этого недостаточно. Обследуемый может быть физически здоровым и не обнару-

жит никаких заметных отклонений от нормы. Тем не менее к определенной профессии он может оказаться негодным. В особенности это относится к таким профессиям, которые сопряжены с опасностями травматизма и аварийностью, как, например, летчики, шоферы, машинисты, вагоновожатые и т.д. В этих отраслях производства медицинское заключение о пригодности человека к специальности должно строиться на основе более глубокого психологического изучения каждого обследуемого, чем это обычно делают врачи.

Однако это психологическое исследование должно быть построено на такого рода экспериментах, которые приближались бы в максимальной степени к естественным условиям соответствующего производства. Не менее существенной является также и разработка наиболее рациональных методов производственного обучения рабочих, что составляет уже, собственно, область педагогической психологии.

Все лучшие силы из состава советских психотехников следует переключить в эту сторону. Эта работа может быть ими проделана только при условии решительной критики и преодоления реакционных теорий буржуазной психотехники. Одновременно следует поднять Психологическую квалификацию врачей, работающих в лабораториях по профотбору и профконсультаций, иначе они неизбежно будут давать такие же малообоснованные заключения, как и психотехники. Не следует забывать о том, что и в медицинских работах по физиологии труда осталось немало реакционных теорий (Вигдорчик и др.), которые необходимо преодолеть.

Но прежде всего нужно покончить с психотехнической «практикой». Существующие психотехнические лаборатории и станции нужно ликвидировать, а их работников вернуть к полезному труду.

Публикацию подготовил В. И. Артамонов

Л. И. АНЦИФЕРОВА

Впервые опубликовано в «Психологическом журнале» (1992, т. 13, № 4, с. 123—138). В данный вариант текста внесены изменения и дополнения.

Фото В. Артамонова

Людмила Ивановна Анциферова — доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Л. И. Анциферова родилась в 1924 г. в Златоусте Челябинской области. В 1933 г. вместе с семьей переехала в Москву. В 1948 г. окончила философский факультет МГУ и поступила в аспирантуру на кафедру психологии МГУ. Научным руководителем был С. Л. Рубинштейн. В 1952 г. защитила кандидатскую диссертацию по проблеме практического (наглядно-действенного) мышления. С 1953 по 1956 г. работала в Институте психологии АПН РСФСР в лаборатории мышления и речи. Занималась экспериментальным изучением мышления — процесса решения задач. Результаты исследований были доложены на Всесоюзном совещании по вопросам психологии познания, организованном сектором психологии Института философии АН СССР и проведенном 20-22 мая 1957 г.

С 1956-го по 1972-й работала в Институте философии в секторе психологии, руководимом до 1960 г. С. Л. Рубинштейном. Исследовала современное состояние зарубежной психологии — ее основные направления, смену концепций мышления на протяжении XX в., концепций личности, выросших на базе различных форм психотерапевтической практики,

теории личностных черт. Разработала методологические проблемы психологии.

В 1972 г. в составе сектора была переведена в организованный в 1971 г. Институт психологии АН СССР. В 1974 г. защитила докторскую диссертацию «Материалистическая мысль в психологии капиталистических стран XX в.». В 1974—1984 гг. заведовала сектором философских проблем психологии, 1984—1991 гг. — лабораторией психологии личности. В настоящее время — главный научный сотрудник этой лаборатории.

Л.И. Анцыферова — автор более 150 научных трудов, в том числе трех монографий: «О закономерностях элементарной познавательной деятельности» (1961), «Материалистические идеи в зарубежной психологии» (1974), «Развитие и современное состояние зарубежной психологии» (1974, совместно с М.Г. Ярошевским). Под ее руководством защищено 14 кандидатских диссертаций, посвященных теоретико-экспериментальным исследованиям личности. При ее авторском участии и руководстве создан ряд коллективных трудов: «Принцип развития в психологии» (1978), «Психология формирования и развития личности» (1981), «Категории материалистической диалектики в психологии» (1988), «Тенденции развития психологической науки» (1989, совместно с Б.Ф. Ломовым) и др. Была одним из редакторов труда «История и психология» (1971, совместно с Б.Ф. Поршневым), а также книги, выпущенной в Болгарии — «Психична регуляция на дейности» (1980). Ряд этих трудов создан в результате координации работы отечественных психологов и ученых Болгарии, Германии, Польши.

В 1980—1989 гг. Л.И. Анцыферова была заместителем главного редактора «Психологического журнала».

В исследованиях Л.И. Анцыферовой получили дальнейшую разработку ведущие принципы психологической науки — общественно исторической детерминации психического склада человека, единства деятельности, сознания и личности. Обоснована необходимость соединения принципов системности и развития. Разработан вопрос об общих закономерностях психического развития, о системной его детерминации, о внутренних источниках развития, об условиях на-

копления и реализации потенциалов развития. Выдвинут системно исторический подход к движению психологического знания, включающий положение о детерминации развития психологических теорий макро— и микросоциальными условиями, в том числе своеобразием личности создателя теории. Л.И.Анцыферовой обоснована динамическая концепция личности, раскрывающая зависимость развития личности от меры ее собственной активности.

Л. И. Анцыферова: «ЖЕЛАЮ ПРОДУКТИВНОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ»

— Людмила Ивановна, расскажите, пожалуйста, о самом начале своего жизненного пути, о том, что способствовало выбору профессии и вашему приходу в психологию.

— Вопрос этот актуален. Сейчас все больше развивается психобиографический подход к личности. На конкретном материале жизни можно проследить, как формировалась личность ученого и какие события подтолкнули его именно к такому определению своего профессионального пути.

Самый мой первый интерес в этой области пробудился — пока еще диффузно — в школе, кажется, в восьмом классе. Мы изучали анатомию и физиологию, и преподавательница дала мне прочитать журнал «Огонек»... Это была статья об изучении мозга Ленина, затрагивавшая тему связи нашего мышления, ума со строением мозга. В ней, в частности, упоминалось о больших пирамидальных клетках, а также говорилось о том, что в «этих мозговых клетках как раз и зарождалась гениальная мысль Ленина». Эти две части текста соединились в моем сознании: значит, через какую-то структуру можно проникнуть в мысли человека, и степень его гениальности зависит от особенностей нервных клеток. Потом, уже в десятом классе, во время войны, наслушавшись радиопередач относительно изучения био-

поля человека, я вывела такую гипотезу: когда человек мыслит, у него мозг порождает, генерирует особую энергию, которая распространяется в пространстве, и после смерти человека поступает в «резервуар особой энергии». Я как бы сама придумала, что между структурой и собственно психологическими явлениями должна быть промежуточная функциональная опосредованность какой-то физиологической деятельностью, энергетической деятельностью мозга... Я решила, что нужно поступить на физический факультет, чтобы попытаться эту энергию изучить и путем ее анализа исследовать внутренний мир человека. Но когда я стала учиться на физическом факультете, то оказалось, что мои идеи не встретили одобрения, наоборот, в беседе с преподавателем я услышала, что это — несообразница и этим нечего даже заниматься. И вот тогда я начала поиски в университетской библиотеке... Я взяла книгу С.Л.Рубинштейна 1935 г. «Основы психологии» и стала ее читать. Многое мне было не очень интересно, не очень понятно, и, самое главное, я не увидела там анализа душевного мира человека, всего того, что отвечало бы моим собственным жизненным переживаниям, переживаниям, о которых я знала от близких людей и т.д. Это была огромная методологическая канва, на которой собственно психологического анализа, с моей точки зрения, неоставало. Не могу сказать, чтобы книга оказала тогда на меня влияние. Но что мне там очень запомнилось и было интересно, это эксперименты с обезьянами по Келеру... В университетской же библиотеке я взяла книги Рибо и Мари. И вот, когда стала читать Рибо «О воображении», почувствовала, что это как раз то, что я искала. За полчаса я так и не смогла прочитать больше трех четвертей страницы — настолько меня потрясло прочитанное. Я здесь встретила интересовавшие меня мысли. Это был мир образов, психологический анализ переживаний человека. Не зная основ психологии, я не могла разложить свой собственный мир на мышление, воображение, ощущение... И вдруг анализ воображения... Я подумала: «Вот это и есть психология». На следующий день я узнала, что неподалеку располагается корпус Института психологии (ныне Психологический институт АО), и я туда буквально побежала. Это было зимой 1942/43 года. Поскольку я решила, что Институт является учебным заведением, я пришла и сказала, что хочу здесь учиться. «А что

вы окончили?» — спросили меня. Я отвечала: «Я только еще на первом курсе физического факультета». — «Вот когда окончите, тогда и приходите. Надо иметь высшее образование». — «А есть ли учебное заведение, где на психологов учат?» — «Нет, но философский факультет ближе к психологии». И я решила туда отправиться. Но мысли о физиологической деятельности мозга, а точнее — о биоэнергетических процессах мозга, которые можно было бы расшифровать, меня по-прежнему не оставляли, даже стали навязчивыми — я во сне думала об этом. И вновь я отправилась, но на этот раз на поиски Института мозга Академии медицинских наук. Я узнала по справочникам, где он находится, но оказалось, что он переехал и работает теперь на базе военного госпиталя, где лечат раненых с черепно-мозговыми травмами. В конце концов я узнала и этот адрес и пошла туда. Всех стала спрашивать: «Кто-нибудь здесь занимается энергетикой мозга?» И в результате попала в лабораторию, в которой работали Самуил Михайлович Блинков и Владимир Сергеевич Русинов. Я стала рассказывать Самуилу Михайловичу о своих гипотезах, и он, усмехнувшись, сказал: «А вот идите-ка сюда». Подвел меня к столу и показал бумажные ленты, на которых обозначались какие-то извилины, записи... Я смотрела, ничего не понимая. Он говорит: «Вот здесь у нас электроэнцефалограф, а вот здесь изолированная камера, вот сюда кладем наших больных и отсюда — смотрите на этот стол — идут записи именно тех процессов, о которых вы говорите». Восторг мой был, конечно, неописуем. Я стала к ним регулярно ходить. На общественных, конечно, началах. Меня в шутку называли там «экстраординарный профессор». Дали белую шапочку и халат.

Я продолжала учиться на физическом факультете, но меня теперь не покидала мысль о том, что нужно что-то переменить. А в Институте мозга при военном госпитале происходили совершенно изумительные вещи. Мне здесь показывали срезы мозга, которые были получены. Я видела больных с различными поражениями. У ученых основная цель — точно определить область ранения. А меня интересовало иное: как работает мышление, что человек думает? Они в ответ на это говорили: «Это совершенно невозможно. Это суммарная деятельность мозга, мы же получаем результаты сочетаний огромного числа физи-

ологических процессов... Насчет мышления, к сожалению, ничего невозможно сказать». Это меня охладило.

Одновременно я стала ходить на философский факультет. Но поступила на заочное отделение, потому что физический факультет бросать пока не хотела, решила, что что-то извлеку еще полезного для себя. Однако, когда началась моя философская жизнь, я поняла, что это как раз то самое и есть, что мне нужно (хотя и не все было интересно в ней для меня)... Я застала еще академика Чернышева, который вел у нас семинары, М.Ф. Овсянникова — он замечательно вел эстетику... Был хороший латинист — звали его Алексей Иванович. Латынь мне страшно понравилась... И вот почему. Изучая ее, я жила особой жизнью, проникавшей через строй и напевность стихов, через тексты поэтов и писателей великого Рима. Древний мир, воссоздаваемый средствами латыни, был более влекущим, необычным и загадочным, чем тот, который предстал в наших исторических исследованиях и учебниках. Эти переживания позже проявились в моем высоком интересе к исторической психологии, изучающей своеобразие психологического склада людей минувших эпох.

Таким образом, вот каков был мой путь в психологию — сначала поиски исследований деятельности мозга, а затем изучение философии, где как раз и нашла много психологического анализа...

Я продолжала учиться на заочном отделении философского факультета, а физический факультет оставила. Одновременно работала в вязальной мастерской, затем в мастерской по производству игрушек и прокатном цехе завода «Серп и молот».

— Расскажите о своей учебе на философском факультете и о том, как в дальнейшем сложилась ваша профессиональная судьба.

— На философском факультете меня сильно смущала какая-то двойственность сознания наших наставников, которая отрицательно сказалась и на моем сознании. Дело заключалось вот в чем. Вся история философии в лекциях изображалась как цепь заблуждений великих умов. Исключения делались для таких мыслителей, как Аристотель, Демокрит, Гераклит... Но уже учения Канта, Фихте, Шеллинга, Шопенгауэра подавались как разные формы прискорбных философских ошибок. Квалифи-

кация этих учений как идеалистических означала их определение как чисто спекулятивных, не соответствующих действительности, безрезультатных в своих поисках. Я была в полнейшем недоумении: зачем читать целые курсы, если речь идет о сплошных ошибках и заблуждениях? Мне хотелось знать, какими могут быть иные решения проблем, разрабатывавшихся этими учеными, и в чем же состоит процесс развития философской мысли? Когда я знакоилась с трудами этих философов, мне казалось, что, наоборот, каждый из них открывает новые сферы существования человека для философского анализа. Блестящий анализ разума, этических отношений, волевого начала человека, сферы бессознательного, философское исследование рефлексии, собственного «Я» человека увлекали меня. На консультациях у наших преподавателей оказывалось, что многие из них высоко ценят прозрения философов прошлого, но при этом произносилась таинственная по своему смыслу, грозная и обескураживающая фраза о том, что все эти положения строятся на идеалистических позициях. При этом считалось, что в курсе марксистско-ленинской философии мы найдем конструктивное решение философских проблем, касающихся человека. Но ни в этом курсе, ни в рекомендуемых книгах таких материалов не было. Да и само учение К. Маркса освещалось очень однобоко. Все его интересные идеи о личном существовании человека не разрабатывались.

На пятом курсе — это был 1947 г. — я стала думать о том, как же мне по психологии-то сделать дипломную работу, поскольку уже точно определила, что потом буду работать в области психологии. Как известно, в 1943 г. С.Л. Рубинштейн организовал в МГУ отделение психологии. Я пошла туда и заявила, что хотела бы диплом писать по психологии. Меня спросили: «А чем вы интересуетесь?» — «Вообще-то я очень интересуюсь историей становления психологических воззрений у зарубежных философов». А в это время меня слушал Петр Яковлевич Гальперин и сказал: «А вы не хотите поинтересоваться русской психологической мыслью?» Я ответила: «Ну конечно». Хотя об этом ничего не знала — правда, Чернышевского читала и в школе писала о его взглядах сочинения. И Петр Яковлевич мне назвал имя, которое я впервые услышала: Антонович. Говорит: «Попробуйте почитать его работы и по

этому поводу диплом сделать». Я согласилась и ушла, не предполагая, что надо приходиться консультироваться. Я засела в Историческую библиотеку и стала там работать над Антоновичем. Написала все, что нужно было про него написать, и незадолго до защиты пришла к Петру Яковлевичу Гальперину. А он всполошился, говорит: «Куда ж вы исчезли?! Я думал, что вы отказались от этой темы!» — «Нет, я все написала». Он посмотрел и говорит «Ну написано хорошо. Вот только я предлагаю вам снять такое введение — относительно места Антоновича в русской философско-психологической мысли». Там я, конечно, про Чернышевского больше всего написала.

В одно время со мной защищалась Мира Кубарева (Людмила Ивановна Анисимова теперь), которая делала диплом под руководством Сергея Леонидовича Рубинштейна по Миду. Мира рассказывала мне о подготовке своего диплома, и мне показалось, что Мид необычайно интересен... Потом я подала документы для поступления в аспирантуру на кафедру психологии философского факультета. Стала готовиться к вступительным экзаменам и для подготовки взяла книгу С.Л.Рубинштейна «Основы общей психологии» (1946 г.). У меня была очень яркая, образная память, т.е. я хорошо помнила страницы текстов, их нумерацию. Книгу Сергея Леонидовича я выучила наизусть именно с помощью этой образной памяти. Не логической. На экзамене присутствовали Сергей Леонидович, Михаил Васильевич Соколов (историк русской психологии), Петр Яковлевич Гальперин... Они сидели, слушали меня, были довольны моим ответом и поставили «отлично». Потом мне передали, что Сергей Леонидович был страшно поражен: «Она наизусть выучила весь мой учебник и говорит прямо по тексту». Действительно, бывало, мне вопрос какой-нибудь зададут, я сейчас же в уме «открываю» нужную страничку и прямо вижу, где все это написано. У меня как бы перед глазами является образ этой странички. Рубинштейн решил, что я логически запоминаю тексты, на самом деле я запоминала их образно, постранично.

Эта образная память мне очень здорово вредила. Например, я брала один учебник, все в нем хорошо усваивала и помнила постранично, но затем брала другой, который, естественно, не совпадал постранично с первым, и таким образом один текст накладывался на другой, в голове все перепутывалось, из меня

вылетали только отдельные фразы, которые я «читала» мысленно то там, то здесь. С этим я очень сильно боролась.

Когда я занялась вплотную психологией, физиологию я оставила. Раз, думаю, связи с физиологическими процессами мозга установить невозможно, значит, с физиологией придется покончить. Хотя подспудно до сих пор осталась какая-то неудовлетворенность, что я не нашла ответа на тот свой физиологический вопрос.

Я стала аспиранткой у Сергея Леонидовича. У него была небольшая группа психологов, часть из которых прибыла с ним из Ленинграда. Присоединились и мы, аспиранты. Жили мы все дружно. И поскольку кафедра психологии находилась в старом Институте психологии, то там мы общались и с очень интересными людьми. В первую очередь это Борис Михайлович Теплов. Фигура интересная и яркая, с необычным складом мышления. Высокий, статный, очень элегантный. Он был эмоционален, на все сильно реагировал — правда, внутренне, внешне же выглядел корректным...

Работая под руководством С.Л. Рубинштейна, я занялась проблемой, очень интересовавшей его, — исторического развития сознания, в особенности первобытного мышления... Частично это было отражено в работах Леви-Брюля и др. В то же время ранее поступившая — еще в 1947 г. — Елена Александровна Будилова (тоже аспирантка Рубинштейна) исследовала научное творчество И.М. Сеченова. С.Л. Рубинштейн в это время начал осмысливать учение И.П. Павлова. И вот наступил 1950 г. — роковой для психологии. Это был год так называемой «павловской сессии» — Объединенной научной сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, на которой психология была объявлена «лженаукой» и признавалось право на существование лишь физиологии высшей нервной деятельности. Это был также год дискуссии по проблемам языкознания. Появилась статья Сталина, в которой языковед Н.Я. Марр (1865—1934) разоблачался как псевдоученый. Эти события в моей жизни сыграли вот какую роль. Перед этим я много работала именно над Марром*. Я детально проработала

* Советский востоковед и лингвист академик Н.Я.Марр до недавнего времени характеризовался как крупный специалист в области языкознания

все четыре больших тома его трудов и написала статью, проанализировав его учение. Показала свой «трактат» Сергею Леонидовичу, который очень удивился тому, что вдруг кто-то так заинтересовался Марром. Он поэтому и решил, что я могу работать над проблемой первобытного мышления. Эту тему он и закрепил за мной. Я предполагала в своей работе соединить исследования крупных этнографов Леви-Брюля, Минковского и других с разработками Марра и его продолжателя И.И. Мещанинова (1883—1967), но основной упор хотела сделать на Марре. И вот стечение обстоятельств остановило меня на полпути работы — за два года занятий этим я уже написала значительную часть. Теперь же тема оказалась запретной. Тогда-то Сергей Леонидович и сказал мне о том, что тему придется менять.

1950-й год некоторые наши ученые характеризуют как время насильственного поворота психологов к Павлову, к учению о высшей нервной деятельности, и считают, что это было ситуативно, конъюнктурно**. На самом деле Сергей Леонидович давно уже интересовался учением крупных наших мыслителей о психофизиологической деятельности мозга. 1950-й год и поворот к Павлову были для С.Л.Рубинштейна обретением социальной значимости его зреющих интересов и уже предпринятых разработок.

В конце 40-х годов произошло еще одно трагическое событие, которое стало для меня потрясением. Это был 1948/49 год, когда в Большом зале старого Института психологии произошло заседание, которое вел, помнится, Каиров, — рассматривался вопрос о космополитизме в психологии и педагогике. Мы сидели наверху — тогда в зале еще была галерка — с Е.М. Крутовой, Л.И. Карельштейн (сейчас ее фамилия Каплан), которые тоже были аспирантками Рубинштейна. Зал был заполнен до отказа. И вот там поносили крупнейших ученых, в том числе и Рубинштейна. Какие слова бросали в его адрес! Все те, кого «клеямили», затем должны были выходить на сцену и каяться. Смот-

(см. , например, БСЭ, 3-е изд., т. 15, с. 406). Однако в книге В.М.Алпатова «История одного мифа. Марр и марризм» (М.: Наука, 1991) Марру дается отрицательная оценка.

** См. об этом: К 40-летию «павловской сессии» двух академий // Психол. журн. 1990. Т. 11. № 4, 5.

реть, например, на пожилого Медынского было просто жалостно. Он доказывал, что в силу своих возможностей критиковал западных буржуазных ученых, приводил подтверждения этого и недоумевал: «Но не мог же я нецензурно выражаться в их адрес». Я ужасно боялась, что же скажет Сергей Леонидович. Его ответ был краток. Он сказал, что в его книгах, особенно в «Основах общей психологии» недостаточен критический анализ и есть ошибочные положения, но он приложит все силы, чтобы эти ошибки исправить...» Мы все трое — Крутова, Карельштейн и я — просто рыдали, когда слышали выпады в адрес Сергея Леонидовича. Потом я подошла к Сергею Леонидовичу и постаралась его как-то ободрить, поддержать, сказав, что он хорошо и достойно ответил на критику. Он был в сильном волнении, переживал и тихим голосом ответил: «Если бы вы знали, как это было трудно...»

А я сейчас думаю о том, откуда берется мужество у людей в критических, опасных ситуациях. Сергей Леонидович рассказывал потом, что организаторы этого заседания давали указания о том, кто из крупных ученых должен выступить с «разоблачениями». Обратились к Борису Михайловичу Теплову, а тот ответил, что хотя у них с Рубинштейном и есть разногласия по некоторым теоретическим вопросам, но он их будет обсуждать в другом месте, а на этом заседании решительно отказывается выступать. Поступок Теплова мне очень запомнился.

После «разоблачения космополитов» были приняты административные меры. С.Л.Рубинштейна сняли со всех его руководящих постов, лишили высоких наград, ему разрешили работать лишь научным сотрудником в секторе психологии Института философии АН СССР. Но он не терял мужества, продолжал очень много работать над книгами «Бытие и сознание» и «Принципы и пути психологической науки». Его постоянно окружали молодые сотрудники института философии, которые относились к нему с большим уважением; его ленинградские ученики. С нами, аспирантами, он очень много работал. Нередко собирал у себя дома всех своих учеников, мы много дискутировали, веселились. Сергей Леонидович шутил и смеялся вместе с нами. Мне Сергей Леонидович предложил изучить в психологическом аспекте учение И.П.Павлова. И такой подход оказался очень интересным. Ведь животные, закрепленные в станке, в лабора-

торных условиях осуществляли сложную когнитивную деятельность. В зрительном поле они сравнивали, дифференцировали, обобщали, устанавливали связи между значимыми для них (предполагающими кормление) объектами. Такие же, четко наблюдаемые аналитико-синтетические процессы, включающие и практические действия, наблюдались у «знаменитых» обезьян («Рафаэль», «Руслан») в опытах В. Келера и Н.Н. Ладыгиной-Коте. Так начала разрабатываться процессуальная теория мышления, постулирующая в качестве главного механизма решения «задач» «анализ через синтез». Откровенно говоря, работая над диссертацией, я отчетливо поняла, что представляет собой мышление в его исходных, развернутых основаниях.

В 1952 г. я стала кандидатом философских наук (тогда присваивали звание либо кандидата педагогических наук, либо философских).

При изучении Павлова мне много приходилось читать зарубежной литературы, в которой рассматривались простейшие, казалось бы, формы поведения животных. И я увидела, что здесь изучались закономерности познавательной деятельности — элементарного мышления животных...

Вспоминая, как Сергей Леонидович сказал мне, что поскольку он знает строй моих мыслей, то я могу по поводу автореферата проконсультироваться с Петром Яковлевичем Гальпериным. И это несмотря на то, что у них были принципиально различные позиции. Тем не менее они уважительно относились к мнению друг друга, обсуждали интересующие их проблемы, как бы испытывали на прочность свои концепции.

Беседы же мои с Петром Яковлевичем хотя и касались очень трудных, неразработанных в психологии проблем, всегда требовали от меня большого напряжения мысли, но при этом Петр Яковлевич наполнял их остротами, шутками, остроумными замечаниями. У меня при этом возникало ощущение интеллектуального возвышения. Могу с уверенностью сказать, что он весьма неполно реализовал себя в своих работах. И это очень жаль.

— *Расскажите о стиле научной работы С.Л. Рубинштейна.*

— Помню, он дал мне только что полученную им из США книгу Макса Вертхаймера «Продуктивное мышление». Это было году в 53-м. Смысл теории гештальтпсихологии заключается в

том, что весь процесс мышления может быть представлен как процесс переструктурирования проблемной ситуации. Вначале центром гештальта являются одни свойства и отношения, потом выступают другие — и соответственно меняется весь гештальт. И вот, переструктурируясь постепенно, все это поле как бы приводит человека к решению. В результате такого переструктурирования центром становятся нужные свойства. Что у гештальтистов было слабым местом? Отсутствовала активность самого субъекта мышления. Переструктурирование происходило в уме у субъекта не как результат каких-то его усилий, действий, процессов, операций... Человеку думается, но сам он бездеятелен. Весь процесс мышления состоит в том, что в уме человека возникают новые образы ситуации. В конце концов центром «гештальта» становятся существенные связи — и задача оказывается решенной. Но теоретическая мысль Сергея Леонидовича была направлена на выяснение того, какие же интеллектуальные действия выполняет индивид, выступая субъектом мышления? И он задает уже риторический вопрос — а не выполняет ли «мышление» ту самую аналитико-синтетическую деятельность, которая так детально описана в опытах И.П. Павлова и в экспериментах Н.Н. Ладыгиной-Коте? И Сергей Леонидович заключает: гештальтисты констатируют лишь результат интеллектуальных усилий человека: в проблемной ситуации выделились новые качества. Но это новое качество «вытащил» сам человек. При этом у него возникло переживание успеха, чувство продвижения, которое побудило его продолжать свои поиски. Вот, кажется, совсем разные парадигмы — парадигма аналитико-синтетической деятельности и парадигма гештальтпсихологии, но Сергей Леонидович их интегрировал. Учение об аналитико-синтетической деятельности раскрывает самый процесс движения мысли, а гештальтпсихологи правильно фиксируют интересные промежуточные результаты этого процесса: перемещение выявленного свойства в центр новой интеграции. Из сопоставления павловского учения, учения об аналитико-синтетической деятельности и гештальтпсихологии и появилась идея Сергея Леонидовича о том, что основным механизмом мышления является анализ через синтез.

Для творческой деятельности С.Л.Рубинштейна была характерна также его способность строить на основании более конк-

ретных идей, относящихся к частным областям, очень высокие философские обобщения. Для него единичная идея сразу выступала как конкретизация общей закономерности. Вот, например, он работал над книгой Дж. Мида (1934 г. издания). Там у Мида в контексте концепции символического интеракционизма излагаются интересные мысли о том, что в результате возникновения живых существ в растительном мире проявились новые качества. У травы вдруг обнаружились качества ядовитости, вредности. Когда не было животных, не было существ, которые могли бы погибнуть от отравы, у растений этих качеств вроде бы и не было, хотя потенциально они в них содержались. Сергей Леонидович этот раздел книги Мида подчеркивал и помечал — я потом труд Мида изучала. Высказанная Мидом мысль появилась в подготовительных материалах к монографии «Человек и мир», над которой С.Л. Рубинштейн работал в конце 50-х годов, но которую так и не успел дописать. Мысль Мида дала толчок к философской формуле: вместе с появлением человека на более высокий уровень поднимается все бытие. А в структуре нижележащих уровней проявляются новые свойства. Когда нет человека, то в бытии нет качества красоты, истины, справедливости и т.п. С позиций Рубинштейна, качество красоты — это не только то, что человек привносит, скажем, созерцая прекрасный цветок или изумительное по грации животное. Грация присуща самому животному. Но данное качество без наличия человека, у которого есть способности чувствовать красивое, никогда бы не проявилось... Таким образом, когда Сергей Леонидович работал над книгами, он не просто расширял объем своих знаний, но и формулировал встретившиеся ему идеи на более высоком обобщенном философско-теоретическом уровне. Так же он прочитывал некоторых экзистенциалистов и феноменологов. Он брал идеи и на высоком уровне теоретического обобщения интегрировал их в своей системе координат. Это не каждому ученому доступно. Большинство действуют на эмпирическом уровне, т.е. идею, которую они вычитали, — очень интересную, оригинальную, — они будут разрабатывать в этой же плоскости, не поднимаясь на новый уровень обобщения.

— Скажите, вот ученые работают, допустим, над теорией формирования навыка, а ведь каждый человек, занима-

ясь какой-то своей деятельностью, не обращается к разработкам ученых по этому поводу, у него на основе личной практики развиваются свои мыслительные процессы, которые ему помогают доходить до понимания необходимости, например, самосовершенствования, в том числе выработки нужных качеств в определенном объеме. И вот в связи с этим вопрос: как применяются все научные разработки такого рода, о которых вы говорили, в практической жизни? Как они могут практически помочь инженеру, тому же научному работнику — может ли он воспользоваться, скажем, результатами исследований того же Рубинштейна?

— В науке прежде всего есть исследовательские задачи. Но человек, если возьмем область мысли, неисчерпаем в богатстве своего мышления. То, что исследуют психологи, это, конечно, небольшая часть, все время углубляющаяся. При этом ученый обнаруживает неэффективные стратегии мышления, его деформации, он выявляет условия, препятствующие или благоприятствующие возможности человека конструктивно решать свои задачи, заключаются ли они в выработке навыка или в овладении с жизненными трудностями. Трудности у человека могут быть самыми разными — нехватка знаний или отрицательное отношение к тому, кто эти знания передает. В процессе мышления участвует вся личность, хотя в том или ином случае избирательно актуализируются лишь некоторые ее структуры. Личность, действующую в определенных условиях, можно назвать «оперативной личностью». Так вот практическая задача психолога — определить те условия, при которых оперативная личность могла бы пользоваться максимумом имеющихся у нее потенциалов. А этому препятствуют различные особенности личности — ее низкая самооценка, неправильная реакция на неудачи, отсутствие умений правильно ставить цели, контролировать себя и т.д. У человека часто возникают внутренние коллизии, которые он не осознает, но испытывает острое чувство тревожности. И обнаружив все это, психолог, естественно, переходит к практической работе, оказывает психологическую помощь. Ориентация на практику есть и в зарубежной, и в отечественной психологии. Но у нас вот что получилось. В нашей психологии та практика, на которую ориентировалась вся психологическая наука в течение нескольких десятилетий, была педагогической

практикой, а это очень ограниченный вид практики. Весь старый Институт — общей и педагогической психологии — занимался только исследованием школьников. Также говорят, что все психологические исследования, проводимые на психологических факультетах, — это психология не взрослого человека, а студента, потому что изучение проходит на выборке студентов. Выявляются особенности их мышления, поведения, деятельности, личности. А надо еще исследовать особенности мышления взрослого человека. Вся так называемая теоретическая психология у нас развивалась под влиянием задач обучения и воспитания школьников. И наша психология до самого последнего времени была психологией детского, в крайнем случае юношеского периода. В зарубежной психологии большинство теорий личности вышло из психотерапевтической практики, из практики психологической помощи взрослому человеку, испытывающему трудности в своей сложной, многоплановой жизни. Там теории личности выявляют некоторые особенности взрослого человека, но нужно в сравнительном плане исследовать, что же именно типично для человека в период зрелости.

— *Это вас и привлекло в психологию?*

— Да. Осуществляя практику психоконсультирования, ученый выступает и как исследователь, и одновременно как психотерапевт. Он не ставит человека в экспериментальные условия. Психотерапевту-исследователю его клиент прежде всего начинает рассказывать о своих страданиях и конфликтах. Маслоу, например, даже сказал, что о человеке, о личности можно составить представление по очень простым вопросам, например: «Скажите, пожалуйста, на что вы жалуетесь, что вас беспокоит в вашей жизни?» И если тот начнет говорить, что он не чувствует себя в безопасности, что его не уважают, не любят и сам он поэтому не испытывает любви, то это будет один уровень и один тип личности. А другой скажет: «Вы знаете, меня тревожит то, что я в себе чувствую много способностей и возможностей, у меня есть много желаний, но в жизни существуют такие препятствия, которые не позволяют мне актуализироваться. Я страдаю от того, что в мире столько неправды, нет истины, мир так некрасив!». Для Маслоу это уже другой тип личности. Один из них действует под влиянием потребности нужды в безопасности, в уважении и в самоуважении... Но это только

предпосылка для того, чтобы у человека появились мотивы и потребности более высокого уровня — в самоактуализации, в отстаивании правды, справедливости, красоты, добра, в самотворчестве... Все теории личности зарубежных психологов и привлекли меня убедительностью картины человека, который живет напряженной внутренней жизнью, пытается преодолеть жизненные трудности. Психотерапевт же не навязывает пациенту своих мнений, он лишь побуждает его адекватно осознать свои внутренние конфликты, их истоки, говорит о возможностях новых взглядов на мир, но окончательный выбор иного жизненного пути, нового отношения к обществу, к людям предоставляет самому пациенту. Он при всех условиях остается субъектом своей жизни и соучаствует в процессе психотерапии.

Такой пластичный подход к личности имеет свои исторические корни. Очень интересные идеи высказывал Анри Бергсон. Он писал о тончайших, непрерывно происходящих движениях душевной жизни человека. Его понимание личности — разительная противоположность распространенным за рубежом, да и у нас статичным теориям личностных черт. Бергсон поэтично и точно определяет личность — как мелодию, которая звучит на протяжении всего жизненного пути человека, начиная от его рождения и кончая последними днями. Знакомясь с различными теориями личности, я пришла к выводу, что кроме психотерапии и эмпирических исследований есть еще один источник психологического знания — глубокая рефлексия личности над собой, своим внутренним миром и собственной жизнью. Но способность к проникновению в глубокие и разнородные пласты сознания — это редкая способность. Так трудно увидеть в своих переживаниях что-то совсем новое, что никогда никем не описывалось, не передавалось хотя бы языком поэзии. К углубленной рефлексии прибегают и некоторые психологи, опирающиеся на психотерапевтическую практику. Так, Карл Юнг пишет в своей автобиографии, что он чуть не помешался, анализируя собственное сознание, мир своих сновидений, но все же ему удалось вычленив в «психическом» такие своеобразные феномены, как архетипы в виде отложившегося в сознании человека опыта многих поколений человечества. В архетипы вкраплены также и особенности жизни некоторой исторической общности...

— *Расскажите о своих родителях. Кем они были и какое влияние на вас оказали?*

— В моем профессиональном становлении они сыграли роль только в том смысле, что никоим образом не ограничивали мое право выбора. Мама была химиком, до этого, правда, два курса Психоневрологического института им. В.М.Бехтерева окончила. А папа металлург. Маме хотелось, чтобы я была медиком, а папе, естественно, чтобы я пошла по его стопам, работала в металлургии. Но они ни на меня, ни на сестру не оказывали никакого давления в этом плане. Они предоставляли нам право полного выбора своего профессионального пути. В семье у нас была прекрасная нравственная атмосфера оптимистического отношения к жизни, стойкости перед всякими социальными катаклизмами, сложными событиями. Мы все были большими друзьями. Вот такая была у нас радостная жизнь, «веселый покой» (как выразился в одной из своих книг А.А. Кроник), где сочеталось разрешение раскованности с проявлением своеволия и собственного «Я», в то же время с высокой требовательностью в области нравственных отношений, с уважением к другому человеку...

— *Расскажите о наиболее сильном, запоминающемся, что вам пришлось пережить в своей профессии.*

— Мне трудно выбрать запоминающееся, потому что занятие психологией, начиная с аспирантуры (затем три года работы в Институте общей и педагогической психологии, в последующем — в секторе психологии Института философии, с 1972 г. — в Институте психологии АН СССР), было для меня счастливым событием длиной в целую жизнь. Но если брать какой-то конкретный период, то особо хочу сказать о двух. С 1948-го по 1960-й год (С.Л. Рубинштейн умер 11 января 1960г.) я могла общаться с Сергеем Леонидовичем каждую неделю, несмотря на то, что работала в другом учреждении; я считалась его сотрудницей, поскольку как член-корреспондент Академии наук СССР он мог иметь сотрудника в другом институте. Раз в неделю мы с ним постоянно общались. Это было незабываемо для меня. Он отличался эмоциональностью. Любая идея, которая высказывалась мною, воспринималась им не просто как некое высказывание ученицы, идея эта его воодушевляла, он начинал ходить по комнате, обсуждая ее с разных сторон, показы-

вая, какими могут быть пути ее разработки. В это время я тоже подключалась к обсуждению. Словом, был живой диалог, который очень одухотворял меня. Я не знаю, кто бы еще из крупных научных руководителей был так заинтересован в своих учениках. Я уходила от него в состоянии душевного подъема, у меня появлялось множество идей... Когда его не стало, я ощутила огромную для себя потерю как в личностном, так и в научном плане... В общении со своими учениками Сергей Леонидович выкладывался без остатка...

Важным также для меня является моя работа в старом Институте психологии (ныне Психологический институт РАО), которым руководил в течение длительного времени Анатолий Александрович Смирнов. Об атмосфере, царившей при нем, можно писать тома воспоминаний и диссертации. Начиная с лаборантки и кончая зрелыми учеными, все чувствовали себя значимыми, ибо все сотрудники были таковыми для самого Анатолия Александровича и, по его мнению, для психологической науки тоже. Он показывал свою личную заинтересованность в успехах, продвижении каждого человека. В Институте премий не было, а были только благодарности. Но они воспринимались людьми как исключительно большая награда. Анатолий Александрович отмечал малейшие успехи сотрудников, особенно молодых. Например, у меня, помню, вышли первые две статьи. В отчетном докладе Анатолий Александрович объявил: «И вот у Людмилы Ивановны, мы можем отметить, вышли две очень интересные статьи». Первая у меня была и не столь интересная — это о новом психологическом журнале в ГДР, с какими-то моими критическими оценками, которые потом психологов из ГДР даже обидели... И, может быть, поэтому к А.А. Смирнову все очень тепло относились. Сотрудники Института были связаны прочными коллегиальными отношениями, с большим уважением относились друг к другу, это был по-настоящему сплоченный коллектив. Анатолий Александрович объединял всех своей любовью к людям как участникам научного поиска и создателям психологической науки. И все сотрудники чувствовали себя так, что каждый из них вносит свой вклад в науку, продвигает ее вперед и что сам он крайне нужен.

В 1956 г. я перешла в сектор психологии Института философии АН СССР, которым после длительного перерыва снова стал

заведовать Сергей Леонидович. Он собрал там молодежь, но были и ученые с мировым именем — обаятельная Н.Н. Ладыгина-Котс, специалист по зоопсихологии... Среди философов Института были яркие, талантливые люди, большое впечатление на меня производили выступления и работы Э.В. Ильенкова. Очень теплые воспоминания остались от работников «научного кабинета» — нашей библиотеки, где работали энтузиасты и был свой хороший микроклимат. Но в Институте был также силен дух взаимного недоброжелательства, догматизма. Наш сектор жил в иной атмосфере, создаваемой С.Л. Рубинштейном. В Институте Сергей Леонидович пользовался огромным уважением. После его смерти уровень философско-психологической мысли в Институте резко упал, и я старалась окунуться в мир большой психологии в университете и старом Институте.

— А какие научные огорчения, неудачи у вас были на протяжении жизни, неудовлетворенность своими психологическими исканиями?

— От своих психологических исканий я чувствую неудовлетворенность. Я занималась преимущественно методологическими проблемами психологии и вопросами теории высшего уровня. Но эти разработки слабо опирались на конкретно-содержательные основания. От высот методологии и теории мне трудно было перейти к психологической практике, за психологическими категориями я не видела реального (а не абстрактного) живого человека с его сложной душевной жизнью, с дисгармоничным внутренним миром. Иногда я даже как бы «проваливалась» через терминологическую оболочку в пустоту содержания понятий. Из трех наших основных категорий «деятельность», «сознание», «личность» только первая несла в себе ряд определений. «Сознание» же оказывалось мало содержательным, а «личность» наполнена разнородным, устаревшим содержанием. Главными для меня были категория и проблема личности. И я еще на рубеже 70-х годов обратилась к анализу зарубежных концепций личности. Почти все они были построены на результатах психотерапевтической практики. Я стремилась выявить теоретически важные и новые положения о движущих силах развития личности на протяжении жизни, об условиях возникновения внутриспсихических конфликтов, о способности самого человека преодолевать свои слабости, субъективные барьеры, про-

тивостоять давлению социума, быть творцом своей судьбы.

Работы Пьера Жанэ, А. Маслоу, Г. Олпорта, А. Адлера, К. Хорни, К. Левина, В. Франкла и многих других персонологов я восприняла как проявление многоформности, многомерности феномена личности, порождающее позитивные теории, которые строились на основе взаимодействия реальными уникальными личностями, требующими терапевтического искусства. Но насколько бы ни были своеобразны терапевтические приемы, одно важнейшее основание у них было общим: только сам человек (клиент), сама личность должны стать **субъектом** преодоления своих конфликтов и тревог. Обязанностью терапевта было лишь помочь личности осознать свои внутренние (и внешние) противоречия, рассогласованность позиций, целей, представлений о себе. Задача же «клиента» — устранить внутренние диссонансы, выработать более адекватный взгляд на мир и наметить новый образ жизни. Значительную часть анализа персонологических концепций я проделала во вновь организованном при АН СССР Институте психологии. В нем, по замыслу Б.Ф. Ломова, собрались специалисты разных областей психологического знания — психофизиологи, инженерные психологи, социальные психологи, представители психологии труда, психологии способностей, историки психологии. Влились в институт и мы — психологи, перешедшие всем своим сектором из Института философии. Я надеялась, что проблема личности будет разрабатываться (в той или иной мере) в разных отделениях института. Но пока лишь в немногих лабораториях находит свою разработку проблематика личности.

Стоит отметить, что характерный для зарубежных персонологов круг проблем, касающихся внутриличностных кризисов, психологических барьеров на пути личностного развития, а также способов их преодоления, не привлекали сколько-нибудь значительного внимания наших психологов. Можно предполагать, что недавний акцент в нашем обществе на поиск условий гармоничного и всестороннего развития личности оттеснил проблематику дисгармонии и противоречивости личностного развития. Более неожиданным оказался факт недостаточного использования зарубежных данных, касающихся личности как субъекта организации и преобразования своей жизни. Этот факт можно объяснить недостаточным развитием в отечественной

науке практики психотерапии и психоконкультирования, направленных именно на усиление субъектного начала личности.

— *Если бы вам представилась возможность начать все сначала, повторили бы свой профессиональный путь?*

— Я могу совершенно точно сказать, что так или иначе все равно я стала бы психологом. Если бы даже такой науки не было, я бы ее, наверное, сама создала. Мое мышление, сознание, личность формировались под воздействием не только всего массива персонологических теорий, но и под влиянием уникальных личностей — создателей этих теорий. В связи с этими вопросами я часто вспоминаю слова Монтеня. В своих «Опытах» он рассуждал о передаче наставником суммы знаний своим ученикам. Если ученик излагает полученные знания в том же виде, как они были ему переданы, значит, их у него нет. Точно так же, как если бы мы какому-то человеку дали пищу и он, извините, говорю словами Монтеня, стал бы ее изрыгать в том же виде, в каком получил. Это значило бы, что он пищу не переварил. Он должен эти знания «переплавить» так, чтобы они стали его собственным творением. Монтень говорит, что цель всякого учения — создать, образовать личность. Знания, «проросшие» в человеке, могут напоминать знания, переданные ему учителем, но по сути они уже иные, они — собственные знания ученика, и в них есть собственные связи, они слиты с чувствами и убеждениями субъекта.

— *В какой последовательности вы расположили бы психологов прошлого по значимости их, научных деяний?*

— Я очень высоко ценю Выготского, Рубинштейна, Леонтьева, Мясищева, Ананьева, Теплова. Особенно восхищалась Рубинштейном — неординарностью, масштабностью, философским уровнем его мышления. В беседах, в устных выступлениях он непрерывно творил. Увлекательная парадоксальность мышления отличала лекции А.Н.Леонтьева. Иногда Петру Яковлевичу Гальперину предлагали во время отсутствия Леонтьева провести занятия семинара, которым тот руководил. Но даже Петр Яковлевич, человек острейшего ума, отказывался это делать. И действительно, невозможно передать строй мыслей (тем более таких оригинальных) другого человека...

— *Устное выступление усиливается и личным обаянием человека...*

— Безусловно. Все мои учителя были творцами крупных уникальных теорий. Их незаурядность выражалась и в их способе общения, в поведении. Никто из них не был, скажем, блестящим оратором. Но нас увлекало изящество и тонкость мышления Б.М. Теплова, фундаментальность философско-теоретических взглядов С.Л. Рубинштейна, неожиданные и остроумные повороты рассуждений — даже на обычных семинарах — П. Я. Гальперина, теоретическая стройность и эмпирическая проработанность концепции человекознания Б.Г. Ананьева. Мы жили дыханием большой науки. Не могу при этом не сказать об одном странном феномене. Значительное личностное влияние на меня оказывали и оказывают многие зарубежные персонологи. Через их автобиографии и труды «высвечивается» их напряжённая духовная жизнь, необычный взгляд на мир, жизнеспособность и оптимизм. В трудные минуты мне помогают образы этих людей — Э. Эриксона, А. Адлера, Л. Колберга, Г. Олпорта, В. Франкла, К. Левина, К. Роджерса и многих других.

— *Как вы считаете, нынешнее поколение проигрывает прошлому?*

— Я могла бы назвать значительное количество молодых талантливых психологов, но работают они в особый период развития психологии. Как констатируется в мировой психологической науке и у нас, пора крупных психологических теорий, истоком которых является одна личность и вокруг которой образуется школа, развивающая идеи этой личности, кончилась. Сейчас все направление психологической науки движется в сторону разработки важных проблем учеными с разными взглядами, представителями различных отраслей, которые подходят к определенной проблеме с разных сторон. В 60-е годы началось движение проблем. На первый план у нас выдвинулись проблемы социологии личности, психологии личности, затем привлекла внимание проблема бессознательного, что, однако, не слишком продвинуло разработку вопросов сознания и бессознательного. Повысилось внимание к мотивации, переживаниям, жизненному пути. На основе их разработок формируются мини-теории. У меня, правда, есть надежда, что новые формы психологической практики, например, организация психологической поддержки человека в его реальной жизни (в профессии, в семье, дома, в различных трудных ситуациях) — породят новые круп-

ные теории, которые изменяют облик психологической науки.

— *Если представить процесс развития отечественной психологии в виде кривой на координатной плоскости, то где, в какие моменты были спад, подъем, плато (в отношении теоретической, экспериментальной и практической психологии)?*

— Вплотную историей я не занималась... Мне кажется то, что я не могу так четко ответить на этот вопрос, свидетельствует не столько о моем взгляде на нашу психологию, сколько о том, что она сама, ее история очень плохо разработаны нашими психологами. Мы плохо знаем факты, идеи, имена, которые, может быть, внесли что-то интересное в психологию, поэтому могу сказать то, что знаю. Мне представляется, что период 20-х — начало 30-х годов был периодом подъема мысли. Обсуждались разные подходы, теории, велись дискуссии... 40-е годы интересны успехами нейропсихологии, созданием Леонтьевым своей концепции, разработкой Рубинштейном крупной всеобъемлющей теории... Потом новый стимул для развития психологии дали появившиеся ее прикладные области. Вот этому я придаю очень большое значение. Мне кажется, что сейчас именно прикладная психология уже начала обогащать общую психологию, вообще всю психологическую науку — там вырабатываются и новые подходы, и новые понятия. Это относится к периоду 60—70-х годов. И наш Институт психологии, объединивший представителей разных отраслей, внес, мне кажется, интересный вклад в развитие психологической науки. И организация Института психологии АН СССР (ныне РАН), и проведенные в 70—90-е годы исследования способствовали оживлению психологической мысли и ее подъему.

— *Каково ваше впечатление о длительном периоде идеологизации отечественной психологии?*

— Если под идеологизацией понимать насильственное навязывание определенных идеологических штампов, то это неблагоприятно повлияло на психологию и воспрепятствовало ее интеграции с мировой психологической мыслью. Были штампы идеологически ориентированного поведения. Конкретизирую эту мысль. Сергей Леонидович хорошо знал и обобщал достижения зарубежной психологии. Но когда я с ним о чем-нибудь разговаривала, высказывала какую-то идею, — а мне всегда хоте-

лось указывать истоки моих идей, — и сообщала ему, что «оттолкнулась» от такой-то зарубежной теории, в ответ он замечал: «Нет, так нельзя говорить. Что значить, оттолкнулась?! Вы должны свои идеи критически противопоставлять этим теориям, а не отталкиваться от них»... И это при всей его объективности взгляда на зарубежную литературу, которую он считал неисчерпаемым источником для своих идей и в целом для всей отечественной психологии. У него была собственная оригинальная, хорошо разработанная и обоснованная психологическая теория, он мог как ученый крупного масштаба критически противопоставлять свои взгляды взглядам других исследователей.

— *Что можно отметить в отечественной психологии положительного, в чем ее слабость, ограниченность, отставание, каково ее будущее?*

— О положительном я уже говорила — есть оригинальные концепции, выдвигались идеи, которые разрабатываются и в настоящее время. Очень интересные работы выполняются на факультете психологии МГУ. Но вот в арсенал самого положительного у нас обычно включают методологию. Однако методология эта часто строилась на недостаточных основаниях. Нередко брали ту или иную цитату из основополагающих работ и непосредственно переносили ее на область психологии, из которой затем подбирались примеры, подтверждающие философскую идею. Мне думается, что именно методологический аппарат нашей науки должен подняться на новый уровень разработки. Нужно показать, как методология реализуется в теории, в методах, в эмпирических исследованиях.

— *Как вы оцениваете нынешнее состояние зарубежной психологии, что могут почерпнуть из зарубежного опыта наши психологи?*

— В нашей психологии я не видела реальную личность, живого человека. Я видела некоторые разрозненные функции человека, отдельные процессы, но не было целостной личности — как она реально живет, строит свой жизненный путь, как ей трудно, какими способами она преодолевает трудности, как ей можно помочь в этом, каков вообще ее внутренний мир... А читая зарубежные исследования, я встречала многоцветье представлений о целостной личности. У них много теорий, стоящих на прямо противоположных позициях, но в своей совокупности

ти они очерчивают внутриличностную, а также внутрииндивидуальную многокачественность, разноплановость человека... В своей реальной жизни человек в разные моменты и периоды своей жизни, даже в один и тот же период, бывает очень и очень разным. Человек потому и личность, что он может предотвратить пугающее будущее, преодолеть тяготеющее над ним прошлое, переосмыслить его и осознать таящийся в прошедшем потенциал жизненного опыта. Человек действительно обуравем страстями, ему трудно справиться с ними, но он может заставить страсть служить поставленным им целям. Вот случай из жизни Тургенева. Он часто навещал семью своих добрых друзей, живя неподалеку от них в своей усадьбе. Как-то раз при очередном визите возник у него спор с хозяйкой дома о стихах. Его собеседница говорила, что она не понимает, не любит стихов и вообще не знает, зачем их писать, когда можно хорошо и понятно написать обо всем в форме прозы. Тургенев постепенно пришел в сильнейшее возбуждение, он страстно спорил, жарко доказывал, в чем смысл поэтической формы слова. И вдруг... на половине фразы он выбежал из дома, прыгнул в седло и ускакал. Собеседница осталась в растерянности — неужели она так страшно обидела замечательного человека?! Его не было три недели, и только потом он снова приехал к ней и сказал: «Вы знаете, вы своим спором привели меня в особое состояние, в котором я только и могу писать. У меня очень давно был сюжет, который мне хотелось написать, но такого состояния я в себе не испытывал». И он показал ей рукопись рассказа... Так вот и мощный подъем чувств, и умение воспользоваться безоглядностью импульсов, чтобы претворить их в стимул, в необходимое условие для творческой деятельности, соединить настоящее (порыв) и будущее (замысел), — все уживается в человеке...

Все эти зарубежные теории с разных сторон раскрывали многообразие интеллектуальной, эмоциональной и личностной внутренней жизни человека... Очень тревожило и продолжает тревожить отсутствие у нас оригинальных личностных методик. Используемые у нас методы — переложения, адаптация, модификация зарубежных. А между тем мы как личности со своеобразной историей, с неповторимым образом жизни — иные, наше своеобразие нельзя выявить методами, созданными в дру-

гих исторических условиях, для исследования личностей иного типа. Конечно, у всех есть общий личностный знаменатель, но насколько же мы разные...

— *Что вы хотели бы пожелать нашей психологической молодежи?*

— Прежде всего большой научной честности. То есть ни в коей мере какие-то свои предположения и т.п. не выдавать за факты. Многократно перепроверять гипотезы, прежде чем заявлять о них. В нашей психологии долго господствовала легковесность. Мне очень хотелось также, чтобы то, что называется фундаментальными теоретико-эмпирическими исследованиями, строилось на изучении всей полноты реальной жизни личности, тех жизненных отношений человека, которые образуют ткань его целостного жизненного пути. Нужно выявлять, какие психологические стратегии и тактики вырабатывает современный человек в нашем беспокойном мире, какой предстает действительность в его сознании, что его тревожит и вызывает нервное расстройство. Ведь для каждого исторического периода характерны свои душевные коллизии и страхи. Какова же личность нашего времени, в чем ее своеобразие — вот задачи, стоящие перед нашей психологической молодежью. Молодые психологи должны были бы организовать лонгитюдные исследования: как будет изменяться личность на протяжении, скажем, двадцати лет. И очень нужно, чтобы любые теоретические разработки шли одновременно с созданием новых методических исследовательских инструментов. И еще одно, пожалуй, пожелание. Пусть психологи будут личностями не только в своей профессии, но и в жизни, реализуют свой психологический потенциал во взаимоотношениях с людьми, в общении.

— *Ваши творческие планы?*

— Продолжать разрабатывать проблему, которая интересует меня на протяжении четверти века — изучать общие закономерности развития личности на протяжении всей ее жизни, особенно на этапах средней и поздней взрослости. Исследования показывают, что мы недооцениваем возможностей поступательного, продуктивного развития человека вплоть до завершения его бытия. Развитие включает появление новообразований, приобретений, психологических потерь и мощный механизм их компенсации. Даже в поздние периоды жизни могут появляться

новые линии личностного развития. Я бы высказала парадоксальную мысль: человек обладает избыточной одаренностью, но об этом не знает. Не знает об этом и общество, у которого всего лишь цель — подготовить узкого специалиста. Пожилые же и старые люди — это заброшенные дети общества. Совершенно прав Э. Фромм, утверждая, что человек умирает прежде, чем успевает полностью родиться.

*(записано 17 декабря 1991 г.,
дополнено в июле—августе 2001 г.)*

Е. В. ШОРОХОВА

Впервые опубликовано в Психологическом журнале» (1992, т. 13, № 6, с. 105—120).

Фото из семейного архива Е. В. Шороховой

Екатерина Васильевна Шорохова — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. Родилась 10 июля 1922 г. в селе Березовка Еланского района Волгоградской области в крестьянской семье. После окончания с отличием средней школы в 1940 г. поступила на философский факультет Ленинградского государственного университета. В 1941 г. война на два года прервала учебу. В это время работала на оборонных работах под Сталинградом, в колхозе, учительницей в начальной школе. В 1947 г. окончила Ленинградский государственный университет (психологическое отделение философского факультета). Начала с должности старшего лаборанта в секторе психологии Института философии Академии наук СССР. В этом же институте была аспиранткой. В 1951 г. защитила кандидатскую диссертацию «Материалистическое учение И.П. Павлова о сигнальных системах». С 1951 по 1960 г. занимала должность младшего научного сотрудника, ученого секретаря, старшего научного сотрудника Института философии. 1960—1972 гг. — заведующая сектором философских проблем психологии того же Института. В 1962 г. защитила докторскую диссертацию «Проблема сознания в философии и ес-

тестовознании». В 1963 г. присвоено звание профессора. 1972—1988 гг. — заместитель директора по научной работе Института психологии АН СССР, заведующая секторами философских проблем психологии, социальной психологии.

В течение ряда лет Е.В.Шорохова работала (по совместительству) на кафедре философии факультетов МГУ, преподавала психологию на психологическом отделении МГУ, в Академии МВД СССР. С 1988 г. — главный научный сотрудник лаборатории Института психологии РАН.

Основные направления ее научно-исследовательской работы — философские проблемы психологии, социальная психология, психология сознания, психология личности, история психологии.

Под руководством Е.В. Шороховой защищено около трех десятков диссертаций, проконсультировано несколько докторских диссертаций.

Е.В. Шорохова имеет 200 научных трудов. Ею изданы монографии: «Материалистическое учение И.П. Павлова о сигнальных системах» (1955), «Проблемы сознания в философии и естествознании» (1961), «Особенности психологии крестьянства» (1983, в соавторстве) и др.

Как ответственный редактор и соредактор Е.В.Шорохова участвовала в издании более 60 научных трудов. Вот только некоторые из них: «Методологические и теоретические проблемы психологии» (1969), «Теоретические проблемы психологии личности» (1974), «Методологические проблемы социальной психологии» (1975), «Методология психологи личности» (1979), «Социальная психология и общественная практика», «Совместная деятельность: методология, теория, практика» (1988) и др.

За научные работы дважды награждалась медалями ВДНХ. Имеет правительственные награды — два ордена «Знак почета» и семь медалей, в том числе одну болгарскую. В 1985 г. присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР».

Е. В. ШОРОХОВА: «ПСИХОЛОГИЯ ДОЛЖНА СТАТЬ ГЛАВНОЙ НАУКОЙ ЖИЗНИ...»

— Екатерина Васильевна, вы являетесь одним из первых выпускников отделения психологии Ленинградского государственного университета. Расскажите об этом периоде, а также о том, как пришли в психологию, кто повлиял на выбор профессии, об Б.Г. Ананьеве, возглавлявшем отделение психологии ЛГУ, его роли в развитии отечественной психологии, общей обстановке того периода?

— Родилась я в небольшом селе в крестьянской семье. Родители мои имели один-два класса начального образования. Мне повезло больше. Я окончила начальную школу в своей деревне, а потом десятилетку в соседнем селе (ходила в школу за пять километров, в любую погоду в течение шести лет). Преподавателями у нас были выпускники Сталинградского педагогического института — квалифицированные специалисты, хорошие воспитатели. Большое влияние на меня оказала учительница литературы Валентина Григорьевна Пасько, благодаря которой у меня выработался устойчивый интерес к литературе. Я даже пробовала себя в поэзии, участвовала в работе литературного кружка, редактировала рукописный школьный журнал.

Окончив школу с аттестатом отличницы, я пробовала поступить на филологическое отделение Московского института истории, философии и литературы. Попытка оказалась неудачной: я не вошла в квоту абитуриентов, принимаемых без вступительных экзаменов. Документы из МИФЛИ мне возвратили за несколько дней до 1 сентября. И тут мне помог случай. Накануне в «Правде» я прочитала сообщение о том, что в Ленинградский университет продолжается прием на экономический и философский факультеты. Посоветовавшись с учителями, послала документы на философский факультет ЛГУ. Выбор определялся тем, что философия ближе к литературе, чем политэкономия. Кроме того, я намеревалась при первой же возможности перевестись на филологический факультет. Тут и «сработал» аттестат: я стала студенткой философского факультета ЛГУ. Разу-

меется, никакой специальной подготовки у меня не было. О философии знала понаслышке. Читала запоем все, что поступало в библиотеку и имелось у знакомых, прежде всего у учителей. Это чтение было всепоглощающим, но бессистемным. Среди прочитанных книг случайными были философские — французских энциклопедистов, русских революционных демократов.

Началась интересная студенческая жизнь. Когда в конце первого полугодия обучения появилась возможность поменять факультет, я уже не захотела этого делать. Меня увлекло обучение широкому кругу дисциплин естественнонаучного (физика, химия, математика, биология, физиология) и общественно-исторического (гражданская история разных периодов, археология, история литературы разных стран) цикла. И освоить все это оказалось возможным, поскольку подготовлена я была, как выяснилось вскоре, не хуже выпускников ленинградских школ. Занятия по истории философии, с которых начиналась специальная философская подготовка, захватили своей новизной, глубиной и основательностью. Открывался новый удивительный мир познания.

Вынужденно прерванный войной процесс моего философского образования был восстановлен через два года. Ленинградский университет находился в то время в Саратове. В 1944 г. университет вернулся на берега Невы. Этот год стал для меня началом нового этапа образования, жизни. На философском факультете открылось психологическое отделение. Сразу набрали для него студентов на три первых курса. Не колеблясь, осознанно я выбрала это отделение и сразу стала третьекурсницей. На третьем курсе помимо меня оказались также Л.М. Веккер, Н.В. Яшкова и А.С. Слейшка. Мы четверо и стали первыми психологами, получившими университетское специальное образование — в 1947 г. (первый выпуск психологов Московского университета был годом позже, в 1948 г.). С этого времени я начала формироваться как психолог. Первый мой учитель — Борис Герасимович Ананьев, организатор и руководитель психологического отделения философского факультета ЛГУ. Он был широко эрудированным человеком, прекрасно знал состояние психологической науки, отличался большой культурой, имел богатейший исследовательский опыт в разных разделах психологии. Блестящий лектор и оратор. Основное направление его

научно-исследовательской деятельности заключалось в разработке идеи о значении психологии в становлении и развитии научного человекознания. Это было раскрытие реальной функции комплексного подхода. Одним из первых он обосновал положение о связующей роли психологии в системе естественных, общественных и технических наук. Генеральный замысел Бориса Герасимовича — создание научного человекознания — реализован при разработке проблем психологии чувственного познания, создании фундаментального труда «Человек как предмет познания». Ему принадлежат первая диссертация и монография по истории русской психологии.

Общий подъем в развитии психологии в те годы ощущался в атмосфере психологического отделения. Формировалось одно из крупных психологических учреждений в нашей стране, создавалась новая научная школа. Психологическое отделение было укомплектовано ведущими психологами Ленинграда. Там преподавали В.Н. Мясищев, А.А. Люблинская, Г.С. Рогинский, Ю.А. Самарин, А.В. Ярмоленко. С докладами и лекциями выступали С.Л. Рубинштейн, А.Р. Лурия, М.А. Мазманян, А.С. Прангишвили. Проводились научные конференции. Атмосферу на отделении характеризовало особо бережное отношение к молодежи. Студенты выступали с докладами на конференциях наряду с профессорами. Помню, как мне поручили в связи с юбилеем К.Д. Ушинского выступить с докладом «Значение идей К.Д. Ушинского о роли труда в формировании психики». Наш курс оказался в исключительном положении — мы были первыми и нас было мало. Нам четверым читались лекции, с нами проводились занятия в Институте мозга, Психоневрологическом институте им. В.М. Бехтерева, Институте физиологии им. И.П. Павлова, на биофаке ЛГУ и т.д. У студентов формировали интерес к научной работе. В эти же годы в нашем университете было создано научное студенческое общество, первым председателем которого стал Борис Герасимович, а мы с Л.М. Веккером входили в состав бюро Совета этого общества.

На первых порах на отделении исследовались закономерности формирования ощущений, восприятий и представлений. Под руководством Б.Г. Ананьева я выполнила и защитила дипломную работу «Роль деятельности в формировании вторичных образов». Было показано дифференцированное влияние на фор-

мирование зрительных образов цели деятельности, ее продукта и средств выполнения. Борис Герасимович всегда четко формулировал задачу, определял смысл предстоящего исследования в общем замысле комплексного изучения темы всем коллективом. Прививал вкус к экспериментальным исследованиям, инициировал развитие творческих поисков, находок в методике, сочетание лабораторных и полевых разработок. Способствовал развитию у нас навыков теоретической работы.

— В конце 40-х годов вы переехали в Москву и стали работать под руководством С.Л. Рубинштейна в секторе психологии Института философии АН СССР. Расскажите, как это произошло, а также о вашей совместной работе с С.Л. Рубинштейном и о нем самом.

— Закончив ЛГУ с красным дипломом преподавателя психологии, я переехала в Москву (вышла замуж, мужа перевели работать в столицу): стала лаборанткой в Институте философии АН СССР. В нем суждено было проработать мне 25 лет.

В 1945 г. С. Л. Рубинштейн организовал в нем сектор психологии. Помню, как Сергей Леонидович пригласил меня для беседы на психологическое отделение МГУ, которым он заведовал. На встрече оказались Б.М. Теплов и А.Н. Леонтьев, которых, не знаю почему, Сергей Леонидович познакомил с текстом моей дипломной работы. Их, вероятно, заинтересовал феномен психолога, первым только что получившего психологическое образование. Как показал затем разговор, что-то их привлекло и в самой работе. Для меня это была, по существу, вторая защита. Сергей Леонидович тогда же сказал, что он берет меня на работу в сектор психологии Института философии на должность лаборанта. Другой свободной ставки в то время не было, да я была без памяти рада и этому.

Сектор психологии Института философии АН СССР состоял из таких известных ученых, как С.В. Кравков, Н.А. Гарбузов, Н.Н. Ладыгина-Коте, А.Г. Комм, Д.И. Красильщикова, Л.И. Селецкая, А.Я. Маркова, Г.К. Гуртовой, Ф.Н. Шемякин, Л.А. Шифман, А.Г. Спиркин, М.Г. Ярошевский. По совместительству в секторе работали Б.Г. Ананьев и Б.М. Теплов.

Будучи первым психологическим учреждением в составе Академии наук СССР, сектор формировался как учреждение широкого профиля, прообраз будущего Института психологии.

Кстати, в мои обязанности лаборанта входили некоторые виды работ, связанные с проектированием и строительством пятого этажа здания Института философии, предназначавшегося тогда для будущего Института психологии. Были запланированы и построены экспериментальные камеры для психологических наблюдений. (Но Институт был организован лишь четверть века спустя и в другом месте.)

13 лет работы из 25 в Институте философии я так или иначе соприкасалась с С.Л. Рубинштейном. Этот период был сложным для психологии, для сектора и для самого Сергея Леонидовича. В 1947 г. состоялось обсуждение 2-го издания его книги «Основы общей психологии». Об этом достаточно много рассказано. Его обвинили в космополитизме, в отходе от марксистских положений, в частности в неверном понимании принципа детерминизма (формулировании положения о двойной детерминации психических явлений), и др. Прошедшая в 1947 г. дискуссия по философии в связи с обсуждением книги Г.Ф. Александрова по истории западноевропейской философии обострила интерес и критический настрой к философским вопросам естествознания. Досталось и психологии. Сессия ВАСХНИЛ, посвященная обсуждению положения в биологической науке (1948), затрагивала, хотя и косвенно, ряд психологических проблем — об отношении организма и среды, а опосредованно — о соотношении биологического и социального. Обсуждение проблем языкознания (1950) тоже было в этой серии. Что касается отношения физиологии и психологии в этот период, оно было самым драматичным. Началось наступление на психологию со стороны идеологизированной части философии, естественных наук и внутри самой психологии. Последнее выступало как некое самоедство. Идейная борьба сказывалась и в организационных преобразованиях. В 1949 г. С.Л. Рубинштейна освободили от заведования сектором. Через некоторое время сектор превратили в секцию сектора философских проблем естествознания. И лишь в 1956 г. он вновь стал самостоятельным, и Сергей Леонидович вернулся к его руководству. В это смутное время я окончила аспирантуру, работала младшим научным сотрудником, ученым секретарем Института и, наконец, старшим научным сотрудником. Пертурбации с психологией и сектором коснулись моих научных интересов. Проблема-

тикой чувственного познания в секторе занимались психофизики. Это меня не привлекало. Я стала анализировать психологические взгляды К.Д. Ушинского. Но совершенно неожиданно, волевым порядком, мне утвердили тему кандидатской диссертации, связанной с учением И.П. Павлова о сигнальных системах. Делать было нечего, я принялась за эту тему и завершила ее. Диссертацию высоко оценили А.Р. Лурия, А.О. Долин, Г.В. Скинпин, В.К. Фаддеева. С работы над ней начался этап моей научно-исследовательской деятельности — разработки философских проблем физиологии деятельности высшей нервной деятельности.

Сразу после защиты диссертации я подготовила статью о теории отражения и учении И.П. Павлова о сигнальных системах для журнала «Вопросы философии». Статью набрали, но перед тем, как подписать в печать, решили ее послать на рецензию и послали... Э.А. Асратяну и А.Г. Иванову-Смоленскому. Оба — старейшие ученики И.П. Павлова. Второй — один из двух докладчиков на «павловской» сессии (другой — К.М. Быков). Узнав о рецензентах, я буквально похолодела. Тем не менее надо было срочно получить рецензию. Э.А. Асратян отзывать не прислал, и я сама отправилась за рецензией к А.Г. Иванову-Смоленскому в Президиум АМН СССР (где он тогда был, кажется, вице-президентом). Состоялся обстоятельный разговор, статью мою он одобрил, ее опубликовали. Впоследствии, прочитав рукопись моей книги о сигнальных системах, он написал к ней предисловие, которое было набрано в типографии. Но в последний момент он сказал: «Камни, предназначенные мне, полетят в вас. Я не хочу вам, молодому ученому, портить карьеру». И... отказался подписать это предисловие. После «павловской» сессии А.Г. Иванов-Смоленский считался грозой для физиологов и психологов. Он корил меня за то, что я — ученица Б.Г. Ананьева и работаю у С.Л. Рубинштейна. Одним словом, за то, что я — психолог. Однако это не мешало очень важным для меня научным контактам с ним: он был ведущим специалистом в области исследования сигнальных систем, будучи директором Института высшей нервной деятельности, пригласил меня быть там консультантом-философом методологического семинара. Менялись директора Института (А.Г. Иванов-Смоленский, Л.Г. Воронин, В.С. Русинов, Э.А. Асратян), а я продолжала там бывать, встречаться и работать с очень интересными учеными.

Когда я говорила о сложности ситуации в психологии, я не имела в виду остановку психологической работы. В Институт философии в те годы приняли большую группу аспирантов по психологии, среди которых были Е. А. Будилова, В.А. Кукушкина, Н.С. Мансуров, Е.Н. Соколов, Л.В. Сохань, А.Л. Ярбус и многие другие. Докторанты сектора психологии — В.И. Селиванов, В.С. Филатов, Ш.Н. Чхартишвили.

Научно-исследовательская работа шла по разным направлениям. Интенсивно развивались психофизика, зоопсихология. Большое внимание уделялось анализу современного состояния отечественной и зарубежной психологии, разработке истории и тенденций развития основных ее направлений и решения главных ее проблем. С.Л. Рубинштейн организовал теоретическую и экспериментальную разработку проблем общей психологии — мышления и восприятия. Сам же он выступил как глава теоретической психологии с акцентом на ее методологической проблематике. Четыре главных направления определили его работу в последние годы — пути и принципы развития психологической науки, состояние и пути развития психологии мышления, проблема бытия и сознания, проблема человека.

Для меня совместная работа с С.Л. Рубинштейном была периодом формирования интересов к философским проблемам психологии. На несколько лет мое внимание сосредоточилось на разработке психологических проблем сознания, хотя в этот период была мода на «сознательную» проблематику. Замысел работы состоял в анализе проблемы сознания в философии и естествознании, а в итоге были высказаны некоторые соображения о решении этой проблемы в психологии. В работе над темой мне помогла солидная философская и естественнонаучная подготовка, полученная в ЛГУ и самостоятельно дополненная в Институте философии.

Касаясь личности С.Л. Рубинштейна, могу сказать, что это был гигант в психологии и философии. Потребуется многие годы для того, чтобы осмыслить и использовать его идеи в науке. Как человек он был чрезвычайно многогранен. Я всегда робела перед ним. Он держал дистанцию между собой и другими. Это, однако, не препятствовало его хорошим взаимоотношениям с людьми. Он был постоянно внимателен к сотрудам,

их научным и житейским интересам. До сих пор с волнением вспоминаю, как, будучи в больнице в связи с предстоящей операцией глаза, я получила трогательную телеграмму от Сергея Леонидовича с пожеланием успешной операции, мужества и скорейшего выздоровления. По рассказам других коллег знаю, что Сергей Леонидович многим помогал выстоять, выжить в трудное послевоенное время. Высочайшие уроки гражданственности, мужества, твердости духа, человечности преподал Сергей Леонидович всем, кто знал его, работал с ним.

— После смерти С.Л. Рубинштейна сектор оказался под угрозой закрытия, вы его отстояли и затем возглавили. Расскажите об этом периоде, о деятельности сектора в дальнейшем. В частности, в мае 1962 г. сектор организовал и провел совещание по философским проблемам высшей нервной деятельности и психологии. На нем был взят своеобразный реванш за «павловскую» сессию. На этот раз павловскому учению была дана объективная оценка, показаны его положительные стороны, отмечены недостатки. Расскажите о подготовке и проведении этого совещания и о его значении.

— Неожиданная безвременная кончина Сергея Леонидовича потрясла психологов. Всего полгода назад ему исполнилось тогда 70 лет. Накануне его кончины, помню, я отвезла ему для редактирования рукопись своей книги о сознании. Мы говорили о перспективах психологии, делах сектора, моих творческих планах... Через день Сергея Леонидовича не стало. Сразу же, без моего ведома, был издан приказ директора Института философии о назначении меня и. о. зав. сектором психологии. Вскоре объявили конкурс на замещение этой должности. В это время о секторе заговорили в полную силу. Назывались разные имена заведующих, кураторов, опекунов. Я не думала о заведовании — мыслимо ли молодому кандидату наук после самого Рубинштейна стать во главе этого подразделения?! Но буквально в последние часы до истечения срока конкурса меня пригласили в дирекцию и предложили подать заявление на конкурс. Я сомневалась было, но мне сказали, что, если я хочу, чтобы сектор сохранился и развивался так, как он задумывался Сергеем Леонидовичем, я не должна отказываться. Аргумент был неотразимый. Заявление подала, выборы состоялись. Начинался

новый ответственный период моей жизни — руководство сектором психологии.

К этому времени в сектор входили наряду с другими ученики С.Л. Рубинштейна, составлявшие костяк — Л.И. Анцыферова, К.А. Абульханова, Е.А. Будилова, А.В. Брушлинский, Н.С. Мансуров, Ф.А. Сохин. Вскоре к нам пришел К.К. Платонов и были зачислены молодые сотрудники и аспиранты — выпускники МГУ.

Стратегическая линия в развитии сектора — разработка философских проблем психологии. Мы отстаивали специфическое место психологии в системе наук. Центральной темой по-прежнему была природа психического. Разрабатывалась она в сопоставлении философского, естественнонаучного и психологического подходов. Были продолжены начатые С.Л. Рубинштейном анализ современного состояния западной психологии, истории и тенденции развития отечественной психологической науки, исследование проблем сознания и личности. Индивидуальные монографии и коллективные труды сектора того периода широко известны. Разработкой философских проблем конкретной науки сектор органически вписывался в организационную структуру Института философии. Это было результативное, продуктивно работающее его подразделение.

Выбрана тактическая линия деятельности — объединение научных сил на исследовании глобальных направлений, крупных проблем. Такая тактика осуществлялась разными путями. Объединялись усилия ученых для решения научных проблем при подготовке коллективных трудов, проведении тематических совещаний. Новой и очень важной формой коллективной работы стали всесоюзные конференции по ряду актуальных направлений.

Выдающееся значение для психологической науки имело Всесоюзное совещание по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии, состоявшееся в мае 1962 г. Официально оно было организовано АН СССР, АМН СССР, АПН РСФСР и Министерствами высшего и специального среднего образования СССР и РСФСР. Инициатор совещания — С.Л. Рубинштейн. Выдвинул он эту идею вскоре после «павловской» сессии. Для меня совещание кроме громадного общенаучного значения имело еще и глубокий личностный

смысл. Для подготовки совещания был создан оргкомитет из 40 ученых-философов, физиологов, психологов во главе с П.Н. Федосеевым, являвшимся в то время директором Института философии. С.Л. Рубинштейн был фактическим главой этого комитета. Он пригласил меня в его состав в качестве ученого секретаря. В оргкомитете среди академиков, членов-корреспондентов, докторов я — единственная женщина, кандидат наук.

С самого начала идея объединения усилий философов, физиологов и психологов на этом совещании встречала неоднозначное отношение: некоторые из ведущих психологов с большим скепсисом относились к его организации. По мере подготовки отношение менялось. Приглашены были докладчики. Основную организационную работу возложили на наш сектор. Со смертью С.Л. Рубинштейна останавливать дело ни в коем случае нельзя было. Попросили возглавить подготовку Х.С. Коштойнца. Приблизительно через полгода не стало и Хачатура Сергеевича. Институт философии проявил тогда завидную настойчивость. По поручению П.Н. Федосеева я связалась с Н.И. Гращенковым, который работал тогда в Женеве по делам ЮНЕСКО и вскоре должен был вернуться в Москву, и попросила его включиться в подготовку совещания. Он дал согласие быть заместителем П.Н. Федосеева. Эти организационные беды мы преодолели.

Уникальность совещания заключалась в том, что впервые вместе собрались философы, физиологи и психологи, чтобы обсуждать общие острейшие проблемы.

С докладами выступили М.Б. Митин, Н.И. Гращенков (вместе с Л.П. Латашем и И.М. Фейгенбергом), Е.В. Шорохова (вместе с В.М. Кагановым), П.С. Купалов, П.К. Анохин, А.Р. Лурия, С.А. Саркисов, Н.А. Бернштейн, Э.А. Асратян, Д.А. Бирюков, А.Н. Леонтьев (вместе с Д.Ю. Пановым), Ф.В. Бассин, Б.М. Теплов. Это были представители разных научных школ и с далеко не одинаковыми взглядами по кардинальным вопросам. Отличалась и подготовка совещания. Текст каждого из 13 докладов обсуждался на заседании оргкомитета. На заседаниях велись острейшие дискуссии по многим проблемам. Заранее тексты докладов были размножены и разосланы участникам предстоящего совещания, так что на самом совещании необходимость делать доклады отпала и ученые выступили лишь с

краткими сообщениями и комментариями. Главное состояло в обсуждении проблем, поставленных в докладах.

Минуло 30 лет со времени этого совещания. Опубликована книга, в которой содержались доклады, выступления, постановление. Она называется «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии» (М., 1963). Но все же совещание не было, мне кажется, оценено по достоинству. А значение его огромно. Главное — на нем дали адекватную оценку «павловской» сессии и состоянию физиологии и психологии.

На совещании подчеркивалось значение отечественного естествознания, в частности учения Сеченова, Павлова, Ухтомского, Введенского как теоретической основы современной физиологии и психологии. Обосновывалось положение о значении их идей для творческого развития современной философии. Указывалось, что «павловская» сессия наряду с положительными моментами — в частности, были отмечены исключительные достижения отечественной физиологии в развитии современного естествознания — имела и отрицательные последствия. Они выразились в догматической оценке ряда школ и направлений, связанных с исследованием деятельности мозга, психики, сознания и поведения человека, в остракизме ученых, придерживающихся таких взглядов, которые отличались от официально признанных. Для психологической науки исключительное значение имело отраженное в постановлении общее мнение о том, что получившее распространение после «павловской» сессии негативное отношение к психологической науке и попытка растворить ее предмет в физиологии высшей нервной деятельности являются методологически порочными и практически вредными.

Восстановлено было право психологии на самостоятельное существование. Определенный вклад в эту победу внес наш сектор. При обсуждении на заседании оргкомитета текста нашего доклада «Философские проблемы психологии» Л.Г. Воронин сказал: «Одного этого доклада достаточно для того, чтобы совещание состоялось и принципиальные вопросы были бы обсуждены». По существу, в этом коллективном докладе, с которым я выступила на совещании, содержалось развитие принципиальных идей С.Л. Рубинштейна о взаимосвязи философии и павловского учения о высшей нервной деятельности, о соот-

ношении физиологического и психического, природе психического, принципе детерминизма и его применении к анализу психических явлений, о проблеме сознания. После совещания продолжался плодотворный диалог крупнейших представителей психологической и физиологической наук. Разговор шел на равных.

Спустя три десятилетия после совещания нельзя не сказать и того, что не только физиологи, но и сами психологи во многом были повинны в пренебрежительном отношении физиологов к психологии, испытывали какое-то чувство вины. Некоторые крупные психологи прямо-таки заискивали перед физиологами, особенно сразу после «павловской» сессии, а на ряде совещаний публично то и дело каялись. Вместе с тем нередко восторженные оценки значения павловского учения для психологии сменялись его отрицанием вообще, что было тоже неверной позицией. Наряду с этим не только совещание, но и «павловская» сессия имели и положительное значение для психологии. Нельзя забывать и того, что после сессии в психологии возникли всемирно известные психологические школы Б.М. Теплова, Е.Н. Соколова, Е.И. Бойко и др.

Говоря о тактике «собрания сил» для решения крупных проблем, упомяну еще об одной линии. Сектору удалось установить творческие контакты практически со всеми ведущими невропатологами и психиатрами. Совместно были организованы два симпозиума: по проблемам сознания и личности. Позже, уже на базе Института психологии, — еще два всесоюзных симпозиума: по соотношению биологического и социального в психике человека и медицине и психологии. Работу невропатологов и психиатров возглавляли В.М. Банщикова и Л.Л. Рохлин. Симпозиумы привлекали внимание широкой научной общественности. Психология выполняла свою связующую функцию. Опубликовано восемь книг трудов симпозиумов, которые давно стали библиографической редкостью.

1962 г. для меня характерен еще одним событием. Через месяц после майского совещания я защитила докторскую диссертацию. Помню, на самом совещании Б.М. Теплов сказал, что за его организацию мне надо бы присудить докторскую степень. Это было чрезвычайно лестно. Но вскоре предстояла защита в качестве докторской опубликованной книги о созна-

нии. Может быть, не стоило упоминать о деталях, но они были неординарными. Во-первых, по психологии ученые степени не присуждались. Я защищала в Институте философии на философскую степень. Во-вторых, в возрасте сорока лет в то время защищать было не принято: слишком рано. Я дерзнула. Еще большая смелость состояла в том, что я всего третья женщина в Союзе — доктор философских наук. Две первые защищали давно и были гораздо старше меня.

При обсуждении работы снова продемонстрирован комплексный подход. В качестве официальных оппонентов выступали философ академик М.Б. Митин, физиолог член-корр. АН СССР Э.А. Асратян, психолог доктор наук А.Г. Спиркин...

— Для вас наступил следующий этап вашей работы — в организованном в 1971 г. Институте психологии АН СССР, куда вы перешли из Института философии АН СССР совместно с возглавляемым вами сектором психологии. Расскажите об этом периоде: с охотой ли вы расстались с прежним местом, каковы были перспективы новой работы, какие сомнения возникали и как проходила работа под руководством Б.Ф. Ломова?

— Вопрос об организации Института психологии в Академии наук возникал неоднократно. В моем архиве есть копии обращений С.Л. Рубинштейна к руководству Академии наук, вариант предложения президента С.И. Вавилова в правительство об организации Института. Но при жизни Сергея Леонидовича этого не произошло. Позже прорабатывалась в руководящих инстанциях идея организации то Института психологии труда, то Института социальной психологии. Но и это не свершилось. Решение вопроса продвинулось лишь в начале 70-х годов. Была создана большая представительная комиссия, на последнем этапе возглавляемая академиком В.В. Лариным, подготовившая необходимые документы. Я участвовала в ее работе — интересной, отразившей и состояние психологической науки, и потребность в ее развитии. Определились основные направления науки, ее задачи, организационная структура. Както совершенно случайно (других действующих лиц разыскать не удалось) меня пригласили в отдел науки ЦК КПСС, показали последний вариант проекта решения Секретариата ЦК об организации Института психологии АН СССР. В тот же день

это решение было принято. 16 декабря 1971 г. последовало развернутое Постановление Президиума АН СССР. Так произошло историческое для психологии событие.

При организации Института естественно вставал вопрос о его кадрах. В Академии наук СССР кроме сектора психологии Института философии никаких психологических подразделений не существовало. Обсуждался вопрос о судьбе этого подразделения. Было два варианта — перевести целиком сектор в новый Институт; параллельно развивать психологию и в философском Институте. Мнение руководства этого Института менялось. Сначала его директор П.В. Копнин не хотел выделения сектора, говоря, что он нам нужен в Институте философии. Затем, после неоднократных обсуждений в Академии, он дал согласие на переход сектора в новый Институт. Как я относилась к этим вариантам? Жить и работать в Институте философии было хорошо: сектор занимал устойчивое положение, его работа высоко оценивалась. Но вместе с тем организация Института психологии была заветной мечтой Сергея Леонидовича; возможно, это, а также сложившиеся обстоятельства предопределили мой переход в новый Институт.

Директором созданного Института был назначен Б.Ф. Ломов. Мы были знакомы с ним еще со студенчества в Ленинграде, затем контакты продолжались в Москве, в том числе в период нашей работы в руководстве Общества психологов. При организации Института до меня доходила информация об острой борьбе за пост заместителя директора. В ней я совершенно не принимала никакого участия. Борис Федорович сделал выбор сам. Он пригласил меня прийти в выделенное для Института помещение бывшего детского садика на улице Вавилова. Большая пустая комната, колченогий стол, две табуретки, телефонный аппарат на подоконнике — вот и все. Это был офис Бориса Федоровича. Он предложил мне стать его заместителем (В.Д. Небылицын стал заместителем директора чуть раньше). Я согласилась.

Вместе со мной почти в полном составе в Институт перешел сектор философских проблем психологии. Мы сразу же принялись за дело — перестраивали детский садик в помещение академического института, завершали начатые ранее работы и разворачивали новые направления.

По решению Президиума АН СССР Институт формировался как комплексное научно-исследовательское учреждение. В его задачу входила разработка методологических и теоретических проблем психологии, исследование материальных основ психических процессов, изучение фундаментальных проблем общей психологии, разработка психологии личности, исследование проблем социальной психологии. Тем же решением на Институт возлагалась координационная функция как головного психологического учреждения в стране.

Был сформирован Ученый совет Института, в состав которого вошли ведущие ученые Москвы, не только сотрудники ИП АН. На первом его заседании, обсуждая многие варианты научно-исследовательского плана, мы столкнулись с многообразием и разнообразием предложенной проблематики. Наряду с другими членами совета я предложила упорядочить эту проблематику, выделить ряд основных общеинститутских направлений и вокруг них сконцентрировать весь научный потенциал. Помню, В.Д. Небылицын тогда сказал: «Ты предложила такой порядок планирования и доводи дело с планом до конца». Пришлось работать всем вместе. И такой план был составлен. Он определял текущую работу и перспективу Института.

Руководить секторами и лабораториями стали видные специалисты. По первоначальному замыслу директор и его заместители по научной работе курировали научные направления работ, возглавляли лаборатории. Кроме того, были распределены научно-организационные функции. Мне было поручено заниматься издательской деятельностью, международными связями и подготовкой аспирантов. В области научной я руководила лабораторией философских проблем, затем — социальной психологии. Расскажу, как стала социальным психологом.

В конце 50-х годов после долгого перерыва вновь возродилась в нашей стране социальная психология. В секторе психологии Института философии малыми силами (1—2 человека) начались исследования в этой области. Неожиданно перед II Всесоюзным психологическим съездом (Ленинград, 1963) тогдашний президент Общества психологов А.А. Смирнов предложил мне выступить на съезде с пленарным докладом по проблемам социальной психологии. Понимая (хотя и отказываясь на первых порах), что доклад такой нужен (на I съезде в 1959 г.

ничего по социальной психологии не было), я предложила сделать его совместно с Н.С. Мансуровым и К.К. Платоновым. Подготовили тезисы, которые затем тщательно обсудили с А.А. Смирновым и А.Н. Леонтьевым, и доклад был принят. На съезде с ним выступила я. Там же мне пришлось руководить первым симпозиумом по социальной психологии.

Внутренне я была готова заниматься этим, вероятно, потому, что, работая над проблемами сознания, близко соприкоснулась с общественно-исторической проблематикой психологии. Рассматривался вопрос о соотношении общественной психологии и идеологии. Занятия философскими проблемами психологии также были близки этой области знания.

В Институте психологии разработка социально-психологического направления предусматривалась с самого начала. В 1973 г. при реструктурировании Института выделился сектор социальной психологии. В 1975 г. вышел первый значительный коллективный труд «Методологические проблемы социальной психологии», который социальные психологи нарекли по цвету обложки «сине-белой книгой». В ней помещены материалы по фундаментальным проблемам социальной психологии, авторами выступили ведущие ученые страны. Этой и другими подобными публикациями я старалась объединить лучшие творческие силы, чтобы успешнее решать различные проблемы.

Внутри Института интегрирующая работа также была крайне важна, тем более что проблематика отличалась широтой и многоплановостью. Несколько новых форм организации было найдено. Расскажу о двух.

Так, в Институте вскоре после развертывания деятельности заработал общеинститутский семинар. Он собирался еженедельно и привлекал большое количество людей как из Института, так и из других учреждений. Докладчики — все ведущие специалисты: руководители подразделений Института, внеинститутские ученые. Это были интересные встречи, длившиеся целый день. До сих пор помню ярчайший доклад П.К. Анохина, с которым он выступил за несколько дней до своей кончины. Незабываемо и выступление А.Р. Лурии об историческом развитии психических процессов А.И. Горячева ошеломила всех острой постановкой вопроса о националистических тенденциях в некоторых республиках, призвав к необходимости психологиче-

ского исследования этнических проблем. И это было в те «благополучные» в национальном отношении времена...

Впервые организовали профессорско-аспирантский семинар по психологии общения, в который входили 6—7 аспирантов и их руководители Б.Ф. Ломов, В.Ф. Рубахин и я. Доклады аспирантов и обсуждения были интересны всем присутствующим. В результате эта проблема стала одной из ведущих в Институте.

Какое психологическое самочувствие было у меня в те и последующие годы? Каждое новое дело интересно. Организация Института, его развитие и есть именно такое дело. Очень многое зависит от руководителя. У Бориса Федоровича Ломова были широкие научные взгляды, стратегическое видение развития науки, масштабность как организатора науки, доброжелательное отношение к людям, позволявшее всем проявлять инициативу. Как руководитель я это чувствовала на себе.

— *Какие психологи, на ваш взгляд, внесли наибольший вклад в развитие психологической науки? Какие события в отечественной психологии вы считаете наиболее значимыми?*

— В развитие общей теории отечественной психологии наибольший вклад внесли Б.Г. Ананьев, В.М. Бехтерев, Л.С. Выготский, К.Н. Корнилов, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, Д.Н. Узнадзе, Г. И. Челпанов. Лидерами в разработке отдельных направлений и решении крупных проблем были В.А. Вагнер, П.Я. Гальперин, С.Г. Геллерштейн, А.В. Запорожец, Б.В. Зейгарник, П.И. Зинченко, С.В. Кравков, Н.Н. Ладыгина-Коте, А.Ф. Лазурский, Н.Н. Ланге, М.А. Мазманян, Н.А. Менчинская, А.С. Прангишвили, Д.Б. Эльконин, Д.Г. Элькин.

В отечественной психологии происходило немало выдающихся событий. Главные из них, на мой взгляд, следующие. Открытие более 100 лет назад (в 1885 г.) В.М. Бехтеревым в Казани первой экспериментальной психологической лаборатории. С этого начинается собственно конституированная история психологии в России. По линии организации научно-исследовательской деятельности — создание Психоневрологического института в Петрограде, там же — Института мозга, организация Института психологии в 1912 г. Г.И. Челпановым в Моск-

ве, институтов психологии в Тбилиси и Киеве, создание Академии педагогических наук РСФСР, в составе которой кроме Института общей и педагогической психологии (ранее — Институт психологии) образовались институты с психологической направленностью: дошкольного воспитания, дефектологии — в Москве; детей и взрослых — в Ленинграде. Наконец, 20 лет назад организован первый в системе Академии наук СССР наш нынешний Институт психологии. Эти учреждения стали основными опорными пунктами формирования научных школ.

Организация отделений по психологии в ЛГУ и МГУ в 1943—1944 гг. также открывала хорошие перспективы для развития психологии. Впоследствии, в 1966 г. в этих университетах были открыты психологические факультеты. Крупное событие — введение преподавания психологии в средней школе.

Большую роль в формировании психологии как самостоятельной науки сыграло Постановление о присуждении кандидатских и докторских ученых степеней, присвоении доцентских и профессорских званий по психологическим наукам.

Многие годы отечественная психологическая наука была лишена своих печатных органов. Отныне стали выходить специальные периодические издания «Вопросы психологии» (1955) и «Психологический журнал» (1980).

Крупнейшее событие в развитии психологической науки — организация в 1957 г. Общества психологов СССР. Каждый из семи его съездов подводил итоги, намечал перспективы, координировал деятельность психологов.

Важнейшее событие мирового значения — проведенный в 1966 г. в Москве XVIII Международный психологический конгресс, хорошо организованный, представительный.

Хотелось бы отметить в этом плане дискуссии по психологии в 20—30-х годах, а также в 50-х и 60-х — на психологических съездах, совещаниях, «павловской» сессии, Всесоюзном совещании по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии. Острые обсуждения проходили на страницах печати. Рассматривались пути развития психологической науки, ее отношения с другими науками и т.п.

— *Вы занимались многими проблемами (перечислите их). Что вы считаете самым интересным из того, что делали в плане исследований?*

— Действительно, в психологии я оказалась «многостаночником», занималась большим количеством проблем. Это — философские проблемы физиологии высшей нервной деятельности, методологические и теоретические проблемы психологии, учение Павлова о сигнальных системах, проблема сознания, теоретические проблемы психологии личности, методология социальной психологии, социальная психология личности, психология больших социальных групп; история, современное состояние и тенденции развития психологии, в особенности социальной психологии. Из более конкретных проблем исследовала психологические механизмы регуляции социального поведения, проблемы социально-психологического климата, социалистического соревнования, психологии совместной деятельности, социальную психологию общения. Коротко остановлюсь на некоторых результатах последних лет работы.

В области методологии социальной психологии в период интенсивного ее развития после значительного перерыва важны рефлексия происходящего, оценка исторических периодов, этапов развития, выделение современных проблем, прогноз движения. Анализ современного состояния показал, что отечественная социальная психология имеет специфические особенности. Основные ее тенденции — методологическая направленность, системный характер, личностная ориентированность, диалектический процесс интеграции и дифференциации социально-психологического знания. Специфичны объекты социально-психологического исследования (психология коллективов, межгрупповых отношений и др.). Глобальной тенденцией социальной психологии выступает ее практическая ориентация. Важное место в социальной психологии занимают методологические принципы — они разных уровней. Ряд общих принципов научного мировоззрения имеет особое значение для социальной психологии. К ним относятся принципы гуманизма, общественного развития, единства теории и практики, составляющие первую группу. Во вторую входят принципы общей психологии, используемые в социальной психологии, — детерминизма, отражения, единства сознания, личности и деятельности, развития. В третью — общенаучные и общепсихологические подходы: комплексный, системный, личностный. В процессе становления выделяется четвертая группа принципов социальной психологии,

специфика которой заключается в том, что выделенные и достаточно проанализированные объекты исследования превращаются в инструмент методологического анализа социально-психологических явлений, определяют пути и методические средства исследований. Происходит превращение ряда категорий в методологические принципы. К ним относятся ныне деятельность, общение, образ жизни, общественные отношения. Логика научного исследования и научно-организационные потребности создали необходимость анализа основных составляющих современного развития социальной психологии. Были выделены теоретический, эмпирический, практический и организационный потенциалы ее развития. Важным представляется и факт публичности этого анализа: он содержался в пленарном докладе на I Всесоюзном симпозиуме «Актуальные проблемы социальной психологии» (Кострома, 1986 г.). Были сформулированы некоторые соображения о стратегии развития социальной психологии в нашей стране.

Субъективно важным для себя считаю исследования в области социальной психологии личности. Я много занималась теоретическими проблемами личности, изучала тенденции их развития в отечественной науке. Существенным дополнением к общепсихологическим работам явились социально-психологические исследования. В результате сформировался социально-психологический подход. Он сопоставлялся с общепсихологическим и социологическим подходами к личности. Вместе с М.И. Бобновой в течение ряда лет мы руководили работами по новому направлению — «социальная психология личности».

В формировании личности были выделены два пути — субъективный и объективный. В современных условиях общественного развития возрастает роль субъективного фактора в развитии личности, смещаются акценты с общественной детерминации на индивидуальную. Гармоничность личности представляет собой сложное образование. Выделяются различные ее уровни, отражающие сложнейшие взаимодействия внешних и внутренних факторов, соотношения разных внутриличностных структур. В условиях современного социально-экономического развития возрастает значение социально-психологических качеств личности. Общие идеи о социальной психологии личности применялись в анализе общественно-политической активно-

сти человека и некоторых аспектов личности профессионала.

По вопросам психологии личности мне пришлось неоднократно выступать на крупных собраниях. Наиболее важные из этих выступлений — пленарные доклады на V и VI (в соавторстве с А.А. Бодалевым) Всесоюзных психологических съездах, на пленуме Центрального совета Общества психологов.

— Как в целом оцениваете свою научную и административную деятельность, довольны ли ею, не жалеете ли о сложившейся профессиональной судьбе? Кто ваши ученики и последователи?

— Прожита нелегкая жизнь. Пережила коллективизацию в деревне, не одну голодовку, страшную войну, гибель на фронте отца, потерю очень дорогих мне людей, тяжелые болезни, материальные лишения и другие невзгоды. Все это вынести помогла только работа — желанная, любимая. Судьба в целом была благосклонна ко мне (может быть, в силу моей неприхотливости к различным жизненным неудобствам). Если бы начинать все сначала, я сместила бы акцент на научно-исследовательскую деятельность. Мне пока не удалось реализовать все замыслы: завершить изучение проблемы потребностей в психологии, психологических воззрений К.Д. Ушинского, провести анализ психологии больших социальных групп.

Мне повезло на талантливых учеников. Среди них были А.А. Брудный (ныне член-корр. АН Кыргызстана), Г.С. Тарасов (ныне доктор наук). Многие из учеников работают или работали в ИП РАН — И.И. Чеснокова, В.Г. Асеев, Н.В. Кучевская, В.А. Кольцова, С.С. Папавян, А.А. Кроник, Е.В. Журавлева. Другие трудятся в других учреждениях, городах и странах — В.П. Чекурин, В.В. Рубцов, Е.В. Таранов, В.С. Сафонов, Е. А. Родионова, Е.В. Цуканова, До Лонг, С.Н. Пустовалов, И.Р. Сушков, Т.Е. Аргентова, Л.И. Бамбурова, В.Е. Резников.

— Вы были президентом Общества психологов СССР. Расскажите о роли Общества того периода в развитии психологической науки. Как вы оцениваете деятельность Общества в нынешнем его качестве? Что могли бы сказать о сегодняшнем состоянии психологической науки, что ей необходимо сделать для повышения ее статуса в современных условиях?

— С Обществом психологов СССР меня связывали долгие

годы работы. На II—V съездах я избиралась его вице-президентом (президентами были А.Н. Леонтьев и Б.Ф. Ломов), между VI и VII съездами президентом была я.

Работа Общества была существенным звеном в развитии психологии в стране. Съезды были продуктивными, интересными. Межсъездовская работа Центрального совета, Президиума, отделений Общества вызывала живой отклик всего психологического сообщества. В истории Общества отражается почти сороколетняя история психологии. Общество стало полноправным членом международных психологических организаций (Международного союза научной психологии, Союза прикладной психологии и др.). После XVIII Международного психологического конгресса (Москва, 1966) расширилось число ученых из нашей страны, принимающих участие в работе международных психологических конгрессов. Представители Союза стали постоянно избираться в руководящие органы международных психологических организаций. К нашим национальным съездам издавалось большое количество материалов (к последнему, VII, опубликовано 14 томов тезисов докладов). Общество выполняло важную функцию коллективного организатора. Работа была чрезвычайно полезной. Последний съезд в организационной его части показал, что удержать Общество в прежних рамках не удастся. Нужно искать новые пути.

Как обстоят дела в Обществе сейчас? Я не располагаю информацией.

О состоянии психологической науки в современных условиях. Развернутая оценка этого состояния содержалась в моем президентском докладе на пленарном заседании VII съезда Общества психологов СССР (Москва, 1989). За последние годы в психологической науке революционных преобразований не происходило. Процесс ее развития продолжается. Он имеет свои положительные и отрицательные стороны. Общественно-историческая ситуация в стране меняется быстро. Новые социальные явления возникают и исчезают, не успев попасть в поле зрения науки. Общественные требования практической отдачи — как можно скорее — приводят к переориентации с разработки фундаментальных проблем на прикладные отрасли. Деполитизация и деидеологизация общественных наук оказывает благотворное влияние на развитие психологии. Открываются широкие воз-

возможности свободы научного творчества. Психология в настоящее время находится в интенсивном поиске пути своего дальнейшего развития. Предпосылки для успеха в этом существуют. Сохраняется связь времен. Потребность в познании возникновения, развития психических феноменов и роли психологии в жизни людей и общества в целом возрастает. Чтобы удовлетворить ее, психология должна стать главной наукой жизни. Цель психологии — создать научное обеспечение прогрессивного социального развития общества и достойного индивидуального развития человека. Возможности для достижения этой цели у психологии есть. Это — ее методологический, теоретический, эмпирический, практический и организационный потенциалы. Кадры в психологической науке квалифицированные, они могут решить все.

— *Какую роль сыграл и будет играть марксизм в развитии психологической науки?*

— Марксизм в психологии выполнил функцию методологической основы. В 20—30-е годы XX в. вопрос об отношении психологии и марксизма был центральным в дискуссиях о судьбах отечественной психологии. Она искала свой путь. Марксизм подсказывал ей этот путь. Становление психологической науки было связано с освоением марксизма. Главные методологические принципы психологии сформулированы на основе трудов К. Маркса — принципы детерминизма, единства сознания и деятельности, системный подход, принцип общественных отношений, личностный подход и др. В разработке конкретных вопросов использовались марксистские положения. Связь отечественной психологии с марксизмом является сильной ее стороной.

Отречься от марксизма в нашей психологии — значит, перечеркнуть ее историю. По своему объекту психология вместе с другими общественными науками тесно смыкается с философией марксизма. Следует иметь в виду, что не только психологи в нашей стране обращали внимание на идеи Маркса и разрабатывали их. Широко известны работы французских (Л. Сэв и др.), американских (Э. Фромм) и других психологов. В мировой психологической литературе отношение к марксизму серьезное.

В нашей стране в последнее время усилилось критическое

отношение к марксизму. Это отражает общую настроенность на деидеологизацию науки. В целом настрой правильный, но в частности происходит перекосяк. Он является ситуативным. Мне представляется, что значение марксизма для психологии до конца не исчерпано. Поиск лишь ошибок и неточностей в нем непродуктивен. Часто это происходит из-за недостаточно глубокого знания марксизма и тех издержек его интерпретации, которые содержатся в трудах более поздних марксистов. Тема «Психология и марксизм» ждет своих исследователей. Еще более конъюнктурным является отношение к ленинскому наследию. Происходит прямой перенос оценок политической деятельности В.И. Ленина на его философские, социологические работы, многие положения из которых положительно оценивались психологами и использовались ими. Но это тоже неисторично и ненаучно.

— *Вы были секретарем, партийной организации Института философии АН СССР. Расскажите, какие проблемы возникали на этом поприще, как вы их решали и какие навыки, на ваш взгляд, вы приобрели, выполняя эти функции? Остались ли вы членом компартии и намерены ли в дальнейшем придерживаться социалистической ориентации?*

— Несколько лет и в разное время я избиралась секретарем партийной организации Института философии. В таком идеологическом учреждении это была высокая и ответственная общественная работа. Я дорожила доверием авторитетного коллектива. Работать было сложно, но интересно — разные сотрудники и руководители, сложнейшие ситуации. Надо было содействовать нормальному климату, творческой атмосфере. Трудно судить самому, как это получалось, но, по отзывам коллег, секретарское партийное дело я делала неплохо. Помню, высоко его оценивал П.В. Копнин, бывший директором Института философии в последние годы моего партийного секретарства.

Трудный вопрос вы поставили об отношении к нынешней партийной ситуации. В этом году исполнилось 40 лет, как я вступила в партию. О нашем поколении говорят, что мы «Октябрём рожденные». Этот социальный факт не прошел бесследно для нас. Я поздно и вполне осознанно вступила в партию, не искала никаких выгод и льгот и за 40 лет их не имела. Значит, в основе этого поступка и всей линии поведения на протя-

жении долгих лет были убеждения. Их изменить в одночасье невозможно. Это тоже мое убеждение. Смена на 180° своих партийных позиций, как это произошло даже с рядом руководящих деятелей партии, мне представляется беспринципным актом. Бичевать себя за свое партийное прошлое мне не за что. Роспуск партии таким недемократическим путем прекратил членство в ней. История расставит все по своим местам.

— *Сейчас вы являетесь главным, научным, сотрудником Института психологии РАН. В чем состоят ваши новые функции, каковы планы на будущее?*

— Имею теперь возможность, освободившись от большинства организационных обязанностей, больше уделить внимания науке. Изменение статуса скорее коснулось формы, а не содержания деятельности. Продолжаю возглавлять научные направления. В этой должности руководила исследованием психологических проблем общественного сознания. Авторский коллектив подготовил рукопись по этой проблематике. В качестве обязанностей главного научного сотрудника продолжает оставаться работа по подготовке научных кадров — руковожу аспирантами, являюсь председателем Ученого совета по защите кандидатских диссертаций и заместителем председателя по защите докторских. Готовлю разные оперативные материалы, участвую в экспертизе выполненных в Институте и других учреждениях работ. Могу с полной определенностью сказать, что работать главным научным сотрудником намного интереснее, чем на всех начальственных постах. А теперь о планах на будущее. Задумана работа по истории отечественной социальной психологии. В какой-то степени считаю себя ответственной за долг социальных психологов перед историей психологии. В свое время в Институте психологии планировалась и в значительной степени выполнена серия работ по истории социальной психологии в мире: подготовлены книги по социальной психологии в США, Западной Европе, социально-психологическим проблемам в русской науке, по социальной психологии в социалистических странах. Осталась незавершенной работа по истории отечественной социальной психологии XX в.

— *От чего хотели бы предостеречь молодых психологов, что бы им пожелали?*

— Прежде всего следует предостеречь от легковесного от-

ношения к жизни, к своей профессии. Психологическая профессия — одна из труднейших. Первое правило, которому надо следовать, имея дело с человеком,— это, как в медицине, не навредить. Учиться всю жизнь понимать человека, встать на его позицию, научиться слушать его, опираться постоянно на лучшие, сильные качества и тем самым помогать решать человеческие проблемы. Важно сейчас, в наше бурное, трудное время, не поддаваться соблазну спекулировать на психологии, моде на нее, не превратить ее из цели жизни в средство для достижения других целей. Не порывая с традициями, находиться в постоянном поиске. Бескорыстный поиск истины, как свидетельствует история, тоже немало стоит. А в общем пожелала бы молодежи взять на себя ответственность за судьбы психологической науки, за ее прогресс и соответствовать высокому званию психолога.

(записано в марте—апреле 1992 г.)

А. М. МАТЮШКИН

Впервые опубликовано
в «Психологическом журнале» (1993, т. 14, № 4,
с. 161 — 168).

Фото из семейного
архива
А. М. Матюшкина

Александр Михайлович Матюшкин — доктор психологических наук, профессор, академик Российской Академии образования, заведующий лабораторией психологии одаренности Психологического института РАО.

Родился в 1927 г. в Саратовской области. В 1953 г. окончил отделение психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. 1953—1955 — работа в учебной части философского факультета. В 1957 г. закончил аспирантуру отделения психологии МГУ и затем — редактор издательства АПН РСФСР. В 1960 г. защитил кандидатскую диссертацию (исследование психологических закономерностей процесса мышления). 1962—1963 гг. — младший научный сотрудник в одном из учреждений (занимался проблемами инженерной психологии). 1963—1974 гг. и с 1980 г. по настоящее время — работа в Научно-исследовательском институте общей и педагогической психологии АПН СССР (переименован в Психологический институт РАО). В 1974 г. защитил докторскую диссертацию (проблемные ситуации в мышлении и обучении). 1974—1980 гг. — заведование сектором психологии НИИ проблем высшей школы Минвуза СССР. С 1981 по 1992 гг. главный редактор журнала «Вопросы психологии».

1983—1990 гг. — директор Института общей и педагогической психологии АПН СССР. В 1980 г. присвоено ученое звание профессора. В 1984 г. избран членом-корреспондентом АПН СССР, в 1990 г. — действительным членом АПН СССР. Опубликовал более 150 работ. Почетный профессор Международной ассоциации онтопсихологов; корреспондент «Европейской ассоциации высших способностей»; член редколлегии «Европейского журнала высших способностей».

Является специалистом по проблемам психологии мышления. С 1953 г. под руководством С.Л. Рубинштейна им разрабатывались проблемы психологической структуры и методы экспериментального исследования мышления. На основе экспериментальных исследований получены данные об условиях анализа и обобщения отношений в решении мыслительных задач. Эти результаты вошли в «Хрестоматию по общей психологии» (1980).

На основе психологических исследований мышления разработано психологическое обоснование проблемности в обучении; предложена психологическая классификация проблемных ситуаций; сформулированы принципы, определяющие оптимальную последовательность проблемных ситуаций в обучении; дано соотношение проблемных и неproblemных форм обучения. Экспериментально показано психологическое значение проблемности как фактора творческого развития человека, особенно значимого для одаренных учащихся на этапах школьного и вузовского обучения. Результаты этих исследований вошли в «Хрестоматию по возрастной и педагогической психологии» (1981), опубликованы также в монографии «Проблемные ситуации в мышлении и обучении» (1972).

А.М. Матюшкиным и его учениками экспериментально подтверждены положения о диалоге как общепсихологическом и социально-психологическом факторе, способствующем актуализации и развитию творческого потенциала в игре и учении, групповом решении творческих задач. На основании этих положений разработаны проблемно-диалогические методики лабораторного исследования мышления, получены новые экспериментальные данные о структуре и развитии мышления в условиях диалогического общения, сформулирова-

ны принципы проблемно-диалогических форм обучения (1979—1983) и психолого-педагогические требования к учебному диалогу, реализуемые в обучении одаренных детей.

На основе разработанной концепции «Творческая одаренность» (1988—1992) в работу лаборатории психологии одаренности Психологического института РАО включена вся научная и практическая проблематика идентификации и развития одаренных и талантливых детей. Сотрудники лаборатории совместно с американскими и немецкими учеными выполняют международные проекты лонгитюдных исследований в целях социокультурного сопоставления российских, немецких и американских детей. На основе этих исследований разработаны программы, подготовки учителей и воспитателей для работы с одаренными детьми в школах, лицеях и гимназиях.

А. М. Матюшкин: «БУДУЩЕЕ НАУКИ БУДЕТ ЗАВИСЕТЬ ОТ ПРАВСТВЕННОГО КЛИМАТА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ»

— Скажите, что для вас означает психология и что предопределило ваш приход в эту область?

— В моем школьном детстве было два увлечения — авиацией и человеком. Авиацией — из-за романтики, а человеком — из-за безграничности этой темы. В военную авиацию я был призван сразу после окончания средней школы (в 1944 г.), успел поучиться в Энгельском летном военном училище и немного поработать в должности авиационного механика бомбардировочного авиационного полка. В 1948 г. демобилизовался и имел возможность выбирать будущую профессию. Можно было поступить в МАИ...

Но именно тогда я узнал о специальном отделении в Московском университете, на котором изучают психологию человека. На собеседовании в отборочной комиссии меня спросили как раз о том, почему я поступаю на отделение психологии и что я знаю об этой науке. К этому времени я знал книгу

Дж. Дьюи «Психология и педагогика мышления» (Москва, 1922 г.), подаренную мне одним из школьных учителей, и кое-что из богословской литературы, оставшейся в наследство от моего деда.

Прошло много времени с тех пор, имею собственные исследования (в том числе и по проблемам психологии мышления), но психология не утратила для меня прежнего, юношеского впечатления. Человек по-прежнему остается непостижимым в его таинственной индивидуальности, неповторимости его жизненного пути и внутренней духовности. Эта наука ныне выступает во многих ипостасях: как строгая естественная наука о человеке, как гуманитарная наука о духовности и мире, в котором он живет, и как гуманистическая практика, которая может помочь людям в трудных ситуациях жизни. Вот эта практическая польза психологической науки кажется сейчас самой главной.

— *Какие проблемы психологии интересуют вас больше всего? Расскажите, как складывалась ваша профессиональная судьба. Каким вы видите свой рейтинг ученого? Что считаете наиболее важным, и полезным в своей научной деятельности?*

— *Никогда не задумывался над своим рейтингом ученого.*

Мои исследования включали три взаимосвязанные проблемы: процессы решения творческих задач; реализацию закономерностей процессов мышления в форме принципов проблемного обучения; структуру и психологические условия развития творчески одаренных и талантливых детей. Все эти проблемы составляют по существу одну общую, касающуюся высокоодаренных и талантливых людей. Обращение к особенностям развития и обучения одаренных являлось для меня и моих коллег не модой, а исследовательской проблемой, для разработки которой мы уже имели предпосылки в предшествующих своих работах.

Наша концепция включила не только результаты собственных исследований, но также главные положения основных итогов теоретических и экспериментальных работ по проблемам мышления и творчества, выполненных под руководством А.В. Брушлинского, Я.А. Пономарева, О.К. Тихомирова. Бывшее союзное Министерство образования определило программу «Творческая одаренность» как приоритетную и создало соот-

ветствующий центр по ее реализации при нашем институте. В работе центра участвовали как ученые, так и учителя — представители русского Севера, Урала, Сибири, Алтая, Дальнего Востока и др. Теперь позиция изменилась — центр преобразован в традиционную лабораторию, программа не получила поддержки, Российское Министерство образования пока что не считает исследования одаренных приоритетными. Однако ни частные школы, ни лицеи и гимназии без научного обоснования не смогут способствовать развитию талантов России. Очевидно, эти проблемы еще недостаточно волнуют общественность. Но именно в решении проблемы развития одаренных — будущее России.

Как я уже отмечал, в студенческий период жизни,— а тогда отделение психологии по старой университетской традиции работало на философском факультете,— у нас была очень сильная студенческая группа: почти для всех из нас изучение психологии определило всю последующую жизнь. Проводимые семинары, практические занятия, научные кружки были неформальными, обсуждения психологических проблем нередко перерастали в дискуссии по философии. Этому не мешали ни скромный послевоенный быт студентов, ни отсутствие многих учебников, ни необходимость дополнительно зарабатывать себе на пропитание.

Нам повезло с нашими наставниками. Это были А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, опекавший нашу группу с первого по пятый курсы, А.Р. Лурия, Б.В. Зейгарник. Моим научным руководителем был С.Л. Рубинштейн — один из самых талантливых психологов нашего времени. Ему я обязан как научной позицией, так и разрабатываемой проблематикой. Мне повезло на хороших людей в издательстве АПН РСФСР, в Институте проблем высшей школы, в Президиуме Общества психологов, в редакции журнала «Вопросы психологии», в дирекции и ученом совете Института общей и педагогической психологии. На всех этапах жизни я имел поддержку добрых и талантливых людей. Может быть поэтому у меня была возможность принести определенную пользу на тех должностях, которые мне пришлось занимать в разное время. Даже в очень конфликтных ситуациях удавалось находить оптимальные для того времени решения.

Мне посчастливилось дружить с выдающимися зарубежными психологами, занимающимися теми же проблемами, что и я. Особенное значение для меня имело общение с одним из основателей гуманистической психологии Карлом Роджерсом, приехавшим к нам в Институт. Психотерапевты, работавшие в его группе (вместе с Рут Сэнфорд), прошли школу личностной психологии. Общаясь с Карлом Роджерсом, я впервые почувствовал широкие возможности психологии как науки в оказании ей помощи человеку в самых трудных для него ситуациях, в его самосовершенствовании, профессиональном росте, обретении самого себя. Я испытал удивительное чувство видения целостности человека, обращающегося к психологу с надеждой на решение своих проблем.

— *Вы возглавляли Институт общей и педагогической психологии АПН СССР. Расскажите об этом периоде, а также о том, какие обстоятельства этому способствовали и почему потом вы «отдали» эту должность?*

— Директором института я стал совершенно случайно, в период больших трудностей у института и его тогдашнего директора В.В. Давыдова. Руководителем я не стремился быть, не имею способностей к административной работе. Случайность состояла в том, что именно в эти дни я был освобожден от должности заведующего лабораторией в нашем же институте. Очевидно, именно поэтому мне предложили директорскую должность, и я согласился, зная — приобретаю дополнительные заботы.

— *Что за восемь лет директорства удалось сделать для института и его сотрудников?*

— Удалось сохранить институт как научное психологическое учреждение, кадровый состав, основные направления научной работы. С помощью заведующих лабораториями я научился заботиться о всех направлениях научной работы института, а не только тех, которые мне близки. Это очень важно для директора — научиться понимать (и принимать) другие научные концепции, защищать и отстаивать их ценность перед любыми контролирующими инстанциями и оппонентами. Кроме того, в прошедшие годы был накоплен значительный задел в подготовке молодых талантливых ученых. Теперь они защищают докторские диссертации и становятся руководителями групп

и лабораторий. Значит, институт может теперь жить в новом качестве.

Почему я «отдал» эту должность? Ответил бы так: пора и честь знать. Но самое главное — новое время нуждается и в новых людях.

— *Какие события в отечественной психологии, на ваш взгляд, являются наиболее значимыми и кого из отечественных психологов вы хотели бы отметить как внесших наибольший вклад в развитие психологии?*

— Хочу отметить очень важное событие, о котором мы редко вспоминаем, — открытие в 1914 году Психологического Института им. Л.Г. Щукиной при Московском Императорском университете. Это был праздник для отечественной психологии. По мнению европейских и американских психологов, этот институт (построенный на пожертвования СИ. Щукина по проекту Г.И. Челпанова) был лучшим тогда психологическим учреждением в Европе. Можно сказать, что именно с этого периода начались систематические фундаментальные исследования в России. Тогда же стали готовить и психологические кадры для нашей науки. Особенно хотелось бы отметить большие заслуги — как организатора, и как компетентного ученого — Григория Ивановича Челпанова. Он не только поднял до мирового уровня качество и значимость научных исследований своих сотрудников, но сумел также собрать в одном учреждении талантливую молодежь, которой суждено было в дальнейшем возглавлять разработку многих проблем, особенно в области общей и педагогической психологии.

В последующие годы все больше укреплялся авторитет этого психологического учреждения. Многие ученые способствовали этому, особенно Анатолий Александрович Смирнов, возглавлявший Институт в послевоенный период. Он сделал немало для накопления научного потенциала Института, создал хорошую, дружескую атмосферу в коллективе, отличался мудростью руководителя и наставника, был справедливым и порядочным человеком.

Важными событиями я бы назвал открытие факультетов психологии при университетах, прежде всего при Московском и Ленинградском. В этом заслуга соответственно А.Н. Леонтьева и Б.Г. Ананьева. Следует упомянуть и А.В. Запорожца, со-

здавшего Институт дошкольного воспитания. Можно отметить в качестве важных предпосылок для создания факультета психологии в Московском университете наличие организованного С.Л. Рубинштейном отделения психологии на философском факультете и разработку им же широкой психологической концепции, которая вошла в сокровищницу психологических знаний.

22 года назад создан Институт психологии Академии наук СССР (ныне Российской академии наук), а в 1980 г.— «Психологический журнал». Главная заслуга в этом Бориса Федоровича Ломова. Психологическая наука с того самого времени вошла в число академических фундаментальных наук.

В наше время нужно высоко ценить не только ученых-теоретиков, но и крупных организаторов науки. На собственном опыте знаю — многое зависит от отдельных людей, приобретающих власть как в науке, так и в обществе.

К сожалению, были и разрушительные моменты в истории нашей психологии. В результате идеологизации науки, на основе марксизма-ленинизма, была создана советская психология, которая вела постоянную борьбу с зарубежной наукой. Она не препятствовала разработке методов социального (в том числе педагогического) манипулирования человеком.

Для того чтобы оценить научный вклад русских психологов прошлого, нужно провести специальное исследование. К сожалению, такого рода работ — по истории дореволюционной и послереволюционной психологии — немного.

— Каково, на ваш взгляд, современное состояние нашей психологии, что она из себя может представить в будущем, в том числе и как составная часть мировой психологической науки?

— На сегодняшний день состояние нашей психологии я оцениваю как бедственное. Это и очень низкий уровень жизни ученых, и чрезвычайно устаревшее экспериментальное оборудование, и отсутствие широких издательских возможностей для оперативного распространения новых идей и результатов научных исследований. Из-за этого теряется социальная престижность науки, ее результаты остаются невостребованными. Создается впечатление, что это не просто упущение, а социальная политика, направленная на развал науки, особенно в областях,

относящихся непосредственно к изучению общества и человека. Психологи переключаются на бизнес, занимаются практикой психотерапевтического консультирования, диагностикой, тренингом и т.п. Из фундаментальной науки будут уходить квалифицированные кадры, а из-за ограниченного финансирования трудно планировать выполнение теоретических, а тем более дорогих и длительных лонгитюдных исследований. Отсутствие современного оборудования растягивает исследования на длительные сроки, а трудности публикации результатов создают преграды в разработке теоретических и практических проблем. Эта ситуация тяжела для всех наук, в том числе и для психологии. Известен в целом высокий уровень российской психологической науки как в общей психологии, так и во многих прикладных областях. Особую роль в развитии психологии сыграли в свое время созданные научные школы, возглавляемые Л.С. Выготским (культурно-историческая теория развития психики), С.Л. Рубинштейном (общепсихологическая теория деятельности, соотнесенная с бытием человека в мире), А.Н. Леонтьевым (деятельностная теория психики, рассматривавшая высшие психические процессы деятельности и по происхождению, и по структуре). Между этими двумя деятельностными концепциями до сих пор ведется дискуссия. К сожалению, она осложнена привходящими идеологическими стереотипами. А.А. Смирнов так оценивал ситуацию в советской психологии своего периода: «Заканчивая обзор пути развития советской психологической науки, надо еще раз подчеркнуть идейное единство всех советских психологов, твердо опирающихся в своей работе на философию марксизма-ленинизма, на основополагающие высказывания классиков марксизма-ленинизма по вопросам, имеющим ближайшее отношение к решению важнейших проблем психологической науки... Достигнутые результаты открыли новые перспективы активного участия советской психологии в строительстве коммунистического общества в СССР, в формировании личности человека коммунистического общества, в организации на коммунистических началах всей жизни людей нашей страны»* .

* А.А. Смирнов. Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М.: Педагогика, 1975. С. 323.

Что же изменилось с тех пор? Надо признать, что по методологическим подходам, тематике исследований, общим стремлениям к «формированию человека» психология 80-х годов почти ничем не отличается от психологии 70-х. Изменилась лишь терминология и предприняты попытки осмысления ситуации «перестроечной» и «постперестроечной» действительности. Основные же подходы и позиции остались такими, как и в предыдущую эпоху, ориентированными на «формирование человека», но теперь только применительно к построению рыночного общества. Так, самые ортодоксально-марксистские концепции, которыми в первую очередь пользовались при обосновании «марксистское™» психологии, и теперь остаются ведущими в нашей науке. Они оказались хорошо адаптивными к социальным изменениям и готовы исполнять новые заказы приходящих к власти идеологов. Вполне понятно, что не так легко изменить себя (а кем-то это понимается и как «изменить себе»). Нужны дискуссии по методологическим и теоретическим проблемам российской психологии, осознанию принятых стереотипов и заблуждений, по крайней мере, «спокойное» отношение к многообразию научных позиций. К сожалению, этого пока не происходит, да и вряд ли произойдет быстро.

Считаю, что нынешнему поколению молодых психологов повезло в большей степени, чем нам,— в силу того, что они свободны в выборе своей научной позиции. Ведь каждая научная позиция в той или иной степени дополняет другую. Это относится и к истории психологии, и к современным научным школам в психологии. В различных мировых научных психологических школах сосредоточено большое богатство современных наработок, порою исключаящих друг друга. Только советская психология была «единой» и «правильной». Надеюсь, что к началу будущего столетия отечественная психология вольется в мировую науку и обретет новое качество.

Очень важно, чтобы она восстановила свой гуманистический статус, преодолела бы безнравственное стремление к формированию человека и управлению им. А это так трудно — преодолеть хорошо разработанный, безличностно-ролевой, манипулятивный подход! Он неоднократно критиковался зарубежными психологами, например, Б.Ф. Скиннером (см. его книгу «По ту сторону свободы и достоинства»). Неужели и теперь сохранит-

ся тенденция к управлению и контролю, формированию и манипулированию? Как говорил один из талантливых специалистов по проектированию: «Ныне мы можем сформировать любого человека с заранее заданными качествами. В этом процессе он пройдет как бы «через трубу», на выходе которой мы получим нужного человека, требуемую личность». Ни классический, ни оперантный бихевиоризм не доходили до такого цинизма.

Нам, российским психологам, еще не раз придется задуматься о свободе и достоинстве человека, как и о нравственной ответственности психолога за свои деяния.

Для российской психологии, профессиональной психологической практики, важны гуманистические подходы и тенденции. Не случайно Карл Роджерс в конце жизни стремился приехать к нам, чтобы продемонстрировать на практике гуманистические принципы психологической помощи человеку. Конечно, полезны могут быть и психоанализ, и бихевиоризм, и гештальт-терапия, но именно гуманистическая психология наиболее близка и русской соборности, и вообще русской душе. Практическая психология тогда будет цениться в нашем обществе, когда она не только станет неотъемлемой частью в системе наук, но и войдет в русскую духовную культуру, сможет оказывать помощь человеку в трудных случаях жизни, заботиться о психическом, душевном его здоровье.

Говоря о положительном, отметим, что на современном этапе наконец-то складываются нормальные отношения между гуманистическими вариантами психологической практики и российским православием. Воинствующий атеизм заменил понятие «душа» как предмета психологии понятием «психическое отражение» и его высшей формы — сознания. Теперь психология вновь включает в систему основных психологических понятий «внутренний мир человека», его «внутреннее Я», считая, что тайна «Я» не менее значима, чем его внешние ролевые проявления.

Одна из очевидных бед нашей психологии, на мой взгляд, состоит в том, что она изучает, обучает, развивает усредненного человека. Принцип всеобщего равенства, определенный коммунистическим идеалом, был перенесен во все сферы жизни, включая психологию, педагогику и социальную жизнь. Несмотря на исследования, выполнявшиеся в дифференциальной психологии, реальная практика обучения и воспитания ориентировалась на

равные возможности всех учащихся (за исключением явно дефективных), без учета половых различий, их творческого потенциала и интеллектуальных возможностей, эмоционального профиля, личностных особенностей и способностей. Созданные в нашей психологии теории интериоризации способностей определили большой социальный оптимизм и породили вопиющее пренебрежение к одаренным и талантливым людям, начиная со школьного обучения.

Так было утрачено представление об индивидуальности человека, а понятие «более высокий творческий потенциал» оценивалось как предосудительное стремление к превосходству над другими, как нескромность, как «завышенная самооценка». Требование адекватной самооценки (в практике обучения адекватность самооценки определяет учитель) служило мерилom правильного воспитания. Поощрялась «правильность», а не оригинальность. Так, система образования до настоящего времени воспитывает среднего ученика, хотя и устраивает конкурсы для тех, кто «пробьется». Ныне талант еще менее пробьется. Российское общество сейчас не знает, как оно будет жить через 10—20 лет, и не сформулировало «заказа» на реализацию талантов в собственной стране в ближайшем будущем.

Важное значение для меня имело установление научных и дружеских связей с учеными и руководителями Международной и Европейской ассоциаций по исследованию развития одаренных и талантливых детей. Мне были известны подобные работы по отдельным книгам и публикациям, но я не предполагал, что в Европе, Америке и Азии они являются такими приоритетными в системе образования, имеют значимый государственный статус и финансовую поддержку в каждой из развитых стран. К сожалению, у нас в стране такой системы нет. Наши работы дома никто и никогда не оценивал и не поддерживал в этом их социальном значении, хотя результаты наших изысканий в одних случаях совпадают с зарубежными, в других — обладают достаточной оригинальностью. В свое время были созданы совместные программы с американскими и немецкими специалистами, издан приказ о создании Центра «Творческая одаренность», определена государственная программа. Будет обидно, если одаренным и талантливым детям России вновь будет отказано в полноценном развитии.

Говоря о современном состоянии психологической науки и ее ближайших перспективах, скажу следующее: многое будет зависеть в первую очередь от нравственного климата в самом психологическом сообществе. Учитывая большой опыт борьбы психологов-марксистов друг с другом и с инакомыслящими за монополизацию какой-либо концепции, можно ожидать активного их стремления развивать те же концепции «формирования человека» в еще более острой борьбе. Это будет борьба психологов с собой. Не менее разрушительная, чем при построении марксистской психологии.

В то же время вновь строящееся российское общество очень заинтересовано в истинных конструктивных знаниях о психологии человека во всех областях — образовании, науке, культуре, профессиональной деятельности, в сфере социальной жизни, управлении, бизнесе. Для квалифицированного решения теоретических и практических проблем ныне нет необходимого количества хорошо подготовленных, профессиональных кадров. Психологию оккупировали оккультные «науки», самые примитивные формы императивного психологического воздействия на сознание и поведение людей. Психологическое сообщество России не имеет до сих пор нравственного кодекса практического психолога.

Для развития российской психологии следовало бы на государственном уровне (например, в Российской Академии наук, университетах и отраслевых академиях) определить план ближайших мер по стабилизации достигнутого уровня исследований и самых перспективных направлений (в теории и практике), по крайней мере, до конца нашего столетия. В перспективе, наряду с традиционными высокими методологическими устремлениями, следовало бы оценить принятые в мире приоритеты, например: 1) психологическое здоровье, 2) развитие интеллектуального и творческого потенциала общества, 3) профессиональную компетентность и мастерство во всех сферах жизни, 4) обеспечение (и достижение) внутренней свободы и личностной ответственности каждого за свои деяния. Вместе с другими науками и культурой психология может и должна помочь возрождению России.

(записано в декабре 1992 г.)

В. П. МОРОЗОВ

Публикуется впервые.

Фото из семейного
архива В. П. Морозова

Владимир Петрович Морозов — доктор биологических наук, профессор, специалист в области психофизиологии и психоакустики речи и голоса человека, невербальной коммуникации, научных основ вокального искусства, ученик известного психофизиолога, члена-корреспондента РАН, профессора В.И. Медведева.

В.П. Морозов родился 1 апреля 1929 г. в г. Крестцы Новгородской области. Его путь как ученого начинался в Ленинграде. Там он в 1960 г. защитил кандидатскую диссертацию «Исследование роли вибрационной чувствительности в регулировании голосовой функции человека», а в 1970-м и докторскую «Биофизические характеристики вокальной речи». В 1982 г. он был утвержден в ученом звании профессора. С 1959 г. В.П. Морозов работал в Институте эволюционной физиологии им. И.М. Сеченова АН СССР научным сотрудником, а с 1982 г. — заведующим лабораторией биоакустики; в тот же период он организовал и затем заведовал лабораторией по изучению певческого голоса в Ленинградской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова и там же на кафедре сольного пения прошел курс стажировки по вокальной методике под руководством профессора Е.Г. Ольховского.

По приглашению Б.Ф. Ломова с 1987 г. В.П. Морозов — заведующий лабораторией невербальной коммуникации Института психологии АН СССР (сейчас РАН) в Москве, главный научный сотрудник этого института, одновременно — руководитель Межведомственного центра «Искусство и наука» (Art and Science Center) Академии наук и Министерства культуры РФ; с 1991 г. — профессор кафедры междисциплинарных специализаций музыковедов Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского.

В.П. Морозов — академик международной Академии творчества и Нью-йоркской Академии наук. Еще в 1971 г. он был приглашен в Международную ассоциацию по экспериментальному изучению пения, избран членом Издательского комитета международного журнала *Journal Research in Singing* (США), награжден премиями, почетными грамотами Президиума АН СССР, медалями.

Научное творчество Владимира Петровича характеризуется ярко выраженным новаторством, междисциплинарным комплексным подходом к разработке психофизиологических проблем, сочетанием оригинальных теоретических идей с решением актуальных практических задач.

Основные направления его научной деятельности — экспериментально-теоретическая разработка психофизиологических основ невербальной коммуникации, художественного типа личности, музыкально-вокального творчества. Морозовым создана наиболее полная и адекватная система классификации различных видов невербальной коммуникации (НК) и даны их психологические характеристики; описаны особенности НК по сравнению с вербальной речью; обоснована теоретическая модель двухканальной (вербально-невербальной) природы речевого общения; внесен ряд новых представлений и понятий в теорию речевого общения, в их числе: «эмоциональный слух человека», «психологический портрет человека по невербальным особенностям его речи», «психологический детектор лжи» и ряд других.

Морозова отличает широкая эрудированность во многих смежных с психологией дисциплинах, ясность изложения сложных вопросов, стремление не только к их теоретическому истолкованию, но и к практическому использо-

ванию научных знаний. Так, разработанный им невербальный психоакустический тест на эмоциональный слух с успехом применяется — например, в Московской консерватории — при профотборе лиц художественных профессий, а также в интересах педагогической и медицинской психологии для диагностики развития эмоциональной сферы или ее нарушений при ряде заболеваний. Метод получения психологического портрета человека по голосу нашел применение и при оценке личностных свойств коммерсантов, политиков, артистов.

В.П. Морозов — ведущий специалист в области вокального искусства. В книге «Кто есть кто в современном мире», изданной в 1998 г. Международным биографическим центром, он характеризуется как крупнейший специалист в области вокальной науки, автор многих научных трудов и методов изучения певческого процесса, в частности, оригинальной резонансной теории пения, представляющей большой практический интерес для вокалистов.

В.П. Морозову принадлежит ряд трудов по биоакустической коммуникации и эхолокации дельфинов, по развитию речи в онтогенезе, детскому певческому голосу, диагностике заболеваний голосового аппарата. В общей сложности им опубликовано в отечественной печати и за рубежом свыше 400 научных и научно-популярных трудов, в том числе 15 монографий. Среди них: «Вокальный слух и голос» (1965), «Биофизические основы вокальной речи» (1977), «Восприятие речи: вопросы функциональной асимметрии мозга» (1988), «Художественный тип человека: комплексные исследования» (коллективная монография, 1994, в которой В.П. Морозов участвовал в качестве научного редактора и соавтора), «Искусство и наука общения: невербальная коммуникация» (1998) и др. На эти темы он читает лекции и доклады в ряде московских вузов и научных учреждений.

В.П. Морозов собирает вокруг себя много талантливых людей, специалистов разных научных направлений, творчески развивающих его идеи. Среди его учеников подготовленные им кандидаты психологических, биологических, медицинских наук, кандидаты искусствоведения, доктора наук.

В. П. Морозов: «НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ — НАУКА О ПРАВСТВЕННОСТИ И ДУХОВНОСТИ ОБЩЕНИЯ»

— *Чем ваша лаборатория занимается?*

— Мы занимаемся, как это следует из названия лаборатории, невербальной коммуникацией — изучением общения между людьми, происходящего не с помощью слов, а с помощью интонаций, тембра голоса, ритмических характеристик, т.е. того музыкального оформления, которое сопровождает слово.

Кажется, французскому писателю принадлежит такое высказывание: есть только один способ написать слово «нет» и один способ — слово «да», но существует 987 способов произнести слово «нет» и столько же способов произнести слово «да». И это так. Причем, интонационно, с помощью тембра голоса можно, например, слову «да» придать отрицательное значение. То же самое происходит и с «нет». Объясняется это тем, что в природе человека, в системе его голосовой и речевой коммуникации существует как бы подсистема по отношению к слову. Это подсистема — невербальная коммуникация..

Ученые, высказывая свои суждения о происхождении человека, связывают его становление с возникновением речи, как средства абстрактного, символического, второсигнального, как говорил Павлов, общения, передачи информации при помощи слов. Но до этого периода люди тоже умели общаться — и это доказано, они понимали друг друга. Животные друг друга великолепно понимают при помощи звуков, поз, телодвижений, определенной демонстрации угрозы, страха и т.д. Это все язык...

Интонация, тембр голоса, мелодика речи, ритм, т.е. невербальные компоненты, «невербальный аккомпанемент речи» могут сильно влиять на человека. Вот встретились люди — это могут быть, допустим, менеджеры, учитель с учеником, друзья и т.п. — и кто-то из общающихся замечает, что к собеседнику у него недоверие. На чем оно основано? Причин может быть много, в том числе и неуверенность речи, интонации, противоречащие

сказанному. Допустим, молодой человек объясняется в любви девушке, а она чувствует по интонации, что в этих словах нет искренности... И этим невербальным характеристикам человек даже больше доверяет, чем внешнему облику собеседника, значению сказанного им слова. Почему? В невербальной системе есть такое свойство, как произвольность выражения чувства, которое не обманывает. В слово можно не вложить истинного смысла, скрыть его, а в чувство его не вложить нельзя — либо ты будешь искренним, либо фальшивым.

Таким образом, вот какое значение имеет невербальное или, проще говоря, несловесное общение.

В одной из газет была помещена как-то моя корреспонденция под названием «Бессловесные ораторы», в которой речь шла о животных и о человеке, также умеющем общаться без слов — при помощи лишь интонаций, жестов, мимики, тембра голоса и т.д. Так вот эта система, ввиду ее древности и, как я сказал, произвольности, зафиксирована в «нижних этажах» нашей нервной системы. Очень трудно, например, подделать тембр голоса. В известной сказке волк, для того чтобы обмануть козлят, говорил сначала своим голосом, — козлятки определили несоответствие с маминым, — а потом он побежал к кузнецу, «перековал» голос и стал говорить тоненьким, «маминым» голоском. Козлята поверили, но если бы они прислушались, то могли бы обнаружить множество несоответствий.

В самом деле, когда за дверью вы стоите и звоните в дверной звонок, вас спрашивают: «Кто?», вы говорите: «Это я!» Вам открывают дверь. Ответ вообще-то бессодержательный: «Я» — можете быть вы, может быть другой человек, миллионы людей могут ответить так — все будет правильно. Речь идет вот об этой древней системе, которая является предпочтительной в психологическом плане. Человек склонен верить интонации в значительно большей степени, чем слову. Допустим, я вам говорю: «Я очень рад вас видеть». Но если я при этом говорю сухо, бесстрастно, то вы можете усмотреть в этом неискренность, фальшивость. Более того, я могу сказать ту же самую фразу таким тоном, что слушатель захочет скорее выйти за дверь, потому что здесь может и ирония сквозить, и насмешка, и гнев. И это все уживается в одной фразе. Получается, что слово «говорит» одно, а интонация — другое. Оказывается, что эта невер-

бальная система выделилась в особую автономную функциональную систему и управляется в основном правым полушарием головного мозга. Все речевые центры, — например, Брока, Вернике, — находятся в левом полушарии и кодируют наши речевые, предикативные, лингвистические свойства речи. Они определяют, как нам, говорящим, выразить, скажем, такой нюанс: «Петя побил Васю» или «Петя побит Васей». Маленькое изменение в глаголе и уже прямо противоположный смысл. Так вот это все кодируется в центральной нервной системе при помощи отмеченных речевых центров. А интонация рождается из отношения человека к предмету разговора, самому себе, собеседнику, к событиям, исходит из изначального состояния человека. Я могу не иметь по отношению к вам плохого намерения, но будучи взбудораженным другими людьми, буду взвинченным, даже агрессивным. Или, наоборот, могу быть необычайно благодушным, готовым обнять любого — и это все в голосе немедленно выживается.

Наша лаборатория в Институте психологии РАН создана для того, чтобы системно изучать то свойство человека, о котором мы говорим, — свойство передавать информацию «между словами». Ведь при этом же приходится учитывать, что мы, люди, — разные по интеллекту, эмоциональности, отношению к окружающему, по способности «читать» эту невербальную информацию, разные по способности понимать слово... И это обстоятельство тоже практически не изучено, или изучено фрагментарно, недостаточно. Мы изучаем индивидуальные и групповые типологические свойства человека при восприятии им невербальной информации. Насчитывается примерно до десяти видов такой информации:

1. «Эмоциональная» информация, т.е. как человек настроен к вам, к предмету разговора.
2. «Эстетическая» — насколько вам нравится или не нравится человек, его голос (это заложено в звуке голоса; об этом виде информации мы поговорим более подробно, потому что на нем зиждется все искусство).
3. «Индивидуально-личностная» — с ее помощью вы узнаете, кто с вами говорит.
4. «Биофизическая» — узнаете пол, возраст. Эксперты мо-

гут определять возраст говорящего, скажем, при разговоре по телефону, с точностью до одного года (от реального возраста говорящего).

5. «Психологическая» — определяется темперамент говорящего, его воля, внутренние психологические свойства. Голос нам подсказывает, что человек думает о себе. Например, если он преисполнен чувства собственного достоинства, то речь у него, как правило, размеренна, ритмична, с ярко выраженными интонациями, фразы законченные. Если чем-то обеспокоен и чувствует себя униженным, речь становится несвязной, интонационно разорванной и т.д.

6. «Социально-иерархическая» — например, речь начальника и речь подчиненного.

7. «Национальная» — акцент выдает грузина, армянина, англичанина, немца. Это характеристика произвольная, врожденная, «впитывается» с молоком матери, человеку трудно избавиться от акцента. Например, второй язык редко является столь же совершенным, как и первый. Для того чтобы достичь одинаковости в произношении, нужно языкам с детства уделять равноправное внимание. Например, наши аристократы знали и французский, и русский в совершенстве, с детства закладывались знания языка. Не то что в наше время, когда школьник в пятом классе начинает изучать грамматику, не понимая собственно языка.

8. «Медицинская» — определяет здоровье человека. По голосу можно определить не только временное нездоровье, — скажем, человек простыл, говорит с хрипотцой и т.п., — или определить состояние голосового и речевого аппарата, например, человек заикается, картавит, имеет неполадок в речевой системе, но и выявить такие глубинные заболевания, как, скажем, сердечное недомогание: появляются характерные интонации. Существует наука о диагностических особенностях голоса. Т.е. по голосу можно судить о характере заболевания человека. Допустим, при заболевании нервной системы, близком к шизофрении, наблюдается мелодическая монотония — мало модулируется основной тон голоса. Монотония речи свидетельствует также и об эмоциональной туповатости, черствости и т.п. Этот вид невербальной информации требует дальнейших исследований.

9. Наконец, даже информация о помехах, которые сопутствуют говорящему, тоже бывает для нас важна. Например, в разговоре по телефону вы слышите, как разговаривающий курит, прожевывает пищу и т.д. В жизненных различных обстоятельствах эта деталь о многом может сказать. Например, откуда звонит человек: с улицы, из автомата (гудки автомобилей, шум улицы) или с вечеринки (шум застолья) и т.п.

Жаль, что люди не придают значения интонации, членораздельности своей речи. Иного слушаешь — у него «каша во рту», ничего понять невозможно. Дикция, способ произнесения звуков, интонационное оформление речи имеют как эстетическое, так и техническое значение, поскольку это — средство коммуникации, понимания людей друг другом. С этой же проблемой соотносится и проблема культуры речи. Лингвисту, кстати, безразлично, каким тембром — противным или божественно красивым — произносится слово. И очень напрасно. А ведь это специально лингвистическая и психологическая проблемы. Мы забыли наши старые традиции, когда в лицах, в российских школах учили искусству речи — риторике. У нас поэтому напрочь отсутствует речевая культура. А ведь это часть культуры человека. По произносимым словам можно определить, с кем «имеешь дело». Образованный человек выбирает слова и соответствующим образом строит свою речь, необразованный их не выбирает, они у него сами слетают с языка. Да такие!..

Вернемся, однако, к проблемам невербальной экстралингвистической интонации речи. Говорят, что глаза — зеркало души. Конечно, это часть мозга, вынесенная на «периферию» (имеется в виду сетчатка глаза), выражение глаз, их взгляд говорят о многом. Но еще большим зеркалом души является голос. Недаром широко известна такая древняя легенда: к Сократу привели одного провинившегося в чем-то человека, чтобы определить, так ли это. «Преступник» долго молчал, тогда Сократ воскликнул: «Да говори же ты, чтобы я мог познать тебя». Человек познается, когда говорит. Его интеллектуальный уровень, его профессия, его национальность, духовный мир воплощены в словах, в «промежутках» между словами, интонациях. Я думаю, что это чрезвычайно важный источник знаний о человеке, незатронутый наукой или затронутый в значительно меньшей степени, чем это следовало бы.

— *Какие методы вы используете для исследований?*

— В психологии существует масса тестов для исследования внутренней сущности человека, в частности всякие опросники — имеются в виду распространенные опросники Кэттелла, Векслера, Айзенка. Их великое множество. И все они основаны на том, что человеку задается вопрос, а он отвечает. При этом цена этого ответа, по мнению многих специалистов, очень и очень относительна, я бы даже сказал, ограничена, ибо человек, отвечая на вопрос, может, что называется, слукавить. Он, если дело касается каких-то нравственных характеристик, может ответить не так, как представляет себя в плане искреннего ответа на вопрос, а так, как этого требуют «нормы общественной морали». Т.е. его ответ всегда будет социально детерминирован воспитанием, мнением большинства, нормами общественной морали и т.д. Вопросы же, которые задаются, тоже касаются и морального облика человека, и его внутреннего отношения к тем или иным человеческим ценностям. Иной способен быть носителем «определенной морали», а выдавать себя за другого. И это сплошь и рядом. Поэтому названные тесты очень относительны.

Разработанные нами тесты и методы, основанные на анализе голоса, на оценке его невербальных характеристик, которые в значительной степени являются подсознательными, гораздо эффективнее. Трудно подделать тембр голоса, изменить интонацию, как трудно изменить походку, жест, облик, черты лица... Это все является принадлежностью внутренней сущности человека. Мы узнаем о психологическом и эмоциональном статусе человека. По голосу устанавливается личность. Голос владельца вклада в банке как пароль широко практикуется за рубежом да и у нас тоже. Произносящий парольную фразу заставляет открыться дверцу сейфа: электронное приспособление определяет тембральный и интонационный состав вашего голоса и выдает ответ в зависимости от того, истинный ли вы владелец вклада или имитатор типа Винокура. Но означает ли хорошее имитирование голоса то, что таким способом можно получить чек в банке? Я сомневаюсь, так как при детальном, скрупулезном компьютерном анализе поддельного голоса обнаруживаются существенные различия между этим и подлинным голосами. Их может обнаружить и профессиональный опе-

ратор, но машина делает это лучше, с большей вероятностью.

Голос — это отражение и духовной сущности человека А уж физической — точно: вес, как я уже говорил, определяется с точностью до килограмма, рост. — с точностью до нескольких сантиметров (по средним данным группы экспертов). Какие же «черточки» голоса это выявляют? Скажем, человек грузный, мощного телосложения имеет определенные речевые признаки. И хотя бывают исключения, тем не менее характерные нюансы подскажут вам, что это человек полный, тучный. Бывает, что слушающие голос, — их называют аудиторами, — обманываются, не угадывают истинный возраст человека. Это зависит от эмоциональной окраски голоса. Мы специально использовали метод актерского моделирования. С помощью народного артиста Олега Басилашвили создали тесты на определение роли эмоционального фактора человека. Оказалось, что если голос звучит эмоционально радостно, то слушатели склонны давать его владельцу меньше лет. Если — гневно, печально, со страхом, — больше лет. Объясняется это тем, что существуют стереотипы восприятия личности человека по голосу. Что характерно для молодых людей? У них пока еще радостное, не отягощенное заботами жизни восприятие. Соответственно — и радостные интонации в голосе. Это имеет практическое значение, особенно для прекрасной половины нашего общества. Так что женщины пусть это имеют в виду, поскольку голос может либо состарить его обладательницу, либо омолодить. Для артиста это тоже имеет значение.

Хочу затронуть такой важный момент связи невербальных характеристик голоса с эмоционально-личностным статусом говорящего. Сейчас мы, ввиду особого положения нашего общества, находимся в подавленном состоянии. Я бы сказал, что у людей доминирует агрессивно-оборонительная доминанта. Это выражается в том, что люди стали раздражительны, более чувствительны к различным воздействиям. Одно неосторожное слово взрывает, отсюда — споры по пустякам, недовольства. И мы слышим это и в голосах людей. Голоса несут в себе такой отпечаток. Редко услышишь радостный, спокойный голос, преисполненный чувства собственного достоинства — мало осталось этого чувства в людях.

— *Эмоцию можно определить и с помощью аппаратуры?*

— Да. Звукоанализирующая аппаратура определяет спектральный, тембральный состав голоса. Тембр определяется набором обертонов: эмоциональные краски в голосе выражаются в разном расположении обертонов голоса, т.е. набор обертонов, сопровождающий гласные звуки, характеризует индивидуальный тембр голоса. Он может быть либо радостным, либо нейтральным, либо печальным, либо раздраженным... Все зависит от того, каков человек. И это не случайное сиюминутное эмоциональное состояние, о котором я раньше говорил. Допустим, вы получили какую-то радостную весть — у вас сразу радостный голос. И наоборот, вы чем-то опечалены — у вас поэтому печальная интонация... Но я говорю о другом — о доминирующем для человека состоянии, характерном для его повседневной жизни. Это уже более глубокие психологические характеристики личности. Есть оптимисты, есть пессимисты, и это отражается в голосе, причем, очень ярко. Человек может говорить о нейтральных событиях, а через голос проявлять свое состояние. Это сразу можно обнаружить в акустической структуре звука. Т.е., анализируя акустическую структуру звука, мы можем сказать, что доминирует в человеке, какой доминирует статус личности. Человек жизнерадостен по своей натуре или пессимистичен, опечален чем-то, или «нейтрален», или преисполнен чувства собственного достоинства, или раздражен и выражает негативное отношение к действительности. Мы даже ввели с моим сотрудником Ю.М.Кузнецовым термин «квазигармоничность обертонов», т.е. отклонение их от обычного гармоничного положения под действием радости, печали, гнева, страха...

Такого рода негативные характеристики часто являются преобладающими и проявляются даже в тембре голосов молодых певцов, поступающих учиться в консерваторию. Наш коллега Владимир Жданов, профессор Московской консерватории, сетует на то, что множество голосов, с которыми ему приходится иметь дело, — прекрасные, хорошие, — в подавляющем большинстве имеют минорный характер, для них исполнение печальных, минорных вещей более подходит, чем исполнение веселых... Жизнь накладывает на нас определенные отпечатки, формирует наше поведение, наши взгляды на окружающих, нашу открытость, доверчивость или подозрительность и т.п.

Еще одна очень важная проблема — проблема суггестивности голоса, т.е. его способности влиять на других людей. Есть голоса «невзрачные», «обычные», они могут быть разнообразны по тембру, интонации, эмоциональности, но не привлекать нашего внимания. Есть же голоса очень привлекательные. Мы затаиваем, прислушиваемся к ним и начинаем воспринимать то, что говорят (поют) их обладатели, с большим вниманием. И даже лучше запоминаем, и следуем их советам, т.е. подвержены их влиянию. Это связано с личностными характеристиками, интеллектуально-эмоционально психологической организацией говорящего (поющего), силой его личности, или, как в старые времена говорили, личностным магнетизмом. Содержательность, духовное богатство отражаются в голосе, в употребляемых словах, интонации, тембре...

— Но, наверное, не всегда это голосовое соответствует внутреннему, духовному миру человека?

— Наверное, как любая закономерность, которая пробивает себе дорогу через толпу случайностей...

— Как внешность, которая тоже, казалось бы, является отражением духовности, на самом деле иной раз бывает прямо противоположной...

— Да, это естественно, но тем не менее, и внешность человека, и его облик, и взгляд, и походка, и поза, и жест — все-таки отражают сущность человека. Трудно настаивать на противоположном. Если человек содержательный, глубокий, духовно и интеллектуально высокоразвит, то его поведение отличается целым рядом черт. Если он бессодержателен, беспринципен, необразован, безграмотен, все эти характеристики выразятся в его поведении, облике, речи. Это для меня бесспорная связь внутреннего мира человека и его голоса, облика. Ведь существует целая наука о связи между обликом человека и его внутренним миром. Скажем, по руке можно определить характер (хиромантия), можно определить сущность по лицу (физиогномика). Это старые науки, объявленные в свое время лженауками...

— А современная наука как к ним относится?

— Она не сформировала еще своего отношения к ним. Ортодоксальная наука как была против, так и есть. Она привыкла базироваться на каких-то ограниченных, материалистических закономерностях, которые отражают часто поверхностный, био-

логический уровень понимания человека, не затрагивая его высоких уровней. Человек — это единство социального, духовного и биологического, в нем много животного и в то же время — интеллектуального, и нравственного, и высокодуховного...

— Хотя если человека вывести из себя, он начинает проявлять звериное...

— Несомненно. И вот воспитание человека, как мы говорим, на гуманистических началах, идеалах очень важно. Т.е. культивирование в человеке не тех отрицательных свойств, которые он унаследовал от дикой и жестокой природы прошлого, где главным направлением является борьба за выживание, а истинно гуманистических свойств, позволяющих человеку жертвовать своим личным, причем, очень дорогим и даже самым дорогим — жизнью — во имя общечеловеческих или социальных нужд. Я вспоминаю фразу Радищева: «Я взглянул окрест меня и душа моя страданиями человечества уязвлена стала». Люди шли на смерть ради того, чтобы избавить человечество от страданий. «Я взглянул окрест», душа уязвлена стала и я пошел на голгофу, на смерть — ради того, чтобы людей избавить от страданий. Ведь это самое высокое — самопожертвование. Оно в каждом из нас есть. Мать готова отдать жизнь за ребенка.... Но ведь что страшно? Бывают сейчас случаи, когда это самое человеческое свойство иссякает. И огромное количество брошенных детей — в помойку брошенных!!! Не подброшенных к родильному дому, — в помойку брошенных!!! Это ужасает, просто слезами источаются душа и сердце, когда слышишь о таком.

Мы сейчас подошли с вами к очень важному свойству, которое передается тоже через голос, — свойству эмпатийности, свойству человека понять другого человека, идти навстречу ему. Это очень важное свойство, это для нашего общества сейчас особенно важно. Несмотря на то, что все мы находимся в стрессовых, трудных экономических, социальных условиях, подвержены этим влияниям, тем не менее мы разные по своей природе, по воспитанию люди. Речь человека избилует эмоциональными красками, тонкими душевными движениями. Один человек воспринимает ее в полной мере или в значительной мере, другой — в ограниченной, третий — почти или вообще не воспринимает. На этом основании люди, по Павлову, делятся на два типа — мыслительный и художественный. Для первого глав-

ное — смысл, слово, логика высказывания, для второго — интонация, эмоция, поведение человека, то, что сопровождает слово. Второй более чувствителен к тому, что скрыто между словами. Он более эмоционален, является генератором этих свойств и одновременно их реципиентом, т.е. воспринимающим. И все это выражается и в его голосе и проявляется в его способности услышать то же самое в голосе другого.

— *И это имеет практическое значение?*

— Несомненно, и очень большое для выбора человеком профессии, например, куда ему идти, какое получить образование, как определиться в жизни? Оказывается, эти свойства либо могут способствовать успеху в выбранной профессии, либо его затруднить. Выбор профессии определяется не просто желанием, как это часто бывает, преуспеть в какой-то области, но и возможностями, которые отпустила тебе природа для этого. Естественно, мы можем испытать самое страстное желание стать музыкантом, художником и не добиться там никаких успехов, или — философом, математиком — и там ничего не добиться. Хотя нередко бывает так: папа — музыкант, мама — музыкант, их родители — музыканты, куда идти ребенку? — конечно, в музыканты! Или же семья математиков. Куда идти ребенку? Конечно же, в Институт имени Стеклова, в математики, чтобы стать великим Эйлером или же Деламбером, Лобачевским... Но, оказывается, природа человека, его генетические возможности на этот счет «имеют» свое мнение. И природная предрасположенность человека оказывается в другой области. Скажем, человек — мыслительного типа. Ему можно было бы быть ученым, финансистом, переводчиком... Конечно, воспитание играет колоссальную роль, потому что в природе человека заложены все возможности для всякой деятельности. Если с раннего детства учить человека музыке, он может быть музыкантом и неплохим. Но если в нем природно сформированы черты мыслителя, он будет не самый хороший музыкант, даже, может быть, посредственный. Ему уготована судьба быть посредственностью. И сплошь и рядом мы это видим. Хотя, кажется, имеются все предпосылки, чтобы он был хорошим музыкантом. Ну возьмем Иоганна Себастьяна Баха. Выдающийся композитор, музыкант, у которого было много сыновей, и среди них были тоже музыканты, например, Карл Филипп Эммануэль Бах, но они ни в

какое сравнение не шли со своим великим отцом, и уже в третьем поколении, кажется, не было ни одного музыканта. Т.е. весь род Бахов как музыкантов исчез. Но ведь можно было на этом настаивать — раз дед был великим, значит, надо продолжать традиции, «биться головой об стену», но стать музыкантом. И, вероятно, мог бы быть какой-то успех у того или иного. Но не имея хороших природных предпосылок, идти по этому пути, оказывается, бесполезно. И наоборот, если природа человека сдвинулась в сторону мыслительной деятельности, то в этой области и можно добиться наилучших успехов. Повторяю, воспитание играет огромную роль и значительно меняет облик человека, накладывая отпечаток на его мышление, поведение, выбор профессии, эмоциональный статус, даже на его здоровье и долгожительство... Человек может быстро зачахнуть, рано умереть. В силу своего социального характера он влияет на других. Мы все влияем друг на друга. Вы влияете на меня, я — на вас. И сегодня, после этой беседы вы уйдете другим человеком, так же, как и я, — другим, пообщавшись с вами. Колоссально влияние человека на человека! К примеру, я выслушал жестокого, бездуховного, злобного человека и стал больным. Наоборот, прикоснулся к человеку гуманистическому, преисполненному доброты, духовной чистоты, искренности, — есть такое свойство, желание делать добро, не декларируя это, — и я стал богаче нравственно и даже здоровее физически. Если нас окружают люди высоконравственные и духовно богатые, мы все становимся более здоровыми, добропорядочными и хорошими людьми. А если — безнравственные, жестокие и бездуховные, то невольно испытываем желание уйти от них, высвободиться из-под их «гне-та»... К сожалению, борьба за свое «я», за психологическое «я», за лицо в обществе, порой, бывает нужна только тебе одному, ты чувствуешь, что твои достоинства не востребованы обществом и для тебя это трагедия...

— *А ведь человек ради этого жил...*

— В том-то и дело. И получается трагедия жизни... Мы с вами углубляемся в сторону социопсихологии... Но я хотел бы подчеркнуть: свойства голоса нельзя рассматривать как некий акустический феномен. Мы применяем компьютер для анализа тех обертонов, применяем многочисленные методы акустического, психологического, аппаратурного, психофизиологического

анализа голоса человека, в целях определения принадлежности его, допустим, к какому-то типу — художественному, в частности. Но, естественно, мы не должны забывать, что этот феномен (не только акустический) покоится на фундаменте более основательном. Фундамент называется «человеческий портрет» или «человеческая сущность» — социально-нравственная человеческая сущность. На этом фундаменте покоится голос человека, его речь. Если бы так рассматривать, то мы, развивая речь, изучая ее, «держали бы в руках» возможность изучить самого человека более основательно.

Эстетическая же информация, заложенная в голосе человека, тоже покоится на этом фундаменте. И когда мы слышим голос человека, преисполненный высоких эстетических свойств, то радуемся этому явлению искусства, до нас доходит этот вид информации и от него идет более глубокое понимание сущности самого искусства. Искусство — это отражение жизни. Конечно, мы иногда слышим голоса красивые от природы, чисто тембрально акустические, но не несущие вот этого заряда...

— *И это сразу чувствуется...*

— *И это чувствуется...*

— *Хотя, исходя из вашей классификации, далеко не всеми...*

— Да. Это с одной стороны, а с другой — далеко не все передают эту сущность, потому что ее, оказывается, просто недостаточно у того или иного исполнителя. Я бы считал так: артистом имеет право быть только высоконравственный человек. Почему? Да потому что через голос, по нашей концепции, через акустические волны передается другому человеку вот это высокое духовное начало. Это не просто информация о том, что я сейчас хочу сделать, что я вам хочу сказать. В самом языке уже заложена очень большая информация о сущности человека. И особенно, если этот голос принадлежит артисту (например, вокалисту). При этом очень важно, каков его нравственный, человеческий и духовный статус. Если человек высоконравственный, по крайней мере, озабоченный человеческой сущностью, понимающий ее, то будет один эффект. Но если перед нами человек недалекий, даже имеющий неплохие вокальные данные, берущий верхнее «до», с хорошей музыкальной памятью и т.д., но не имеющий художественного интеллекта, спо-

способности передать истинное, человеческое, то будет другой эффект. Ведь все выдающиеся произведения написаны как раз в этой плоскости. Ну вот возьмите «Бориса Годунова» Мусоргского (драма написана Пушкиным). Ведь это трагедия человека и трагедия нации: царь, вставший на престол через преступление! И как решается эта задача исполнителем? С одной стороны, величие царское, с другой — личная трагедия. И передать это может только понимающий, глубоко страдающий вместе с Борисом и вместе с народом. Если брать конкретных исполнителей, допустим Шаляпина, чем он знаменит в этой роли? Есть рассказ, — я уже не помню, кто мне это говорил, — что на одной из постановок «Бориса Годунова» с участием Шаляпина был великий физиолог Павлов Иван Петрович и когда он после прослушивания оперы пришел за кулисы к Шаляпину в его артистическую, то сказал: «В вашем исполнении смерти Бориса есть точная клиническая картина смерти от грудной жабы». Видите, даже диагноз поставил — через голос, через игру.

— *Это уже проблема художественной одаренности?*

— В самом деле, существует очень важная проблема — проблема художественной выразительности через голос, через артистическое поведение, заключающееся в способности великого артиста передать типологическую сущность персонажа, а не свои собственные страдания. У Шаляпина есть книга «Маска и душа», в которой он рассказывает, как тенор, певший Канио в опере Леонковалло «Паяцы», — а Канио страдает, я напомним, от измены своей жены, его знаменитая ария «Смейся, паяц», — как этот тенор плакал, а публика смеялась и забросала его гнилыми помидорами, потому что она не приняла его слез, как говорит Шаляпин, слез самого актера. Публике нужны слезы Паяца! А он свои страдания вынес на публику. И вот умение определять это соответствие подвластно талантливому артисту. Помогают еще этому и актерские школы... Ну вот известная всему миру школа Станиславского, которая учит не копированию, а истинному «вхождению» в образ, не подражанию персонажу, а подлинности переживаний. Но, с другой стороны, актер ведь не может натурально пережить смерть Бориса — иначе он умрет. Тем не менее отдельным актерам удается сыграть роль очень реально. Например, народный артист Нестеренко делился со мной, что после исполнения сцены смерти Бориса и вообще в про-

цессе участия в опере у него наблюдается некоторое время сердечное недомогание. Т.е. он настолько глубоко чувствует страдания Бориса, что это отражается на его здоровье. Он как бы сдвигает физиологию своего здоровья, делает ее соответствующей умирающему Борису. А другой актер оказывается холоднее к образу, но зато и зрителей он не волнует. Только истинная глубина, художественная естественность затрагивают слушателей, которые умолкают и в зале устанавливается удивительная тишина. Кстати, одним из критериев акустического воздействия артиста на зрителей является уровень шума в зале. Мы исследовали его на примере выступления выдающихся актеров. Оказалось, что большой актер «снимает» всякий шум в зале. Степень глубины тишины — показатель степени внимания и завороченности слушателей при восприятии захватившего их актерского исполнения.

Ну это опять мы с вами говорим не столько об акустике, сколько об актерском творчестве...

— *О Шаляпине, например, мне известна такая информация. У него не было слишком сильного голоса, кое-кто из певцов превосходил его в этом. Но по выразительности исполнения ему не находилось равных.*

— Шаляпин обладал феноменальными артистическими и вокальными данными, он велик во всех отношениях — и в вокальном, и в актерском. Он имел уникальные сочетания. И я не согласен, что голос его был несильным. Это с легкой руки Левика пошел миф, что он не был акустическим феноменом. Шаляпин имел сильный голос. Он везде слышался, всюду проникал. Но, естественно, что голоса по силе чисто физической могли быть сильнее. Недавно с пластинки я слушал Касторского. У него был потрясающий бас — красивый, сильный. Но вот в сцене, допустим, в «Дон Карлосе», в сцене короля Филиппа и инквизитора всех басов побеждал Шаляпин. Там всегда два баса, которые как бы соревнуются друг с другом. Шаляпин обладал способностью потрясающей психологической силы голоса, а также огромным интеллектом — и художественным, и общим. Известно, что он был великолепным рассказчиком, талантливым художником... Недавно передавали по радио его письма Горькому — это изумительные по содержанию и глубине размышления письма интеллектуально разностороннего чело-

века. Он точно оценивал нашу действительность тех лет, со всеми ее пороками, ужасающими несоответствиями образу человеческому... Обертоны его голоса обладают удивительным свойством. В голосе любого певца существуют группы усиленных обертонов — низкая и высокая певческие форманты, которые были обнаружены нашим крупным физиком Ржевкиным Сергеем Николаевичем и в свое время американскими исследователями. А мы, изучая более подробно их структуру, обнаружили еще среднюю певческую форманту, которая характеризует принадлежность звука к той или иной гласной. Певческий голос несет не только эстетический музыкальный звук, но и звук гласных. Можно ведь петь на «о», «а», «у», «э», «и» — это все есть в голосе певца. Так вот средняя форманта ответственна, главным образом, за эту фонетическую характеристику. Но что любопытно. В голосе певцов важно соотношение этих формантных областей. Низкая придает мягкость, округлость голосу, высокая — звонкость, серебристый оттенок, полетность — очень важное техническое свойство... Эти все исследования описаны нами в ряде книг, например, в моей книге «Тайны вокальной речи»... У Шаляпина, по сравнению с другими певцами, есть особенность этого обертонового состава голоса. Если у обычных певцов наблюдаются чаще всего разные уровни, скажем, высокой певческой форманты, низкой, и средняя даже может быть больше этих двух певческих формант, или же низкая может быть больше, чем высокая, и наоборот, высокая больше, чем низкая, то у Шаляпина наблюдается удивительная гармония этого обертонового состава и, в частности, вот такое равновесие между низкой и высокой певческими формантами. При этом средняя форманта, характеризующая гласные, всегда или чаще всего бывает ниже этих двух. Поэтому голос Шаляпина всегда благородного тембра — ровного на всех гласных. Мы радуемся его удивительному благородному тембру, который везде звучит одинаково. Это вызвано особой певческой техникой Шаляпина. Видимо, долгие еще годы будут изучать это его свойство. Шаляпин — непревзойденный эстетический феномен.

— *Какие же эксперименты вы проделали в области изучения невербальной информации голоса и слуха человека как способности воспроизводить и воспринимать информацию?*

— Одна из важных разработок касается понятия «эмоциональный слух человека». В 1985 году я опубликовал статью, которая так и называется — «Эмоциональный слух человека». В ней речь идет о способности человека слышать в голосе другого эмоциональную интонацию и точно ее определять, причем, если она даже находится в зачаточном состоянии. Ведь степень яркости эмоциональной краски может быть разной: очень яркой — и всем ясно, что человек находится в состоянии гнева или радости, печали, страха... Но существуют средние уровни этих красок, даже начальные. Для изучения эмоционального слуха мы используем эмоционально окрашенные звуки, которые получаем методом актерского моделирования. Талантливый актер способен изобразить что-то естественно и правдиво. Так вот мы использовали это для того, чтобы создать специальные тесты на невербальные свойства человеческой психики, и в частности тест на эмоциональный слух. Тест получен путем «раскрашивания» обычно нейтрально звучащих фраз в различные эмоциональные «цвета» с участием этих актеров. Например, фразе «Они сейчас придут сюда» можно придать разные эмоциональные оттенки. Это может быть искусственным, ибо человек, не способный глубоко и правдиво почувствовать свое состояние, просто скопирует какую-то эмоциональную краску, она будет выглядеть как некий штамп, как пародия на эмоцию. И тонкий слух всегда уловит поддельность, фальшивость. Кстати, если каждый из нас способен правдиво выразить свое эмоциональное состояние в какой-то ситуации, скажем, произнести эту фразу будучи в состоянии истинной радости или истинного испуга, то если нам предложат повторить эту интонацию, мы воспроизведем ее не так, как первоначально. Это лишний раз доказывает произвольность невербальной системы. Она только частично подвержена нашим произвольным влияниям...

— *То есть с помощью «головы» ты не очень-то ею будешь управлять...*

— Отчасти можно, но получится какая-то схема, которая лишь в некоторой степени может быть близкой к истине...

— *То же относится и к текстам...*

— К сожалению, большинство и научных статей, и статей публицистических часто «идут» от рационалистического рас-

смотрения проблемы и мало там присутствует эмоциональной сферы...

— Помните, как Толстой говорил — я не дословно, по памяти: «Как только я начинаю работать головой во время писания, так сразу бросаю писать».

— Вот! Это интересная фраза! Действительно, любому из нас, и даже ученому, излишнее умствование, какой-то рафинированный рационализм заметно вредят. Если я, например, нахожусь в творческом состоянии, часто пишу, то и логика мысли как бы все время советуется с чувством. Исходит это от необходимости какого-то внутреннего понимания сущности предмета...

— Недаром есть выражение — «Он пишет сердцем». И вот Толстой говорил — тоже примерно привожу: «Для того чтобы писать, нужно иметь большое сердце и хорошую память. И тогда появляется мастерство».

— Это верно. И вот как раз многие наши беды происходят оттого, что мы имеем и память, и словарный запас, но мало сердца, мало внутреннего видения. Т.е. мы должны проникнуться важностью и значимостью предмета, тогда у нас рождается более глубокое его описание... Конечно, язык научных статей и книг особняком стоит — там свои критерии, свои традиции и, к сожалению, не всегда традиции оптимальные, там сплошь и рядом доминирует рационалистическое начало и, может быть, даже формалистическое отношение к текстовому оформлению. Но что сделаешь, традиции есть традиции. О языке научной «прозы» хорошо писала Лидия Чуковская в своей книге «В лаборатории редактора». Она ратует за то, чтобы не исказить сущностную сторону текста — не коверкать, не пытаться привнести туда элементы соавторства, не «причесывать» в соответствии с какими-то общими нормами. В тексте ведь проглядывает лицо человека. Если автор, извините, не совсем в традициях лингвистических норм излагает свои мысли, так ведь это — он, автор, это его лицо, его научное и личностное «я». Так оставь это! Читатели оценят автора в той степени, как он того заслуживает. А если у него какие-то нетрадиционные, может быть, и эмоциональные отношения к очень рационалистическим научным истинам, то тоже можно оставить, потому что это его «я», его характеристика. Кому-то это не свойственно, кому-то свойственно. И оставь это тоже.

— Помню, преподаватель по теории и практике редактирования, профессор, говорил нам, студентам редакционного факультета Полиграфического института: «Если вы, ребята, выпустите когда-нибудь в свет свою редакторскую работу, книгу, в которой будет видна ваша редакторская рука, — книга плохая. Вы должны остаться за кадром, помочь автору выразить себя, вдохновить его написание хорошей вещи, вывести его, если потребуется, из всяких логических тупиков и т.п., но остаться за кадром».

— Замечательное напутствие. И позиция Чуковской — это позиция умных редакторов. Недалекий редактор пытается быть соавтором у автора. А ведь это всегда грубо и, извините, посягает на права человека...

— Или иной раз видишь, как проводят интервью некоторые молодые (и не молодые) журналисты по телевидению. Они же не дают говорить интервьюированному. Спрашивается, для чего тогда их пригласили на передачу?

— Мне приходилось не раз на себе испытывать «диктатуру» и радио- и тележурналистов. А лучшие репортеры, мне кажется, всегда в тени и они дают собеседнику свободу самовыражения. Конечно, иногда надо помочь говорящему «стать на тему», потому что в беседе часто уклоняются в сторону, хотя и это нормально, потому что живая беседа — это как сама жизнь, и все ее «уклоны» в сторону нужны для понимания сущности обсуждаемых предметов.

Так вот если возвратиться к эмоциональному слуху, среди наших помощников из мира артистов были такие выдающиеся его представители, как Олег Басилашвили, который помог нам сделать тест на эмоциональный слух. Тест представляет собой последовательность фраз типа «Они сейчас придут сюда» — нейтральных лингвистически, но окрашенных в различные эмоциональные «цвета», где есть только намеки на ту или иную эмоцию. Тест уже заранее апробирован на многих сотнях, даже тысячах слушателей. Процедура состоит в прослушивании комплекса эмоционально окрашенных фраз (там есть по 30 фраз, по 100 фраз, пропетых певцами, сыгранных на скрипке)... Невербальный эмоциональный слух хорош тем, что он «вылавливает» эмоциональную окраску из любого звука, даже инструментального. Мы сравниваем и можем дать эмоциональную характе-

ристику даже грому, скрежету тормозов, шуму водопада, пению птиц, рыку льва... Все это мы склонны отнести к определенным эмоциональным категориям. В то же время в голосе человека мы, люди, наиболее изощрены. Малейшее эмоциональное движение души передает человеческий голос, а слух улавливает. Но суть-то в том, как я уже говорил, что он «вылавливает» у разных людей по-разному. И вот наш тест построен так, что «средний», нормальный человек, — возьмем сейчас тысячу человек с улицы, проверим их эмоциональный слух, — показывает среднюю величину — 65—70%. Но бывают люди, у которых эта цифра доходит до 75, 80, 85 и даже 90%. Проценты обозначают количество правильно определенных эмоций... Например, я предъявлю вам 100 эмоционально окрашенных фраз, где будут зачатки тех или иных эмоциональных красок, сформированных артистом, и вы должны их определить. Басилашвили, например, произносит: «Они сейчас придут сюда». Что это такое?

— *Нейтральная информация.*

— Верно. А вот: «Они сейчас придут сюда!»

— *Предупреждение.*

— Но уже начало раздраженности. Или: «Они сейчас придут сюда!»

— *Усиление. Вот-вот они должны прийти.*

— Здесь уже тревога. Или: «Они сейчас придут сюда».

— *Нам не страшно.*

— Или же: «Они сейчас придут сюда!».

— *Это радость.*

— Да, это ожидание какой-то радости... Ну это я грубо имитирую. У Олега Басилашвили тоньше, богаче, информативнее и т.д.

И вот, прослушав, допустим, 100 таких фраз, вы дали правильных 60 ответов. «Ваш» процент — 60. Но кто-то даст 80. Кто-то даст 90, кто-то даст 95! И таких людей из ста человек — один, максимум два. Это какая-то повышенная эмоциональная эмпатия, или же акустическая эмпатия, способность этого человека выделить крупницы движения эмоциональной души человеческой по голосу. Но мы имеем и обратную картину, когда может быть 50%, 40%, 30%, 20% или 10%, как мы обнаружили у некоторых больных алкоголизмом (это приведено в работе сотрудницы нашей лаборатории Е.И.Серебряковой) или не-

которых детей из детского дома (в работе А.Х. Пашиной). Такой процент возникает из-за недостатка эмоционального развития и чуткости, бесконечного эмоционального прессинга, страха перед человеком, сформированного у ребенка чуть ли не с пеленок и заглушавшего способность правильно дифференцировать эмоции. Дети из такой среды сводят все к страху, гневу и т.п.: «Дядя сердится, дядя сердится». Алкоголик также не понимает довольно ярких эмоциональных красок. У Басилашвили есть и довольно яркие краски, которые для нормального человека не представляют трудности. А для алкоголика представляют. Из ста фраз он только десять эмоционально правильно определяет. Это ужасно. Не на этом ли зиждется эмоциональная тупость и на ее основе возникающие правонарушения, противопоставления себя другим?! Преступник не чувствует страдания другого человека. У него отсутствует жалость и самооценка в том, что человеку он доставляет неприятное, боль, страдание и т.д. Не является ли такая эмоциональная скудость и «толстокожесть» основой в совершении противоправных поступков?

Когда-то происходил спор между физиками и лириками. Физики преисполнены рационального отношения к жизни, довольствуются чаще всего рациональными, научными положениями... «Москва слезам не верит» — их любимый лозунг. Они не верят слезам, чувствам, состояниям. Это — лирика, не существующая для них. А для другого человека это главное. И поразительно, что выигрывает часто черствость, равнодушие, рационализм. А вот эти человеческие, высокодуховные устремления всегда оказываются попранными. Хотя Ларошфуко еще сказал: «Ум всегда в дураках у сердца». Но эта фраза была сказана в том значении, что человек главным образом руководствуется чувством.

Тестируя людей, мы обнаружили у них разную способность чувствовать эмоцию в голосе другого и положили это в основу деления людей на художественный и мыслительный типы, на тип, характеризующийся эмпатийностью... Ведь это опять-таки тест на то, чем руководствуется человек в жизни. Если он чувствителен к этим свойствам, значит он не может и пренебречь ими. Хотя бывают случаи и такого рода — да, чувствителен, но рационалистические начала преобладают... Вообще все-

гда есть борьба между умом и сердцем в человеческом существе.

— *Вероятно, и жизнь к этому склоняет. Иному может жена внушать постоянно: «Ты должен выбросить из своей головы эту лирику, посмотри вон как все...»*

— Совершенно верно. Тут проблема нравственности, духовности. Это опять мы на нее «выходим». Человек, как весы: на одной чаше — добро, на другой — зло. Колебание добра и зла, преобладание доброго или злого состояния или настроения. Это жизнь. И к колебаниям этих весов вынуждает сама жизнь — люди, окружение, внутренние и природные склонности, свойства человека, его удачи или неудачи и т.д. Возникает сложная проблема — как человек способен поступить в тех или иных обстоятельствах, согласно своей совести, долгу и т.д.? Здесь и проблема Павлика Морозова, и проблема нравственности, духовности общества в целом.

— *Каково практическое значение ваших исследований?*

— Задача тестирования людей, о котором я говорил, имеет большое практическое значение. Например, мы знаем, что люди посвящают себя искусству. А мы уже говорили, что человек по природе своей может быть склонен или менее склонен этим заниматься. Мы сейчас имеем немало методов для более глубокого определения истинных способностей и склонностей к тому или иному виду творчества. По крайней мере, мы можем сказать, что существует целый комплекс психофизиологического характера, природная основа художественной одаренности. И вот цикл лекций, которые я читаю в Московской консерватории, основан как раз на новых оригинальных исследованиях нашей лаборатории. Я сейчас являюсь руководителем Центра «Искусство и наука», который ставит перед собой задачу выяснения природных предрасположенностей человека к художественному виду деятельности. Мы применяем наши методы при оценке абитуриентов, поступающих в Московскую консерваторию, в театральные вузы. Т.е. это цикл таких вот комплексных методов, которые позволят выявить природную предрасположенность человека к художественному творчеству. Сущность их сводится к изучению природных предпосылок и, в частности, к определению степени развитости и отзывчивости эмоциональной сферы человека, его способности моделировать эмоци-

ональную и художественную информации, которыми, может быть, традиционные методы профессионального отбора в искусстве не занимались, не придавали значения...

Возникает необходимость оценить эмоциональное состояние человека, который находится, допустим, в крайне стрессовых, особо опасных условиях, например, в космическом полете. Космонавт сообщает на землю: «Я хорошо себя чувствую» и т.д. Но человек склонен в силу разных особенностей скрывать некоторые неприятные внутренние состояния. И для многих людей это норма жизни. Конечно, космонавт отдает себе отчет в том, что в космос его послали не для того, чтобы он жаловался, поэтому он чаще говорит: «Нормально, хорошо». Но голос выдает его состояние. Поэтому возникает порой необходимость немедленно прекратить полет. И в некоторых случаях это так и делается.

Необходимо бывает оценить состояние диспетчера, от которого зависит, скажем, уровень аварийности на линии, или летчика-испытателя... Но не все люди способны это состояние уловить, даже люди, казалось бы, научно компетентные. Поэтому наш метод позволяет формировать в группы экспертов таких людей, которые на это способны.

— *И в дальнейшем, наверное, с помощью научного метода можно будет и «назначать» людей на особо ответственные профессии?*

— Во всяком случае, у ответственного работника, руководителя не мешало бы проверить эмоциональную чувствительность: не слишком ли он эмоционально толстокож, не слишком ли равнодушен к людским нуждам? Что касается «назначений», то это, конечно же, очень серьезная социальная проблема, но профессиональный отбор начальников и должностных лиц в сфере социального обслуживания по критерию эмоциональности — это пока что практически трудно реализуемая задача.

— *Ну а в области искусства?*

— Вот здесь это просто необходимо, как важнейшее профессиональное свойство художника любого жанра. Допустим, мы принимаем в консерваторию великолепного музыканта, обладающего большой технической музыкальностью. Естественно, все музыканты эмоционально развитые люди, поскольку само искусство имеет эмоциональную природу. Но и среди них име-

ются с большей или меньшей эмоциональной чувствительностью, эмоциональной развитостью люди,

Мы говорим — «художественный тип». Это не только тот человек, кто находится в стенах консерватории или академии художеств. Это может быть водитель троллейбуса, психолог, математик... Несчастнейшие люди — люди художественного типа, занимающие профессии мыслительного типа. И наоборот, среди людей-художников может быть мыслитель, рационалист, который все понимает, все осознает умом, но не может это реализовать сердцем, потому что оно у него «сухое», рационалистическое, и у него нет ни души, ни той творческой одухотворенности, которая свойственна людям пылким, с живым, ярким воображением и пламенным сердцем, которые, к примеру, могут проявить несуразность в чем-то, логически не так выразиться, но которые способны на величайшие художественные откровения. Так же, как в науке, порой требуется оставить эмоции в стороне, а следовать здоровой логике, рассудку, и тогда только докопаешься до научной истины. Хотя, должен сказать, что соединение этих двух начал являет собой высшее совершенство как в искусстве, так и в науке. В этом плане между художественным и научным творчеством имеется внутренняя связь. Я не верю, что одними абстрактно-логическими умозаключениями можно достичь больших высот в науке. В равной мере я не верю и в то, что только одним сердцем и одним чувством можно достичь больших успехов в художественном творчестве. Например, «Моцарт и Сальери» — драма социального характера. Два начала — добро и зло. Эмоциональное и рациональное, социальное и асоциальное — все слилось воедино в этом гениальном произведении. Тот же «Борис Годунов» — посмотрите, личная драма, она же и социальная. «Капрал» Даргомыжского: «В ногу, ребята, идите, полно, не вешать ружья, трубка со мной, проводите в отпуск последний меня...» Это же социальная драма: человека ведут на расстрел его же воспитанники — молодые солдаты. За что? За то, что он сказал грубое слово офицеру, и «должно меня расстрелять. Выпил я, кровь заиграла, дерзкие слышу слова, тень императора встала, в ногу, ребята, раз-два». Тень императора Наполеона. И сколько достоинства: «Прочь, не завязывать глаз!» Сколько человеческих чувств в этих звуках, словах, они социальны по своей сути. Мы говорим — будет ли молодой

солдат стрелять в демонстрантов? По своей сути он на это и ориентирован, он давал клятву подчиняться начальнику. Солдаты приняли присягу, они расстреляют капрала по приказу начальства. В этом же — социальная сущность. Справедливо, несправедливо — это уже наш разум начинает оценивать. И чувство долга борется с чувством сердца. Жалко этого старого солдата, его бы отпустить на пенсию, — иди! — а его расстреляют. И это все о чем говорит? По-разному можно спеть партию этого солдата. Нестеренко ее исполняет потрясающе. В свое время гениально исполнял ее Шаляпин. Ведь надо быть не просто певцом, артистом, нужно быть личностью — социально, интеллектуально и духовно богатой, грамотной, всевидящей, все слышащей... Только значимые вещи — значимые социально, философски, человечески, духовно — должны волновать большого художника. И рождаться должны и слова, и картины, и звуки, достойные этих великих вещей. Попусту царский глас художника не должен вещать...

— *Nad* чем сейчас работаете?

— Над проблемой невербальной коммуникации. Это наука не только о средствах общения, но и о нравственности и духовности общения, о чем мы с вами говорили. Чем больше в нее погружаешься, тем больше видишь нового, интересного и важного для науки и практики. Недавно написал на эту тему книгу «Искусство и наука общения: невербальная коммуникация». Провели две большие работы по теме грантов РГНФ: «Социально-психологический портрет современного человека по невербальным особенностям его речи» и «Воздействие музыки на здоровье, психику и социальное поведение человека». Написал несколько работ о голосе Шаляпина как непревзойденном эстетическом и психологическом феномене. Но есть идея написать книгу «Искусство резонансного пения». Сейчас я эту книгу заканчиваю*. В ней речь идет не только об акустических, но и психологических основах и «тайнах» искусства пения выдающихся вокалистов — прежде всего Ф. Шаляпина, Э. Карузо, Б. Джилли, М. Кабалье, П. Доминго, Л. Паваротти, С. Лемешева,

* В конце 2002 года она выпущена в Москве тиражом 3000 экз. под названием «Искусство резонансного пения. Основы резонансной теории и техники». — В.А.

И. Козловского, Е. Образцовой, З. Долухановой и др. Думаю, что книга эта будет интересна как для самих певцов, так и для интересующихся вокальным искусством. Она поддержана РГНФ по проекту: «Психологические основы вокального искусства», за что я весьма признателен Российскому Гуманитарному Научному Фонду.

(записано в марте 1997, дополнено в сентябре 2001 г.)

Л. П. ГРИМАК

Леонид Павлович Гримак — специалист в области психофизиологии, психотерапии, гипнологии, доктор медицинских наук, профессор, академик Международной академии информатизации, полковник медицинской службы в запасе.

Л.П. Гримак родился 13 июля 1931 г. в Запорожской области. В 1955 г. окончил военно-медицинский факультет Харьковского медицинского института, после чего десять лет служил в десантных частях.

В 1965—1989 гг. работал в Институте авиационной и космической медицины: основные направления теоретических и прикладных исследований — изучение трудных психических состояний человека (летчика, космонавта); повышение надежности функционирования человека в нестандартных условиях деятельности...

В 1991—2000 годы — работа в НИИ МВД главным научным сотрудником.

Выпустил следующие книги: «Психологическая подготовка парашютиста» (1966, 1971), «Моделирование состояний человека в гипнозе» (1976), «Экспериментальная психофизиология в космических исследованиях» (в соавторстве; 1976), «Подсознательное восприятие» (в соавторстве; 1980), «Резервы человеческой психики» (1987), «Общение с собой»

Полностью беседы с Л.П. Гримаком публикуются впервые.

Фото В. Артамонова

(1991), «Магия биополя» (1994), «Гипноз и преступность» (1997), «Как жить в гармонии с собой» (2000).

В настоящее время работает психотерапевтом в Реабилитационном центре больницы МПС.

БЕСЕДЫ

Эти беседы основываются на материале одной из книг Л.П.Гримака «Общение с собой». Речь пойдет о широком круге вопросов, связанных с психикой, психологией, состоянием человека и его здоровьем.

1

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ БАЛАНС ЧЕЛОВЕКА

Часто слышим такие понятия, как «психика», «психология», «состояния человека». Насколько соединимы они в нашей жизни?

— *Начнем, пожалуй, с такого общего вопроса: какой вам видится психология будущего?*

— В виде психологии активности, призванной не только объяснять явления человеческой психики, но и управлять ими, не только анализировать сущность личности, но и формировать из нее борца с активной жизненной позицией, дав ей для этого необходимые знания, методы, навыки.

— *Поговорим о таком важном факторе, как человеческая активность. Зарубежные исследователи причины человеческой активности трактуют следующим образом, цитирую из вашей книги: «Так, Фрейд побудителем жизнедеятельности считает либидо (половое влечение), энергия которого при определенных условиях трансформируется в другие виды энергии, обеспечивающей иные направления жизнедеятельности.*

Последователь Фрейда А. Адлер главные активностные тенденции личности связывал с врожденными качествами индивидуума, такими, как стремление к господству, власть

над другими людьми, переживание собственной неполноценности и т.п. Личностные эти тенденции, считал Адлер, складываются в раннем детстве и оказывают решающее влияние на последующий стиль жизни и ее продуктивность.

Главным двигателем развития взрослого человека, с точки зрения американского психолога Э. Эриксона, является внутренняя неуспокоенность, которая понимается им очень широко. Это и родительские отношения — заботы по воспитанию детей, и большая часть из того, что относится к «продуктивности» или «творчеству» человека — стремление быть компетентным в какой-либо области деятельности, реализовать свои способности, внести что-то новое, сделать свой вклад. В той мере, в какой личность оказывается «успокоенной», она перестает расти и обогащаться».

Что же, в самом деле, является побудителем деятельности?

— Вопрос очень непростой и, как видно, однозначного ответа на него еще не получено. Лучше всего, на наш взгляд, он просматривается с филогенетических позиций. Именно таким образом приходит понимание, что, создав человеку руки — орган труда, — природа параллельно сформировала у него выраженную созидательную потребность. Со временем, став одной из основных потребностей, она распространилась с непосредственно предметной сферы на духовную. Об ускоренности этой потребности свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что отлучение от труда представляет для нормального человека тяжелую форму наказания.

Созидание в данном случае понимается очень широко, начиная, к примеру, с изготовления башмаков и кончая «строительством» нового общества или же созданием новых теоретических разработок. Во многих случаях эта потребность вызывает противоположные эффекты. Последние появляются, когда созидание начинает включать в виде своих начальных этапов предварительное разрушение, «очистку строительной площадки». Да, именно: «до основанья, а затем...»

Ослабление, а тем более потеря этой потребности, грозит человечеству вырождением, поскольку процесс труда, обусловленный лишь грустным сознанием необходимости и не окра-

шенный глубинными положительными эмоциями, теряет творческий характер и должную продуктивность.

Энергетическое обеспечение созидательной потребности, как и некоторых других, надо полагать, осуществляется из источника, питающего наиболее древний и фундаментальный половой инстинкт, обеспеченный энергетикой с большим избытком. Только поэтому созидательная потребность очень часто бывает сопряжена с половой или же оказывается своеобразным замещением последней.

На эти основные наслаиваются другие потребности более частного порядка: стремление к лидерству, к компетенции и т.д. Ведь известно большое количество потребностей, и многие авторы разрабатывали их различные классификации, в том числе и на основе инстинктов. Последних было названо тоже немало. Американский психолог А. Бернارد подсчитал, что еще до 1924 года было «открыто» 140 различных инстинктов.

— Теперь — о проблеме, которая вынесена в название книги — об общении с собой. Что это такое и как этому научиться? В частности вы пишете: «Будучи постоянно устремленным во внешний мир, мы зачастую не знаем, что делать с собой, когда остаемся в одиночестве, кстати, полезном и даже необходимом для нормальной жизнедеятельности состояния, особенно в наш век избыточности внешних воздействий».

— Сущность общения с собой — это прогрессивно развивающаяся функция человеческой психики, в значительной степени зависящая от уровня развития и общей культуры человека.

Способность реагировать на свою собственную речь как на чужую начинает проявляться у ребенка уже в возрасте около двух лет. Прислушиваясь к своим фразам, он может направлять их, меняя смысловую позицию, свое отношение к сказанному. Несколько позже ребенок научается реагировать на свою речь так же, как и на чужую в ходе общения с близкими ему людьми. Но для того чтобы этот процесс обусловился и упрочился, окружающая его среда должна обеспечивать полноценное межличностное общение.

Учиться общению с собой можно и нужно, поскольку это один из важнейших способов повседневной саморегуляции и самоорганизации. Что касается одиночества (после полноцен-

ного межличностного общения), то оно как раз и является тем условием, которое необходимо для полноценной реализации общения с собой.

— *Конкретизируем, проблему: «Человеку необходимо периодически оставаться наедине с собой, со своими мыслями и чувствами, со своими сомнениями и тревогами, находить лишь в самом себе и слушателя, и собеседника, советчика и утешителя».*

Скажите, что психологически (и, вероятно, физиологически) дает одиночество человеку и как нужно его дозировать?

— Некоторым содержательным аналогом функционального взаимоотношения между такими психическими явлениями, как межличностное общение и одиночество, может служить взаимосвязь состояний бодрствования и сна.

Состояние бодрствования предполагает получение необходимой информации об особенностях внешней среды в интересах осуществления адаптивного поведения и удовлетворения необходимых потребностей. Одновременно это состояние стимулирует активность самого мозга для лучшей организации этой работы.

Сон же не только восстанавливает силы организма, потраченные в период бодрствования, но и готовит адаптивные физиологические системы организма к предстоящим после пробуждения действиям.

Примерно то же происходит в межличностном общении: это вид психической деятельности, в результате которого человек получает необходимую ему информацию, а также часть внешней афферентации (поток нервных импульсов в центральную нервную систему, поступающий от органов чувств. — В.А.), повышающей уровень бодрствования центральной нервной системы. Различают межличностное общение положительное, когда оно соответствует сути коммуникативных потребностей в данный период, и отрицательное, если оно противоречит необходимым запросам.

Одиночество — состояние, в котором также наиболее эффективно происходит переработка и системная организация полученной в ходе межличностного общения информации. У человека, систематически не имеющего возможности пребывать

в одиночестве, со временем могут нарушаться адаптивные возможности и развиваться невротические реакции.

В таких случаях возникают трудности в построении адекватных форм реагирования на внешние воздействия, снижается выдержка, скорость восприятия, сообразительность и т.п.

Следует к тому же иметь в виду, что во многих случаях одиночество является непременным условием продуктивной рабочей деятельности. Труд писателя, поэта, ученого, предполагающий высокую степень интенсивности общения с собой, протекает, как правило, в полном одиночестве. История, однако, знает случаи, когда некоторые творческие личности могли успешно работать в многолюдных местах (в читальном зале, в кафе, на вечеринках и т.п.). Более детальное знакомство с их личностными особенностями всегда свидетельствовало, что они обладали способностью к интенсивной концентрации внимания, способностью отстраняться от внешних отвлекающих воздействий.

В то же время избыточное, вынужденное одиночество становится стрессогенным фактором, заставляющим человека искать общения с себе подобными.

У разного типа людей (экстравертов и интровертов) (первые характеризуются направленностью на мир внешних объектов, вторые — на явления собственного субъективного мира. — В.А.) диапазон потребного соотношения в реализации состояний «межличностное общение — одиночество» крайне различен. Эти различия зависят и от психической «нагрузки», которую вызывает сама специфика состояния. Поэтому «дозирование» периодов необходимого одиночества может опираться только на интуитивные побуждения.

— Ну а одну из ваших цитат я хотел бы просто привести:

«Есть все основания полагать, что способность к общению с собой развита у каждого индивидуума в различной степени, более того, она подвержена значительным колебаниям в зависимости от возраста и других факторов. Но не подлежит сомнению, что такого рода постоянная «обработка человеком самого себя» призвана гармонизировать его отношения с природой, с самим собой, с другими людьми. По-видимому, взамен утраченного в процессе эволюции

естественного отбора природа, кроме способности к индивидуальному обучению, наделила человека еще и механизмом общения с собой как инструментом самоорганизации и самопрограммирования. Ярким примером интенсивного общения с собой является духовная жизнь Л.Н. Толстого, отразившаяся, в частности, в его дневниках. Стоит лишь вдуматься в тот факт, что велись эти дневники систематически в течение 63 лет и всегда преследовали одну неизменную цель — самосовершенствование собственной личности.

Мы полагаем, что адаптивная роль такого рода психической деятельности будет возрастать и впредь. И это обстоятельство позволяет с определенной долей оптимизма отнестись к словам Цицерона, которыми он две тысячи лет тому назад характеризовал возможности человека будущего: «Человек, наделенный совершенной мудростью (такого человека еще нам не встречалось, но по суждениям философов можно описать, каким он будет, если будет), вернее сказать — его разум, достигший в нем совершенства, будет так распоряжаться низшими частями души, как справедливый отец достойными сыновьями: ему довольно будет одного лишь знака, чтобы без всякого труда и усилия достигнуть цели: он сам себя ободрит, поставит на ноги, научит, вооружит, чтобы выйти на бой, как на неприятеля».

Еще я хотел бы привести слова Штриттматера, которые вы приводите в своей книге: «В юности я ждал чего-то от жизни, теперь — только от себя. Когда я перестану ждать чего-то от себя, я стану мертвым, даже если буду продолжать жить».

Если хотите что-то добавить еще — пожалуйста.

— Добавить можно было бы только одно. Приводимая подборка высказываний наводит меня на мысль, что следует начинать работу по созданию специальной программы обучения общению с собой. Она должна быть чем-то похожей на программу обучения межличностному общению, но в отличие от последней, быть направленной на активизацию функций саморегуляции, самоорганизации, аутопсихотерапии.

— Но в то же время человеку требуется и общение с окружающими. Сейчас все чаще можно услышать выраже-

ние «сенсорный голод» — это когда отсутствуют необходимые для нормального человеческого развития контакты. Именно поэтому так необходимы человеку путешествия, новые знакомства, чтение литературы, посещение художественных выставок, просмотр кинофильмов, спектаклей и т.п. Спрогнозируйте, пожалуйста, состояние человека, если он от этого всего изолируется.

— «Сенсорный голод» действует на психику человека разрушающе. Сказать об этом точнее, чем это сделал всемирно известный физиолог Х. Дельгадо, нельзя. Вот его слова: «В отсутствии сенсорного притока из внешнего мира нормальные психические функции нарушаются. Зрелый мозг со всем богатством его прошлого опыта и приобретенных навыков не способен осуществлять процесс мышления, не способен даже бодрствовать и реагировать, если он лишен своего воздуха — сенсорной информации». И еще: «В интеллекте нет ничего, что вначале не было бы дано в ощущениях» (Х. Дельгадо. «Мозг и сознание». М., 1971, с. 65, 41).

— Оставаясь в одиночестве, человек должен уметь справляться со своими страстями, чувствами, управлять ими, направлять свою деятельность в полезное русло. Но когда-то наступает человека и другая ситуация, о которой вы пишете: «... Рано или поздно приходит время, когда складывающаяся ситуация — возраст, болезнь, житейские невзгоды — вынуждают нас обратить внимание на самих себя, разобраться в собственных ощущениях, мыслях, переживаниях. И здесь мы нередко впадаем в другую крайность: теряем всякий интерес к окружающей действительности, полностью замыкаемся в скорлупе собственных проблем. Естественно, что слишком продолжительный и, если можно так выразиться, крайне интенсивный уход в себя также не облегчает ни собственного субъективного состояния, ни настроения окружающих, так как нарушается необходимый для здорового организма уровень самообладания».

Скажите, как из подобных ситуаций выходить человеку, как ему действовать в этих случаях, а еще лучше — как предотвращать эти состояния?

— Здесь с самого начала следует сделать весьма важную оговорку: способность к саморегуляции сохраняется только у

практически здорового человека. В данном случае имеется возможность не только осознать необходимость самокоррекции собственного состояния посредством какого-то воздействия (аутогенной тренировки, прогулки, перемены характера работы, посещение театра и т.п.), но и иметь реальные физические силы для его осуществления.

Больной человек потому и больной, что его организм в определенной степени теряет способность к саморегуляции, а нередко и возможность взаимодействия с окружающей средой. Происходит наложение двух обстоятельств — 1) самоуглубления в связи с болезнью и 2) невозможности включиться в события внешней среды из-за снижения общей активности и физических сил.

Поэтому больной человек чаще всего нуждается в регуляции, осуществляемой посредством общения с другим человеком. К тому же когда нервная система человека оказывается ослабленной какими-либо чрезвычайными воздействиями — болезнью, глубоким горем, страхом перед угрозой опасности, трудностью выбора в сложной ситуации и пр., — значительно возрастает его внушаемость. Трудные состояния снижают тонус коры головного мозга, очень часто приводят к развитию парадоксальной фазы («фазы внушения» по И.П. Павлову), в которой сильные раздражения реального мира уступают место слабым (словесным) раздражениям, идущим от другого человека. Именно поэтому филогенетически (в смысле исторического развития органического мира. — В.А.) сложилось так, что человек, охваченный болезнью или горем, всегда шел к другому человеку, и тот считал своим долгом помочь ему словом утешения, сочувствием и советом.

Этим хотелось сказать, что, обращая внимание на жизненно важную функцию общения с собой, не следует умалять роли межличностного общения, несущего психологическую поддержку, ощущение заботы и защищенности.

2 ЧЕЛОВЕК. ПСИХОЛОГИЯ. ПРИРОДА

Нелишне бывает сравнить современного человека с далеким предком. Кто был более цельным, кто «стоял ближе к природе»?

Современный человек столкнулся со многими проблемами — экологическими, психологическими... Как с ними успешно справляться?

— *Городской житель, проживший в городе энное количество лет, отдаляется от своей первоначальной природы, утрачивая многие свои ценные качества, которые были ярко представлены в первобытном человеке. Представитель современной цивилизации, питаясь вы, уже становится не способен к проявлению, например, того «звериного чутья к опасности и потенциальной угрозе, которое свойственно примитивным народам». Скажите, как, по вашему мнению, должен действовать современный человек, чтобы не отдаляться далеко от своей первоначальной природы, чтобы быть одновременно и высокоинтеллектуальным, и сильным, мужественным, бесстрашным? Как найти ему такое оптимальное сочетание? Ведь интеллект-слабак — это плохо, и одна только грубая физическая сила — тоже плохо. Так как?*

— Сравниться городскому жителю в чувстве и знании природы с человеком, выросшим в деревне, конечно, очень трудно. Природа раскрывается не вдруг, и ее познание, приближение требуют от человека немалой затраты душевных и физических сил. Тем не менее, гармоничного развития личности не бывает без тесного общения с природой.

Уже сегодня условия жизни в высокоразвитых странах позволяют городскому жителю даже средних материальных возможностей общаться с сохранившейся природой в соответствии с его запросами. Знаменательно, что среди интеллектуалов и интеллигенции нашей страны также большую популярность приобретают спортивно-туристические виды отдыха: альпинизм и горные лыжи, плавание на плотах и байдарках, походы в тайгу и тундру. Думаю, эта тенденция будет нарастать.

— *«Противоречивость сознания (в определенных пределах) есть явление, характерное для нормального человека». Вероятно, некоторые люди пугаются своей противоречивости, а окружающие нередко и считают это большим недостатком человека, упрекают и осуждают его за это. Скажите, нужно ли так бояться противоречивости в себе*

и всегда ли нужно от этого избавляться? Что оно дает человеку положительного и как может повлиять на его жизнь? Охарактеризуйте подробно эту черту.

— Двойственная сущность «Я», порождающая противоречивость суждений, у нормального человека есть положительное качество, позволяющее «проверять на прочность» психологические образования личности: внутренние позиции, мнения, установки, взгляды и т.п.

Как это ни парадоксально, но некоторый уровень внутренних колебаний создает большую жесткость линии поведения, аналогично тому, как физиологический тремор (дрожание конечностей, туловища. — В.А.) придает большую устойчивость двигательному акту.

Индивидуальные варианты двойственности «Я» бывают весьма разнообразными по своему проявлению, однако «трудные» состояния они создают только тогда, когда становятся явной помехой в повседневной жизни и деятельности.

— Вы упоминаете об асимметрии лица человека, то есть левая и правая его половины не идентичны. Из этого факта вытекает, что не только нет похожих точь-в-точь людей, но даже отдельный индивидуум состоит как бы из двух лиц. Скажите, в чем целесообразность здесь природы, как это расценивать человеку — как положительное или как отрицательное?

— Проблема асимметрии человеческого лица затрагивает фундаментальный принцип органической природы, выражающийся в том, что по мере усиления биологических процессов в ходе их преобразования все более заметно начинает проявляться асимметрия форм.

Нарушение асимметрии в живой природе наблюдается уже начиная с молекулярных форм жизни и существенно усиливается по мере усложнения организмов.

Действительно, лицо человека асимметрично так же, как асимметричны правая и левая половины тела. Но это не результат приспособительного процесса («целесообразности природы»), а неотъемлемое следствие жизнедеятельности, как проявление различий и противоположностей внутри единого организма.

Частным случаем функциональной асимметрии являются различия в работе правого и левого полушарий мозга, подроб-

но анализируемые в книге Н.Н. Брагиной и Т.А. Доброхотовой «Функциональные асимметрии человека» (М., 1988). В плане рассматриваемого нами вопроса о функциональной асимметрии мозга очень важно отметить различное ориентирование полушарий на восприятие времени. Так, правое полушарие «перерабатывает» настоящее время преимущественно с опорой на прошлое, тогда как левое — с ориентацией на будущее.

Второй важный момент. Психосенсорные процессы, чувственное познание реализуются в настоящем времени, вне будущего времени, и полностью зависимы от правого полушария. С этой точки зрения правомочно утверждать, что правая половина лица (иннервируемая правым полушарием) отражает более интенсивную чувственную жизнь, в результате чего и выглядит старше левой.

— *Каждый человек немолодого возраста испытал, вероятно, то же чувство, которое испытал писатель В.В. Вересаев — слова его вы приводите: «Не знаю, испытывают ли что-нибудь похожее другие, но у меня так: далеко в глубине души, в очень темном ее уголке, прячется сознание, что я все тот же мальчик Витя Смидович; а то, что я «писатель», «доктор», что мне скоро шестьдесят лет, — все это только нарочно; немного поскрести — и осыплется шелуха, выскочит маленький мальчик Витя Смидович».*

Скажите, подобные состояния и есть, по-видимому, то, что мы называем неувядающей молодостью, и их нужно поддерживать в себе?

— Вот именно. Эта неизменная составляющая человеческого «Я» характеризуется, к примеру, и еще более определенно: «Трагедия старости не в том, что чувствуешь себя старым, а в том, что чувствуешь себя молодым».

— *Вы приводите отрывок из произведения Андрея Платонова, где он рассуждает о человеке, в котором всегда живет маленький зритель. То есть другими словами, у человека имеется уголок сознания, в котором круглые сутки сидит «зритель», словно бодрствующий швейцар в подъезде. И вот: «Жители входят и выходят, а зритель-швейцар провожает их глазами. От своей бессильной осведомленности он кажется иногда печальным...» Мне это напоминает умудренных жизнью людей с такими же печальными глаза-*

ми, которые все замечают и видят. Каждый из нас многократно встречал такие глаза. Причем, люди, не отдающие себе отчета в том, что они видны, продолжают действовать так, как если бы они не были видны. Я думаю, что недооценка других людей — одна из причин низкого уровня культуры в нашем обществе. Как вы думаете?

— Я думаю, недооценка других людей — следствие крайне низкого уровня культуры в нашем обществе.

— Действительно, на «глубокие размышления, — как вы пишете, — могут навести... материалы этнографических исследований одной из народностей, населяющей высокогорные районы Кавказа, сванов. В условиях заметной изоляции от других культур и обычаев сохранились почти в своем первоизданном виде отношения человека с домашними животными

В каменном доме свана на некотором расстоянии от его стен строятся деревянные щиты с окошками, украшенными резным орнаментом. За этими щитами и находятся животные (коровы, быки, лошади), которые имеют возможность через окошки всю долгую зиму рассматривать жилую часть дома и его обитателей. Таким образом, вся жизнь людей с их повседневными хлопотами вокруг семейных очагов, разводимых прямо на полу, большую часть года протекает буквально на глазах у животных, делая их как бы причастными ко всем делам человека. Более того, у сванов до наших дней сохранился обычай в определенный день года совершать перед животными традиционные ритуальные действия, разыгрывая сценические картинку, из которых животные должны «узнать», какое их поведение угодно хозяевам.

В своем ежедневном общении с животными сваны постоянно наблюдают внимательные глаза безмолвных, беззащитных, но преданных существ. Поэтому и относятся к ним как к самим себе, приписывают животным человеческие свойства и способности, одухотворяют их, то есть субъективируют и тем самым делают возможным взаимное общение с ними.

Удивляешься всегда мудрости человеческой!

— Отношение человека к животным, я считаю, характеризует

ет степень его человечности. Не зря же по мере интеллектуального развития человечества отношение к истреблению животных становится все более отрицательным.

В наше время яркий пример тому — формирование осуждающих установок в развитом обществе к людям, позволяющим себе одеваться в меха животных, исключение этих товаров из ассортимента некоторых престижных магазинов. В данном случае мы начинаем приближаться к пониманию и осуществлению того принципа ненасилия, который в йоге выражен термином «ахимса», а в дзен-буддизме одной из «четырёх великих клятв», включаемых в программу самосовершенствования: «Сколько бы ни были многочисленны живые существа, я клянусь их все спасти».

Современный человек, несколько отрезвленный в своей потребительской сущности явной угрозой экологического кризиса, начинает осознавать, что у него по отношению к живой природе есть не только права, но и становящиеся все более строгими обязанности.

— *Вновь выдержка из книги: «... Психика животных при всем сходстве с нашей не просто значительно отличается от психики человека, она совершенно не сравнима с нашей (как, например, психика детей младшего возраста отличается от психики взрослого человека). И именно в этом ее достоинство, достоинство большей непосредственности и искренности, чем это бывает у человека, в силу практически полного отсутствия рациональности (но не разумности).*

Трудно глубже и содержательнее сказать на этот счет, чем сделал это Г. Бестон: «Мы относимся к животным свысока, полагая, что судьба их достойна сожаления: ведь по сравнению с нами они весьма несовершенны. Но мы заблуждаемся, жестоко заблуждаемся. Ибо нельзя к животным подходить с человеческой меркой. Их мир старше нашего и совершеннее, чем мы с вами. Они сохранили многие из чувств, которые человек растерял: они живут, прислушиваясь к голосам, которые недоступны нашему слуху. Животные — не меньшие братья и не бедные родственники, они — иные народы, вместе с нами попавшие в сети жизни, в сети времени; такие же, как и мы, пленники земного великолепия и земных страданий».

Я привел эти слова еще и потому, чтобы люди не очень-то зазнавались своим человеческим статусом, далеко не все могут им в полной мере гордиться, ведь так?

— Именно, иные народы терпеливо «отрабатывают» свое пропитание в не лучшем из миров и достойно исполняют свою трудную жизненную миссию.

— Обратимся к книге: «Преследующие всех нас шумы, запахи, загазованность и другие явления изменившейся экологической обстановки — все это бесспорные стимуляторы стрессов. Имеется, как принято считать, шесть основных симптомов хронического стресса: бессонница, грудная боль (которая скорее всего вызывается спазмами мышц, а вовсе не сердечно-сосудистыми заболеваниями), кашель (или постоянное характерное покашливание для «очистки горла»), сексуальная неудовлетворенность, эмоциональный дисбаланс (перепады настроения). Частыми проявлениями стресса является также хроническая усталость и, конечно же, избыточный вес. В стрессовых состояниях люди начинают усиленно питаться.

Причины стресса достаточно разнообразны. Существуют, например, так называемые личностные противоречия, когда человек знает за собой существенный дефект поведения или характера, но в зависимости от каких-то обстоятельств не может его устранить. Сознание такого обстоятельства может вызвать стресс. Весьма частой причиной стресса являются производственные и финансовые затруднения. Серьезным источником стресса может стать семейная атмосфера». И еще: «Некоторые специалисты считают, что в целом стресс обходится экономике США в 150 миллиардов долларов в год. Десятки компаний начинают принимать меры по снижению стресса на рабочих местах».

«Не избавлены от стресса и те работники, которые успешно продвигаются по службе. Многие карьеристы по сути своей несчастны, и очередное достижение по службе лишь усугубляет то состояние напряжения, в котором они пребывали раньше». Каковы ваши рекомендации по преодолению стрессовых состояний?

— Медицина утверждает, что физические тренировки, прово-

димые систематически, значительно повышают стрессоустойчивость. Снижают психическое напряжение и занятия любым видом искусства, пребывание на природе, общение с домашними животными. Оказывается, смех также является действенным средством борьбы со стрессом. По утверждению Анри Рубинштейна, автора книги «Психоматика смеха», одна минута смеха равна сорока пяти минутам гимнастики или физических тренировок. Исследования, проведенные по «смехотерапии» в Стенфордском университете (смех там называют бегом трусцой на месте), показали, что смех действительно тренирует многие мышцы, снимает головную боль, понижает артериальное давление, нормализует дыхание и сон. При этом в кровь попадает больше гормонов, активнее идут процессы обмена веществ. Часто смеющийся человек перестает чувствовать боль. То есть смех — это легкодоступное, прекрасное антистрессовое средство. Открытая антистрессовая функция смеха стала особенно активно использоваться в американских и шведских клиниках, где открыты кабинеты «смехотерапии». «Лекарство» для этих кабинетов поставляет специально созданная компания. Ее продукция — видеокассета со строго дозированными порциями смеха. Целые каналы отданы под лечебные увеселительные программы. Их транслируют в санатории и больницы по кабелям. В результате заметно успешнее пошла борьба с хроническими заболеваниями.

— *Неплохо бы нашему телевидению использовать этот опыт.*

— Да, было бы очень хорошо. И главное — это более цивилизованно, чем «оздоровительные» минуты молчания (имеются в виду «сеансы» А.В. Чумака. — В.А.).

— *Проблема, о которой мы сейчас говорим, волнует, вероятно, многих матерей, у которых маленькие дети. Цитирую: «Ночные страхи детей — одна из нередких жалоб, с которыми матери приводят своих детей к невропатологу. Никаких других отклонений в здоровье и психике у ребенка нет и не было, и «вдруг» лет с пяти он начинает бояться темноты, бояться один спать, порой начинает просыпаться ночью с криком и дрожая от страха, а потом долго не может заснуть».*

Расскажите о причине этого детского страха и что де-

лать родителям, чтобы предупредить его и чтобы он не превратился в боязнь на всю жизнь.

— Ночные страхи у детей — не болезнь, а своеобразный психический атавизм, проявляющийся активизацией инстинкта самосохранения в ночное время. Понятно, что у первобытного человека это явление имело приспособительное значение, но в историческом плане очень давно потеряло свою целесообразность.

Страх темноты, сопутствующие ночные страхи ребенка могут быть спровоцированы случайным испугом в вечернее или ночное время, перенесенным заболеванием. Сохраняется это состояние обычно некоторое время (полгода, год) и проходит само по себе. Если этого не происходит, необходимо искать отягчающее обстоятельство: отставание в развитии, болезнь.

Эффективное средство купирования такого страха — убеждение ребенка в его полной социальной защищенности, что фактически и имело место в филогенезе: любым ночным угрозам противопоставлялась групповая, клановая сплоченность людей.

В начальном периоде возникновения этого явления страх снимается присутствием матери или отца. Для устранения полной темноты оставляется свет ночника. В последующем «эффект безопасности», как правило, обеспечивается большой мягкой игрушкой («ночной талисман»).

Со временем у ребенка появляются новые, более существенные проблемы, и подобно тому, как проходят возрастные дефекты речи, исчезают и ночные страхи.

3

САМ СЕБЕ ДОКТОР

С помощью постоянного познания себя каждый из нас во многих случаях способен сам себе помочь — успокоить нервы, вообще исключить какие-то недуги, связанные с нашим неумением управлять своими состояниями.

— Уделим внимание астеническим состояниям. Вот что

вы пишете по этому поводу в своей книге: «Астенические нарушения (а астения — это слабость, бессилие. — В.А.) часто нуждаются не столько в медицинском вмешательстве и в лекарственном лечении, сколько в надлежащей власти над собой. Пожалуй, как никто другой, астеник должен заботиться о повседневной организации для себя «маленьких радостей» и в быту, и на работе. Пусть эти радости будут самостоятельными, искусственно организованными (редкая книга, просмотр кинофильма и т.п.). Главное, чтобы они украшали бытие, создавали положительный эмоциональный фон, снижали тягостные проявления астении. Приемы самоподдержания, саморазвлечения должны органически входить в жизнь человека в виде средства психологии активности. Но прежде всего труд, творческие задачи — художественные, литературные, технические — всегда были и будут сильнейшим стимулом, доминантой, удерживающей человека «на плаву», позволяющей достойно встречать жизненные невзгоды. Именно организация доминанты в этих областях может помочь человеку восстановить, укрепить одну из важнейших психических функций — способность верно ориентироваться, отделяя главное от второстепенного».

Как организовать свою жизнь, чтобы астении вовсе не было у человека? Продемонстрируйте это на конкретных примерах.

— Астения проявляется чувством усталости и собственного бессилия, переживанием неуверенности, внутреннего беспокойства и вызывает заметное снижение работоспособности. Она — следствие резкого снижения психофизиологической активности и адаптационных возможностей организма.

Причиной таких изменений служат эмоциональные перегрузки, длительные тревожно-депрессивные переживания, вызванные жизненными обстоятельствами.

Следовательно, профилактика астении должна предусматривать повышение, преумножение возможностей организма, что непосредственно связано с развитием устойчивости к стрессовым воздействиям психического и физического характера и стимуляции общеадаптационной пластичности.

Очень впечатляющим примером борьбы с тяжелейшим ас-

теническим синдромом является случай с выдающимся в прошлом тяжелоатлетом Юрием Власовым, который он описал в повести «Стечение сложных обстоятельств».

После окончания занятий большим спортом он в результате несчастного случая сильно простудился, заболевание перешло в хроническую форму. Оказавшись «неизлечимо» больным, Власов самостоятельно составил себе программу лечебно-оздоровительных тренировок и через несколько лет возвратил себе здоровье. Множество других примеров свидетельствуют о том, что специфическим противоастеническим средством следует считать рационально организованную двигательную активность.

— *Об этом, наверное, необходимо помнить пожилым людям, цитирую: «Вдовы и вдовцы, к примеру, заболевают раком в течение года после утраты своей «второй половины» значительно чаще, чем в любой другой период своей жизни. Болезни имеют «склонность» проявляться при утрате друзей, в одиночестве».*

Объясните, почему это происходит и как можно предотвратить подобный исход?

— При потере близких людей у пожилых людей, когда они остаются одинокими, часто развивается так называемая «депрессия пустоты». После того, как проходит первое ошеломление, вызванное смертью близкого, человек начинает понимать, что эта потеря в его возрасте действительно невозполнима и что образовавшаяся вокруг него пустота (если это так) является действительно безнадежной.

Формирующееся в этом случае состояние беспомощности (отказ от поисковой активности), снижение продуктивности деятельности, появление многочисленных болезненных изменений, в том числе и злокачественного характера, как следствие угнетения иммунно-гормональных систем.

Предотвратить эти процессы можно только единственным способом — вернуть человеку положительное отношение к окружающему, внести в его жизнь новые значимые эмоционально-положительные связи, восстановить его поисковую активность.

— *Эта информация адресуется тем, кто не может найти объяснения одной своей особенности, цитирую: «есть...*

категория людей (с невысоким психическим тонусом), которые в беспокойной, шумной обстановке работают гораздо лучше, чем в спокойной. Видимо, в этих случаях легкий дискомфорт деятельности вызывает дополнительное мышечное напряжение, повышающее уровень активности мозга, продуктивность его деятельности».

Вероятно, имеющий такую особенность психики человек должен к этому приспособиться? Видно, каждому человеку нужно узнать себя, чтобы та или иная черта, свойство, особенность не заставали его врасплох. Так ведь?

— Такой особенностью психики, как правило, обладают гипотоники — люди с низкими цифрами артериального давления крови. При этом у них имеет место слабый сосудистый, мышечный тонус, а следовательно и низкий уровень бодрствования психики. Для того чтобы повысить его в интересах стимуляции работоспособности, эти люди часто прибегают к «обогащению» общего шумового фона в рабочем помещении: включают музыку или радиопередачи, открывают дверь в шумный коридор и т.п.

Такого рода «оптимизация» рабочего ритма, как правило, осуществляется интуитивно. Для того чтобы иметь возможность сознательно регулировать свою жизнедеятельность, взрослый человек должен постоянно повышать уровень общепсихологических знаний, изучать свои индивидуальные особенности. Это одна из задач, решению которой призвана способствовать психология активности.

— Уделим внимание неврозам. Цитирую: «В основе одного из методов лечения неврозов (метод рациональной психотерапии) лежат процедуры, поддерживающие и развивающие деятельность мышления, причем именно его интеллектуальную (разумную, а не рассудочную) часть, опирающуюся в своей работе не только на логическую структуру, но и на эмоционально-образную составляющую. Швейцарский невропатолог П.Дюбуа, автор этого метода, справедливо, на наш взгляд, считает, что одна из основных причин неврозов — слабость интеллекта, ошибки суждений о ситуациях, ее анализа».

Расскажите несколько подробнее о причинах появления неврозов у людей. Как самоизлечиться от них, а еще лучше

не допускать их появления? Приведите примеры наиболее распространенных неврозов.

— Невроз — болезненное состояние, возникающее вследствие функционального перенапряжения центральной нервной системы.

Развитие невроза зависит от взаимодействия двух явлений: функциональной устойчивости центральной нервной системы, а также силы длительности воспринимаемых отрицательных воздействий. Чем слабее нервная система, тем меньше воздействия требуется для ее перенапряжения.

Еще большее значение, чем биологически обусловленные качества в этом плане, имеют личностные особенности человека. Они создают возможность возникновения конфликтов с окружающей средой, делают невыносимыми, сверхмаксимальными отдельные жизненные переживания, чем выводят нервную систему в режим перенапряжения. Такого рода ситуации осложняются семейными отношениями, обстановкой в трудовых коллективах.

Сами неврозы могут развиваться остро, непосредственно в период отрицательного воздействия, но могут формироваться и постепенно, незаметно, под влиянием относительно слабых стрессогенных факторов.

Предполагающим моментом в развитии неврозов бывает неправильная субъективная оценка действующих факторов, отсутствие знаний для организации правильной ответной реакции на них, поэтому нередко невроз называют «болезнью поведения» (П.В.Симонов).

Классификация неврозов в отдельных клинических школах имеет свою специфику, но в большинстве случаев различают пять типов неврозов: неврастению, истерию, психастению, невроз навязчивости и депрессивный невроз.

Слово «неврастения» буквально означает «слабость нервов». Однако эта слабость уживается с повышенной раздражительностью, вспыльчивостью. По тому, какие из этих признаков преобладают, различают гипостеническую (с преобладанием слабости) и гиперстеническую (раздражительную) формы неврастении. Главными проявлениями неврастении, независимо от форм, следует считать трудности интеллектуальной координации в сфере психической жизни (несдержанность, плохая способность

к сосредоточению и запоминанию, суетливость, внутреннее напряжение) и разбалансированность вегетативных функций, вызывающая потливость, сердцебиение, различного рода болезненные ощущения и т.п.

Истерия, как особое заболевание, была известна с глубокой древности, но понимание ее сущности менялось. Если попробовать очень коротко охарактеризовать механизм ее развития, то можно сказать, что в данном случае, на психическом уровне, неосознанно больным «воспроизводится» внешняя картина определенного заболевания или отдельного симптома. Воспроизводимые признаки болезни могут быть самыми разнообразными, начиная от судорог, припадков, параличей и кончая расстройствами кишечника, слепотой и пр. Потому истерия распознается не столько по симптоматике как таковой, сколько по характеру ее проявления.

Психастения рассматривается как слабость психической деятельности, основными проявлениями которой бывают тревожно-мнительные переживания. Вследствие этого всякое мелкое жизненное событие у такого больного превращается в неразрешимую философскую проблему. Типичными признаками психастении считается навязчивое мудрствование, навязчивые сомнения, опасения и т.п.

Невроз навязчивых состояний выделяется в отдельный тип заболевания, хотя его признаки очень часто выступают и при других неврозах. Выступают в трех формах: в виде навязчивых мыслей, навязчивых действий и навязчивых страхов. Все эти проявления полностью контролируются сознанием, однако внутренняя борьба, которую больному приходится вести по этому поводу, переживаются очень тягостно.

Депрессивный невроз — одна из сложных форм нервного нарушения, при котором понижение настроения выступает на первый план. Причиной часто бывают конфликтные ситуации, вызывающие длительные эмоциональные напряжения.

Невроз — это функциональное заболевание, при котором возможности саморегуляции значительно ослаблены. Поэтому лечение в данном случае должно проводиться обязательно при участии невропатолога.

— В своей книге вы приводите стих С. Есенина:

Я не видел, чтобы кто-нибудь
 Из подлецов
 Так ненужно и глупо
 Страдал бессонницей.

То есть из этого следует, что многие душевные отклонения происходят от ума, от чуткого сердца, что многие нервные заболевания, которые сегодня так распространены, больше свойственны людям преимущественно добропорядочным и честным. Так ли это?

— Сенситивность (чувствительность, эмоциональная реактивность) — необходимый атрибут ума, ибо «в интеллекте нет ничего, что вначале не было бы дано в ощущениях». Но сенситивность, «чуткость сердца» при нормальном воспитании определяет и повышенную ранимость души. Поэтому жизнь для таких людей оказывается относительно большой «нагрузкой».

— Вы рассказываете о нервном недуге, который был смолоду у писателя М.М. Зоценко, и он, проявив волю и интеллект, сумел победить болезнь. Для тренировки своей психики, души ему потребовалось проделать колоссальную внутреннюю работу — для отыскания первопричины недуга и устранения его. Скажите, при каких нервных заболеваниях (а может быть, и соматических) можно применять аналогичный метод и в чем подробно его суть — может быть, даже на примере того же писателя М.М. Зоценко?

— Метод, с помощью которого М.М. Зоценко удалось преодолеть свой серьезный недуг, можно назвать аутопсихоанализом. Состоит он в том, что с помощью различных ассоциативных приемов делаются попытки поднять из подсознания и осмыслить первопричину своего нервного недуга.

Механизм положительного действия состоит в том, что осознание момента зарождения болезненного явления приводит к освобождению от него — в этом проявляется принцип катарсиса. Такого рода лечебное воздействие проводится длительное время, представляется очень сложным, и рекомендовать его в качестве аутопсихотерапии нецелесообразно

4

КАК СЕБЕ ПОМОЧЬ?

Существует бесчисленное множество средств сделать свою жизнь полноценнее, разнообразнее, богаче... и в результате — помочь и своему здоровью. Такими средствами являются ведение дневников, самовнушение (самонастрой), медитация, самогипноз, аутотренинг, дыхательные упражнения, поддерживающие жизненный тонус человека...

— *В книге вы пишете: «В свое время большую профилактическую роль играли личные дневники, записи своих размышлений, переживаний, носящие исповедальный характер. К сожалению, век научно-технической революции значительно сократил возможности и этого благотворно действующего средства. В телеграммах и открытках, посылаемых близким к праздникам, места для исповеди не находится».*

Скажите, каков механизм снятия напряжения при ведении дневниковых записей, что при этом происходит в сознании человека?

— Психологически положительное действие ведения дневниковых записей основано на проявлении тех же механизмов, которые срабатывают при исповеди, самоисповеди.

При словесном формулировании собственной проблемы застойный очаг возбуждения, вызванный актуализированной ситуацией, постепенно разрешается, так как отдает свою энергию на производство интеллектуальной работы по вербализации (словесном выражении) беспокоящих обстоятельств. Уровень психического напряжения индивидуума тем самым снижается. Во многих случаях бывает достаточно выразить вслух свои отрицательные мысли и чувства, чтобы испытать чувство облегчения. Психически это вполне объяснимо. То, что бывает не вполне осознано или осознается смутно и неотчетливо, приобретает в ходе словесного изложения более ясные очертания, становится более понятным, простым, объяснимым, а следовательно и не дающим повода к тревоге.

— *Перейдем к проблеме самовнушения. Цитирую:*

«В.М. Бехтерев одним из первых в отечественной науке предложил использовать самовнушение в качестве лечебного средства при так называемых навязчивых состояниях. Я.А. Боткин (однофамилец известного С.П. Боткина. — В.А.), много занимавшийся проблемами самовнушения, отмечал, что особенно действенным оно бывает в тех случаях, когда проводится непосредственно перед засыпанием и при пробуждении. При этом формула самовнушения применяется индивидуально и обязательно в утвердительной форме и в настоящем времени».

Практически какие слова нужно говорить, чтобы человек быстрее заснул?

— *«Лежу удобно. Дышу спокойно. Я расслабился. Тело отдыхает. Полный покой. Мысли рассеялись. Забываюсь. Сон». Каждую фразу можно повторить 2-3 раза, а то и больше, в зависимости от того, как быстро удастся воздействие на самого себя.*

— Еще некоторая информация о самовнушении, привожу выдержку из вашей книги:

«Исследованиями советских ученых (И.П. Павлова, А.А. Ухтомского, К.И. Платонова) было выявлено несколько характерных состояний центральной нервной системы, наиболее «восприимчивых» к воздействию слова на физиологические процессы в организме. Эти состояния возникают в условиях некоторой заторможенности коры головного мозга, когда его клетки находятся в так называемых фазовых состояниях. Обычно «бодрствующая» нервная клетка отвечает на раздражитель по «правилу силовых отношений»: чем сильнее раздражитель, тем интенсивнее ответная реакция на него. В заторможенном же состоянии (перед засыпанием, сразу после пробуждения, при утомлении) на сильный раздражитель нервные клетки почти не реагируют, тогда как на слабый (в нашем случае им является слово) они отвечают ярко выраженной реакцией. В «просоночных» состояниях слабые раздражители создают в коре головного мозга фиксированные очаги возбуждения, которые будут потом влиять на течение психических процессов в последующем бодрствующем состоянии».

Скажите, именно эта особенность психики позволяет

слову воздействовать на человека, является базовым состоянием для самовнушения?

— Да. И еще следовало бы сказать, что организующее влияние самовнушения проявляется особенно эффективно, когда словесные сигналы сопровождаются яркими, образными представлениями.

— *Поговорим о значении дыхания для поддержания здоровья как составной части метода саморегуляции. Цитирую:*

«Вторым звеном в системе саморегуляции психического напряжения через изменение притока нервной импульсации являются приемы установления определенного режима дыхания. Советский физиолог А.И. Ройтбак установил, что нервные импульсы из дыхательного центра распространяются по специальным нервным путям на кору мозга и весьма существенно влияют на ее тонус: вдох повышает, а выдох снижает его. Стало понятным, почему максимального физического усилия человеку удастся достичь именно в момент задержки дыхания на вдохе. Следовательно, тип дыхания, при котором вдох производится в замедленном темпе, а выдох — быстро и энергично, тонизирует нервную систему и повышает уровень ее функционирования. И наоборот, короткий вдох, растянутый, замедленный выдох и небольшая задержка дыхания вызывают общее снижение тонуса центральной нервной системы, снижение кровяного давления, урежение пульса».

Какие основные дыхательные упражнения вы бы порекомендовали?

— Определяющая роль функции дыхания в жизнедеятельности организма была установлена еще в древние времена, недаром, к примеру, пранаяма (упражнения по овладению дыханием) представляет собой одну из важнейших ступеней йоги.

Современными физиологическими исследованиями с несомненностью доказано, что дыхательные упражнения действительно оказывают выраженный общеоздоравливающий эффект.

Как в йоге, так и в современной дыхательной гимнастике, насчитываются десятки различных упражнений и их модификаций, которые преследуют различные лечебные и оздоровительные цели и выполняются под руководством специалиста.

В комплексе оздоровительных методов достаточно использовать три нижеописываемых упражнения, которые вызывают успокаивающий или общеукрепляющий (нормализующий) эффект.

Тренировки выполняются лежа или сидя откинувшись в кресле обязательно натощак. В упражнениях применяется полный тип дыхания. Вдох производится медленно и равномерно через нос вначале приподниманием передней стенки живота, а затем расширением ребер и лишь затем полной грудью. Выдох производится ртом в том же порядке: вначале опускается живот, затем сдвигаются ребра и опускается грудная клетка.

Успокаивающее упражнение производится по типу «вдох — задержка дыхания — выдох». В начальный период все эти три фазы дыхания выдерживаются продолжительностью по 5 сек., длительность же периода дыхания в таком ритме должна обуславливаться самочувствием, но не превышать на первых порах 10—15 минут. Обычно такая нагрузка не представляет трудности и выполняется легко. Для увеличения нагрузки каждая из фаз дыхания (вдох, задержка, выдох) удлиняется до 10 секунд. И с этой нагрузкой здоровый человек справляется сравнительно легко (после соответствующей тренировки). Для хорошего лечебного эффекта такой тип дыхания должен выполняться в течение 30 минут (лучше, если это суммарное время набирается в 2—3 приема).

Следует иметь в виду, что это упражнение оказывает выраженный успокаивающий эффект, потому его следует выполнять в тех случаях, когда сразу же после тренировки предстоит высокая активная деятельность. Выполнение этого упражнения непосредственно перед ночным сном заменяет действие лучших снотворных, но без свойственных им отрицательных последствий.

Этот тип дыхательного упражнения выполняется в тех случаях, когда состояние нервной системы характеризуется повышенной возбудимостью, раздражительностью, слабостью выдержки, бессонницей и т.п.

Активизирующее упражнение в отличие от предыдущего оказывает выраженный тонизирующий эффект и показано при наличии астенической симптоматики. Характеризуется выполнением дыхательных фаз в очередности «вдох — вы-

дох — задержка дыхания». Все временные параметры и особенности выполнения этого упражнения такие же, как и в предыдущем.

Общеукрепляющее упражнение. И первое, и второе упражнения выполняются по 15—30 дней до тех пор, пока проявления «трудного состояния» (чрезмерная возбудимость в первом случае и, наоборот, заторможенность — во втором) не исчезнут полностью. Дальнейшее применение и первого, и второго упражнений в отдельности может вызвать симптоматику, противоположную первоначальной.

Для поддержания нормального «сбалансированного» состояния в дальнейшем необходимо отводить первую половину общего времени дыхательной гимнастики для выполнения первого упражнения, вторую — для второго. Длительность дыхательных фаз остается той, которая была достигнута в процессе предыдущих тренировок, а общее время дыхательной гимнастики — 30 минут в сутки.

К сказанному можно добавить, что так же, как и йоги, современные специалисты по биоэнергетике считают, что описанные упражнения способствуют накоплению в организме праны — «жизненной силы», «абсолютной энергии». Мысленно направляемая в тот или иной орган или часть тела в период выдоха эта энергия способна стимулировать процессы выздоровления, снимать боли, укреплять функции и т.п.

— Вы занимаетесь исследованиями в области психотерапии, гипноза. Не приходила ли вам мысль, что гипнотическое воздействие вредно для человека, на которого оно направлено, кроме того, делает его в дальнейшем безвольным, послушным, безынициативным? Не лучше ли просто помочь ему в раскрытии всех его природных задатков, в воспитании в нем чувства уверенности в своих силах и знания своих человеческих возможностей?

— Прежде всего, гипноз — это лечебный метод, обладающий своими «законными» побочными действиями, как всякое лекарство. При высокой своей лечебной эффективности гипноз считается наиболее безвредным средством.

Разговор вокруг возможных отрицательных последствий применения гипноза ведется уже по крайней мере сто лет, периодически то ослабевая, то усиливаясь до широкой полемики. Тем

не менее за все время применения лечебного гипноза сколько-нибудь серьезных осложнений при этом не отмечалось.

Так было до тех пор, пока гипнотические сеансы проводились во врачебных кабинетах в индивидуальном порядке, а не на стадионах, в концертных залах и по телевидению врачами с резко ослабленным чувством профессиональной осторожности или просто непрофессионалами. В условиях полного отсутствия обратных связей с лечащими появились осложнения, каких не знала история гипноза. Но здесь уже проблема перерастает в юридическую, которую, как оказалось, решать некому.

Применение гипноза в воспитательных, общеоздоровительных и развлекательных целях, тем более в массовом порядке, должно быть безусловно запрещено. Исключение может делаться в тех случаях, когда практически здоровый человек нуждается в определенной психологической коррекции своих установок, привычек, черт характера.

— Скажите, что лежит в основе психических заболеваний. Есть мнение, что изначальными причинами являются экологические факторы — это и вредные химикалии в потребляемой человеком пище, и загрязненность атмосферы, которой он дышит, и различные жизненные потрясения, и транспортные и другие шумы, превышающие во много раз санитарные нормы и т.п. И еще одна причина — воздействие самой психиатрической машины, в которую попадает человек с таким отклонением. Срабатывает как бы принцип: «Раз попал сюда, значит болен». Даже если человек говорит при этом: «Я совершенно здоров, выпустите меня отсюда!», врачи именно на этом основании заключают: «Вот видите, все психические больные отвергают мысль о своей болезни. Они себя считают здоровыми». Простите, ну а если здоровый человек такого же о себе мнения, то его тоже надо считать автоматически больным?! Согласитесь, довольно странный способ определения психически больного. Как же все-таки выявляется этот недуг, и такой уж он необратимый, чтобы с ним нельзя было справиться самому человеку, без помощи врачей?

— Причины психических заболеваний разнообразны. Среди них существенную роль играют наследственные факторы, а так-

же неблагоприятные внешние воздействия (травмы, в том числе внутриутробные, инфекции, интоксикации). Известно, к примеру, как пагубно на психику ребенка влияет алкоголизм родителей.

К сожалению, во всем мире наблюдается тенденция к росту психических заболеваний.

Да, психически больному человеку справиться со своим недугом самостоятельно нельзя. Его должен обязательно лечить психиатр, причем, чаще всего в специальном лечебном заведении. Способы определения тяжести психических болезней складывались веками и образовали очень сложную науку — психиатрию. Ее диагностические методы достаточно точные и исключают допуски грубых ошибок. Кажущаяся сохранность критики еще не является бесспорным показателем того, что человек не болен психически. Нарушение критики нередко бывает в очень узком диапазоне личностных отношений и определяется с трудом, но именно из-за этих нарушений человек может оказаться опасным для себя или для других людей.

У каждого из нас, потенциальных пациентов психиатра, нет другого выхода, кроме как отнестись к нему с полным доверием и уважением. Его работа чрезвычайно трудна и в высшей степени благородна. Имевшиеся в недалеком прошлом нарушения в работе судебной психиатрии были вызваны не несовершенством самой науки, а преступным характером функционирования государственного аппарата.

Гуманизация самого общества — вот путь к установлению полного доверия личности ко всем социальным структурам государства, в том числе и к клинической психиатрии, в частности.

— Медитация, самогипноз, аутотренинг — каждому ли человеку доступны в овладении и для каждого ли будут подходящи? Лично мне кажется, что творческий человек не нуждается ни в каких таких средствах. Ему незачем подавлять нужного ему состояния, которое мешает ему даже вовремя уснуть, так как оно необходимо ему для выполнения творческих дел — и он это состояние ценит выше всего. Поэтому рекомендуемые различные формы успокоения все-таки рассчитаны в основном не на творческого человека. Что вы по этому поводу думаете?

— Перечисленными методами саморегуляции в состоянии овладеть любой здоровый, нормально развитый человек.

Для творческих людей эти методы могут принести немалую пользу, так как призваны вызывать не только успокоение, снижение тонуса нервной системы, но и формировать продуктивные состояния, стимулирующие энергетические возможности человека.

Я знаю, к примеру, инженера и художника, которые для решения своих творческих задач нередко применяют медитацию. У первого в этом состоянии обостряются логические функции, второй — приобретает способность видеть лучше колоритные решения своих будущих картин.

5

О «ВЕЩАХ» ЕСТЕСТВЕННЫХ И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ

Внеземные цивилизации, сверхъестественные силы, сглаз, астрологические прогнозы и т.п. — на чем основывается вся эта информация, хороша ли она для нашего здоровья? Об этом, а также о подсознании, сне, саморегуляции своего состояния и ведется разговор

— *Как вы относитесь к информации о внеземных цивилизациях, сверхъестественных силах, которые о нас, землянах, знают, якобы, все, могут читать наши мысли, руководят нашими действиями, даже имеют своих заместителей на нашей планете, что Земля — это вообще испытательный полигон, на который собрали всех грешников, чтобы проводить всевозможные опыты над нами, разумными существами? Как вы относитесь к тому, что современные прорицатели получают «информацию» для своих предсказаний, якобы, из космоса — «получают энергию из космоса», что изучающие феномен НЛО считают возможным входить в контакт с различными внеземными пришельцами, что со смертью человека его жизнь продолжается где-то там, наверху? Что вы по поводу всего этого думаете?*

— Ваш вопрос слишком «многослоен», чтобы на него мож-

но было ответить коротко. Я ученый, привыкший свои суждения основывать на восприятии органами чувств объективной реальности и проверять теорию практикой.

Всё, что за этим условием, — гипотезы, которые в большей или меньшей степени могут импонировать. Так, например, у меня есть определенные опытно-чувственные и логические основания разделять гипотезу об энергоинформационной структуре мира и живой природы, в частности. Но для убедительного доказательства этой точки зрения у нас еще недостаточно научных фактов.

Что касается взглядов, допускающих существование внеземных цивилизаций, НЛО и т.п., то быть их приверженцем мне мешает то обстоятельство, что «контактеров» с пришельцами я, в основном, встречаю у психиатров.

— Если предположишь, что злые силы существуют на Земле и во Вселенной, то как землянину противостоять им, каких правил придерживаться, чтобы защитить себя от неблагоприятных воздействий?

— Лучшей защитой является правда, доброта и бесстрашие.

— Существует ли сглаз, злой рок, судьба, то, что <<на роду написано», или все-таки человек в основном сам себя создает, сам «делает» свою судьбу? Как во всей этой парапсихологической информации, которой сейчас очень много, в том числе к астрологии, должен относиться современный человек? Нужно ли идти в специальные психотерапевтические службы, где снимают «сглаз», «порчу» и т.п., не обычные ли это со стороны психотерапевтов манипуляции с внушением, которые применялись уже многие тысячи лет тому назад?

— «На роду пишется» человеку не так уже мало: физические данные, задатки и способности, главные черты характера, жизнеспособность.

Многое человек делает из себя сам (с опорой на социум).

Астрологию не считаю занятием достойным цивилизованных людей.

Что же касается помощи человеку, на которого навели «порчу», то ему есть смысл обращаться к психотерапевту. Образованный психотерапевт умеет корректировать и такие нарушения, так как хорошо отдает себе отчет, что внушение это не

просто «обычные манипуляции», как вы об этом непочтительно выражаетесь, а всегда неявная работа по восстановлению энергоинформационного состояния человека.

— Мы сейчас говорим о сверхъестественном, во многом внушаемом самому себе человеком. На мой взгляд, вера в сверхъестественное взращивается на почве низкой культуры человека, его непросвещенности, и многие дельцы умело пользуются «дремучестью» людей. Они морочат людям голову с разными телегипносеансами, они поставляют для широкой аудитории слабую продукцию в виде кинофильмов, выступлений ансамблей, похожих друг на друга как близнецы, низкого уровня певцов легкого жанра, весьма посредственных актеров и режиссеров, которые выдаются на гениев, слабых, примитивных юмористических текстов, читаемых со сцены, над которыми потешаются невзыскательные зрители... Почему такое происходит? Мне думается потому, что люди не совершенствуют себя духовно, интеллектуально, нравственно и вследствие этого принимают «макулатуру» за шедевры. Со временем человек, самосовершенствуя себя, приходит к мысли, что у него теперь есть и интуиция, и умение предугадывать действия другого человека, прогнозировать различные жизненные ситуации и даже, полагаясь на свои знания о том или ином человеке, на развитое до высокого уровня чутье, читать мысли другого... Ведь так же и мать чувствует своего ребенка, причем, с каждым годом все лучше и лучше — и когда ему и сорок, и пятьдесят... Почему? Потому что она постоянно совершенствовалась в думках о нем и это совершенствование дошло до такого уровня, когда она могла даже представить себе то, о чем он думает в тот или иной период времени, о чем переживает. То есть все эти сверхъестественные человеческие черты, в том числе телепатия, телекинез, базируются на большом опыте, на широком спектре жизненных примеров, которые в дальнейшем подсказывают человеку пути решения, вырабатывают в нем чутье, даже экстрасенсорнику, приводящих многих окружающих в изумление. Что обо всем этом вы могли бы сказать?

— Сегодня состояние культуры нашего общества находится на уровне нашей экономики. Кроме того, всё нынешнее поколе-

ние нашей страны — это «послушники», которым многолетним давлением запрограммирована жизнь «по команде», «по разнарядке», спускаемой сверху. Из-за этого мы часто откликаемся на громкие, но темные инициативы.

Всё это породило мощный всплеск «дремучести» в искусстве, мировоззрениях, лжемедицине. Кроме того, «взбаламученная среда» очень выгодна для тех дельцов, о которых вы говорите.

Ничего, это пройдет, русские люди воспрянут и высокие традиции русской культуры и науки возродятся.

— *Вы пишете: «Человеческое подсознание хранит гораздо больше информации, чем думали раньше». Расскажите подробнее о подсознании — что это такое, откуда оно образуется, как проявляет себя, что значит в жизни человека, помогает ли оно ему или вредит?*

— В самом общем виде сфера нашей психической жизни складывается из областей сознательного (сюда входят все атрибуты психики, проявление которых мы осознаем) и бессознательного (процессы, акты и состояния, которые не «отслеживаются» сознанием).

В бессознательном, в свою очередь, различают надсознательное (творческая интуиция по П.В. Симонову) и подсознание, в котором сосредоточено функционирование филогенетически закрепившихся и безотчетно проявляющихся механизмов. Здесь же оказывается и часть информации, получаемой в онтогенезе, начиная с внутриутробного развития.

Специальные исследования показали, что большая часть потерявшей актуальность информация (в том числе и негативной значимости) «забывается», то есть вытесняется из сознания. Однако это не значит, что вытесненная из сознания информация потеряла свою активность. Одна ее часть, действительно, остается всю жизнь не востребованной, другая — образует психические механизмы неосознаваемой регуляции, играющих огромную положительную роль в жизнедеятельности организма.

Однако вытесненная в подсознание информация о негативном опыте (детства, юношества) может послужить причиной формирования неврозов. Подробно схему действия такого рода психических явлений разработал З. Фрейд.

— *Обладают ли люди, живущие на земле, такими способностями, чтобы воздействовать на подсознание другого*

человека, то есть таким образом совершать своего рода психические диверсии, покушения на кого-то, в том числе на неугодных? Существует ли вообще такая возможность? Если я не ошибаюсь, академик Казначеев занимался когда-то этими проблемами (сейчас не знаю), проводил исследования по этому поводу. Известно ли вам что-нибудь об этих исследованиях и в целом об этой проблеме? Если — да, то расскажите, пожалуйста.

— Природа проявила большую мудрость, выработав у людей различного рода страхующие механизмы, препятствующие осуществлению тех «психических диверсий», о которых вы говорите. Иначе слишком легко можно было бы изводить людей.

Современные теоретические положения допускают возможность разработки аппаратурных методов воздействия на подсознание, но существование такого рода практических реализаций мне неизвестно, в том числе и в отношении академика Казначеева.

— Вы приводите любопытный случай, в существование которого с трудом веришь:

«В 1967 году на Филиппинах был арестован некий американец, назвавший себя Луисом Анджело Кастильо. Он был обвинен в подготовке заговора в целях убийства президента Маркоса. С помощью допросов и специальной медицинской экспертизы было установлено, что данный агент был психически запрограммирован на четыре разные личности, не знающие и не помнящие одна другую. Непроизвольная же реализация каждой из них должна была осуществляться по строго установленным сигналам. Любопытно, что в каждом из этих состояний у него менялись пульс, частота дыхания, потовыделение, манеры поведения, стиль разговора. Агент после усилий медицинских специалистов в конце концов вспомнил, что проходил подготовку в специальной оперативной группе ЦРУ в лагере, где его обучали диверсионной деятельности».

В самом деле, поражаешься такому факту. Скажите, как это с медицинской точки зрения осуществимо, и неужели до сих пор человек может быть запрограммированным орудием в руках злых сил? Ведь мы, когда-то осудили фашизм — в том числе и за эксперименты над психикой чело-

века. Как же в нынешних условиях такое возможно — да еще в стране, которая себя называет самой демократической?!

— Ни одно демократическое общество не застраховано от отдельных антигуманных инцидентов, тем более когда речь идет об агентурных «заготовках». Да и сам агент мог пойти на это добровольно.

Современная медицина позволяет делать из женщины мужчину и наоборот. Что же касается «психического конструирования» в одном человеке нескольких личностей, то эта задача менее сложная.

— Поговорим о сне, таком важном для нормальной жизнедеятельности состояния. Цитирую:

«Еще недавно считалось, что ночной сон, представляющий собой разлитое торможение коры больших полушарий мозга, наступает вследствие расходования нервными клетками своего энергетического потенциала в течение периода бодрствования и снижения их возбудимости. Распространение торможения на более глубокие отделы мозга, средний мозг, подкорковые образования, обуславливают углубление сна.

В настоящее время имеется уже достаточно научных данных, свидетельствующих о том, что сон отнюдь не пассивное тормозное состояние, способствующее лишь восстановлению сил и энергии. Во сне осуществляется особым образом организованная мозговая деятельность. В течение дня человек отбирает и запоминает необходимую ему информацию, призванную оказывать то или иное влияние на его последующую активность. Поскольку в состоянии бодрствования нервная система загружена в основном текущей деятельностью, информация, важная для будущего, фиксируется в долговременной памяти без ее переработки. Во сне-то и происходит переработка этой информации. На ее основе в спящем организме осуществляется всесторонняя целенаправленная подготовка физиологических систем к той деятельности, которая предстоит в последующем периоде бодрствования. Характерно, что такого рода программирование организма отличается особой прочностью и устойчивостью во времени. Основой же для него являют-

ся задачи, формируемые для себя индивидуумом в просоночных фазах, предшествующих глубокому сну. Процессы общения с собой в этот период бывают наиболее эффективными именно для решения задач, предстоящих в более или менее отдаленном будущем.

Таким образом, сон — это специфическое активное состояние мозга, способствующее полноценному использованию имеющегося опыта и приобретенной информации в интересах более совершенной адаптации организма в период бодрствования. Сказанное позволяет понять, почему бессонница или же сон, вызванный фармакологическими веществами (снотворные, алкоголь), угнетающими соответствующую переработку информации во сне, так резко снижают психическую и физическую готовность человека активно действовать после пробуждения. Общение с собой в состоянии аутогенной релаксации и аутогипноза в основном задействуют практически те же психофизиологические механизмы, которые функционируют при переработке информации во сне. Разница состоит лишь в том, что в последнем случае решаемые задачи актуализируются непосредственно перед сном, а само решение осуществляется в спящем мозгу (мы еще плохо представляем себе, как это происходит). Аутогенная же тренировка, так же как и самогипноз, предполагает, что общение с собой происходит здесь в искусственно вызванном состоянии, которое не должно переходить в сон, а сменяться непосредственно бодрствованием».

Дайте рекомендации, как эти действия проводить над собой — возможно, они кому-то и противопоказаны?

— Противопоказаний для самопрограммирования как в просоночных фазах перед наступлением естественного сна, так и в состоянии аутогенной релаксации, нет. Практически не функционируют механизмы саморегуляции лишь у психически нездоровых людей.

Подробно ознакомиться с методами саморегуляции можно в соответствующих изданиях. Кстати, лучшим из них я считаю книгу немецкого врача и путешественника Х. Линдемана «Аутогенная тренировка», вышедшую у нас в русском переводе (М., ФиС, 1980).

Следующий простейший вариант саморегуляции доступен для освоения каждому. Лягте на спину, удобно расположите руки и ноги. Закройте глаза. Представьте себя каплей воды, слегка уплощающейся под действием собственного веса. Полежите в этом положении без мыслей 3—5 минут. А далее фразами из двух-трех слов в течение 3—4 минут внушайте себе желаемое состояние или качество, представьте его себе ярко. Через 3 минуты постепенно активизируйте себя и вставайте.

— Скажите, действительно ли есть научное обоснование трем так называемым возрастам человека — астрономическому (по дате рождения), биологическому (насколько человек сохранился) и психологическому (насколько лет он себя чувствует)?

— Механизмы воздействия времени на живую природу и на организм человека, в частности, в настоящее время все еще представляют большую и волнующую загадку природы. Тем не менее специальных работ по исследованию течения времени в биологических системах проводится крайне мало.

Что касается вашего вопроса о существовании различных аспектов в определении возраста человека, то здесь я не вижу причин не согласиться с такой позицией.

Относительно астрономического и биологического возрастов — здесь все просто и объяснимо даже с позиций здравого смысла.

Сложнее с пониманием психологического возраста, обусловленного индивидуальным восприятием и переживанием текущего и прошлого времени, то есть психологическим временем личности. Как утверждает событийная концепция, скорость течения индивидуального времени (а следовательно и психологического времени) зависит от числа и интенсивности происходящих событий в окружающей среде, в которую включен человек.

(записано в 1991, дополнено в 2001 г.)

В. Н. АРТАМОНОВ

Вопросы самому себе

Вопросы самому себе и ответы на них, на мой взгляд, могут стать некоторым дополнением к проведенным беседам. Пусть запечатлится и «голос» интервьюера.

Но прежде чем приступить к этому, считаю своим долгом сказать о той поддержке в подготовке к беседам с учеными, которую мне оказал главный редактор нашего журнала, член-корреспондент Российской академии наук Андрей Владимирович Брушлинский. Перед каждым интервью он формировал тематику вопросов, которые мне лучше помогали ориентироваться в предстоящей работе и вообще быть лучше подготовленным к ней. Я очень признателен за такую «опеку» и думаю, что без этого не было бы достигнутой результативности, которую многие отмечают.

Помог мне в этой работе и мой профессиональный и жизненный опыт, с чем я и хочу поделиться, в том числе и со своими некоторыми впечатлениями, которые у меня накопились за многие годы. Но сначала короткая справка.

Я — коренной москвич, родился 19 сентября 1941 года. Являюсь профессиональным редактором и журналистом: в 1970 году окончил редакционный факультет Московского полиграфического института (сейчас он на-

Публикуется впервые.

Фото Н. Медведевой

зывается Академией) по специальности «Журналистика» (редактирование массовой литературы). Член Союза журналистов СССР с 1974 года (а в настоящее время — Москвы). Выпустил три авторские документальные книги — «Инга», «Расследование убийства Инги» (о моей родной сестре, знаменитой конькобежке Инге Артамоновой) и «Земля и небо Водопьянова» (о легендарном летчике). Беспартийный — и был им всегда. Работал в издательствах «Физкультура и спорт», «Воздушный транспорт», а последние двадцать с лишним лет работаю в издательстве «Наука», в редакции «Психологического журнала» редактором отдела. Как редактор выпустил большое число книг для массового читателя. Первые мои авторские публикации относятся к 1967 году. Многократно печатался в газетах, журналах, сборниках очерков. До работы редактором и журналистом был полиграфистом — работал в комбинате типографии «Правда» стереотипером. А до этого — токарем, после чего служил в течение трех лет в армии. Отвечая на свои же собственные вопросы, рассказываю о себе, своей профессии, делюсь некоторыми своими взглядами на жизнь.

«ЧТО ТРЕБУЕТСЯ ОТ ЛЮБОГО ПОРЯДОЧНОГО ЧЕЛОВЕКА?»

— Расскажи, как прошло детство, как сложилась судьба и удалась ли она?

— Уточню: «физически» я родился в Подмосковье, в Павловском Посаде, где жила наша бабушка, мамина мама, так как в Москве в конце июля 1941 года начались бомбежки, и мама вместе с нами, — пятилетней Ингой и мной (я еще был в самой маме), оберегая нас, укрывалась сначала в метро, а потом для большей безопасности родов выехала в Павловский Посад.

Наша семья, — мама, сестра Инга и я, а впоследствии к нам присоединилась и бабушка из Павловского Посада Евдокия Федотовна, — жила в Москве, на Петровке.

Достатка у нас не было, мы долгое время очень нуждались.

Это обстоятельство на всех нас наложило свой отпечаток — выработало повышенную требовательность к самим себе, высокое самосознание и чувство долга. Оно стало для каждого из нас второй натурой — нередко даже в ущерб себе, своим природным задаткам, которые в иных семьях воспринимаются божьим даром и их поддерживают с непременным тщанием, лишь бы из ребенка получился классный музыкант, художник и т.п. Считаю, что в русских семьях подобных усилий для реализации одаренности детей предпринимается недостаточно.

В опубликованной в 1980 году книге «Инга» о своей сестре, знаменитой спортсменке Инге Артамоновой, я рассказываю и о маме, и о бабушке, поэтому ограничусь только ссылкой на это. Но коль скоро я заговорил о чувстве долга, то мог бы еще дополнить, что бабушка наша всю жизнь, отказывая себе в самом необходимом, посвятила нам — нашей маме, Инге и мне, — а ведь, думаю, имела человеческое право, как жена погибшего воина в гражданскую войну, как хороший работник (она работала ткачихой, а потом санитаркой в поликлинике), честный и отзывчивый человек, на гораздо более счастливую участь. Она была предана нам до конца. Ныне вот уже более тридцати семи лет она покоится рядом со своей любимицей, знаменитой Ингой, на Ваганьковском кладбище. Бабушка Евдокия Федотовна Лобанова скончалась через сорок дней после ее гибели.

Наша мама, энергичная и волевая, уже в молодые годы зарекомендовавшая себя как умелый работник, особенно как хороший организатор и руководитель, из-за нас вынуждена была переквалифицироваться и работать в торговле.

Моя сестра Инга помимо того, что сумела достичь в спорте выдающихся успехов, могла бы стать и замечательным художником — у нее были великолепные способности к этому.

Спортом она занялась с большой охотой. Она была натурой артистической, мечтавшей выступать на сцене, и, возможно, спортивные соревнования, в которых она участвовала, заменили ей именно такую сцену, где она могла продемонстрировать свое мастерство, свои умения. Прекрасная внешность, лучезарная улыбка мгновенно склоняли на ее сторону симпатии зрителей, которые становились затем ее болельщиками на всю жизнь. Когда же к этому прибавлялись ее грандиозные победы, восхищению не было границ.

Только со временем, уже после ее гибели в 1966 году, было превзойдено в мировом спорте долго державшееся ее достижение — завоевание одной конькобежкой такого большого количества побед на чемпионатах мира, какое было у нее; в нашей же стране вот уже почти сорок лет! оно остается непревзойденным, и в обозримом будущем, думаю, изменений не произойдет. Четырежды завоевывала она звание абсолютной чемпионки мира в классическом многоборье!

Спорт, надо сказать, вообще хорошая модель для перенесения его главного принципа в другие области жизни, а именно — побеждает тот, кто лучше подготовлен. По благу чемпионом мира не сделаешься. А вот устроить иного сынка-оболтуса какого-нибудь высокопоставленного чиновника в «тепленькое местечко», да с хорошей зарплатой — можно и сколько угодно!

Достижение моей сестры (как и любого спортсмена) — это плод ее труда и таланта, без всякой сторонней помощи, без знакомых «тетя» и «дядя», которые могли бы выхлопотать что-то совсем легонькое. Кроме того, Инга стала замечательным ориентиром для будущих поколений спортсменов. Думаю, что вот так каждый должен «сработать», оставив после себя значительный результат своей деятельности, который тоже долгие годы был бы для людей ориентиром в их работе, помогал бы им совершенствоваться, вносить свою долю в копилку общечеловеческих ценностей. Спорт может быть использован не только как модель для достижения высоких результатов в своей области деятельности, но и быть полезным в том смысле, чтобы с раннего детства каждому попробовать организующую и жизнеутверждающую его силу — не обязательно для завоевания высших чемпионских титулов, которые подвластны единицам одаренных, а для познания окружающего мира и для того, чтобы быстрее «найти себя». Конечно, в спорте имеется и самоистязание, и даже пытка самого себя, но в нем есть и охлаждение самомнения, и приземление на грешную землю, которую начинаешь сильнее любить, и познание смысла жизни, и воспитание практического кругозора, самостоятельности, смекалки, хваткости, самодисциплины, силы воли, умения быстро принять нужное решение, воспитание гражданственности, человечности, бескомпромиссности... Убежден, что каждому человеку в детские и юношеские годы нужно пройти через спорт.

Я говорю о спорте как о модели еще и потому, что ее могли бы использовать и психологи, например, с тем чтобы помочь нашему обществу в поисках личностей для различных сфер нашей жизни, в создании таких методик, которые позволяли бы назначать (в хорошем смысле этого слова) «нужных людей на нужные места», так как соревновательная бескомпромиссная суть спорта как раз и может служить ориентиром для такой работы. Любят вас или не любят, но если вы показываете конкретный результат, то это помогает, несмотря ни на что, утвердиться вам. Надо признавать только результативность и о человеке судить по результату его деятельности! Вполне понятно, что достигнуто это должно быть «чистыми руками».

В раннем детстве у меня проявились музыкальные способности. В четыре года я начал петь — по мнению взрослых «правильно, красиво и очень точно». Музыкальный слух был отменный. В школе, во втором классе, когда у нас начались уроки пения, учительница музыки, впервые прослушав меня, без всяких колебаний тут же написала мне направление с правом бесплатного обучения в музыкальной школе. Помню, принес я это направление домой, показал маме, а она не знает, что делать: всего только несколько лет прошло как мы пережили голод, я его отчетливо помню — буквально нечего есть, ни крошки хлеба, десна нарываю, кровоточат и зудят, зубы расшатаны, при нажатии вызывают нестерпимую боль... Мама говорит: «Нужно ведь покупать пианино, а откуда взять денег?» Спустя много лет жалели, что недооценили представившуюся возможность, не предприняли необходимых усилий. Постоянно испытываю ностальгию по музыке, кажется, что всю жизнь занимаюсь не тем, чем следовало бы. А ведь мне можно было не пойти работать на завод, не служить в армии, как не служили многие, а после службы в армии не пойти в типографию, а потом не стать журналистом и редактором, не мучить себя собиранием материалов о других людях, не редактировать многие тысячи страниц рукописей, не корпеть над всякими верстками и сверками, ковыряясь в запятых и тире, вообще не быть задерганным всякими редакционными делами с их вечной нервотрепкой — один считает, что так не надо писать, другой считает — надо; тебе, автору, тоже навязывают что-то чуждое тебе... Мог бы этого всего не делать, а делал...

Я думал, что правильно поступаю, и после окончания десятилетки пошел на завод, обучился профессии токаря-универсала и работал по этой специальности вплоть до призыва в армию (правда, в самый последний момент произошла задержка с призывом, и я, уже уволившись с работы, чтобы не болтаться и не сидеть на иждивении мамы с бабушкой, пошел вновь работать — слесарем-водопроводчиком, так что у меня в трудовой книжке стоят две отметки об «уходе на службу», что всегда смущает «кадровиков»). Еще учась в школе, начиная с седьмого-восьмого класса, в летние каникулы с приятелем нередко работал на стройке, поставив перед собой цель скопить денег и купить дорожный велосипед. Это осуществилось, велосипед был куплен.

Служил я в армии три года и один месяц в противотанковой артиллерии. Призван был в Таманскую дивизию, в Алабино, что находится в Подмосковье, затем был переведен в специальную учебную дивизию в Ковров, или как иначе ее называли «сержантскую школу», где и познавал вместе с другими своими товарищами артиллерийское искусство. За годы службы настрелялся вдоволь из всех видов пушек, бывших тогда на вооружении в Советской Армии — от 45-миллиметровых до 152-х. Выучившись на противотанкиста и пройдя короткую стажировку в Кантемировской дивизии, два последующих года служил в противотанковом полку в городе Калинин, переименованном впоследствии вновь в Тверь. Часто выезжали на боевые стрельбы, участвовали в военных походах, приближенных к боевой обстановке... Это было с 1960-го по 1963-й год. Закончил срочную службу офицером. Предлагали остаться дальше служить — уже в качестве офицера, но я рвался на «гражданку».

Оценивая события своей жизни, убеждаешься, что потерянных лет все же не бывает — приобретаешь опыт, набираешь жизненного материала (что, кстати, крайне ценно для журналиста), встречаешься с большим количеством людей, разных по характеру. Обучение молодых солдат в карантине, во взводах, где проходила основная моя служба, а летом 1963 года — на съемках кинофильма «Война и мир», куда в числе других военнослужащих я был откомандирован, а также мое комсомольское секретарство в дивизионе (а это человек триста солдат),

способствовали несметному количеству встреч с людьми. Мои воспитанниками были в разное время примерно 700 солдат. Дедовщины тогда и в помине не было. Глубоко убежден и проверил это на личном опыте, что быть или не быть ей зависит от самих людей. В армии встречал большое количество очень достойных офицеров, которые всегда были примером для других. Помню командира нашего полка, полковника, фронтовика, который перед всем строем мог дать и такое человеческое напутствие (это было им сказано в связи с «пьяным» поступком одного военнослужащего, когда тот был в увольнении): «Допустим, вы пошли в увольнение, пришли в гости к девушке, вас пригласили к праздничному столу, наливают вам рюмку водки, а вы отказываетесь, ссылаясь на запрет командиров. Конечно, это ханжество. Люди подумают: «Рюмки выпить не может, а еще — солдат!» Я скажу так: выпить можно. Но... Если комар может выпить ведро, пусть пьет, а если слон не может выпить и рюмки, пусть не берется». И как бы в подтверждение этих слов другой офицер, капитан, бравший меня и еще одного курсанта на патрулирование по городу, поскольку мы оба хорошо были подготовлены в спортивном отношении, демонстрировал всегда на практике этот принцип. Вот идем, бывало, патрулируем по городу, вдалеке навстречу нам идет солдат. Капитан говорит: «Смотрите, идет солдат, чувствую, что стакан пропустил, но смотрите, какая заправка формы, каким держится молодцом, как сейчас поприветствует нас... Этого забирать не будем, пусть идет человек». И действительно, поравнявшись с нами, солдат почти что перешел на строевой шаг и с таким блеском и молодцеватостью отдал честь, что мы все трое невольно рассмеялись, как бы еще раз укрепившись во мнении, что если человек умеет вести себя, контролирует свои действия, то он может что-то и позволить себе. Конечно же, в пределах допустимых норм.

Солдата, не владеющего собой, по приказу нашего офицера мы задерживали. В таких случаях капитан огорчался: «Ну вот, смотрите, выпил-то всего две капли, а изображает из себя пьяного, расхристан, волосы дыбом, этого, конечно, забрать. От такого позор всей армии. Не умеет вести себя человек!»

В армии была напряженная жизнь — ученье, занятия целый день с пушкой, боевые стрельбы, изучение уставов, казарменная жизнь и т.п. Но были и товарищеские отношения, и веселость, и

розыгрыши... Неопытного какого-нибудь солдатика кто-нибудь посылал в артиллерийский парк за клиренсом (это расстояние от земли до самой низкой точки у пушки). И вот он идет за «клиренсом»... Эта шутка имела и продолжение: в артпарке требуют заявление от командиров с подписью начальника штаба полка на выдачу «клиренса»!

После демобилизации, вскоре по приезде в Москву, оказался я в гостях у своего армейского товарища, вернувшегося со службы на месяц раньше меня. Его мать, работавшая в типографии комбината «Правда», в стереотипно-газетном цехе, сагитировала меня работать у них. Так я стал с января 1964 года работать в типографии комбината «Правда». Это были почти всегда ночные смены, начинавшиеся в двадцать один час тридцать минут и заканчивавшиеся в четыре-пять часов утра.

Стереотипно-газетный цех считается самым вредным производством в типографии. В больших котлах отливных аппаратов при температуре триста градусов, а около них восемьдесят, плавится свинец, олово, сурьма. Из этого сплава (гарта) отливаются стереотипы. А сначала с наборных полос будущей газеты, строчки которых также отлиты из гарта на специальной машине линоTYPE, оттискиваются с помощью мощного пресса картонные матрицы (с подложенным сверху специальным войлоком, предварительно увлажненным), на которых получают углубления букв, запятых и т.д. Матрица вставляется затем в отливной аппарат, где через специальную щель на нее подается жидкий сплав. После охлаждения водой этот сплав отвердевает и получается восемнадцатикилограммовая «болванка» (так ее зовут стереотиперы), сферическая поверхность из застывшего сплава, на которой уже выпукло выступают те же самые буквы и другие значки, что были в виде углублений на матрице. Это и есть стереотип отдельной полосы. Но этих стереотипов на каждую полосу нужно сделать большое количество — сразу для нескольких огромных ротационных печатных машин, как говорится, нужно «одеть» их стереотипами. А дальше — «мажутся» краской эти стереотипы (на специальных валиках раскатывается она) и пошло, поехало — печатается уже газета. Да таких газет не одна, а множество. Кроме «Правды» это и «Комсомолка», и «Советская Россия», и «Сельская жизнь», и «Экономическая газета», и многие другие. В 1966 году я первым в

стране стал заниматься изготовлением оттисков газеты «Правда» для передачи ее изображения по фототелеграфу в другие города Советского Союза. Тогда эта форма распространения газеты по Союзу только еще зарождалась у нас (а ведь до этого для каждого города мы изготовляли матрицы, которые туда переправлялись авиационным путем). Сегодня матричный метод распространения газет стал архаизмом, как, впрочем, и вся так называемая высокая печать с ее металлическим набором. На смену ей пришла офсетная печать.

Из-за особой вредности работы в стереотипно-газетном цехе нужно было отработать здесь десять лет, чтобы потом, с любого другого места, при выработке необходимого рабочего стажа, иметь право с пятидесяти лет уйти на пенсию. Я в этом цехе проработал четыре года. Параллельно учился на редакционно-издательском факультете Московского полиграфического института — ходил на занятия вечером, до начала работы в типографии. На последних курсах требовалось уже работать по специальности в редакциях. Таким образом, в 1967 году началась моя редакционная работа, но в другой организации, не в издательстве «Правда».

Занимался я этой работой на первых порах в организациях, где выпускались различные методические сборники, которые мне приходилось редактировать. Поработал даже литсотрудником в студенческой многотиражной газете Московского энергетического института «Энергетик», где я выполнял сразу множество работ — и писал, и редактировал, и фотографировал, и даже макетировал полосы.

Потом началась работа более серьезная и ответственная, требовавшая всех умений и способностей — в издательствах. Как редактор выпустил большое количество книг для массового читателя, как автор — отдельно изданные книги, публиковался в сборниках, журналах, газетах. В 1974 году меня приняли в члены Союза журналистов.

Удалась ли у меня судьба или нет?

Если не поддаваться упадническому настроению и представлять себя в «космическом» масштабе, то надо сказать так. Я почувствовал вкус к жизни, мне очень нравится она, я ее люблю. Готов прожить триста лет — чтобы увидеть другие поколения людей, быть свидетелем новых преобразований в жизни

сообщества, послушать какой-нибудь гениальный голос наподобие Карузо, Шаляпина, Джилли и восхититься им... И поскольку жизнь — это хорошо, я и говорю, что судьба у меня удалась. Я родился на свет, многое увидел, ощутил. А ведь всего этого могло и не быть. И я понял: какое бы у тебя ни было призвание от природы, оценивать себя нужно по состоявшемуся — что есть, то и есть, а не «если бы, да кабы». Хотя где-то глубоко в душе и точит иногда червь...

— *Что предопределило твою сегодняшнюю человеческую суть, линию поведения?*

— С детства я отличался мягкостью, которая, как я понял в скором времени из общения с мальчишками, должна быть только у женщин, а не у мужчин, поэтому и стал вырабатывать в себе мужские черты характера, по возможности вести себя как мужчина. Это и предопределило во многом линию моего поведения и выбор жизненного пути. Вместо того, чтобы стать музыкантом, певцом, в чем совершенно не сомневались окружавшие меня люди, я как бы пошел наперекор своему природному предназначению. Как я уже рассказывал, по окончании школы я поступил на завод, в школьные летние каникулы работал на стройке, таская на этажи строящегося дома раствор, затем служил в армии, хотя немало моих одноклассников увильнули от службы — и тогда были «умники». После службы я пошел в типографию, работал по ночам, параллельно учился на вечернем отделении института. Словом, бросил себя в самое пекло, что могло вытравить во мне, как мне казалось, всякие сентиментальности и сформировать человеком не только с мужественным характером, но и мужественной внешностью, которая сразу бы говорила, что я из себя представляю. Кроме того, я постарался еще и насчет своей морали и нравственности — ни в коем случае никакой корысти в отношениях с людьми, никакого карьеризма, жизнь по совести и справедливости. Но как бы я ни старался избавиться от своей мягкости, мне по-прежнему жалко было всех собак и кошек, особенно живущих на улице, я по-прежнему не мог пройти мимо просящего милостыню и несмотря ни на что остаюсь и поныне легкоранимым человеком и долго переживаю хамство, грубость, цинизм, всякие интриги, а в ответ на грязные измышления в свой адрес (или в адрес близких мне людей, моих знакомых, вообще кого бы то ни было),

несправедливость, нечестность, непорядочность, подлость взрываюсь, как вулкан, и могу наговорить много самых плохих слов, которые, возможно, не всегда следовало бы говорить, но удержаться бывает очень трудно. Можно сказать, что я поставил над самим собой страшный опыт, в котором победила все же жизнь. По-прежнему музыка, которая была заложена во мне природой, значит в моей жизни очень много, и даже профессиональным исполнителям и вообще артистам я могу подсказать многие вещи, несмотря на то, что не имею элементарного музыкального или актерского образования. Я совершенно не могу слушать несносное исполнение романсов, песен, легко замечаю фальшь в игре артистов. Вполне естественно, что и в обыденной жизни чувствую человека, знаю, когда мне лгут, лукавят, стараются что-то недоговорить, скрыть — и это огорчает меня, заставляет переживать. Много очень несправедливого к себе отношения я испытал, которого, по моему мнению, не заслужил. Сколько раз приходилось убеждаться, что заслуженный упрек во сто крат переносится легче незаслуженного. Но должен сказать, что вот этот опыт над собой, предпринятый мной еще в детские годы, выработал у меня умение смотреть как бы изнутри на все происходящее, дал мне «внутреннее зрение». Приобрел я и много подсмотренным этим «внутренним зрением» жизненного материала, нужного для размышлений и сопоставлений. Я иногда просто ликую от радости, что приобрел такие дополнительные возможности.

В чем же практически проявляется это мое «внутреннее зрение»? Однажды мне не понравилось самомнение одного человека, его шапкозакидательство. Я ему сказал, что у него просто проявляется элементарная зависть: в течение многих лет я не услышал от него восторженных характеристик о ком-то, хотя у вполне «сбалансированного» человека этого не может быть, поскольку замечательного, чем можно восхищаться и радоваться, у нас все-таки немало. Ни разу я не услышал от него восторженности. Хотя в то же время заметил, что чтобы скрыть от окружающих свою зависть, он часто защищал кого-то, причем очень часто невпопад, того, кто заслуживал как раз осуждения. И я подумал: «Тоже, наверное, пытался переделать себя человек!» Сначала, возможно, стеснялся каких-то своих хороших качеств, потом нашел себе «замещение» в виде непризнания в

других людях способностей, талантов — и поехал по наклонной плоскости. Так появилась зависть, злобредность — в результате испорчена жизнь... А вот в другом, уже ученом, я увидел следующее. Однажды более старший по возрасту его критиковал за бессодержательность его «научных идей». И вот когда этот самый «без научных идей» занял более высокое положение, он начал замалчивать своего критика, всячески снижать значение его деятельности. Причем, делал это спокойно, без видимого злорадства. И я понял, что таким вот образом можно создать общественное мнение о человеке — «спокойно и просто», так, что никто не заподозрит в отместии, злопыхательстве, необъективности... Видимо, этот ученый «без идей» не только хорошо понял это, но и великолепно освоил такой «метод». Заметьте, что в таком тонком иезуитстве своей «деятельности» никто никогда не признается, и это, согласитесь, очень трудно бывает доказать. Это можно лишь увидеть «внутренним зрением», всего лишь почувствовать. Скажу откровенно, очень много я «начувствовался» в этом смысле.

С детства испытываю радость от успеха другого человека. Я рад бываю выпущенной книге даже незнакомого мне автора. А кроме того, меня, профессионального издателя, — не знаю, поймут меня не издатели, — просто приводит в трепет хорошо оформленная и прекрасно полиграфически исполненная книга, я в этот момент горжусь человеческим умением и многие дни испытываю счастье. То же самое воздействие оказывает на меня талантливо исполненное музыкальное произведение, замечательная игра актера, искусство ведения телепередачи и т.п.

Горько, конечно, бывает от того, что не все удалось в жизни. Но оптимизм по старой привычке не разрешает унывать: чего достиг, того и достиг, и нечего раскисать.

— *Как ты сам себя оцениваешь на протяжении всей своей жизни?*

— Несмотря на довольно раннее понимание жизни, я в подростковом возрасте тем не менее немало шалил. Кстати, мальчишество у меня проявлялось еще долго.

Еще отличался мечтательностью и в связи с этим часто оставался в дураках. Смотришь, люди набирают того, другого, но всё это проходит мимо тебя. Однако я не жалел, что не приобрел чего-то. Более того, мне всегда казалось, что с матери-

альным накоплением теряется духовная свобода и романтический настрой.

— Ты жил и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневеве, и при Горбачеве, и при Ельцине, и при Путине. Приходилось ли тебе приспосабливаться?

— В партию я мог вступить еще в армии. Кстати, считал своим святым долгом отслужить в армии. А до армии отстоял год у станка токарем, считал, что должен поработать на самых рабочих участках. В армии был и наводчиком орудия, и его командиром, и заместителем командира взвода, а потом и командиром взвода. Закончил срочную службу офицером. Замполит полка «тянул» меня в партию. Но я считал, что пока не достоин там быть. Хотелось сформироваться в настоящую личность, а потом уже «попроситься» в партию. В типографии, куда я пришел работать после службы в армии, мне тоже предлагали стать коммунистом. Но я все еще считал себя незрелым для этого. Я хотел без отрыва от производства закончить институт, стать прочно на ноги, а потом вступить в партию — лет так в двадцать семь. Но «лимит» для служащих, желающих вступить в партию, стал непреодолимым препятствием в этом — а я как раз перешел в другую организацию, где особенно распространялся этот «лимит». Наверное, есть у меня какой-то духовный телохранитель, который иногда оберегает меня от явно неверных шагов.

Сталина много раз видел стоящим на трибуне мавзолея. Мы мальчишками проныривали на Красную площадь во время демонстраций и старались идти поближе к мавзолею, на котором стояли члены правительства. Даже устраивали соревнование, кто большее число раз попадет на Красную площадь в период демонстрации. Некоторым из нас удавалось это по шесть-восемь раз за день. Когда я говорю, что примерно раз сто видел Сталина живьем, никто не верит. Мол, когда ж ты это успел, по возрасту ты не мог занимать каких бы то ни было государственных должностей и вообще был мальчишкой?! Действительно, когда умер Сталин в 1953 году, мне было одиннадцать с половиной лет. И тем не менее именно такое количество раз примерно и видел я его живьем.

Хорошо помню Хрущева, еще лучше Брежнева, тем более что при нем, хотя и с трудом, удалось «пробить» свою первую

книгу о сестре. Приходилось обращаться в различные инстанции — в Госкомиздат, МГК партии, ЦК партии. Вел неравный бой с государственными — преимущественно издательскими — структурами в течение шести-семи лет и выиграл его. Еще раньше выхлопотал памятник на могилу своей сестре.

Еще в 1983 году стал бороться с зашумленностью под окнами дома, где жил тогда, всех домов, расположенных по нашей улице, вдоль железнодорожных путей Ярославского направления Московской железной дороги. Обращался в санэпидемстанцию района, города, в райком партии, МГК, ЦК КПСС, в МПС, в Верховный Совет РСФСР, СССР, на XXVII съезд партии к Горбачеву. В письме к нему я указывал: «Сменился уже четвертый генеральный секретарь, как я ставлю эту проблему, но воз и ныне там...» Превышение норм шума, писал я далее, является нарушением прав человека, посягательством на его здоровье, что запрещено делать соответствующей статьей в Конституциях СССР и РСФСР. Добился, что пришли и измерили шум в моей комнате (неоднократно он измерялся соответствующими службами), заставил официально признать (в письменном виде) этот факт и санэпидемстанцию района, города, а также Моссовет, райком партии и т.п. Опубликовал материал в газете «Московская правда» о том, как инспектор райисполкома пытался издеваться, предлагая в качестве замены жилплощадь в еще более зашумленном месте: дескать, во многих местах у нас шум! Кстати, об этом мне говорили и в МГК партии, и в Моссовете, на что я отвечал — «Так давайте всех и защищать от шума. Он очень вреден для людей, это доказано экспериментальными исследованиями». До сих пор ничего не решено — не только для жителей той улицы, но и отдельно дома, в котором я когда-то жил. Я прожил в этих условиях четырнадцать лет, с мучениями и страданиями от шума. Он не давал ни нормально спать, ни полноценно работать. Для отвода глаз мне сообщили однажды в письме из московской проектной организации (чтобы, вероятно, отвязаться от меня, «заиграть» вопрос), что спроектировали трехрамники для установки в нашем доме, которые, конечно же, установлены не были. Обнаружил я и повальное нарушение в своем районе Жилищного кодекса и направил письмо в Прокуратуру СССР, оттуда его переслали в республиканскую, а потом — в районную. Через несколько дней око-

ло моего подъезда уже стоял с переговорным устройством милиционер, который «вел» меня по моему маршруту в сторону работы, а потом «передал» другому милиционеру, стоявшему далее на пути моего следования. А «вели» они меня потому, что в своих письмах я писал, что если этим фактам не будет уделено должного внимания, я предприму еще более решительный шаг. Вероятно, этим шагом, по их мнению, могло быть мое обращение в какую-нибудь иностранную инстанцию, а тогда этого еще побаивались. А в райком и райисполком я писал и выступал на встрече избирателей района с кандидатами в депутаты с таким «напутствием»: что если не будет решен вопрос о шуме, то я призову жителей района высказать свое недоверие райкому и райисполкому. В совокупности за все это за мной и поставили следить.

Много лет я прослушивался соответствующими службами в разговорах по телефону. Многократно после таких подслушиваний неожиданно вдруг вообще отключалась телефонная связь с моим аппаратом и могла не восстановиться сутки, двое, пока не позвонишь с другого аппарата на телефонную станцию и не заявишь об этом. Причем, работники телефонной станции сами всегда удивлялись этому (может быть, тоже играли, кто их знает?!). Раз тридцать, наверное, отключался телефон. У других в подъезде не отключался, а у меня — да. Я совершенно уверен, что я, как журналист, общающийся с широким кругом людей, также связанными с различными организациями, да еще журналист с независимым суждением, значился у кого-то в списках неблагонадежных людей, которые подлежат контролю, а потом, возможно, и изоляции.

У «белого дома» в дни его осады я не был, но 19 августа увидел на Петровке танки и всё понял... Главное — принять для самого себя решение. И не для того, чтобы кому-то что-то продемонстрировать, кого-то чем-то удивить. Да и все девять миллионов москвичей не могут стоять около этого дома... Памятников в Москве революционным деятелям я тоже не сносил. По радио, телевидению и в печати после подавления путча не выступал, в то время как любая передача и почти каждая статья начиналась словами: «В эти три дня переворота...»

Хочу сказать несколько слов о «критическом центре», который должен быть в каждом человеке. Помните, пока в нашем

обществе велись всевозможные дискуссии о человеческом факторе, неизвестный прежде врач А.М. Кашпировский тем временем предложил, не мудрствуя лукаво, телепсихотерапевтические услуги массам людей, «забив гол» всей нашей идеологической службе, всем «тонким исследователям» человеческих душ, представителям искусства, которые призваны, казалось бы, первыми находить ключ к душам людей. Феномен Кашпировского (так это потом называли) — упрек всему нашему равнодушному обществу к судьбам каждой отдельной личности, группам, целым нациям, всему народу.

Слушая дискуссионтов, я не мог отогнать одну навязчивую мысль, отзвука которой так и не услышал во время дискуссии: неплохо бы направить усилия всех нас на воспитание в каждом человеке «критического центра», который бы позволял ему самостоятельно отличать «белое от черного», определять истинную художественность в литературном произведении, приобщаться к настоящей музыке, а не к эрзацу ее, разбираться в событиях, которые выдвигает эпоха, в людях, оказывающихся рядом и наверху...

В самом деле, как влияет на нашу жизнь, на наше морально-духовное самочувствие, судьбу отдельной личности, страны и даже всей планеты уровень развития нашего внутреннего «критического центра»? Возьмите человеческие взаимоотношения, основой которых является движение людей навстречу друг к другу, как часто они рушатся из-за пренебрежения этой основой.

Или завышенная самооценка (скажем, своего внешнего вида) — ничто иное как отсутствие «критического центра», чувства реального. Завышение самооценки, утеря чувства реального приводит нередко к разочарованию, стрессу, депрессии, болезням и даже ранней смерти.

Отсутствие «критического центра» порождает двуликость, беспринципность, барство... И наоборот, наличие его делает человека личностью. Я вспоминаю период четырехгодичной своей работы в стереотипно-газетном цехе, как я говорил, наиболее вредном цехе, «свинцовом», в типографии комбината «Правда», куда я пришел в самом начале января 1964 года, сразу после службы в армии. Бывший мастер этого цеха, кавалер ордена Ленина, а впоследствии и Герой Социалистического Тру-

да, как только стал начальником его, перевел своего родственника, который работал у нас, в аналогичный цех в другое здание «Правды», находящееся около Савеловского вокзала: «Чтобы не упрекнули меня, — пояснил он, — что я развожу семейственность». И это, заметьте, в цехе, куда из-за неимоверной вредности для здоровья и работать-то никого не затынешь (волосы и зубы выпадают, образуется белокровие и т.п.), и после десяти лет работы там в пятьдесят лет можно уходить на пенсию! (а в сорок девять отвозят на кладбище). Даже при этих условиях для него чувство чести было дороже. Не «критический ли центр» взыграл в нем? Думаю, именно он.

В этой дискуссии прозвучала критика в адрес журналистов, которые, дескать, способствуют распространению некорректных экспериментов, разных феноменов типа феномена Кашпировского и Чумака. Но давайте взглянем на проблему с другой стороны. Кто возглавлял в тот период печатные издания, скажем, партийные? Назначенцы, лица, далекие от журналистики и редакторского дела. Газету «Правда», например — академик-философ, которого сменил также академик-философ. Но почему не журналист, редактор, имеющий специальное образование и опыт работы в данной области?

Наверное, мы посмеемся, если представим такую ситуацию. Вызвали бы в ЦК партии кого-то и сказали бы ему: «Вот что, Иван Иванович, вы уже имеете большой партийный стаж, работали и в сельском хозяйстве, и в строительстве, и руководили баннным комплексом, умеете обращаться с людьми, мы вас назначаем нейрохирургом, вот вам скальпель, уже скопилось много больных, с завтрашнего дня приступайте к операциям».

У нас кризис во всех областях жизни во многом произошел из-за повсеместной непрофессиональности. Назначенец в силу своей непрофессиональности продается «на корню», он не принадлежит себе и своей совести, он будет действовать только по указке. В отличие от него профессионал гордится своей профессией и не позволит в свою работу вмешиваться непрофессионалу... С.П. Королев мог сказать даже Н.С. Хрущеву: «Никита Сергеевич, я тут командир и мне решать о готовности к полету».

Почему перестройка завела нашу жизнь в такой тупик? Во многом из-за некритичности отдельных наших высоких руко-

водителей к самим себе и недооценки значительно выросшего сознания людей.

Признаюсь: мне, русскому, стыдно, что на самом верху пребывали и пребывают люди, либо не очень владеющие грамотностью, либо не желающие ей следовать из-за очевидного пренебрежения нормами языка, вседозволенности, появившегося барского чувства непогрешимости.

Относится ли все это к области «критического центра»? Тысячу раз — да. А теряется ли авторитет отдельного человека и в целом политики, которую он проводит, если пренебречь этим? Безусловно — да.

Можно еще говорить о культуре телепередач, которые тоже являются своего рода телепсихотерапией и, кстати, они, проходя через тот же телеэкран, что и телесеансы Кашпировского и Чумака, в сущности, ничем от них и не отличаются. А сколько в них брака, все той же непрофессиональности, неумения, скукоты, нетребовательности в отборе материала, нетребовательности к себе выступающих, небрежности их внешнего вида, неумения говорить...

А чего стоят эти неврастеничные ансамбли, которые заполнили все программы? Есть ли у них «критический центр»? Думаю, что нет. Но нет его и у тех, кто предоставил им возможность отравлять чувства людей этими животными криками и обезьяньими кривляньями, внедряя в наше сознание все более развращающую всех и вся мысль о том, что нынче можно обходиться без таланта — он не нужен, он не обязателен. Не нужно профессионализма, не нужно мастерства, не нужно гордости за свою профессию, не нужно требовательности и ответственности за дело, не нужно качества, не нужно товаров... Не нужно ничего!

— Скажи, как оказался ты в научном журнале, что явилось толчком к этому, кто помог?

— В детстве я углублялся в себя, любил наблюдать. В подростковом возрасте начал интересоваться психологической литературой, но, естественно, той, которая была для меня доступной — научно-популярной. Первой такой книгой для меня оказалась «Занимательная психология» К.К. Платонова. Мог ли я тогда подумать, что когда-нибудь буду редактировать его материалы и даже интервьюировать его?! Самая интересная для меня

книга, но уже значительно более серьезнее прежних, — стала книга знаменитого психиатра и психотерапевта К.И. Платонова (отца К.К. Платонова) — «Слово как физиологический и лечебный фактор». Сравнительно недавно прочитал написанную хорошим языком книгу (подаренную мне автором) известного психофизиолога Л.П. Гримака «Общение с собой». Безусловно, есть и множество других хороших книг по психологии, которые можно было бы включить в этот список.

Многие психологические теории, с которыми я знакомился по мере своей работы в «Психологическом журнале», казались мне уже известными, хотя я о них прежде, кажется, никогда не слышал. И я понял, что многое в сознании человека осмысливается само по себе, независимо от чьей-либо сторонней воли, с раннего детства. Когда я в детстве, в пять-шесть лет, после войны 1941—1945 годов, шел с мамой по улице, где там и сям стояли лотки с продуктами, игрушками, я не позволял себе попросить, чтобы мама купила мне то или иное, поскольку хорошо понимал, что материально мы плохо живем, без отца, что маму моя просьба сильно расстроит и огорчит. Очевидно, и она думала о следующем: как бы хорошо ему сейчас купить что-нибудь из всего этого, но лучше не смотреть в сторону лотков, не давать повода к его просьбе купить что-то. Выходит, уже тогда мы оба друг друга понимали. Впоследствии я узнал, что это не что иное, как реальное применение теории установки грузинского ученого Д.Н. Узнадзе. Так, многие психологические теории еще в детстве «открывались» для меня самой жизнью. Уже работая в «Психологическом журнале», что-то, бывало, проиллюстрирую в разговоре с психологом, а он скажет: «А-а, это вот такая теория есть...» А я ее, оказывается, уже «сто лет» в душе носил, знал хорошо. Только не представлял, что ее можно оформить как настоящее психологическое открытие, новую теорию и даже на этом сделать научную карьеру.

Теперь о том, как я попал в «Психологический журнал».

До этого я работал заведующим книжной редакцией одного из издательств. Возможно, так бы и продолжалась моя работа там, если бы однажды у себя в районе по месту жительства, минутах в двенадцати ходьбы от дома, на наткнулся на вывеску — «Редакция "Психологического журнала"». Не мог я ее прежде увидеть потому, что недавно только переехал в этот

район жить, всего несколько месяцев назад. При первой же возможности решил явочным путем попытаться счастья — предложить свои услуги редактора в этом журнале. В подобных случаях, когда никого и ничего не знаешь, ведешь себя смело и действуешь находчиво. Перед вахтером учреждения нужно выглядеть уверенным, ни в коем случае не просящим, «пришибленным», чего-то незнающим. Верный своему принципу именно так и поступаю, я «состроил» независимую физиономию и, не глядя на вахтера, прошел мимо него (оказывается, необходимо было выписать пропуск). Поднимаюсь по лестнице и думаю: «Журнал, по-видимому, должен располагаться недалеко от руководства, а руководство высоко не забирается, то есть скорей всего оно на втором этаже». Поднявшись на второй этаж, я интуитивно повернул влево и, сделав несколько шагов, на одной из дверей с правой стороны коридора увидел табличку — «Редакция "Психологического журнала"». Не размышляя, я открыл ее и увидел сидевшую у окна в большой комнате миловидную русоволосую девушку (как узнал позже, младшего редактора). По опыту зная, что в таких случаях нужно всегда разговаривать с «главным» начальником, а не с рядовым сотрудником, который, чего доброго, начнет еще из себя «строить» кого-нибудь, я с отстраненным видом спросил: «Скажите, а как к главному редактору пройти?» При этом я не предполагал, что главный редактор «Психологического журнала» и директор Института психологии АН СССР, в здании которого и располагался журнал, — одно и то же лицо. «К Борису Федоровичу?!» — с каким-то удовольствием и живостью спросила девушка. «Да, да, — словно давно зная его (а я впервые в жизни услышал сейчас эту фамилию), подхватил я. «Как выйдете из комнаты — и налево, там написано «Приемная», секретарю скажете, она вас проведет».

Через полминуты я был уже в приемной, где сидела бойкая секретарша — как узнал позже, Тамара Сергеевна, — этого самого Бориса Федоровича. Я спросил, — также уверенно, — можно ли мне его видеть? «А по какому вопросу?» — «По вопросу устройства на работу». — «Одну минуточку». Она скрылась за дверью в боковой стене и через мгновение вышла оттуда, сказав: «Пожалуйста, Борис Федорович ждет вас». Еще и ждет! К тому же просто удивительно, что он был свободен: ведь

как я убедился позднее, к нему «гонцов» всегда была целая армия. Открыв дверь и увидев вдалеке сидящего человека, я прошел по длинной комнате, в которой стоял такой же почти длинный стол (он и сейчас там) со стульями по бокам. Этот длинный стол торцом примыкал к письменному столу самого Бориса Федоровича. Подойдя, я увидел, что лицом ко мне сидит человек довольно мощный комплекции с надетыми очками на цепи, охватывающей шею. Когда я приблизился к нему, он снял их и, держа в руке, посмотрел на меня довольно рассеянным взглядом и в то же время дружелюбно, без занудства. Я сказал Борису Федоровичу, что я профессиональный редактор и живу здесь рядом. Выложил на его стол диплом редактора, журналистский билет, несколько своих публикаций, в том числе книгу, и три-четыре редакторские свои работы также в виде книг. Сказал, что приходилось редактировать и материалы по психологии. Это тоже было правдой. Борис Федорович, просмотрев все это быстро, снял телефонную трубку и, объяснив в нее человеку, с которым разговаривал, что у него в кабинете находится кандидат на освободившуюся вакансию в редакции журнала (оказывается, и вакансия была!), пригласил его зайти.

Вскоре в кабинет вошел человек с большой копной густых волос. Он был небольшого роста, юркий, «схватывающий» на лету каждое слово начальника и находящийся, как было видно, в доверительных с ним отношениях. Этим человеком оказался заместитель главного редактора журнала, штатный сотрудник издательства «Наука» (а журнал относился и сейчас относится именно к этому издательству) Владимир Степанович Шустиков. В его кабинете мы беседовали часа полтора. Обнаружилось, что у нас с ним много общих знакомых по журналистской работе. Потом он сказал, что на освободившуюся вакансию претендуют сразу семь или восемь человек (позже я узнал, он любил несколько ошарашить), причем почти все они кандидаты наук, а один даже доктор.

Оставив о себе анкетные данные, я продолжал свою работу на прежнем месте — в издательстве «Воздушный транспорт», где я заведовал редакцией по координации редакционно-издательской и полиграфической деятельности в гражданской авиации. Эта работа, кстати, состояла в следующем. В наиболее крупных городах Союза (примерно их было около 70) в системе

Аэрофлота имелись редакционные отделы и типографии — в институтах гражданской авиации (в Москве и Киеве), Академии гражданской авиации (в Ленинграде), в трех десятках примерно авиаучилищ ГА, республиканских и территориальных управлениях ГА, словом, «точек» было достаточное количество, где имелись довольно мощные типографии и редакции. Министрство гражданской авиации приказало взять под контроль работу всех этих организаций и помогать им методически (чтобы не выпускали недозволенной печатной продукции), повышать профессиональную подготовку их работников, обеспечивать полиграфическим оборудованием отечественного и импортного производства и т.п. Ну и сами мы непосредственно выпускали авиационную литературу. Наша редакция постоянно ездила в командировки, используя имевшиеся у нас литерные удостоверения с красной полосой по диагонали, по которым нам в любой кассе Аэрофлота беспрепятственно выдавались билеты на любой рейс, даже из брони. Два раза в году собирали мы работников на двухдневные семинары, постоянно вели текущую работу по этим «точкам». Неплохо наладили эту работу и знали, что в каждой «точке» имеется из оборудования, хорошо представляли их возможности, имели хороший контакт с редакционным и полиграфическим составом и т.п. Сейчас бы этот «механизм» мог очень хорошо работать, но известные события в стране всё приостановили. А тогда я посчитал, что мои функции на этом закончены. Я люблю начинать дело с нуля и настраивать его до момента функционирования. Два года мне потребовалось, чтобы я со своими сотрудниками полностью скоординировал всю издательскую и полиграфическую деятельность в гражданской авиации. Поскольку я считал, что выполнил свой долг, я стал подумывать о переходе на другую работу, несмотря на то, что уже получал здесь денежное начисление за выслугу лет, и кое для кого было удивительно, когда они узнали о моем намерении уволиться, что я добровольно лишаю себя всех этих льгот.

Месяца через два после встречи с руководителями «Психологического журнала» мне позвонил домой В.С. Шустиков и сказал, что остановились на моей кандидатуре и чтобы я как можно быстрее прибыл к нему и он представит меня главному редактору по выпуску журналов издательства «Наука» — очень

серьезной даме, которая почти все предлагавшиеся им кандидатуры до этого «рубил», и он, откровенно говоря, побаивается этой «рубки». Я спросил, нужно ли мне надеть аэрофлотовскую форму, которую я сейчас в данный момент ношу, или прийти в гражданской одежде? Шустиков, как мне кажется, даже подскокил на месте от представившейся счастливой возможностью успешнее решить дело: «А у вас есть форма?!» — «По-аэрофлотовски я полковник, у меня четыре полоски». — «Полковник?!» — радостно переспросил он. Очевидно зная цену всевозможным званиям и магическому их воздействию на окружающих, Шустиков совершенно не скрывал своей радости. «Это замечательно! — сказал он. — Обязательно надевайте!»

Мы вошли в кабинет к главной редакторше, когда она, сидя за большим столом, что-то неотрывно писала. Это была мощная дама. По всему чувствовалось, что она хорошо знает о ситуации в издательстве, умело руководит своим подразделением и держит его в своих властных руках. Шустиков сел слева от нее, я — напротив нее. На мне была аэрофлотовская форма синего цвета, с серебряными лычками, «лапками», «птичками» в виде крыльев (как сказал один мой приятель: «Ты был весь в золоте»), под кителем — белоснежная рубашка и черный галстук. Я был побрит, подстрижен, смотрел весело, словом, выглядел модцом.

Редакторша дописала что-то и подняла голову. Когда увидела меня, то, не удержавшись, воскликнула: «Батюшки, а это что еще такое?!» Меня тут же стал представлять Шустиков: «Это Владимир Иванович, он редактор, журналист, сейчас работает в издательстве «Воздушный транспорт», звание у него полковник». Редакторша тепло заулыбалась после таких слов, и мы просидели целый час в ее кабинете. Она даже вспомнила, что в молодости когда-то встречалась с аэрофлотовцем. Под конец она сказала: «Давайте, ребята, оформляйтесь». Именно так и сказала — «ребята».

Мы вышли с Шустиковым на улицу, оба были довольны результатом. Когда несколько отошли от здания, Шустиков, блаженно улыбаясь, сказал с некоторой даже завистью: «Вы понравились Нине Александровне. Всех предыдущих она зарубила».

Вот такова история моего прихода в научный журнал —

явочным порядком. В значительной степени помогли счастливые стечения обстоятельств, о которых я говорил, и моя армейская выправка и собранность. Ко всему прочему я был еще и профессиональным редактором.

— *Какие были твои первые впечатления, когда ты стал работать в журнале?*

— Поступающие статьи были не очень хороши. Это было видно даже «невооруженным» глазом. За небольшим исключением язык в них был сухой, неинтересный, не очень-то и понятный даже самим психологам. Часто приходилось иному автору доказывать, что он пишет не для того, чтобы только самому прочесть (и очень часто самому не понять, что написал), а чтобы прочитали другие и всё поняли. Конечно, научная специфика должна оставаться, но писать нужно внятно. Нередко авторам я говорил следующее: «Я всегда лелею надежду, что вдруг какой-нибудь номер «Психологического журнала» попадет к смышленому мальчишке, он заинтересуется этой наукой, а потом станет великим открывателем нового». Старался как-то встряхнуть иных авторов. Хотя я и поныне отдаю должное хорошей подготовке отдельных психологов, обладающих широкой эрудицией и глубокими знаниями. Встречаясь со старейшими психологами для подготовки интервью с ними, вижу среди них по-настоящему болеющих людей за психологическую науку, посвятивших ей всю свою жизнь. Тогда у меня появляется уверенность, что когда-нибудь психология вновь заявит о себе в полный голос.

— *Ты проработал бок о бок с учеными более двадцати лет. Расскажи о своих впечатлениях.*

— Редакция находится, как я говорил, в здании Института психологии АН СССР (сейчас — РАН). Нередко авторами статей, их рецензентами выступают ученые Института, с ними и приходилось иметь дело.

У ученых слабая организованность (за некоторым, конечно, исключением). Она не стимулирует высокую отдачу, получается, что ученым нет никакого смысла хорошо работать, никто их к этому не призывает и не обязывает.

Во времена Б.Ф. Ломова и В.С. Шустикова представление статей авторами в редакцию вечно задерживалось, готовились они в самый последний момент, в спешке, аврально. Тогда авто-

ры прибегали в редакцию с горящими глазами, всклокоченными волосами, подымали всех на ноги. И это-то насилу удавалось — в результате твоего многократного напоминания о сроках. И, в сущности, ты в основном занимался (да и сейчас порой занимаешься) поиском кого-то, а как находишь, сразу «отлавливаешь» и берешь в оборот.

На одного руководителя сектора, помню, все «наседал» я, чтобы он составил перспективный план публикаций в нашем журнале по своей тематике, чтобы это было не стихийно, не с бухты-барухты, а системно, разумно и всеучетно — не пропустить какой-то даты, исторической вехи, опубликовать архивный материал, ранее не публиковавшийся, копнуть какой-то проблемный пласт... Сначала горячо обсуждала со мной, соглашалась и обещала... Но всё это только разговоры. Я уже прекратил «преследование». Пусть, думаю, живет человек, наслаждается жизнью, ну что ты всё пристаешь ко всем! Какое тебе дело!!!

Тем не менее к психологической науке я отношусь с сочувствием. Еще во времена Б.Ф. Ломова считал, нужно оживить работу среди ученых руководству Института. Здесь крайне необходим очень умный и тонкий предводитель, который бы с любовью выпестовывал психологическую молодежь, протягивал ей руку помощи, способствовал бы созданию различных научных школ, своим примером воспитывал бы в людях благородство, большую любовь к науке, устраивал бы различные заслушивания, дискуссии по различным проблемам, в том числе актуальным для всей страны, приучал бы их быть всегда на первых ролях в решении самых серьезных психологических проблем, а не отсиживаться и не плестись в хвосте, будить их творческую энергию... Вот уж поистине таким руководителем должен быть настоящий психолог — мягкий, улыбчивый, внимательный, располагающий к себе. Здесь должен быть очень талантливый организатор, менее ученый-исследователь и более руководитель, воспитатель, умный наставник молодежи. Глубоко убежден, что и в единственном числе человек может быть воином и способен многое сделать. Не надо ссылаться на разные «объективные причины» — надо постоянно совершенствоваться, быть в поиске, проявлять инициативу и закреплять в себе эти хорошие приобретения.

Что еще нужно, чтобы по-настоящему изменилось существо-

ющее положение, чтобы все диссертации и вообще все научные исследования служили обществу, а оно без них не могло бы обходиться? Это может произойти в том случае, если каждый психолог в психологической науке будет выдающейся личностью — не только обладающий глубочайшими знаниями и широчайшим кругозором, но и являющийся в полном смысле слова гражданином — если хотите, — человечества (!), который может смело высказать свою точку зрения, поставить какую-то жгучую проблему, быть бескомпромиссным, честным и порядочным человеком — без оглядки, неизменным защитником справедливости и примером чистоты помыслов в науке и в обыденной жизни. Повторяю, выдающейся личностью! Каждый! Психология должна стать не синекурой, она должна добиться такого положения, когда с ней начнут считаться государство и в целом всё общество. Допустим, проектируется строительство завода, фабрики, космодрома, жилого массива, железнодорожных путей — идут за советом в том числе и к психологам: а не вредно для людей здесь будет построить это, а что нужно сделать, чтобы не убавило здоровья человеку, а как организовать, как обустроить рабочие места, чтобы труд был в радость и была бы высокая производительность труда?... Считаю, что кое у кого из психологов, — «чистых» психологов и пришедших в психологию из смежных областей, — недостает высокой активности. Я глубоко убежден, что все выдающиеся достижения — в любом ремесле, в политике, государственной деятельности, в науке, литературе, искусстве, спорте, педагогике и т.д. — основываются на высокой нравственности человека, которая его постоянно зовет к самосовершенствованию, к улучшению себя, ставит его на высочайший пьедестал профессионализма. Без нравственности не может быть личности, без личности не может быть профессионала, без профессионала не может быть ни одного сколько-нибудь значительного достижения, а тем более выдающегося. Я думаю, что именно эту высоту нужно будет в первую очередь преодолеть отечественной психологической науке в лице всех ее представителей. И тогда начнется кардинально новый отсчет в развитии отечественной психологии.

— *А какие новые наблюдения у тебя вообще появились?*

— Ну вот, например, ты о ком-то можешь сказать: «Он объек-

тивный человек, не обиделся на мою правду, не стал мстить». И начинаешь уважать, забыв о происшедшем. Но он не забыл, он притаился на год или на два — есть такие иезуиты — и раз, тебе в поддых! Причем, ловит тебя на совершенно безобидных вещах — у него уже сноровка есть, — но в этом-то и заключается весь расчет. Ну, скажем, он тебя, правдолюба, начинает не замечать, а предпочтение отдает безнравственному какому-то субъекту, от чего тебе, конечно же, может стать обидно. Около него он останавливается и подолгу стоит, улыбается, рассыпается в любезностях, — опять-таки он это делает для показа, — а от тебя бежит в ту же секунду, с тобой у него совершенно нет времени, ведь он большой очень руководитель, с тобой он сух и официален. И эти «мелочи» ты не докажешь никогда, а если начнешь это делать, то можешь стать очень уязвимым. В этом-то как раз и заключается тонкий расчет. На тебя ни кричат, ни чинят явных препятствий в работе, отмечают даже твои успехи... Этим способом можно свести на нет всех противников. И должен признаться, что правдивый и честный человек — очень чувствителен и его, как правило, легко убрать с дороги. Но не каждого!

— *А как ты считаешь, полностью ли раскрылись твои возможности в сфере журналистики, редакторства, издательского дела?*

— Нет, конечно, и вот почему. Я могу один — в единственном числе — полностью изготовить книгу и даже ее распространить. И я это доказал уже, на собственные деньги и собственными руками (в том числе и «полиграфическими») издав двухтомник книги о своей знаменитой сестре — «Жизнь и гибель Инги Артамоновой». То есть могу написать книгу, отредактировать ее, отпечатать на пишущей машинке (а теперь уже набрать на компьютере и сверстать), «откатать» на полиграфической печатной машине, сфальцевать, сброшюровать и даже, как я уже сказал, распространить, продать. Один! Конечно, это займет гораздо больше времени, чем когда ее делает множество людей, но тем не менее — я могу. И вот это мое умение, ради которого я потратил столько времени, энергии, нервов, и когда приобрел много чутья, — здесь уж я имею в виду свое редакторство и занятие журналистикой, — я мог бы передать всё это молодым и научить их работать. Но это мое умение никому не нужно, я

ником не ищусь, меня никто не «отлавливает». Во мне не заинтересовано государство и ему в свою очередь как будто не нужны высококвалифицированные кадры — здесь я уже имею в виду тех, кто выходил бы из-под моих рук. А это были бы, кроме всего прочего, и нравственные люди. Да, да, без нравственности, порядочности, абсолютной честности не может быть профессионала высокой руки, я уже говорил. Это обязательно. И я всегда думаю: как сейчас нуждаются в этом многие молодые люди! Нужно не декларировать — «ты не умеешь, ты плохо работаешь», важно научить человека преодолевать себя, быть уверенным в своих силах. В этом нуждаются многие молодые люди и им надо помочь.

— *Продолжаешь ли себя совершенствовать сейчас, когда тебе уже седьмой десяток лет?*

— Нас всех изуродовала система. Я всегда сопротивлялся этому. Например, пытался сохранить в себе индивидуальность, хотя мне постоянно всё вокруг внушало — «Нет, ты должен быть как все». Все-таки некоторые черточки фальшивости, может быть, и прилипли. Я стараюсь быть самим собой, не допускать несправедливого отношения к человеку, быть объективным. Хочу сделать какое-то большое дело для людей, помочь им. Хотя тоже бывают где-то осечки, в большинстве случаев из-за нездоровья.

— *А какими принципами не хотел бы поступиться?*

— Хотя я могу почти всё простить человеку, не помнить зла, но никак не могу простить грязи и лжи в мой адрес. Спротивляется натура, не хочет верить в другой раз таким людям. Считаю, что всё может повториться заново и поэтому бываю начеку. Например, совершенно не верю тем «праведникам», которые вчера говорили прямо противоположное тому, что они говорят сегодня.

— *А сбывались ли характеристики, данные тобой по первым впечатлениям?*

— Я могу представить целый список. В нем немало и государственных наших деятелей. Обидно порой бывает, что люди не видят очевидных карьеристов, аферистов и т.п. И здесь я солидарен с Солженицыным, который в статье «Как нам обустроить Россию» пишет: «XX век содрогается, разворачивается от политики, освободившей себя от всякой нравственности. Что

требуется от любого порядочного человека, от того освобождены государства и государственные мужи». Порой видишь, что такой государственный муж буквально нашпигован фальшивостью, неискренностью, и удивляешься, как люди могут рукоплескать ему! Иные зарубежные деятели выглядят гораздо более достойными людьми, чем наши. Нужно из себя постоянно вытравлять всякую фальшь, помня, что ты виден со всех сторон теми, кто еще и поумней тебя и умеет заметить в тебе такое, что ты и сам в себе не видишь. Я, например, всегда об этом помню, общаясь с людьми.

— *Какую ты определил для себя роль в общении с людьми?*

— Я всегда стараюсь быть примером. Набираясь мастерства, я пытаюсь увлечь этим мастерством других. Становясь лучше, чище, силой примера призываю и окружающих сделаться такими же. Даже видя, что человек не может освободиться от малодушия, что он «шестерит», я незаметно обращаю его «в свою веру». Ведь некоторые люди только и ждут, чтобы им кто-то показал, как надо, особенно если не умерла в них совесть. Представьте, вы работаете в коллективе и там спасают только свою шкуру. Даже если материально вы там неплохо зарабатываете, вам будет работать невмоготу. Уверен, что вы испереживаетесь. А как было бы здорово, если бы хоть один человек в этом «коллективе» оказался моральной поддержкой. Но если в вас есть духовная сила, постарайтесь сами увлечь за собой. Не заметите, как люди всё больше и больше начнут изменяться, а потом верить, что они такими были всегда. Никто не заметит вашего влияния. Но влияние будет. Мы все друг друга воспитываем, весь вопрос в том, кому удастся «перетянуть канат» в свою сторону.

— *Как ты относишься к человеку, с которым совсем недавно познакомился?*

— Я первым протягиваю ему руку, создаю как бы благоприятные предпосылки для наших будущих отношений, говорю ему добрые слова, даю своеобразный аванс — надеюсь, что он проявит черты порядочного, честного, справедливого человека. Но нередко он принимает мои слова за нечто иное, может быть, в них он видит подтверждение давно взлелеянного в себе восхищения самим собой. Таким образом, часто случается так, что

вскоре после нашего знакомства он не оправдывает того, что я ожидал от него. Бывает и такое.

— *Каков твой принцип в отношениях с людьми?*

— «Отпускание вожжей» — я бы так его назвал. Как умная лошадь без поводьев прибудет в пункт назначения, так и этот мой принцип хорошо позволяет разобраться в людях. Я стараюсь не делать замечаний, если, конечно, мне не наступают на горло, позволяю со мной спорить, подтрунивать над собой, что угодно мне говорить, вести себя запросто. При такой постановке дела отчетливо видна суть человека — насколько тонко он разбирается в людях и в жизненных ситуациях, насколько развито у него чувство такта и имеется ли способность оценить то «наибольшее благоприятствование», которое ему дается. Люди тупые, грубые, неотесанные, хамы, подхалимы сразу видны. Ну вот, например, возьмем подхалима и хама: если он в должностном отношении от тебя не зависит, то и не считается с тобой, ты для него ноль. Для такого человека всё строится на чиновочитании, корысти, страхе. Если же он зависит от тебя — зависит его судьба, благополучие, какое-то общественное мнение и ты можешь на них влиять, — он будет рассыпаться перед тобой и всячески тебя восхвалять. Но как только зависимость кончится, — а не дай бог, если он в должностном отношении станет выше тебя, — ты увидишь удивительные превращения — кичливость, хамство, злобность и даже месть — это за то, что ему приходилось когда-то перед тобой паясничать, фальшивить. Вот такие реальности существуют в нашей жизни — хотим мы того или нет. Недаром говорят: если хочешь узнать человека, сделай его начальником. Личность на высоком посту становится еще большей личностью, а ничтожество еще большим ничтожеством. Я мечтаю о таких отношениях, когда люди будут оказывать внимание другим за их достоинства, оценивать их будут не по одежде, не по внешнему виду, который иногда бывает не очень впечатляющим, а по делам, добрым поступкам и большой пользе, которую они приносят другим. Мечтаю, чтобы люди стремились друг к другу только из-за истинного уважения, чувства дружеского расположения и любви...

— *В самом деле, очень часто ошибаемся мы в людях. Скажи, можно ли сразу, хотя бы приблизительно, определить человека — хороший он или нет?*

— Каждый может проделать такой опыт. Посмотрите на себя в зеркало, когда вы одухотворены, заняты какой-то ответственной, важной и интересующей вас работой, когда чувствуете большой смысл в выполняемой вами деятельности, испытываете от нее удовлетворение, прилив сил — у вас лицо становится очень красивым (даже если вы себя считаете не очень красивым), глядя на которое, можно сказать, что вы — личность, привлекательный и интересный человек. А вот посмотрите — вы находитесь в состоянии лени, какой-то хандры, упадка сил, потери настроения — сразу можно увидеть, что вы «разбалансированы», не в форме. В этом случае вы менее симпатичны, на вас не очень захотят смотреть, общаться с вами, даже будут избегать... Недаром в песне у Б. Окуджавы поется, что невеселые солдаты чаще погибают, а живыми остаются веселые и им достаются пряники победы. К тому же пряников этих, поется далее в песне, для всех «всегда не хватает чуть-чуть».

Так что можно определить по выражению лица суть человека и его состояние.

Нередко лицо информирует и о том, что данному человеку требуется помощь, поддержка — материальная ли, моральная ли, в виде дельного совета или ободряющего, успокоительного слова. И наоборот, по каким-то фальшивым черточкам в лице, по глазам можно увидеть, что человек хитрит, себе на уме, что он совсем не тот, за кого себя выдает. Можно и по интонации, тембру, бодрости голоса многое определить в человеке. Специалисты говорят, что можно с точностью до одного года определить даже возраст человека, а также его состояние здоровья.

— *Что бы ты хотел пожелать молодым журналистам, начинающим свою журналистскую деятельность?*

— Чтобы они учились общаться с людьми. И это не фраза. Вот вы разговариваете с человеком — не по-репортерски, а так — как человек с человеком. Пожалуйста, отнеситесь к нему с вниманием, уважением, поинтересуйтесь его жизнью, его проблемами, посочувствуйте ему, если можете — помогите, в крайнем случае, скажите доброе слово. Тогда вас будут встречать всюду, куда бы вы ни пришли, с распростертыми объятиями, будут вам рады. И если вы интервьюер, поделитесь с вами самыми сокровенными тайнами своей души. Другому бы не рассказали, расскажут только вам. Даже людям чрезвычайно прак-

тичным следует помнить, что добрым и отзывчивым человеком выгоднее быть, чем недобрым, себялюбивым, неуважительным.

— *Как ты ведешь себя в зависимости от того, поступают ли с тобой порядочно или нет?*

— Поощряю хорошие наклонности и резко выступаю против плохих. Если, допустим, кто-то высказался обо мне клеветнически, поступил непорядочно, пытался меня унижить, я порываю с таким человеком — за исключением тех случаев, когда в силу производственной необходимости приходится обращаться по каким-то вопросам к нему: при этом я стараюсь отключать свой эмоциональный аппарат и воспринимаю данного человека как неодушевленный предмет. Вообще считаю, что нужно сразу принимать меры в отношении плохих поступков. Это распространяется на все сферы нашей жизни, в том числе на семейно-бытовые.

— *Каким методом ты одерживаешь верх над всякими своими неприятелями?*

— Методом результативности, под которым я подразумеваю повышение уровня своего профессионального мастерства. Я стараюсь «забраться» на такую профессиональную высоту, чтобы у моих противников, когда они на меня посмотрят снизу, дух захватывало. Чем труднее мне и больше приходится несправедливых нападков, тем я активнее концентрирую свои усилия на демонстрации высокой результативности, которая шокировала бы противников, заставляла бы их считаться со мной. Я этим всегда хочу показать, что нет ничего важнее, чем приносить своей деятельностью пользу обществу. Можно красиво говорить, показывать свой ум в общественных дискуссиях, выглядеть импозантным, в период застолья быть компанейским, интересным, но если за душой нет результативности, высокого профессионального умения, грош тебе цена. Одной молодой сотруднице я сделал такую дарственную надпись на экземпляре своей вышедшей книги: «Желаю бояться похвалы, этой коварной попутчицы, а больше надеяться на свои умения, которые всегда спасут, даже в самых тяжелых ситуациях».

В этот трудный для меня период я так себя взнуздываю, такие предъявляю высочайшие к себе требования, что для кого-то такой спрос с себя оказался бы, наверное, непосильным. Когда некоторым своим знакомым показываю, как я, например, рабо-

Автор этой книги на съемках фильма «Война и мир» (1963)

таю над своими авторскими текстами, безжалостно их правлю, ищу новые варианты фраз, откладываю написанное, снова к нему возвращаюсь, свежим взглядом опять «прохожусь» по нему, добиваясь благозвучия, легкоусвояемости его читателем и т.п., они приходят в ужас и говорят: «Хоть осыпь золотом, не стали бы заниматься такой работой». Кстати, ты мучаешься, добиваешься совершенства текста, а ведь основной массой читающей публики это вовсе не замечается. Только истинные ценители могут увидеть твои старания и отметить это. И.Эренбург недаром когда-то сказал выпускникам

Литературного института примерно следующее: «Вот если из двухсот выпускников литинститута вашего потока выйдет хоть один писатель, то можно считать, что институт справился со своей задачей». — «А что же остальные выпускники?» — спросили его. «А остальные, — сказал он, — будут талантливыми читателями». Талантливых читателей мало, в том числе и среди редакторов, сидящих в издательствах. Я неоднократно замечал, что даже образованный человек порой «не умеет» читать книги, он глух к самому чистому слову и, наоборот, какая-то «галиматья» его восторгает. У меня есть такой тест: если человек не любит Чехова, то с ним, мне кажется, незачем спорить о каких-то высоких человеческих материях.

— *Каким должен быть идеальный коллектив?*

— Лучше скажу, каким он не должен быть. Высокого уровня профессионал в кругу неподготовленных работников будет всегда выглядеть инородным, лишним. Другие «члены» всё бу-

дут делать для того, чтобы такое впечатление еще и усилить: дескать, вот мы нормальные, а он откуда-то пришел... Он и Они будут разговаривать на разных языках. Он будет нервничать, тратить попусту энергию для доказательств элементарного, а Они, чувствуя свою неполноценность и специально вредничая, ставить ему палки в колеса, объединяться, распространять о нем дурную славу, искусственно определяв ему место какого-то странного человека или даже полного идиота. Их бы судить, а они издеваются над хорошим человеком, и это становится возможным потому, что их подавляющее большинство.

Каждый раз приходится говорить о добром начале в человеке, когда речь заходит о взаимоотношениях людей. В идеале хотелось бы, чтобы эти отношения основывались на добром начале. На практике же сплошь и рядом видишь мелкие хитрости — как бы опередить тебя в чем-то, получить что-то первым, не сказать тебе, а сказать потом, когда сам получит... И в такие горькие минуты вновь и вновь вспоминаешь бескорыстных людей, которые встречались тебе в жизни, делали что-то доброе, поддерживали. Помню, навестил смертельно боль-

Инга Артамонова — моя сестра

ную пожилую женщину, мать своего армейского друга тетю Марусю, принес ей трудно доставаемое лекарство... Сажу на стуле рядом с ее кроватью, а она мне говорит: «Как я переживаю о тебе, ругаю, что ты все свои жилплощади раздарил другим людям, а сам живешь в коммуналке. Успокоиться не могу». Я много раз потом вспоминал ее слова. Человек умирал, а думал о другом человеке, переживал о нем. Вот высшая степень духовности — желать добра другому человеку, даже когда самому плохо. Насколько легче становится, когда я вспоминаю ее заботу обо мне.

Самому плохо, а желать добра другому — как это трудно делать. Моя сестра Инга, бывало, рассказывала мне: «Как выиграю у всех соревнования, так никто в сборной на меня не смотрит, как проиграю, так улыбаются, проявляют заботу». Я тоже это сплошь и рядом наблюдал в своей жизни. По этой особенности человеческого поведения всегда определяю, что меня ждет. Как проявляют ко мне неожиданную любезность, так ожидай очередной подлости. Я даже потом всегда смеялся, как точно определял эти вещи. Все же жизнь прекрасна даже этими мгновениями — что можешь поразмыслить и о чем-то догадаться с помощью элементарной наблюдательности и простейшей логики. Замечательно здорово чувствовать себя мыслящим, разумным существом.

— У тебя есть «Записная книжка редактора», в которую записываются, как правило, всякие особенные фразы, в том числе комичные, встречающиеся редактору в его редакционной практике или услышанные где-то?

— Конечно, есть. Например, одному человеку принадлежит фраза «подчивать на лаврах» (вместо, конечно же, «почивать»). А от кого-то из депутатов я услышал когда-то и вовсе замечательное: «презумпация невинности» (вместо «презумпции невинности»). Согласитесь, что тут тоже нужно «творчество».

Часто можно слышать в речи слова-паразиты. Вот пример употребления целых предложений, состоящих исключительно из таких слов: «И вместе с тем, так сказать, как мне кажется...» Сколько употреблено слов, а смысла нет.

Изрядно надоело слушать беспрестанно повторяющиеся штамповки типа «забресжил свет в конце тоннеля», «раскачивание лодки, в которой мы все сидим», «наступить на те же грабли» и

т.п. Прямо иногда кричу им в экран: «Да скажите вы от себя, хватит вам повторять одно и то же!»

Но это отложившееся в памяти. А есть и много записанных фраз, встретившихся в различных текстах. По конструкции они бывают тяжелые и длинные, так что не сразу докопаешься до смысла. Бывают витиеватые, выпренные, пустопорожние и просто смешные, комичные. По сути иногда всё правильно, но в сочетании друг с другом слова рожают смешное.

Удручают неверно произносимые слова обозревателями, комментаторами, которые должны правильно произносить слова и строить фразы. Но они, наряду с нашими «политическими деятелями», продолжают говорить — «формировать», «углубить», «принять», «договор», квартал», «кухонный» и даже «инцидент»... Или вот такое слышишь от иного молодого бойкого комментатора, сообщающего слушателям, например, что сейчас на улице «этакая снежная вакханалия». Помню, это была середина ноября — ну разве в это время в средней полосе России должны сады цвести? Выпал снег, что совершенно естественно для этого времени года, потом он растает, потом снова выпадет — идет подготовка природы к зиме. Это не вакханалия, это природные процессы, которые регулируют в том числе и человеческую жизнь. А слово «вакханалия» обозначает — дикий разгул, оргию. Вообще к природе нужно относиться как к родной своей матери. Подбирать такие слова, чтобы не обидеть ее даже каким-то случайным намеком.

— *Что бы ты еще хотел сказать?*

— Без всякой статистики известно, что истинный россиянин — это благороднейший и душевнейший человек. И его не надо воспитывать ни коммунистам, ни демократам, ни либералам. Всем народам России нужно только сплотиться воедино. В этом будет наше спасение.

(записано в 2001 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Б.В. Раушенбах	6
Некоторые психологические аспекты космонавтики и эстетики.....	7
М.Г. Ярошевский	17
«Необходимо создать высококвалифицированное сообщество психологов».....	18
К.К. Платонов	45
М.Г. Ярошевский о К. К. Платонове.....	46
А.Л. Гройсман о К. К. Платонове.....	49
На фронте, в науке, в жизни.....	51
К.М. Гуревич	59
«Не пора ли оценить методический аппарат нашей науки?».....	60
А.В. Петровский	87
«Необходим союз руководителей психологических учреждений».....	89
Я.А. Пономарев	114
«Организацию науки со временем надо менять».....	115
Н.С. Лейтес	143
«Изучать одаренность детей».....	145
В.И. Селиванов	174
«Нельзя в науке двигаться вперед, оптом отвергнув труд предшественников».....	177

В.В. Чебышева	201
«Удовлетворяет то, что занималась нужным, интересным делом».....	202
Л.И. Анцыферова	234
«Желаю продуктивной взаимосвязи теоретической и практической психологии».....	236
Е.В. Шорохова	262
«Психология должна стать главной наукой жизни»...	264
А. М. Матюшкин	290
«Будущее науки будет завесеть от нравственного климата в психологическом сообществе».....	292
В.П. Морозов	303
«Невербальная коммуникация — наука о нравственности и духовности общения».....	306
Л.П. Гримак	332
Беседы.....	333
Психологический баланс человека.....	333
Человек. Психология. Природа.....	340
Сам себе доктор.....	348
Как себе помочь?.....	355
О «вещах» естественных и сверхъестественных... ..	362
В. И. Артамонов. Вопросы самому себе	370
«Что требуется от любого порядочного человека?».....	371

Научно-популярное издание

Владимир Иванович Артамонов

ПСИХОЛОГИЯ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА
14 бесед с российскими учеными

Издательство «Academia»
при участии редакции журнала «Вестник РАН»
119991, Москва, Мароновский пер., 26
Тел. 238-21-44, 238-21-23, факс 238-25-10
Эл. почта: herald@orc.ru

Публикуется в авторской редакции

Художник
А. В. Кубанов

Верстка
Е. Ю. Салтыкова

Компьютерный набор
В.И. Артамонов

Корректор
Л.С. Апарина

Редактор-организатор
О.Г. Юрин

Подписано в печать 15.02.2003. Формат 60x88 1/16. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Антиква».

Усл. п. л. 25,5. Уч.-изд. л. 25,9. Тираж 1000 экз. Заказ № 572

Отпечатано ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский проспект, 403
Тел. 554-21-86

ПСИХОЛОГИЯ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Книга составлена из интервью, взятых автором у ряда исследователей, широко известных в научной среде, а подчас и за ее пределами. На вопросы журналиста отвечают академик Б.В. Раушенбах, психофизиолог Л.П. Гримак, биоакустик В.П. Морозов, врач и психолог К.К. Платонов (многие до сих пор помнят написанный им бестселлер «Занимательная психология»), а также «чистые психологи» - К.М. Гуревич, М.Г. Ярошевский, Я.А. Пономарев, В.В. Чебышева, Н.С. Лейтес, В.И. Селиванов, А.В. Петровский, Е.В. Шорохова, Л.И. Анциферова, А.М. Матюшкин. Все интервью были в свое время опубликованы в академическом «Психологическом журнале». При подготовке к печати данной книги тексты бесед тщательно сверены с магнитофонными записями, в большинстве случаев на основе аудиоматериалов интервью исправлены и дополнены.

Для обществоведов, психологов, педагогов, историков науки, студентов и аспирантов.

Официальным распространителем книг издательства

«Academia» за пределами СНГ является

НПО «Информ система»

Тел. 129-57-48, факс 124-99-38.

Наши книги можно приобрести непосредственно
в издательстве. Звонить по телефонам:

238-21-23 или 238-21-44 эл. почта: herald@orc.ru